

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**FINNO-UGRIC ANTIQUITIES
OF THE SECOND HALF OF THE I –
BEGINNING OF THE II MILLENNIUM AD.**

**MATERIALS OF THE SCIENTIFIC SEMINAR
“THE PODBOLOTYEVSKY BURIAL GROUND:
100 YEARS OF RESEARCH”**

Moscow
2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**ФИННО-УГОРСКИЕ ДРЕВНОСТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I –
НАЧАЛА II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э.**

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА
«ПОДБОЛОТЬЕВСКИЙ МОГИЛЬНИК:
100 ЛЕТ ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Москва
2021

УДК 902/904
ББК 63.4
Ф60

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
О. В. Зеленцова (редактор-составитель), И. Н. Кузина, С. И. Милованов

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
доктор исторических наук А. Е. Леонтьев
кандидат исторических наук И. В. Белоцерковская
кандидат исторических наук И. А. Сапрыкина

Ф60 **Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований»** – М.: Институт археологии РАН, 2021. 248 с.

ISBN 978-5-94375-346-6

Предлагаемое издание основано на материалах научного семинара, посвященного обсуждению последних результатов исследований финно-угорских древностей.

В сборнике публикуются новейшие исследования эталонного для муромы Подболотьевского могильника и статьи, посвященные различным аспектам средневековой истории и культуры финно-угорских племен - от северо-западных до прикамских финно-угров.

Сборник предназначен для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

В оформлении обложки использована ажурная застёжка
из погребения 7 Подболотьевского могильника

Художник обложки А.С. Загрядская

Перевод: К. Ю. Чекмарёва

ISBN 978-5-94375-346-6
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-346-6

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2021
- © Авторы статей (фамилии выделены в содержании курсивом), 2021
- © Зеленцова О. В., 2021

Содержание

От редакции	9

Поволжские финны: сакральное пространство и материальная культура

<i>Зеленцова О. В., Милованов С. И.</i> О планировке Подболотьевского могильника	12
<i>Никитина Т. Б.</i> Планиграфия могильников Ветлужско-Вятского междуречья X – рубежа XI/XII веков	29
<i>Сафронов П. И.</i> Ранний этап функционирования Армиевского курганно-грунтового могильника	42
<i>Зеленцова О. В.</i> Лунничные височные кольца в уборе поволжских финнов	57
<i>Кузина И. Н., Зеленцова О. В.</i> Стеклянные бусы Подболотьевского могильника из раскопок 2012–2014 годов (общая характеристика)	68
<i>Зайцева И. Е., Зеленцова О. В.</i> Треугольные ажурные подвески на древнерусских и муромских памятниках	75
<i>Бейлекчи В. В.</i> Железные ременные наборы с подвесными кольцами у муромы	89
<i>Бейлекчи Вал. В.</i> Наконечники копий и сулиц муромы	96
<i>Бейлекчи Вал. В.</i> Наконечники стрел муромы и некоторые вопросы технологии их изготовления	116
<i>Смирнова Л. С., Мамонова А. А., Зеленцова О. В.</i> Опыт комплексных исследований в процессе реставрации обор из женского погребения Подболотьевского могильника	133
<i>Холошин П. Р.</i> Сосуды на кольцевом поддоне из муромских могильников	146
<i>Михеев А. В.</i> Хронология марийских городищ V–XI веков н.э.	156

Северо-западные финны: историография и археологические реалии

<i>Михайлова Е. Р.</i> Из истории изучения славяно-финских отношений в Ингерманландии и в Водской земле	172
<i>Соболев В. Ю.</i> Финны западной части средневековой Новгородской земли. Исторические сведения и археологические реалии	186

**Финно-угры Пермского Прикамья:
украшения и технологии**

Крыласова Н. Б.

Хронологические особенности поясной гарнитуры X–XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае	194

Подосёнова Ю. А.

Технология изготовления элементов поясной гарнитуры на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья (конец X – начало XIII века)	213

Новые полевые открытия

Бейлекчи В. В., Бейлекчи Вал. В.

Новые сведения о муромском могильнике у села Борисоглеб	228

Поляков Ф. А.

Новый рязано-окский могильник в правобережье реки Мокши	241

Сведения об авторах	246

Список сокращений	247

Contents

Editorial	9

Volga Finns: Sacred Space and Material Culture

<i>Zelentsova O. V., Milovanov S. I.</i> About the Layout of the Podbolotyevsky Burial Ground	12
<i>Nikitina T. B.</i> The planigraphy of the Vetluga-Vyatka interfluve burial grounds of the 10 th – turn of the 11 th /12 th centuries	29
<i>Safonov P. I.</i> Early Stage of the Armiyevo Mound-Flat Grave Burial Ground Functioning	42
<i>Zelentsova O. V.</i> Lunula Temple Rings as a Part of the Volga Finns Attire	57
<i>Kuzina I. N., Zelentsova O. V.</i> The Podbolotyevsky Burial Ground Glass Beads from 2012–2014 Excavations (General Characteristics)	68
<i>Zaitseva I. E., Zelentsova O. V.</i> Triangular Open-work Pendants from Old Russian and Muroma Sites	75
<i>Beilekchi V. V.</i> The Muroma Iron Belt Sets with Suspension Rings	89
<i>Beilekchi Val. V.</i> The Muroma spears' and darts' heads	96
<i>Beilekchi Val. V.</i> The Muroma Arrowheads and Some Issues of Their Manufacturing Technology	116
<i>Smirnova L. S., Mamonova A. A., Zelentsova O. V.</i> Experience of Complex Research During the Restoration of the Latchets from a Female Grave of the Podbolotyevsky Burial Ground	133
<i>Holoshin P. R.</i> Round Footed Vessels from the Muroma Burial Grounds	146
<i>Mikheev A. V.</i> The Chronology of the 5 th –11 th centuries Mari Settlements	156

Northwestern Finns: Historiography and Archaeological realities

<i>Mikhaylova E. R.</i> From the History of Studies of the Slavic-Finnish Relations in Ingermanland and the Vod Land	172
<i>Sobolev V. Y.</i> The Finns of the Western Part of the Medieval Novgorod Land. Historical Data and Archaeological Realities	186

Finno-Ugrians of the Permian Kama region: Decorations and Technologies

Krylasova N. B.

Chronological Peculiarities of the 10th – 11th Centuries Belt Fitting
Based on the Rozhdestvensky Burial Ground in Perm Krai 194

Podosenova Y. A.

Manufacturing Technology of Belt Fitting Elements at the Perm Piedmont
of the Western Urals Territory in the Medieval Period (late 10th – early 13th century) 213

New field discoveries

Beilekchi V. V., Beilekchi Val. V.

New Data on the Muroma Burial Grounds near Borisogleb and Molotitsy Villages 228

Polyakov F. A.

New Ryazan-Oka Burial Ground on the Right Bank of the Moksha River 241

Information about the authors 246

List of abbreviations 247

От редакции

Настоящий сборник является результатом трех научных семинаров, объединивших исследователей финно-угорских древностей из различных научных центров нашей страны – Москвы, Санкт-Петербурга, Йошкар-Олы, Саранска, Муромы, Пензы и Перми. Семинар задумывался как площадка для обсуждения новейших исследований финно-угорских памятников эпохи Средневековья. Главная тема семинаров, как и настоящего сборника, – обсуждение материалов одного из самых известных финно-угорских памятников – Подболотьевского могильника, с исследования которого 100 лет назад началось академическое изучение муромы. Публикация его материалов в начале XX века оказала большое влияние на изучение финно-угорских древностей в целом.

В настоящий сборник вошло 18 статей, с учетом специфики сгруппированных в четыре блока. Первый блок включает материалы исследований поволжских финнов (муромы, мордвы и мари) и посвящен анализу планиграфии и хронологии грунтовых могильников (О. В. Зеленцова и С. И. Милованов, Т. Б. Никитина, П. И. Сафронов), а также публикации отдельных категорий предметов, происходящих из раскопок могильников и городищ – металлических украшений, изделий из стекла, железа и керамики (И. Н. Кузина, И. Е. Зайцева, В. В. Бейлекчи, Вал. В. Бейлекчи, П. Р. Холошин, А. В. Михеев, Л. С. Смирнова и др.).

Во втором блоке представлены материалы исследований археологических памятни-

ков северо-западных финнов (водь, ижора, карела). Исследователи на широком историографическом фоне поднимают вопросы возможности этнических интерпретаций на основе фрагментарного археологического материала (Е. Р. Михайлова), а также установления критериев для выделения водских погребений из общей массы исследованных на Ижорском плато захоронений (В. Ю. Соболев).

Большой интерес представляет публикация материалов из финно-угорских могильников Прикамья, представленных в третьем блоке. Вопросы хронологии и технологии изготовления поясной гарнитуры из могильников Пермского края (Н. Б. Крыласова, Ю. А. Подосёнова) особенно актуальны в силу широкого распространения этих изделий как в финно-угорских могильниках, так и на древнерусских памятниках.

Статьи последнего блока вводят в научный оборот результаты первых научных исследований новых могильников, зафиксированных по следам грабительских раскопок – рязано-окского могильника второй половины IV – первой половины V в. в Рязанском Поочье (Ф. А. Поляков) и муромского могильника X–XI вв. у с. Борисоглебово Владимирской области (В. В. Бейлекчи, Вал. В. Бейлекчи).

Мы надеемся, что сборник откроет серию публикаций по финно-угорской археологии и будет интересен как специалистам-археологам, так и широкому кругу читателей, интересующихся историей.

Editorial

This book is the fruition of three scientific seminars that brought together researchers of the Finno-Ugric antiquities from various scientific centres of Russia: Moscow, St. Petersburg, Yoshkar-Ola, Saransk, Penza and Perm. The seminar was conceived as a platform to discuss the latest research of Finno-Ugric sites of the Middle Ages. Both the seminars and this book focus on the discussion of one of the most famous Finno-Ugric site's materials – the Podbolotyevsky burial ground, the study of which launched the academic research of the Muroma 100 years ago. The publication of its materials had a great impact on the study of Finno-Ugric antiquities in general.

The book comprises 18 articles, grouped into four blocks based on specific aspects. The first block includes research materials of the Volga Finns (the Muroma, Mordva and Mari) and is given over to the analysis of grave burial grounds' planigraphy and chronology (O.V. Zelentsova and S.I. Milovanov, T.B. Nikitina, P.I. Safronov), and publications of certain categories of objects from the excavations of burial grounds and ancient settlements – metal jewellery, glass and iron items, ceramics (I.Y. Zaitseva, I.N. Kuzina, V.V. Beylekchi, Val.V. Beylekchi, P.R. Kholoshin, A.V. Mikheev, L.S. Smirnova et al.).

The second block includes the research materials of archaeological sites of the Northwestern Finns (the Vod, Izhora, Karela). Based on

broad historiographical context the researchers raise questions of possible ethnic interpretations of fragmentary archaeological material (E. R. Mikhailova), as well as working out the criteria for distinguishing the Vod burials from all the other burials studied on the Izhora Upland (V.Y. Sobolev).

Of great interest is the publication of materials from the Kama region Finno-Ugric burial grounds, presented in the third block. The issues of chronology and technology of manufacturing belt fittings from the Perm Region burial grounds (N. B. Krylasova, Y. A. Podosenova) are especially relevant because these items are wide spread both in Finno-Ugric burial grounds, and on ancient Russian sites, and in the western Finns' antiquities.

The articles of the final block introduce into scientific discourse the results of the initial scientific studies of new burial grounds tracked and registered on looting excavations: the Ryazan-Oka burial ground of the second half of the 4th – first half of the 5th centuries in the Ryazan Oka region (F.A. Polyakov) and the Muroma burial ground of the 10th – 11th centuries near the village of Borisogleb (V.V. Beylekchi, Val.V. Beylekchi).

We hope that the book will prompt a series of publications on Finno-Ugric archaeology and that both professional archaeologists and non-specialist audience concerned with history will find it interesting.

**ПОВОЛЖСКИЕ ФИННЫ:
САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО
И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**

**VOLGA FINNS: SACRED SPACE
AND MATERIAL CULTURE**

О. В. Зеленцова, С. И. Милованов

О планировке Подболотьевского могильника

Резюме. Планиграфия могильника отражает процесс формирования некрополя и организации сакрального пространства в древности. Целью статьи является анализ планиграфии раскопанного в 2012–2014 гг. участка Подболотьевского могильника с привлечением доступных материалов исследования этого памятника в начале XX в. В ходе последних раскопок удалось локализовать траншеи В.А. Городцова и изучить единое пространство некрополя. Установлено, что муромский могильник начал формироваться на мысу между двумя оврагами в конце VII в. Время наибольшего расцвета – 2-я пол. VIII – начало X в., когда погребения заняли всю центральную, южную и юго-восточную часть мыса. С середины X – XI в. могильник развивается к северу от древнейшей части могильника. В конце X – XI в. на западной, северо-западной периферии могильника начинает хоронить своих умерших под курганами новое для этих мест население, ближайшие аналогии культуре которого имеются во Владимирских курганах. Погребения XI в. демонстрируют процессы восприятия местным населением новых обычаев и новой культуры. Редкие грунтовые захоронения начала XII в. на западной и южной окраине могильника свидетельствуют о полной ассимиляции муромы древнерусским населением.

Ключевые слова: Нижняя Ока, муромские племена, планиграфия, грунтовый могильник, подкурганые погребения, погребальный обряд, датировка.

Подболотьевский могильник один из самых известных памятников муромы, история исследования которого насчитывает более 100 лет. Его научное открытие связано с именем П.С. Уваровой, которая приложила немало сил, чтобы остановить разграбление могильника после случайного обнаружения первых погребений при строительстве дороги из Муромы в с. Меленки в 1910 г., а затем выделила средства на его исследование, которые и провел В.А. Городцов (1914; *Тюрина*, 2014. С. 207–208). На территории могильника им было раскопано 38 траншей общей площадью чуть более 2100 кв. м, расчищено и зафиксировано 260 человеческих захоронений и 15 погребений животных (*Городцов*, 1914. С. 154–166) (рис. 1).

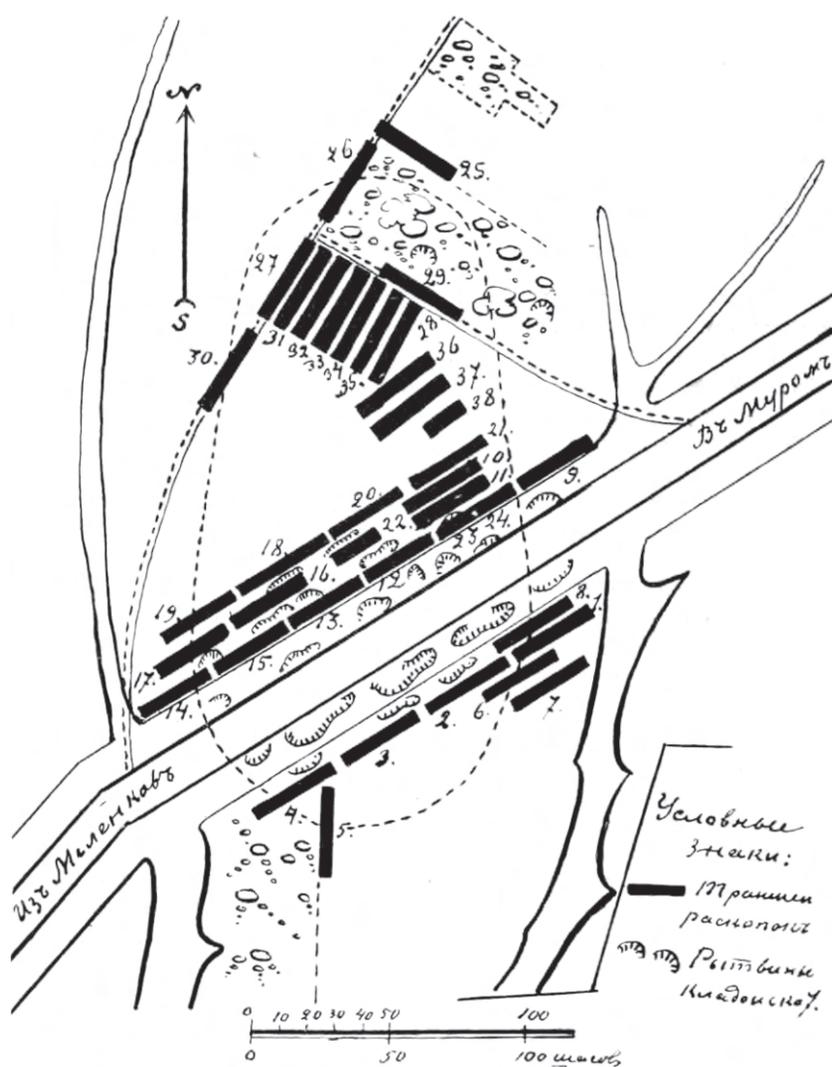
Следующие крупномасштабные работы на территории памятника были осуществлены в 2012–2014 гг. Причиной их проведения, как век назад, стало строительство автодороги. В рамках спасательных археологических работ, предваряющих строительство

объездной дороги вокруг г. Муромы, и целенаправленной научной программы в течение 3-х лет было раскопано 2500 кв. м и изучено 211 погребений (рис. 2). Таким образом, Подболотьевский могильник на сегодняшний день является наиболее изученным памятником муромы, где на площади 4654 кв. м исследовано 486 погребений¹.

Одной из задач нового этапа работ на памятнике была локализация траншей начала XX в. и их соотнесение с современными раскопками. Это удалось решить в 2014 г., когда в восточной части раскопа были зафиксированы траншеи 1910 г. (траншеи XXVII, XXX и XXXI). Локализация раскопов В.А. Городцова позволяет более точно определить границы могильника, территорию, занимаемую им, и проанализировать его общую планиграфию.

Работа с материалами прошлого столетия вызывает определенные трудности. С одной стороны, результаты работ тщательно задокументированы автором раскопок, в рукописных дневниках и частично

¹ При подсчете мы опираемся на данные опубликованного дневника В.А. Городцова.

Планъ Подболотьевскаго могильника.
(Изъ арх. раскопокъ 1910г.).

Рис. 1. План Подболотьевского могильника 1910 г.,
выполненный В. А. Городцовым

в публикации имеются чертежи погребений, имеются зарисовки академика живописи участника раскопок И. С. Куликова хода раскопок, отдельных погребений, вещей (Тюркина, 2014), опубликован план расположения траншей на территории памятника (Городцов, 2014. С. 53). Но в тоже время отсутствуют планы расположения погребений в траншеях, что значительно затрудняет работу с этими материалами при решении вопросов, связанных с исследованиями планиграфии памятника. Данные материалы дают только суммарное представление о наличии в границах траншеи комплексов того или иного хронологического горизонта, без их точной локализации, что, с одной стороны, несколько

обедняет их источниковедческий потенциал, с другой стороны, позволяет в более укрупненном масштабе представить хронологию различных участков памятника.

Одна из первых и, по существу, единственных на сегодняшний день попыток реконструкции планиграфии участка могильника, раскопанного В. А. Городцовым, предпринималась В. В. Бейлекчи (2013. С. 45–57). На основе публикации 1914 г. им были выделены хронологические индикаторы и продатировано 114 комплексов. По мнению исследователя, наиболее ранние комплексы (VI – 1-й пол. VIII в.) концентрируются в центральной и центрально-северной частях территории могильника, приуроченных к небольшой

Рис. 2. Подболотьевский могильник. Сводный план раскопов 2012 – 2014 гг.
(заливкой выделены ровики и ямы, связанные в курганами)

возвышенности; комплексы среднего периода (2-й пол. VIII – X в.) концентрируются в центральной и северной частях территории, а поздние комплексы (X – нач. XI в.) тяготеют к периферийным и южным участкам памятника (Бейлекчи, 2013. С.53, 56).

Проведение новых раскопок памятника подтвердили отдельные наблюдения автора, но и позволяют в значительной мере их дополнить, а в некоторых случаях и пересмотреть.

Подболотьевский могильник расположен в бассейне р. Оки, на коренной террасе левого берега р. Илевны (левый приток Оки). Он занимает небольшую площадку между отрогами овражной системы, некогда называемой «Бабий Березняк». Судя по топографии, распределению подъемного материала, границы могильника в древности определялись овражками, ограничивающими его с запада-северо-запада и востока-юго-востока. В современном ландшафте хорошо читаются устья этих двух овражков, правый склон западного овражка был зафиксирован в раскопе 2014 г. На основе комплекса данных 1910 г., 2012–2014 гг., топографических особенностей территории, занимаемой памятником, установлено, что его площадь составляет около 13,5 тыс. кв. м, что несколько превышает площадь, определенную В. А. Городцовым (ок. 10000 кв. м).

Примерно в 300 м к юго-юго-западу от могильника расположено связанное с ним хронологически поселение, которое отделено двумя отвержками оврагов. Таким образом, в топографическом отношении могильник занимает возвышенное место к северу от поселения, с трех сторон ограниченное оврагами, являвшимися естественными границами между «миром смерти» и «миром жизни» и отделявшими сакральное пространство от территории поселения.

Раскоп 2012–2014 гг. располагался к западу и северо-западу от раскопов В. А. Городцова (рис. 2). Могильные ямы в раскопе расположены неравномерно по степени концентрации и плотности расположения захоронений выделяются два участка – восточный и западный. Большая часть захоронений (132 комплекса) концентрируется в юго-восточной части раскопа и тяготеет к наиболее возвышенной части памятника. Здесь выделяются шесть основных рядов захоронений, расположенных по линии за-

пад-восток. Ряды расположены параллельно друг другу на расстоянии примерно 4,0–4,5 м. Судя по расположению могил, после того, как сформировались основные ряды, начинает заполняться пустое пространство между ними и формируется еще пять рядов. Если в первоначальных рядах захоронения расположены в основном параллельно друг другу, на расстоянии от 30 до 50 см, то в дополнительных рядах они расположены плотно и зачастую пререзают друг друга, образуя отдельные группы. Особенно плотно захоронения расположены в юго-восточной части раскопанного участка, когда практически все захоронения пререзают или соприкасаются друг с другом. В данной части могильника на одно погребение приходится всего 3 кв. м (рис. 2).

Такую же плотность расположения захоронений в этой части могильника отмечал В. А. Городцов, который писал о том, что в данной части могильника особенно сложно фиксировать могильные ямы (Городцов, 1914. С. 122). Примерно такая же плотность была в городцовой траншее XXVII, которая попала в наш раскоп – ее площадь в современных мерах составляла 40,86 кв. м и в траншее было исследовано 19 погребений (2,15 кв. м на погребение). Вероятно, именно здесь располагался центр могильника.

Какой-либо закономерности в расположении мужских и женских погребений не наблюдается, за исключением двух случаев – погребений 47 и 57, 205 и 139, когда, вероятно, рядом были погребены семейные пары. В пользу этого свидетельствует близкое расположение погребений и близость их совершения во времени. В других случаях мужские и женские захоронения расположены по 2–3 однополых погребения рядом. Детских захоронений раскопано не много – всего 12 (9,5 % от людских захоронений на этом участке). Дважды зафиксировано совместное захоронение женщин с детьми (24/1 и 24/2; 45/1 и 45/2), в остальных случаях детские погребения располагались рядом с женскими (12–15, 84–85, 7–8, 9–30 и др.). Подобное расположение погребений, а также факты подзахоронений в существующие ряды, вероятно, свидетельствует о рядно-родственной практике совершения захоронений.

В рассматриваемой части могильника большая часть захоронений совершены по

обряду ингумации (91 %), в 11 могильных ямах расчищены захоронения, совершенные по обряду кремации. Какой-либо закономерности размещения в пространстве могильника кремированных погребений не прослеживается. Кремации, за исключением двух случаев, помещены в такие же ямы, что и ингумации, и расположены в тех же рядах.

Интересная закономерность прослеживается в расположении захоронений коней. Всего на территории раскопа было исследовано 10 погребений коней, и на обоих участках (восточном и западном) рядом с конскими погребениями располагались женские захоронения. Такая же закономерность была прослежена В. Н. Мартьяновым в древнемордовских могильниках в Притышье (Мартьянов, 1992. С. 54).

О том, что могильник начинает развиваться с этого юго-восточного участка, говорит расположение здесь наиболее ранних погребений, которые были исследованы в траншеях В. А. Городцова. Это парные погребения 217ж и 218м, 220ж и 225м в траншее XXXV, погребение 207 в траншее XXXIV и погребения 181м, 185, 184ж, 186м в траншее XXXI, два последние из которых тоже парные.

Для ранних погребений характерно присутствие в женском костюме двух венчиков: широкого – из 3–4-х тонких кожаных ремешков, обжатых бронзовыми скобками, скрепленных пластинчатыми обоями (рис. 3: 1), и узкого кожаного ремешка в один ряд, обжатого такими же бронзовыми скобками; массивных височных колец с обрубленными концами (рис. 3: 6, 7) или таких же массивных с застежкой в виде круглого щитка и крючка (височные кольца муромского типа) (рис. 3: 8). В двух погребениях (217ж, 220ж) зафиксирован головной убор, известный в памятниках безводнинско-ахмыловского типа – декорированный крестовидными двупластинчатыми фибулами (рис. 3: 2–5). Характерны ожерелья из бус красного глухого стекла, сюлгамы с едва выступающими за ширину кольца усами (рис. 3: 12), круглодротовые браслеты с поперечными насечками у концов (рис. 2: 20) и с расплюснутыми округлыми концами, перстни в виде двух отлитых вместе колец, ставшие, вероятно, прототипами спиральных перстней, широко распространившихся в финно-угорской среде на протяжении всего I тысячелетия (рис. 3: 21).

Такой набор погребального инвентаря, в т.ч. головной убор с крестовидными двупластинчатыми фибулами, характерен для погребений 2 стадии Безводнинского могильника, которая датируется в пределах VI–VII вв. (Краснов, 1980. С. 106, 108). По мнению И. Р. Ахмедова, головные уборы с крестовидными фибулами играли роль социальных маркеров у безводнинского населения, являясь признаком высокого социального статуса погребенных (Ахмедов, 2012. С. 115). Такую же роль, вероятно, играли и застежки с крылатой иглой, которые присутствуют в женских и мужских погребениях, где фиксируются по два экземпляра в области плеч (Городцов, 1910. С. 125. Рис. 58. С. 132, 134).

Для ранних погребений характерно присутствие поясных наборов геральдического стиля (погр. 217, 218, 220; рис. 3: 15, 16, 17), которые характерны для II–III групп поволжских поясов (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 89) и имеют аналогии в рязанско-окских могильниках, где датируются серединой – третьей четвертью VII в. (Ахмедов, 2016. Рис. 2, 8. С. 229).

К этому же горизонту относятся только два погребения из исследованных в 2014 г. – мужское захоронение 205 с поясом, имеющим аналогии в аварских древностях (Sofija Petković, Ivan Bugarški, Nataša Miladinović-Radmilović, 2016. S. 251. Fig. 2, 4), и парное ему женское 149 с массивными височными кольцами муромского типа, железной пряжкой с хоботковидным язычком и бородавчатой бусиной (рис. 4: 8).

Таким образом, могильник начинает развиваться с центральной части площадки, где на двух участках, удаленных друг от друга примерно на 15 м, в третьей четверти – в конце VII в. были совершены первые захоронения.

Дальнейшие захоронения совершаются вокруг этих двух участков, заполняется пространство между ними. Так в траншее XXXII и траншеях XXXVI, XXXVII, расположенных к югу, исследованы погребения VIII в. (погр. 191, 192, 193, 195, 229, 235, 236, 237, 247, 250, 252, 259).

В это время появляется классический женский муромский костюм с двумя венчиками, двумя головными жгутами, височными кольцами, боковыми ремнями и коромысловидными привесками (рис. 5: 1). Этот убор

Рис. 3. Украшения из ранних погребений из раскопок 1910 г. (фото С. Моисеевой)

1 – налобный венчик; 2–5 – фибулы; 6–7 – височные кольца с обрубленными концами; 8 – височное кольцо муромского типа; 9 – застёжка; 10 – застёжка с крылатой иглой; 11, 16, 18 – пряжки; 12, 13 – сюлгамы; 14, 20 – браслеты; 15, 17 – поясные накладки; 19, 21 – перстни (1, 19, 20 – погр. 207; 2–5, 8, 10, 13 – погр. 217; 6, 7, 12, 14 – погр. 184; 9, 11, 18 – погр. 186; 15, 17 – погр. 220)

Рис. 4. Украшения из погребений 1-й пол. VIII в. (фото С. Моисеевой)

1 – шейная гривна; 2, 7 – сюлгамы; 3 – бляха нагрудная; 4 – височные кольца муромского типа; 5 – браслет; 6 – бусина стеклянная; 8 – пряжка железная (1, 2, 5 – погр. 250 (из раскопок В. А. Городцова); 3 – погр. 83; 4, 7 – погр. 192; 6, 8 – погр. 149)

окончательно сформировался в первой половине – середине VIII в. (Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 230–231). В захоронениях этого времени головной убор со жгутами коррелируется с дровяными гривнами с замком в виде петли и крючка с перстневидным щитком (с замком лодочкой) (рис. 4: 1), сюлгами

с усами меньше диаметра кольца (рис. 4: 7), застежками с «крылатой» иглой развитого образца (рис. 4: 2), нагрудными дисковидными бляхами с крышечкой и прорезями, ажурными нагрудными бляхами (рис. 4: 3). Гривны с замком-лодочкой наиболее распространены в древностях мордвы, и основное время

их бытования охватывает VIII в. Таким же временем датируются сюлгамы и нагрудные бляхи (Вихляев и др., 2008. С. 140–141).

В этом период, вероятно, могильник развивался больше в южном направлении, о чем свидетельствует практически отсутствие погребений с обозначенным комплексом вещей в раскопах 2012–2014 гг. Здесь исследовано только три погребения с гривнами с замком в виде лодочки (погр. 34, 77 и 83). Наиболее ранним из них является погребение 83, частично разрушенное ямами XX в. Оно расположено примерно в 3 м от траншеи XXVII, содержало гривну и нагрудную бляху с крышечкой раннего облика. В этой же части раскопа был в переотложенном состоянии и в ямах XX в. собран почти полный поясной набор с накладками неволинского типа, которые датируются VIII в. (Голдина, 2012. С. 54).

Основная масса погребений, исследованных в 2012–2014 гг., относится к развитому этапу муромской культуры – 2-я пол. VIII – IX в., когда окончательно сформировались признаки, определившие ее своеобразие. Прежде всего получает дальнейшее развитие женский убор с головными жгутами, венчиками, височными кольцами муромского типа, множеством шумящих привесок, ажурными поясами с пряжками, боковыми ремнями и обороми. Ансамбль убора в целом, его состав и комбинация, сложился в предыдущий период, и от более ранних образцов он отличается типологическими особенностями отдельных украшений: головные жгуты становятся массивнее, их диаметр больше 2 см; височные кольца, напротив, – становятся тоньше, но увеличиваются в размере, щиток замка становится меньше, менее ярко выраженным (рис. 5: 3); вместо гривен с лодочкой в костюме присутствует гривна глазовского типа с массивной шляпкой и т. д. (рис. 5: 2), длина завернутых концов сюлгам больше диаметра кольца (рис. 5: 7). Традиционный убор в тех или иных вариациях и составе присутствует во всех женских захоронениях в восточной части могильника. Картографирование погребений с таким убором позволяет очертить территорию могильника, которая была освоена в этот период времени. Прежде всего это участок к запа-

ду и северу от траншей 1910 г. Вместе с тем, погребения этого периода есть и в траншеях, исследованных в начале XX в., расположенные в траншеях XXII, XXX, XXXVI, XXXVII, что свидетельствует о развитии могильника и в этом направлении – к устью оврагов.

При раскопках 2012–2014 гг. в погребениях этого времени найдены глазчато-полосатые бусы, основное время бытования которых VIII–IX вв. (Ковалевская, 2000. С. 67–72, 93), кубические из прозрачного стекла голубого цвета, со срезанными углами (погр. 28, 86), бисер рубленный из тянутой трубочки и одноцветные пронизки (погр. 12, 15, 24/2, 43) (рис. 5: 4, 5, 8, 9). Время наибольшего бытования всех этих бус по материалам салтовских древностей приходится на VIII–IX вв. (Мастыжкова, 1991. С. 172; Плетнева, 1989. С. 117–118), также они датируются в мордовских могильниках (Петербургский, 1979. С. 65; Терехова, 2014. С. 18). В конских захоронениях присутствуют арочные стремена со слегка прогнутой подножкой, удила с S-овидными псалиями. На этом участке в двух погребениях найдены монеты – в погребении 39 найден брактеат – подражание аббасидскому дирхему VIII–IX вв. и в погребении 67 подражание аббасидскому дирхему, чеканенному в IX в.²

Исследования 2012–2014 гг. позволяют говорить, что погребения с конца VII – IX в. располагались плотно на наиболее возвышенной части территории, занимаемой могильником, не доходили до естественной западной границы могильника, образованной отвержками оврагов. Например, в западной части могильника расстояние между овражком и крайними захоронениями восточной группы составляло более 30 м. Данное пространство могильника осваивается уже в другое время, и здесь формируется западная группа захоронений – которая по погребальному обряду, планиграфическим особенностям и другим критериям отличается от восточной группы погребений. К этой же группе захоронений относятся пять крайних погребений на восточном участке могильника (погр. 1, 2, 180, 181, 182). Таким образом, к западной группе захоронений относится 84 погребальных комплекса. Присутствуют такие погребения и траншеях В.А. Юродцова, где они расположены примерно

² Определение к. и. н. ИА РАН А.А. Гомзина.

Рис. 5. Украшения из комплексов 2-й пол. VIII – IX в. (фото С. Моисеевой)

1 – деталь наконника; 2 – шейная гривна; 3 – височные кольца; 4, 5, 8, 9 – бусы стеклянные; 6 – ажурная привеска; 7 – сюзгама (1, 2, 3 – погр. 25; 4 – погр. 31; 5 – погр. 45.2; 6 – погр. 7; 7 – погр. 130; 8 – погр. 86; 9 – погр. 45.1)

на таком же расстоянии от центра некрополя, что говорит о том, что могильник равномерно развивался во все стороны.

Для западной части раскопа характерно большое разнообразие погребального обряда. Наиболее ярким отличием является присутствие здесь подкурганых захоронений,

которые зафиксированы по углубленным в материк ямам бобовидной формы, образующим округлую площадку, в центре которой располагалось грунтовое погребение. В двух случаях помимо ям-ровиков зафиксированы кольцевидные канавки вокруг погребений (87 и 97). Наличие подобных ровиков у основания

насыпи курганов и кольцевых оградок имеет широкие аналогии в курганных могильниках на территории древней Руси в X–XII в.

В данной части раскопа выделяется восемь погребальных комплексов, состоящих из овальных и бобовидных ям, образующих в плане кольцевидную форму, интерпретируемых как подкурганные захоронения (рис. 2). В каждый из комплексов входит от 2 до 4 ям различного размера (шириной от 0,6 до 1,8 м, длиной от 1,2 до 3 м) и глубиной от 0,2 м до 0,36 м. Заполнение всех ям одинаковое – темно-серая супесь с включением древесного угля. В некоторых ямах встречаются обломки глиняных лепных сосудов. Диаметры круглых площадок, образованных ямами, составляли от 5 до 7,8 м. По центру площадок располагалось одно погребение и только в одном случае – два. Всего под курганами совершено 9 захоронений (7 мужских и 2 женских).

Курганы на западной окраине могильника находились рядом друг с другом и образовывали довольно компактную группу, за исключением одного комплекса, отстоящего от основного скопления на 6 м к северо-северо-востоку. Примечательно, что в юго-западной части могильника между подкурганными захоронениями и грунтовыми погребениями муромы восточной группы прослежено пустое пространство шириной до 12 м.

Помимо подкурганных захоронений в западной части раскопа исследовано 75 грунтовых погребений, подавляющее большинство которых (62) расположены к северу от курганных захоронений. Для них характерно более свободное расположение могильных ям с большим межмогильным пространством (среднее расстояние между захоронениями 1,0–1,5 м). На каждое погребение здесь приходится 9,26 кв. м. вскрытой площади. Таким образом, плотность расположения погребений в этой части раскопа в почти в 3 раза меньше, чем в восточной.

Планиграфические наблюдения свидетельствуют о том, что в этой части могильника сохраняется та же рядность захоронений, ряды, как и в восточной части раскопа, располагались по линии запад-восток. В то же время здесь фиксируется больше погребений, расположенных парами – мужское и женское.

Западная часть раскопа отличается от восточной разнообразием ориентировки захоронений. Выделяются две основные группы

погребений, различающихся по ориентировке (с учетом подкурганных). Северную ориентировку имеет 68 погребений (86,1 %), западную – 11 погребений (13,9 %). Направление в обеих группах колеблется в пределах 35°.

Более детальный анализ погребений с западной ориентировкой позволяет разделить их на две подгруппы: погребения с западно-северо-западной ориентировкой (5 погребений с учетом подкурганных) и погребения с западно-юго-западной ориентировкой (6 погребений с учетом подкурганных).

Планиграфический анализ показывает, что обряд погребения с ориентировкой на север и запад-северо-запад в данной части могильника какое-то время сосуществовал и практиковался одновременно. Об этом свидетельствует тот факт, что погребения с различной ориентировкой чередуются, не прерывая друг друга.

Погребения, ориентированные на западно-юго-запад, выделяются не только по ориентировке, но и планиграфии. Одно подкурганное захоронение (107) отстоит от основного скопления курганов к северу на 6 м. Ямы от кострищ данного комплекса прорезают погребения с северной ориентировкой. Два грунтовых погребения (4 и 128) совершены в межкурганном пространстве, два к югу от основного скопления подкурганных захоронений (5 и 76), и еще одно подкурганное захоронение (184) отстоит от основного скопления курганов к югу на 8 м. Анализ планиграфии позволяет говорить, что это наиболее поздняя группа погребений, исследованных на могильнике. Данная группа отличается и погребальным обрядом – все погребения совершены в неглубоких ямах до 6 см, одно – на уровне материка. Глубина могильной ямы подкурганных захоронений также достигает чуть более 10 см.

Археологический материал позволяют разделить все захоронения в данной части могильника на две большие хронологические группы: начало – конец X в. и конец X – XI в. Между этими двумя группами погребений, судя по хронологии и планиграфии, практически не существовал разрыв – они совершались последовательно, хронологически следуя друг другу.

Захоронения первой хронологической группы расположены в северной части рассматриваемого участка, к ним же относятся

Рис. 6. Головной убор с привесками двойчатками *in situ*.
Погребение 162

пять крайних погребений (1, 2, 180, 181, 182) на восточном участке могильника. Все эти захоронения совершены по обряду, характерному для муромы в предыдущий период. Данные погребения отличаются от более ранних набором погребального инвентаря и типами украшений, которые продолжают развитие традиционных ранее форм.

В них присутствуют муромские височные кольца большого диаметра со слабо выраженным щитком (рис. 7: 2, 3), лунничные височные кольца (рис. 7: 1), шапочки из привесок-двойчаток с бубенчиками или лапками (рис. 6), ожерелья из таких же привесок (рис. 7: 4). Продолжают бытовать ажурные поясные пряжки (рис. 7: 10), умбоновидные подвески для украшения обуви (рис. 7: 6), узкомассивные браслеты из тонкого дрота (рис. 7: 7). находки в этих погребениях ложновитых гривен глазовского типа с уплощенной шляпкой (рис. 7: 11), нагрудных блях с крышечкой (рис. 7: 9), пластинчатых браслетов (рис. 7: 8) и широкосрединных усатых перстней (рис. 7: 5) позволяет синхронизировать эти материалы со стадией 11

мордовских могильников, которая датируется X – началом XI в. (Вихляев и др., 2008. С. 145) В тоже время в наборе украшений появляются новые виды вещей – грушевидные крестопрорезные бубенчики (рис. 8: 10), плоские подвески-коньки тип XVII по Е. А. Рябинину (рис. 8: 12), распространенные во второй половине X – первой половине XI в. (Рябинин, 1981. С. 114). К этому периоду относится редкая находка иноэтничного происхождения – круглая скандинавская фибула (рис. 8: 16), известная во Владимирских курганах, в Ярославских курганах и в Бирке (Янссон, Попутчик, Андрощук, 2010. С. 575; Недошвина, Зозуля, 2012. С. 185. Рис. 9: 7; Макаров, 2012. С. 202. Рис. 9: 3). Частой находкой в женских захоронениях этого периода становятся ожерелья из стеклянных бус, что является отличительной чертой от погребений, исследованных в восточной части раскопа. В этих погребениях присутствуют калачевидные железные кресала (рис. 8: 16), узколезвийные ножи с уступом, характерные для древнерусских захоронений второй половины X – первой половины XI в. (рис. 8: 15). В целом этот

Рис. 7. Украшения муромского костюма из комплексов X в. (фото С. Моисеевой)
 1 – лунничное височное кольцо; 2, 3 – височные кольца муромского типа; 4 – привеска с лапчатыми подсвесками; 5 – усатый перстень; 6 – умбовидная обувная привеска; 7, 8 – браслеты; 9 – нагрудная бляха; 10 – ажурная пряжка ременная; 11 – шейная гривна.
 (1, 4, 10, 11 – погр. 154; 2, 3 – погр. 77; 5 – погр. 179; 6 – погр. 162; 7 – погр. 104; 8 – погр. 182; 9 – погр. 1)

Рис. 8. Украшения и предметы из погребений X – начала XI в. (фото С. Моисеевой)
 1, 2 – височные кольца; 3, 4, 6–9 – стеклянные бусы; 5 – бусы из сердолика и горного хрусталя;
 10 – крестопрорезные бубенчики; 11 – перстневидная подвеска; 12 – браслет; 13–15 – перстни;
 16 – фибула; 17 – лировидная пряжка; 18 – подвеска-коник; 19 – подвеска лунница; 20 – нож
 железный; 21 – калачевидное кресало железное; 22 – топор железный
 (1, 2, 11, 14 – погр. 104; 3, 4, 8, 16, 18 – погр. 105; 5, 9 – погр. 119; 6 – погр. 125; 10, 18 – погр. 116;
 13 – погр. 98; 15 – погр. 97; 17 – погр. 11; 20 – погр. 123; 21 – погр. 87; 22 – погр. 115)

период характеризуется широким проникновением вещей славянского и общерусского облика в муромскую среду.

Анализ погребений конца X – XI в. позволяет проследить процессы взаимодействия местного автохтонного населения с пришлыми племенами. Именно в этот период появляются подкурганные захоронения на могильнике.

Показательным в плане инокультурного для подболотьевского населения является женское грунтовое погребение 104 и мужское подкурганное погребение 97, которые имели западную ориентировку.

Набор украшений женского захоронения включал восемь височных колец, три из которых с S-овидными концами (рис. 8: 1), три с бусинами из цветного металла (рис. 8: 2). В области шеи расчищено ожерелье стеклянных бус. На руках было шесть пластинчатых перстней (рис. 8: 14), два из которых с завязанными концами и четыре узкомассивных браслета с прямо-срезанными концами. В районе пояса находилась плоская подвеска-коник тип XVII по Е. А. Рябинину (рис. 8: 18). Погребальный инвентарь включал глиняный сосуд, шиферное пряслице и железный нож.

В состав украшений мужского погребения 97 входило одно перстневидное височное кольцо с S-овидным концом. На правой руке находился бронзовый узкомассивный браслет, на левой – дротовый серебряный с завязанными концами. Аналогии подобных браслетов имеются во Владимирских курганах и в Тимеревском могильнике (*Спицын*, 1905. С. 151. Рис. 307; *Фехнер, Недошивина*, 1987. С. 80. Рис. 7: 2).

В погребении найден пластинчатый широкосрединный перстень с завязанными концами, которые зачастую присутствуют в тех же комплексах, что и браслеты (*Зеленцова, Милованов*, 2015. С. 126). В районе пояса с правой стороны от погребенного расчищены нож в ножнах, калачевидное кресало с язычком, оселок сланцевый, шило железное. В погребении находилось два глиняных сосуда. Интересной находкой является деревянный сосуд с серебряными оковками.

Прямые аналогии вещевому материалу этих погребений можно найти во Владимирских и Ярославских курганах, более западные – в Гнездово, где подобные комплексы да-

тируются концом X – первой половиной XI в. (*Зеленцова, Милованов*, 2015. С. 126–127). Полное отсутствие вещей и украшений, характерных для муромы, иной обряд погребения позволяет связать эти два захоронения с иноэтнической средой. Данные погребения по обряду и набору инвентаря синхронизируются и находят аналогии в могильниках Суздальского Ополя и где присутствуют подкурганные захоронения и погребения, совершенные в межкурганном пространстве с таким же погребальным материалом (*Макаров и др.*, 2020. С. 135–136).

К рассматриваемой же хронологической группе относится четыре подкурганных захоронения (11, 96, 87, 95) с северной ориентировкой. Типологически украшения и сопровождающий инвентарь этих захоронений содержит как предметы финского облика (топоры типа VIII, пешня, массивные браслеты), так и изделия, имеющие аналогии в древнерусских материалах (топорчечан, кресала калачевидные, узколезвийные ножи, лировидные пряжки – рис. 8: 17, 20–22). Данные погребения демонстрируют уже не только усвоение чужеродных предметов, их проникновение в материальную среду, но и заимствование элементов погребального обряда. Так, под курганом было совершено парное погребение мужчины и женщины, и последняя, судя по ориентировке на север и присутствию проволочных браслетовидных колец, была представительницей местного населения.

Еще более ярко эти процессы демонстрирует женское подкурганное захоронение 3 с западной ориентировкой. Присутствие в уборе дисковидной нагрудной бляхи и проволочных височных колец муромского типа позволяет отнести это захоронение к местному автохтонному населению. В то же время в комплексе присутствовали вещи, не характерные для муромы: руки помимо узкомассивных браслетов украшал витой браслет с завязанными концами и пластинчатые перстни, которые имеют широкие аналогии в древнерусских курганных могильниках. Расчищенное в области шеи ожерелье из стеклянных бус, дирхемов, динариев и монетовидных привесок с чеканным орнаментом в виде креста, как и западная ориентировка, свидетельствуют о восприятии новых традиций местным населением. По монетным наход-

Рис. 9. Украшения из погребений заключительной стадии функционирования Подболотьевского могильника (фото С. Моисеевой)

1 – височное кольцо; 2 – умбовидные привески; 3 – стеклянные бусы;
4 – браслет со звериноголовыми концами; 5 – пряжка ременная; 6 – шиферное пряслице
(1 – погр. 128; 2 – погр. 4; 3, 4, 6 – погр. 184; 5 – погр. 76)

кам погребение датируется второй четвертью – серединой XI в.

Наиболее поздними в этой части могильника являются погребения с юго-западной ориентировкой, которые как отмечалось выше, отличаются и планиграфическим положением – расположены на самом краю могильника, где отсутствовали муромские погребения. Все эти погребения отличаются бедностью погребального инвентаря, содержащего 2–3 вещи, среди которых присутствуют лировидные пряжки (рис. 8: 17), золотостеклянные навитые бусы (рис. 9: 3), конькоголовые браслеты (рис. 9: 4), датирующиеся в пределах XI – начала XII в. (Захаров, Кузина, 2008. С. 196, 197; Седова, 1981. С. 112) (рис. 9). Вероятно, с этими же погребениями можно соотнести захоронения 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, раскопанные В.А. Городцовым на юго-восточной периферии могильника. Погребения этого периода располагались по периметру могильника, на его границах, и, как правило, занимали свободное пространство.

Рассмотренные материалы позволяют сделать следующие выводы по планиграфии и истории развития могильника. Наиболее ранние погребения располагались в центральной наиболее возвышенной части площадки, ограниченной оврагами. Предположительно, первоначально формируются два ядра могильника, которые датируются концом VII в. Наибольшее развитие могильник получает в VIII – 1-й пол. X в., когда он занимает большую часть площадки, свободное от захоронений пространство остается только вдоль естественных границ памятника. Захоронения середины X – начала XII в. занимают ранее свободное пространство по периферии и формируют окончательную территорию памятника. Погребения этого периода характеризуются большим разнообразием обрядности, что свидетельствует о разнообразных историко-культурных связях местного населения и его последующей ассимиляцией древнерусскими переселенцами.

Литература

- Ахмедов И. Р., 2012. Окские крестовидные фибулы как индикаторы этнокультурных процессов в центральной России эпохи Великого переселения народов // Вояджер: мир и человек: теоретический и научно-методический журнал. № 3. Самара: Самарский государственный технический университет. С. 107–123.
- Ахмедов И. Р., 2016. Поздние рязано-окские крестовидные фибулы и их роль в системе социально-иерархических маркеров // КСИА. Вып. 244. С. 222–237.
- Бейлекчи В. В., 2013. Подболотьевский могильник на пороге новых исследований // Культурный слой. Вып. 2. Н. Новгород. С. 45–58.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь. 352 с.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно исторический контекст. М.: ИА РАН. 298 с.
- Голдина Р. Д., 2012. Невалинский могильник VII–IX вв. н. э. в Пермском Предуралье (Матер. и иссл. Камско-Вятской археологической экспедиции). Ижевск: Удмуртский гос. унив. 470 с.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности. Тр. Москов. археолог. общ-ва. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология северорусской деревни X–XIII вв. Т. 2. М.: Наука. С. 142–215.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. М., Вологда: Древности Севера. С. 122–134.
- Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А., 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. № 1 (23). С. 220–240.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник: (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
- Львова З. А., 1968. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I // АСГЭ. Вып. № 10. Л.: Искусство. С. 64–94.
- Макаров Н. А., 2012. Суздальское Ополе // Русь в IX–XI веках. Археологическая панорама. М.: Древности Севера. С. 194–211.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., Добровольская М. В., 2020. Средневековый могильник Шекшово: «Владимирские курганы» в свете новых полевых исследований // РА. № 4. С. 121–140.
- Мартьянов В. Н., 1992. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Тёши в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье. Саранск. С. 53–68. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 107)
- Мастыкова А. В., 1991. Типология бус из погребений Маяцкого селища // Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж. С. 170–182.
- Недошивина Н. Г., Зозуля С. С., 2012. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.: Древности Севера. С. 178–193.
- Петербургский И. М., 1979. Второй Журавкинский могильник // Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 63. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 57–102.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитровский археологический комплекс). М.: Наука.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. (САИ. Вып. Е-60). Л.: Наука.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15.
- Терехова Н. В., 2014. Бусы среднецнинской мордвы как исторический источник / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. Наук. М. 21 с.
- Тюрин Е. К., 2014. Из истории комплектования коллекции археологических предметов Подболотьевского могильника // Уваровские чтения – IX. Материалы Всероссийской научной конференции. Муром: Историко-художественный музей. С. 207–218.
- Фехнер М. В., Недошивина Н. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеровского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. С. 70–89.
- Янссон И., Попутчик М. В., Андрощук Ф., 2010. Скандинавская фибула из Винницкой области // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История. С. 575–579.

Sofija Petković, Ivan Bugarski, Nataša Miladinović-Radmilović., 2016. A non-wandering soldier's grave? The seventh-century burial in Davidovac (southern Serbia) // Ivan Bugarski, Orsolya Heinrich-Tamáska Vujađin Ivanišević, Daniel Syrbe (Hrsg.). GrenzÜbergänge. Spätromisch, frühchristlich, frühbyzantinisch als Kategorien der historisch-archäologischen Forschung an der mittleren Donau. Verlag Bernhard Albert Greiner Remshalden. S. 247–272.

O. V. Zelentsova, S. I. Milovanov

About the Layout of the Podbolotyevsky Burial Ground

Summary. The planigraphy of the burial ground reflects the process of the formation of the necropolis and the organization of the sacred space in ancient times. The purpose of the article is to analyze the planigraphy of the site of the Podbolotyevsky burial ground, excavated in 2012–2014, using the study results of a century ago by V.A. Gorodtsov. It is established that the burial ground began to form at the end of the 7th c. in the area between two ravines. The “Golden Age” for the Muroma was the second half of the 8th – the beginning of the 10th c., when burials occupied the entire central, southern and south-eastern part of the hill. From the middle of the 10th to 11th c., burials are made to the north of the center of the burial ground. In the late 10th – 11th c. a new population appeared, which began to bury their dead on the western edge of the cemetery under the mounds. The culture of the newcomers was similar to the culture of those buried in the Vladimir burial mounds. The burials of the 11th c. demonstrate the processes of perception of new customs and new culture by the local population. Rare burials of the beginning of the 12th c. on the western and southern edge of the cemetery indicate the complete assimilation of the Muroma by the Old Russian population.

Keywords: Nizhnyaya Oka, the Muroma tribes, planigraphy, burial ground, barrow mounds, funeral rite, dating.

List of figures

Fig. 1. Plan of the Podbolotyevsky burial ground in 1910, made by V.A. Gorodtsov

Fig. 2. Podbolotyevsky burial ground. Summary excavation plan for 2012–2014

Fig. 3. Decorations from early burials excavated in 1910. Podbolotyevsky burial ground

1 – frontal corolla; 2–5 – fibulae; 6, 7 – temporal rings; 8 – temporal ring of the “Muroma” type; 9 – clasp; 10 – clasp with a “winged” needle; 11, 16, 18 – buckles; 12, 13 – sulgams; 14, 20 – bracelets; 15, 17 – belt pads; 19, 21 – rings (1, 19, 20 – gr. 207; 2–5, 16 – gr. 217; 6, 7, 12, 14 – gr. 184; 8, 10, 13 – gr. 213; 9, 11, 18 – gr. 186; 15, 17 – gr. 220)

Fig. 4. Decorations from burials of the first half of the 8th century. Podbolotyevsky burial ground

1 – neck hryvnia; 2, 7 – sulgams; 3 – breastplate; 4 – temporal rings; 5 – bracelet; 6 – glass bead; 8 – iron buckle (1, 2, 5 – gr. 250 (excavations of V.A. Gorodtsov); 3 – gr. 83; 4, 7 – gr. 192; 6, 8 – gr. 149)

Fig. 5. Jewelry from the complexes of the second half of the 8th – 9th century. Podbolotyevsky burial ground

1 – decoration on the back; 2 – neck ring; 3 – temporal ring; 4, 5, 9 – glass beads; 6 – clasp; 7 – sulgama (1, 2, 3 – gr. 25; 4 – gr. 31; 5 – gr. 45.2; 6 – gr. 7; 7 – gr. 130; 8 – gr. 86; 9 – gr. 45.1)

Fig. 6. Headpiece with double in situ pendants. Burial 162. Podbolotyevsky burial ground

Fig. 7. Muroma costume decoration from the 10th century complexes. Podbolotyevsky burial ground

1 – lunar temporal ring; 2, 3 – temporal rings of the “Muroma” type; 4 – suspension; 5 – ring; 6 – shoe decoration; 7, 8 – bracelets; 9 – bib; 10 – buckle; 11 – neck ring (1, 4, 10, 11 – gr. 154; 2, 3 – gr. 77; 5 – gr. 179; 6 – gr. 162; 7 – gr. 104; 8 – gr. 182; 9 – gr. 1)

Fig. 8. Decorations and objects from burials of the 10th – early 11th century. Podbolotyevsky burial ground

1, 2 – temporal rings; 3, 4, 6–9 – glass beads; 5 – carnelian and crystal beads; 10 – bell; 11 – suspension; 12 – bracelet; 13–15 – rings; 16 – brooch; 17 – buckle; 18 – suspension; 19 – lunar pendant; 20 – knife; 21 – armchair; 22 – ax (1, 2, 11, 14 – gr. 104; 3, 4, 8, 16, 18 – gr. 105; 5, 9 – gr. 119; 6 – gr. 125; 10, 18 – gr. 116; 13 – gr. 98; 15 – gr. 97; 17 – gr. 11; 20 – gr. 123; 21 – gr. 87; 22 – gr. 115)

Fig. 9. Decorations from burials of the final stage of functioning of the Podbolotyevsky burial ground

1 – temporal ring; 2 – shoe decorations; 3 – glass beads; 4 – bracelet; 5 – buckle; 6 – spindle wheel (1 – gr. 128; 2 – gr. 4; 3, 4, 6 – gr. 184; 5 – gr. 76)

Т. Б. Никитина

Планиграфия могильников Ветлужско-Вятского междуречья X – рубежа XI/XII веков

Резюме. Статья посвящена изучению планиграфии могильников Ветлужско-Вятского междуречья, связанных с марийской культурой X – рубежа XI/XII вв. Из 13 известных погребальных памятников на трех объектах выявлено необычное расположение захоронений на нескольких возвышенностях, разделенных низинами естественного происхождения. Анализ погребального обряда и инвентаря показал, что погребения, расположенные на разных возвышенностях, имеют отличия хронологического и культурно-исторического характера. На окраине традиционных марийских могильников, функционировавших с X по XI в., к концу XI в. появляются небольшие группы захоронений с признаками культуры славянизированных финнов. Изучение планиграфии позволяет говорить об устройстве территории некрополей и выделении в них специфических зон, отводившихся для разных групп населения.

Ключевые слова: Ветлужско-Вятское междуречье, Поветлужье, марийская культура, средневековье, планиграфия, датировка, погребальный обряд, вещевой инвентарь.

В настоящее время в Ветлужско-Вятском междуречье известно 13 могильников X – рубежа XI/XII вв. Они обычно располагаются на небольших дюнных возвышенностях в поймах крупных рек, занимая берег малого притока или кромку сухого оврага. На территории трех памятников (Дубовский, Русенихинский могильники и Выжумский археологический комплекс) выявлена необычная планиграфия: расположение погребений на нескольких возвышенностях.

Русенихинский могильник находится на правом берегу р. Ветлуги в Воскресенском районе Нижегородской области, Выжумский археологический комплекс – в Юринском районе РМЭ на левобережье Ветлуги, Дубовский могильник – в Горномарийском районе РМЭ на левобережье Волги в 15 км от устья р. Ветлуги. Таким образом, все памятники практически связаны с Поветлужьем (рис. 1).

Дубовский могильник расположен на песчаных дюнах второй террасы левого берега р. Волги на окраине бывшего пос. Дубовая. Высота террасы над уровнем воды составляла 7–8 м. В настоящее время ме-

сто затоплено водами Чебоксарской ГЭС. На могильнике изучена площадь 2000 кв. м., на которой располагались 77 погребений и 8 жертвенных комплексов (рис. 2). Памятник изучался Г.А. Архиповым в 1958, 1963, 1965, 1980–1981 гг., им же опубликованы основные типы вещевого инвентаря и частично погребальный обряд (Архипов, 1983; 1984). Материал по комплексам сгруппирован и позже опубликован Т.Б. Никитиной (2012. С. 47–61, 69–73, 319–395). Материалы из могильника неоднократно использованы в научной литературе при построении схемы происхождения марийцев и для характеристики материальной и духовной культуры марийского населения в эпоху средневековья. Планиграфия памятника предметом специального изучения не являлась.

Памятник впервые Г.А. Архиповым был датирован X–XI вв. (Архипов, 1964. С. 187–189; 1973. С. 65). Впоследствии датировка была уточнена Т.Б. Никитиной на основе выделения поздней группы захоронений, верхняя граница которой доведена до рубежа XI/XII вв. (Никитина, 2002. С. 190–192; 2012. С. 69–73).

Рис. 1. Русенихинский (1), Выжумский (2) и Дубовский (3) могильники Поветлужья на карте

Могильник занимал две возвышенности длиной 70 м, расположенные вдоль берега. На каждой возвышенности располагались захоронения, образующие самостоятельную группу. В низине между возвышенностями погребений нет. Поскольку с северной стороны располагались деревенские дома, эта часть не раскапывалась, и в настоящее время невозможно сказать, были ли группы захоронений на возвышенностях соединены, но топографическая граница между ними выражена четко. Между возвышенностями заметен невысокий мыс, на котором была заложена разведочная траншея (раскоп IV), погребения в ней не обнаружены.

В целом, основной массив погребальных объектов (83,5 %) достаточно компактно располагается на восточной дюне (погр. 1–14, 24–30; 36–82 и разрушенный жертвенный

комплекс в кв. Е/4) в пределах раскопов I, III, VI (рис. 2). Погребальный обряд представлен ингумацией (48 захоронений) и кремацией (14 погребений). В одном погребении (№ 38) остатков костей не обнаружено и оно отнесено исследователем к кенотафам, хотя нельзя исключать несохранившееся трупоположение. Семь объектов (64, 65, 69, 72, 80, 82, кв. Е/4) по структуре, размерам, составу и расположению инвентаря относятся к жертвенным комплексам, расположенным в межмогильном пространстве, несмотря на то что в первоначальных отчетах они названы погребениями. Погребения с разными способами захоронения, как и жертвенные комплексы между могилами, не образуют отдельных территориальных зон, а располагаются вперемежку. В северо-восточной части фиксируется четкий ряд объектов,

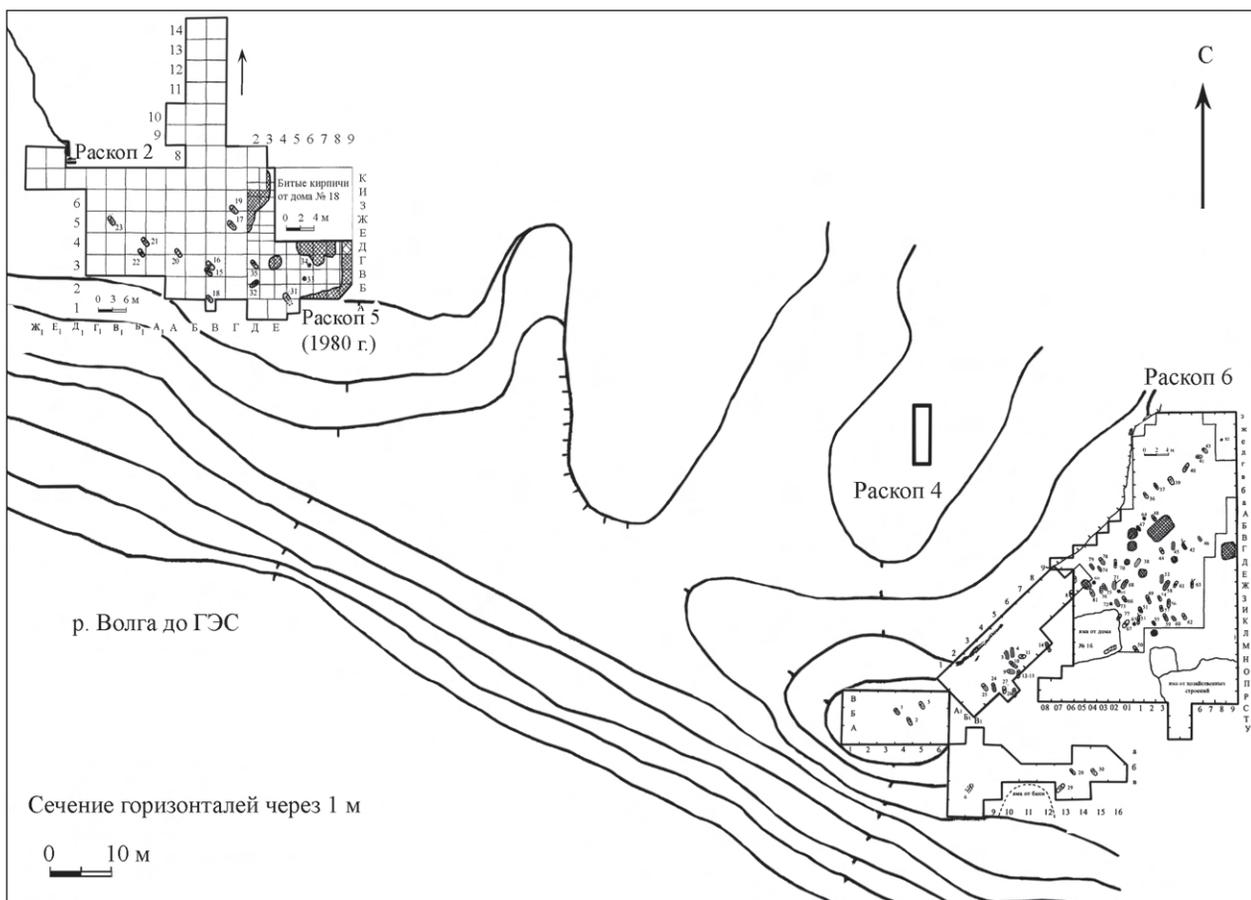

Рис. 2. План Дубовского могильника

вытянутый с юго-запада на северо-восток (погр. 36–39, 40, 41, 43, 82). На остальной территории четких рядов не зафиксировано, хотя расположение близкое к рядовому с определенной долей условности можно обозначить в основном скоплении погребений; ряд вытянут с запада на восток (78, 79, 70, 38, 44, 45, 42, 46). Для большинства объектов на этой возвышенности характерно скорее групповое расположение с включениями погребений, совершенных различными способами: кремации, ингумации, а также жертвенные комплексы между могилами.

В 37,5 % захоронений прослежены следы подстилок из ткани, войлока, меха, бересты, луба и дерева, в 10,9% сохранились покрытия из тех же материалов.

Следует отметить плохую сохранность костяков. О позе погребенного можно судить по захоронениям с ингумацией, но только 21 погребение (43,75 % от количества труположений) имеет сохранность костяка, содержащую полную информацию. Среди них у большинства (52,4 %) обе руки в разной

степени согнуты, у 23,85 % вытянуты, в 14,3 % правая рука согнута, а левая вытянута и в двух случаях (9,5 % – погр. 36, 59) правая рука вытянута, а левая согнута. Погребенные уложены головой на СВ, С и СЗ (рис. 3). Только погребение 42 (аз. -280°) ориентировано на запад. Таким образом, преобладающей является ориентация головой в северном направлении 330–360°.

Инвентарь погребений и жертвенных комплексов представлен украшениями, бытовыми предметами, орудиями труда и оружием. По украшениям и элементам костюма возможно определить этнокультурную принадлежность. В составе украшений имеются признанные маркеры марийской культуры X–XI вв.: металлические цепочки, обернутые вокруг головы в несколько оборотов и составляющие часть головного убора (7, 8, 14, 36, 37, 49, 56, 57, 58, 60, 63, 70, 71, 83) (рис. 4: 20; 5: 7), браслетообразные височные кольца с заходящими концами один из которых отогнут (14, 36, 48, 56, 74, 76, 83) (рис. 5: 10), круглые и трапециевидной

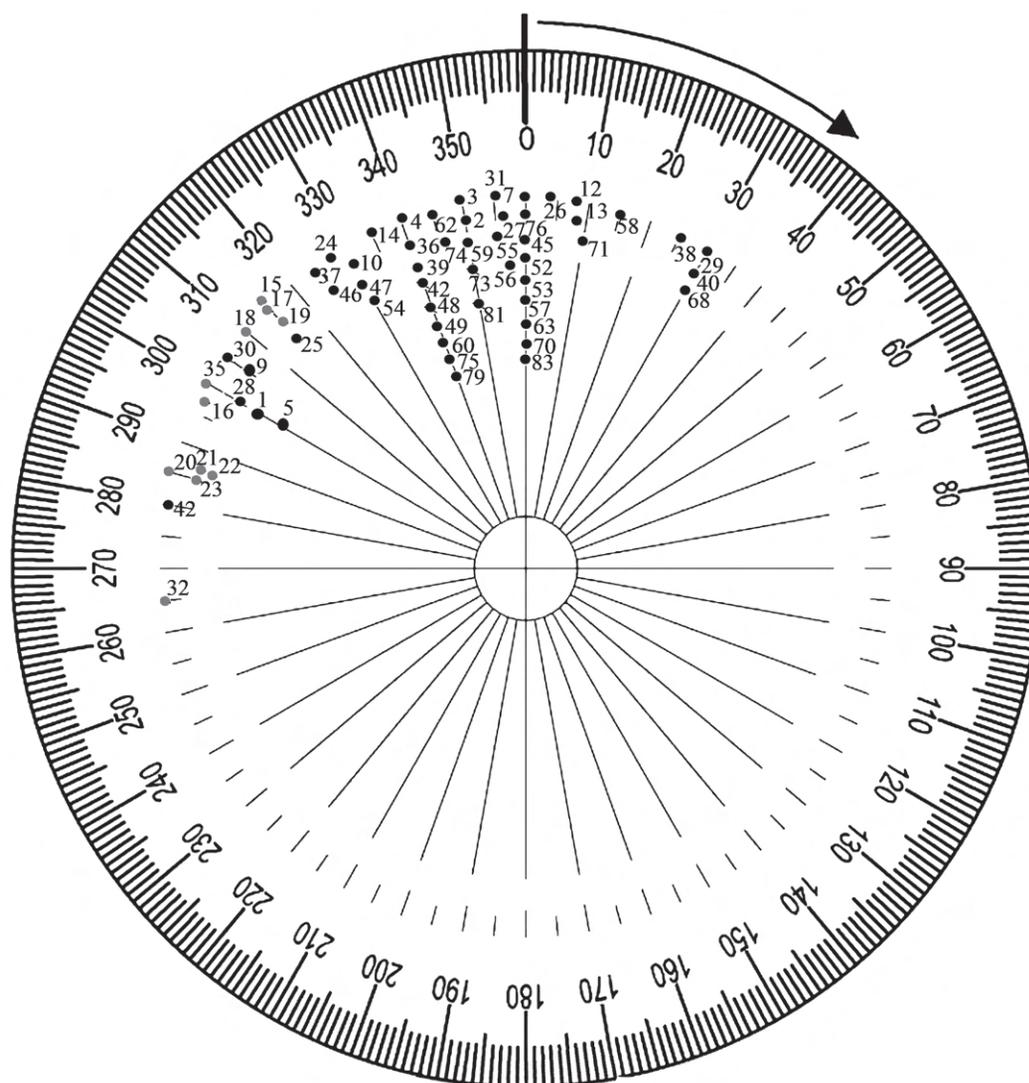

Рис. 3. Ориентировка костяков в погребениях Дубовского могильника

формы нагрудные украшения, выполненные в наборной технике (14, 77, 83) (рис. 5: 13), очковидные и умбовидные подвески-накладки от обувных украшений (4, 52, 71, 74) (рис. 4: 7, 8, 13, 18). Наличие наборных поясов совместно с женским комплексом (7, 8, 36, 70) также является особенностью марийской культуры. Встречаются гривны «глазовского» типа (рис. 4: 12; 5: 12), граненные браслеты (рис. 4: 10), биметаллические кресала с различным оформлением рукоятей, топоры-чеканы, кошельки из бобрового хвоста и т. д.

В анализируемой группе основная масса погребений датируется в диапазоне X–XI вв. Территориально по хронологическому признаку объекты не разделяются; погребения с различной датировкой могут встречаться

в одной группе рядом. Однако примечательно, что наиболее поздние захоронения располагаются на окраинах: на северной – погребения 40 и 41 и на южной – 9, 30 и возможно погребение 27. Они отличаются наличием вещей древнерусского облика конца XI – начала XII в.

К западу от основной территории памятника на соседнем бугре в раскопах II и V располагалась группа из 14 объектов: № 15–23; 31–35. Тринадцать объектов представлены погребениями с труположениями, одно из которых было частичным или разрушенным (погр. 33). Один объект (№ 34) можно назвать жертвенным комплексом вещей.

Костяки в погребениях лежат в вытянутом положении и различаются положением рук. Преобладают костяки с вытянутой

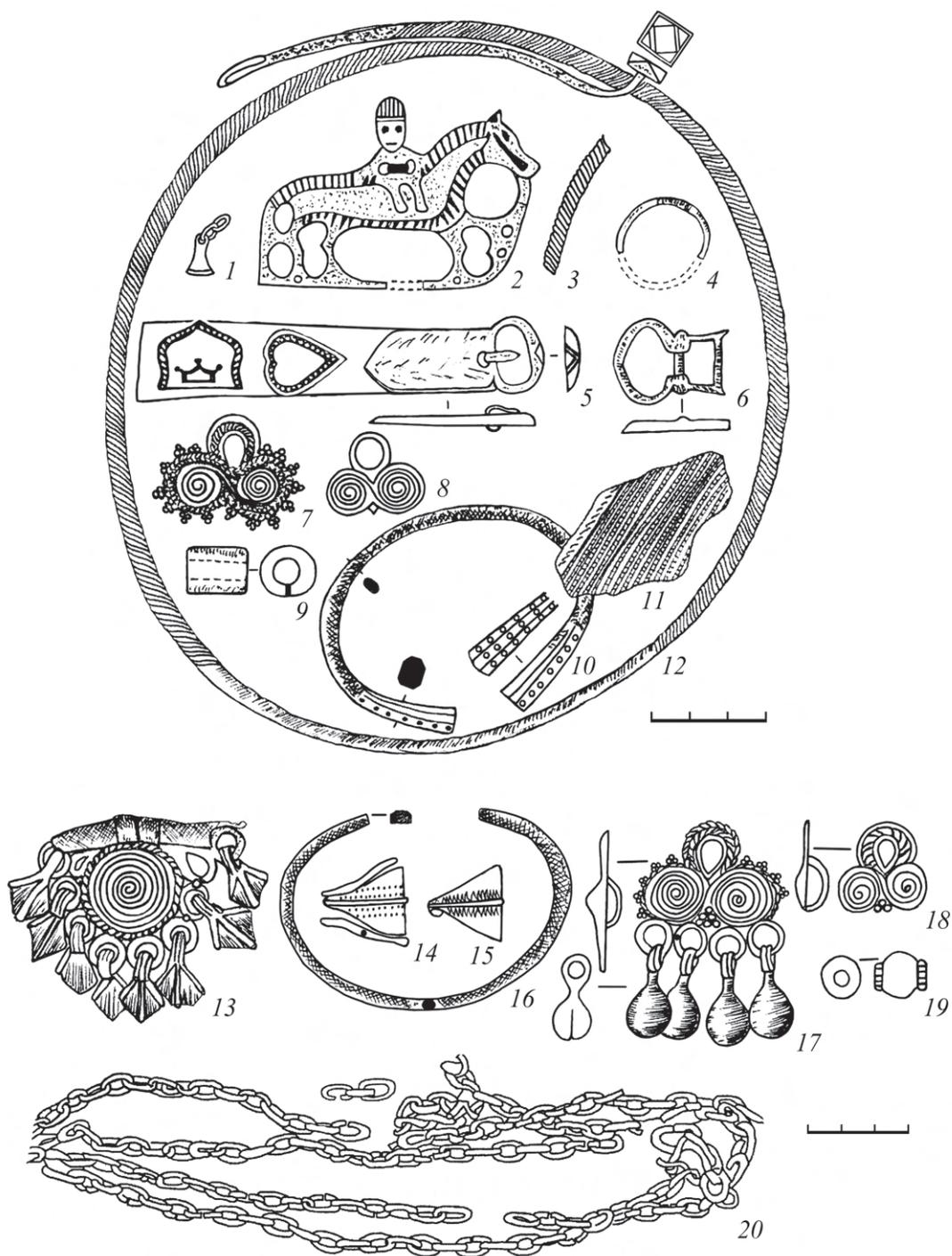

Рис. 4. Комплексы вещей из захоронений Дубовского могильника

1–12 – погр. 4; 13–20 – погр. 49

правой и согнутой левой конечностями (62,5%), у 37,5% костяков согнуты обе руки. Костяки покоились головой на СЗЗ и СЗ в интервале 280° – 315° (рис. 3). В двух погребениях зафиксированы подстилки из дерева (погр. 31), в одном случае закрытого войлоком (погр. 32). Погребение № 32 имело также покрытие из дерева или луба.

Погребальный инвентарь, в сравнении с захоронениями на восточной возвышенности, в количественном отношении скромнее (рис. 6): практически нет головных уборов и нагрудных украшений, наборных поясов с металлическими накладками, украшений обуви. Украшения головы представлены височными кольцами малых размеров или

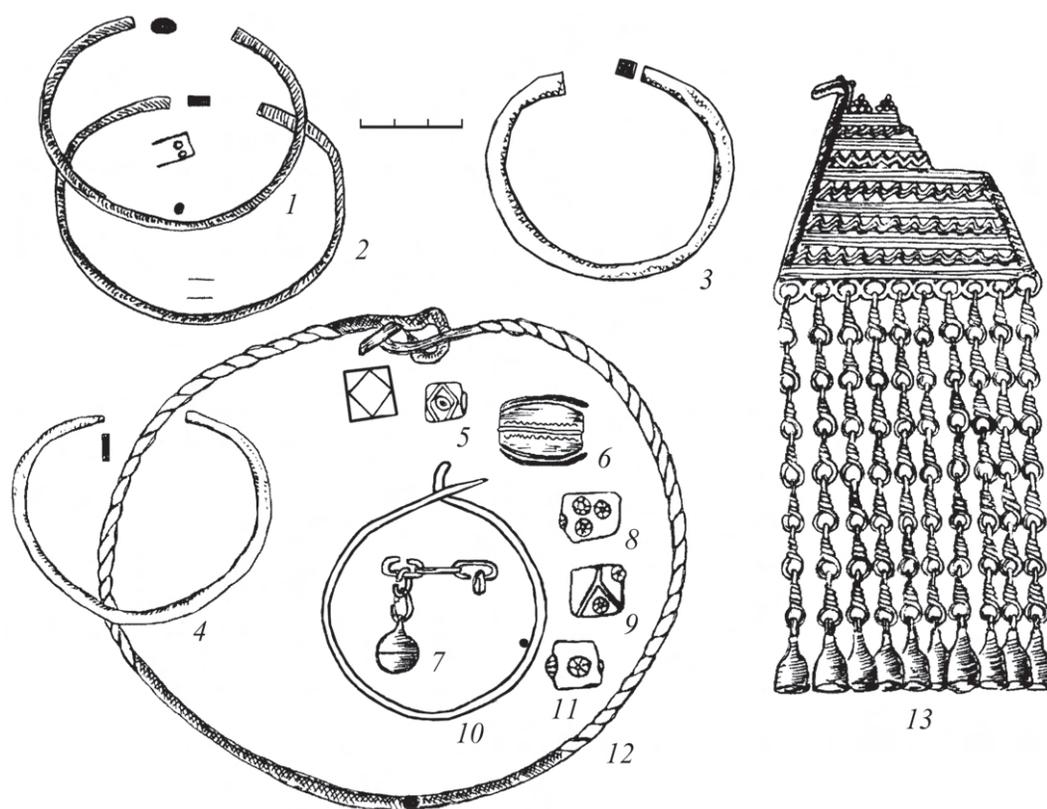

Рис. 5. Дубовский могильник. Комплекс вещей из погребения 14

серьгами. Судя по набору украшений в этой группе преобладают мужские захоронения¹. Орудия труда и бытовые вещи состоят из кресал, топоров и ножей.

Интересно, что в этой группе не обнаружены этномаркеры марийской культуры, но содержатся изделия, имеющие аналогии в памятниках Древней Руси: рубчатый перстень (погр. 16) (рис. 6: 15), височные кольца с напускными бусами (погр. 18, 19, 20, 23) (рис. 6: 12), витые, в том числе завязанные и петлеконечные (пп. 17, 18) (рис. 6: 13), и дровые браслеты со звериноголовыми концами (19, 31). Перечисленные выше украшения имеют дату не ранее середины XI в. и до XII в. Височные кольца с напускными бусами В. П. Левашова датирует X–XII вв. (Левашова, 1967. С. 19–23, 40–43), Е. А. Рябинин отмечает их появление в верхневолжских курганах во второй половине XII–XIII в. (Рябинин, 1986. С. 58). В удмуртском Кузьминском могильнике они датируются с рубежа XI–XII вв. по XIII в. (Иванова, 1992.

С. 38–39. Рис. 11: 21, 22, 25, 27–29), похожие височные кольца характерны для половецких погребений конца XI–XII в. (Степи Евразии... 1981. Рис. 84).

Погребение 20 датируется витым браслетом с петлевидными концами. Такие браслеты по новгородским находкам бытовали с XI по XIV вв. (Седова, 1981. С. 94). В погребении 23 (Никитина, 2012. С. 337) найден широкосрединный замкнутый перстень с валиком, имеющий аналогии в Северной Руси в конце XI–XII в. (Недошивина, 1967. С. 270; Зайцева, 2008. С. 121).

Лировидные поясные пряжки с изображением лилейника или трилистника (погр. 19) (Никитина, 2012. С. 335) характерны для XI–XII вв. (Седова, 1981. С. 114. Рис. 56; Архипов, 1986. Рис. 31: 14–15; Белавин, Крыласова, 2008. С. 407).

Удлиненно-овальные (овально-прямоугольные) кресала (погр. 16) (рис. 6: 15) получили широкое распространение в XII–XIV вв. у славянских, финно-угорских, тюркоязычных

¹ Антропологический анализ костей не проводился.

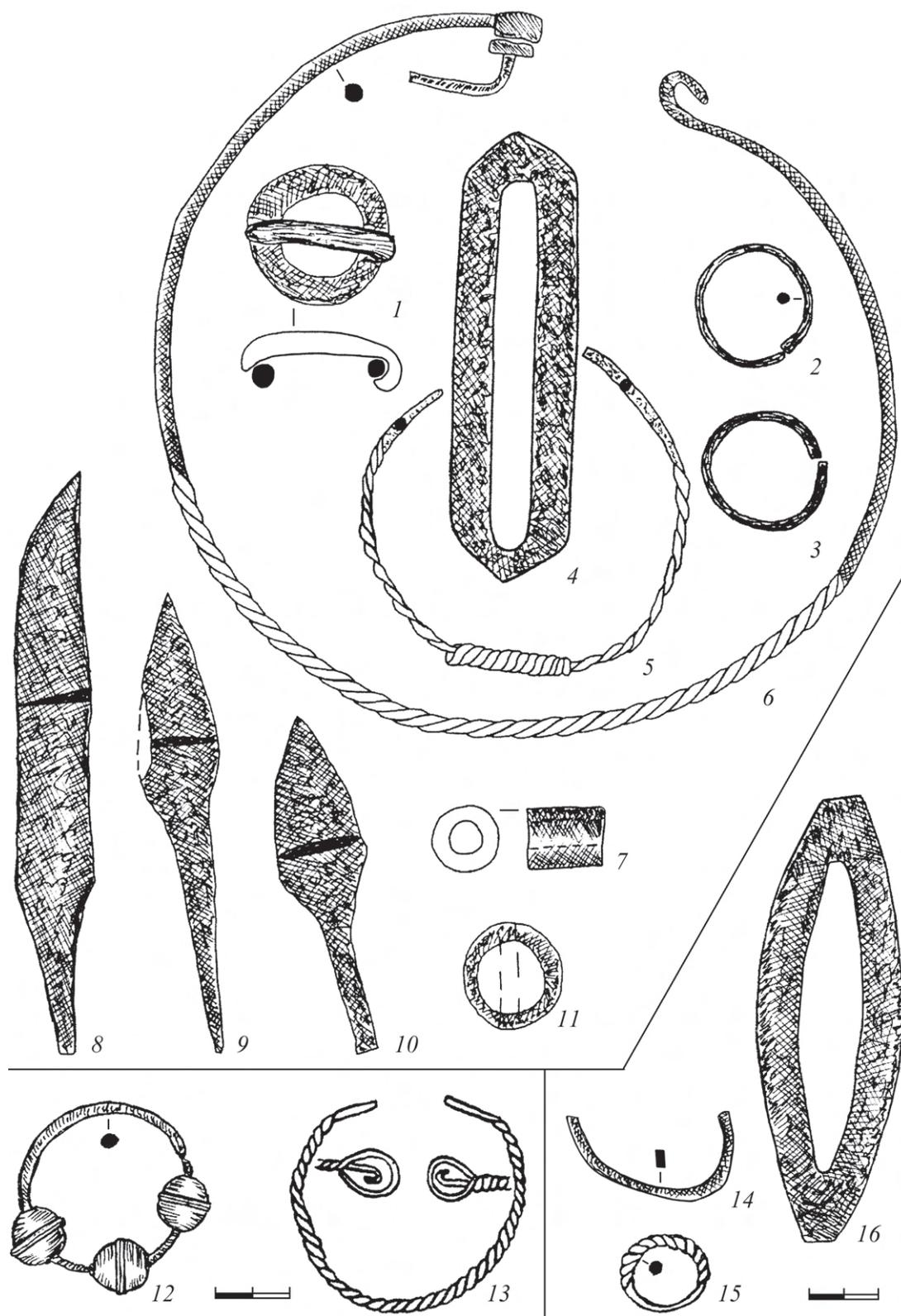

Рис. 6. Комплексы вещей из захоронений на западной возвышенности Дубовского могильника
1-11 – погр. 17; 12, 13 – погр. 20; 14-16 – погр. 16

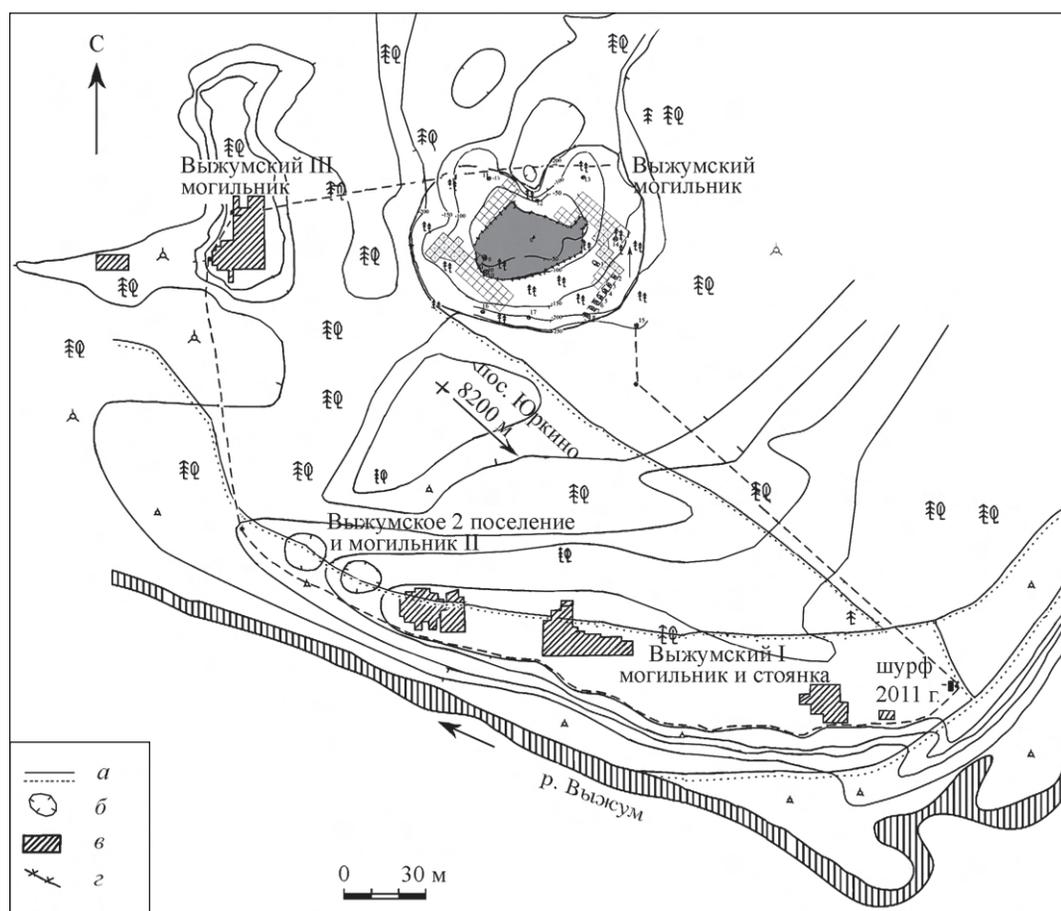

Рис. 7. План Выжумского археологического комплекса

а – грунтовая дорога; б – номера жилищных впадин; в – впадины;
г – раскопы 1958, 1971, 1993 и 2005 гг.; д – границы комплекса

племен (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 187, 196; Железные кресала... 2010. С. 5; Колчин, 1953. С. 100; Культура Биляра... 1985. С. 126; Иванова, 1992. С. 59, 60; Белорыбкин, 2001. С. 66, 67). В Поветлужье подобные изделия, как и шестиугольные кресала (погр. 17) (рис. 6: 4) также являются частой находкой в могильниках XII–XIII вв. (Архипов, 1986. С. 62. Рис. 45: 5, 7).

Рубчатые и ложновитые перстни наибольшее распространение получают в XI–XIII вв. (Рябинин, 1986. С. 66; Недошвина, 1967. С. 264; Седова, 1981. С. 122).

Вышеперечисленные изделия позволяют сделать вывод, что захоронения на западной возвышенности произведены не ранее конца XI в. Большинство аналогий погребальному инвентарю из этих захоронений находится в древнерусских памятниках и в древностях славянизированных финнов. Но в то же время эта группа захоронений

синхронна наиболее поздним погребениям на восточной дюне.

Близкая планировка погребального пространства зафиксирована на Выжумском археологическом комплексе.

Выжумский археологический комплекс расположен в 1900–2000 м к ЮЮЗ от кордона Нижний Выжум, в 8200 м к СЗ от центра пос. Юркино Юринского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Выжум (левый приток р. Ветлуги). Он включает 4 могильника, три из которых связаны с эпохой средневековья (Выжумский, Выжумский II и Выжумский III) и один относится к периоду XVII–XVIII вв. (рис. 7).

Средневековые могильники располагаются достаточно компактно, но топографически друг от друга отделены и каждый из них занимает отдельную возвышенность. Выжумский и Выжумский III разделены низиной и расстояние между ними по прямой

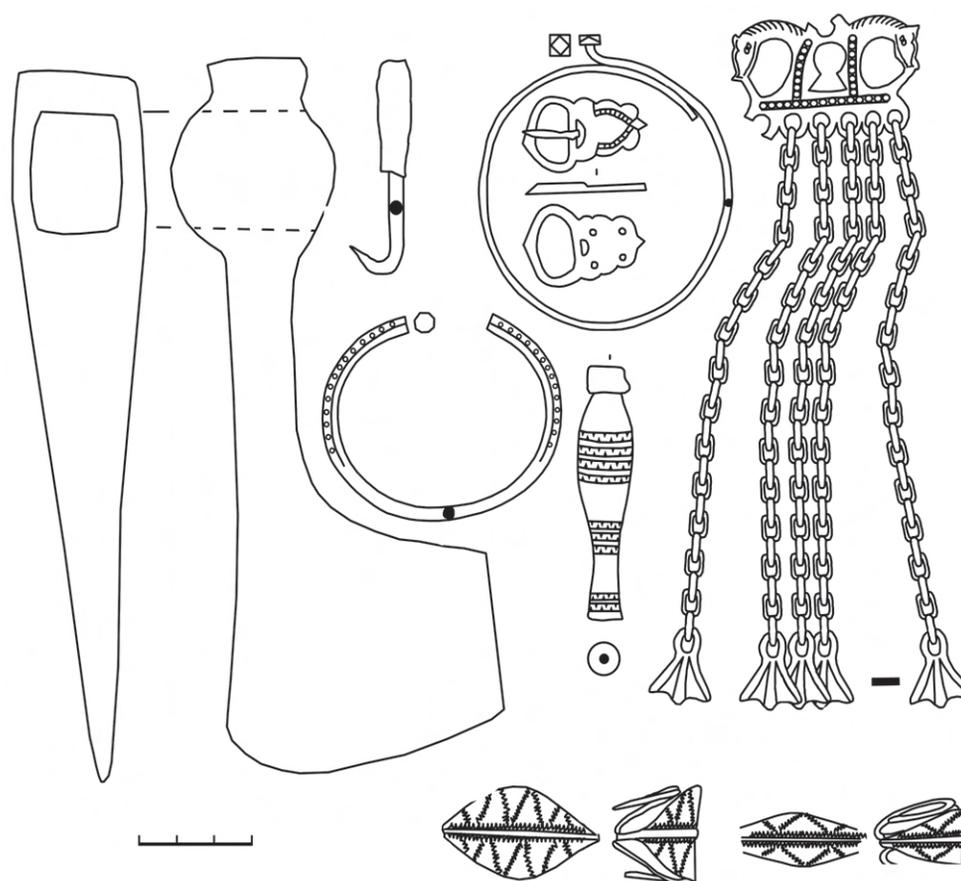

Рис. 8. Выжумский могильник. Комплекс вещей из погребения 17

линии составляет 50 м. Выжумский II удален от Выжумского на 100 м, от Выжумского III на 120 м.

По аналогии с Дубовским могильником их можно было бы считать одним памятником, во всяком случае, Выжумский и Выжумский III могильники, расположенные в пределах видимости даже в лесном массиве и на расстоянии между ними всего 50 м. Но памятники были открыты в разные годы и каждый из них был зафиксирован как самостоятельный объект археологического наследия.

Планиграфия Выжумского археологического комплекса частично была освещена в контексте рассмотрения культурных связей в Поветлужье (Никитина, 2017).

На Выжумском могильнике основная часть памятника уничтожена кладоискательскими раскопками. Общая вскрытая площадь составила 747 кв. м., на которой изучено 55 объектов.

Погребальный обряд представлен кремациями (4 погр.), ингумациями (28 погр.),

кенотафами (2 погр.) и 22 жертвенными комплексами, расположенными между могилами. Ориентировка представлена вариантами северного направления: СЗ (57,1 %), СВ (22,7 %), С (18,2 %). Только один костяк (погр. 17) ориентирован головой на ЮЗ. В ногах или в изголовье помещались дополнительные комплексы вещей, бронзовые или железные котлы. Бронзовые котлы обложены берестой с внешней и иногда с внутренней стороны, в отдельных из них внутрь поставлена деревянная чаша. Практиковалось использование подстилок и покрытий из дерева или луба.

Основная масса погребений, расположенных в центральной части возвышенности, содержит маркеры марийской культуры, характерные для X–XI вв. В составе инвентаря выделяются следующие украшения (рис. 8): головные цепочки (погр. 9, 17, 22, 34, жк 4), височные кольца, в том числе и браслетообразные с одним отогнутым концом (погр. 17, 18, 24, жк 9, 15), наконечники с металлическими и костяными пронизками

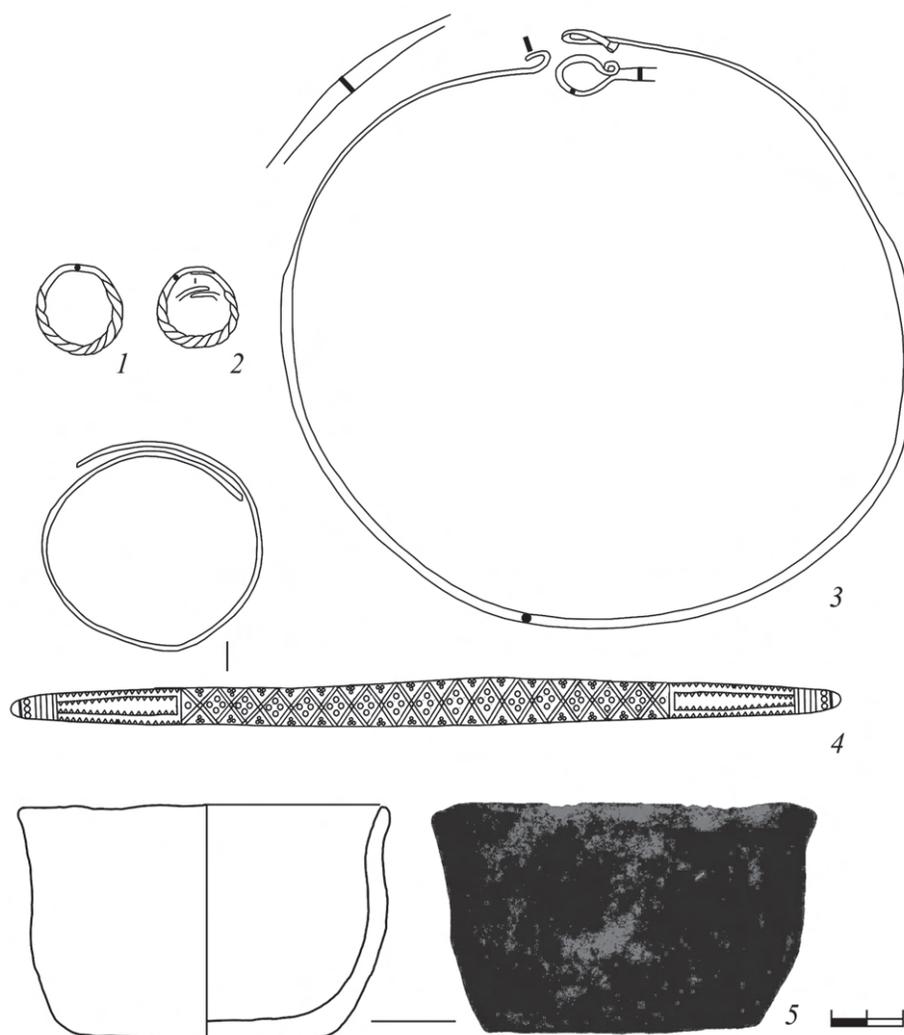

Рис. 9. Выжумский могильник. Комплекс вещей из погребения 27

и копоушками (погр. 6, 9, жк 13), различные шумящие подвески, кожаные ремни с металлическими пряжками и накладками и большое количество браслетов.

Коньковые подвески из погребения 17 (рис. 8: 7) имеют очень близкие аналогии с прикамскими подвесками типа 3 и датируются X–XI в. (Белавин, Крыласова, 2008. С. 381. Рис. 187: 8). Высокий процент железных сосудов среди металлических котлов также является признаком, позволяющим датировать исследуемый объект не позднее рубежа XI–XII вв.

Некоторые погребения, преимущественно на западной и юго-западной окраинах возвышенности, имеют вещи древнерусского

и северо-западного облика (рис. 9). Особый интерес представляет группа захоронений на юго-западном² склоне дюны, которая в настоящее время является наиболее поздней для данного памятника. В погребениях 27, 29 обнаружены рубчатые или ложновитые перстни, характерные для XII–XIII вв. (Рябинин, 1986. С. 66; Недошивина, 1967. С. 264; Седова, 1981. С. 122; Архипов, 1986. С. 46). Бронзовые гривны из круглого дрота с раскованными концами, шаровидные полые бубенчики с щелевидной прорезью вполне согласуются с указанной датой. Материал этой части могильника (погр. 26–31) в большей степени синхронен материалу Выжумского III могильника, расположенного на соседней дюне.

² В публикации Т. Б. Никитиной (2017) юго-восточный склон указан ошибочно.

Выжумский III могильник в погребальном обряде имеет ряд признаков, сходных с Выжумским могильником: различные варианты северной ориентировки (от северо-западной до северо-восточной), подстилки и покрытия из дерева и луба или бересты, медные или железные котлы помещенные преимущественно в ногах, дополнительные комплексы вещей в погребениях, наличие жертвенных комплексов в межмогильном пространстве. Медные котлы обложены берестой, в них поставлена деревянная чаша или туес. Аналогичны головные уборы, включающие головную цепочку из проволочных звеньев (погр. 11, 13, 17, 21), наборные наконечники с костяными пронизками и височные кольца. Интересно, что этномаркирующие украшения содержались преимущественно в захоронениях женщин-литейщиц, которые, вероятно, были хранительницами этнических традиций. Височные кольца становятся мельче, классических браслетообразных колец не обнаружено. Костюм по-прежнему содержит значительное количество шумящих украшений, оберегов в виде подвесок птичек, коньков, копоушек, наборные пояса с металлическими накладками.

На этом могильнике не зафиксированы кремации. Из-за плохой сохранности костей невозможно сделать выводы относительно наличия кенотафов. Вещей с выраженными этномаркирующими признаками становится меньше. Жертвенные комплексы и основная масса погребений с диагностирующими украшениями расположена на восточной части дюны, обращенной в сторону Выжумского могильника (Никитина, 2002. С. 404–406). В этих погребениях также выделяются вещи, имеющие аналогии на древнерусской территории. Ассортимент инокультурных изделий тот же, что и на Выжумском могильнике. По-прежнему среди них преобладают браслеты: витые с завязанными концами (погр. 5, 8, 11, 15), витые петлеконечные (погр. 9, 13), со звериноголовыми концами (погр. 11, 12). Имеются единичные находки височных колец с напускными металлическими бусинами (погр. 13, 23). Как и на Выжумском могильнике, инокультурные вещи встречаются в различных погребениях и скорее всего проникли на данную

территорию без их носителей, в качестве предметов торговли или обмена.

Иная картина наблюдается в западной части территории Выжумского III могильника. Здесь выделяется небольшая группа захоронений (19, 20, 23, 24), в которых концентрация инокультурных изделий наиболее выражена, увеличивается и типовое многообразие вещей, в то время как маркеров марийской культуры не обнаружено (Никитина, 2002. С. 201, 407–409). Основой для датировки этих захоронений служат привозные вещи. Пластинчатая подвеска в форме птички с рельефным орнаментом на поверхности (погр. 22) датируется XII–XIII вв. (Рябинин, 1981. С. 18–19) и даже до XIV в. (Голубева, 1979. С. 23); пластинчатый браслет с зауженными, загнутыми в трубочку концами (погр. 22) XI–XIV вв. (Архиповский, 1930. С. 21; Левашова, 1967а. С. 236; Седова, 1981. С. 113; Рябинин, 1986. С. 65); круторогая лунница с XI в. (Успенская, 1967. С. 103) до XIII в. (Седова, 1981. С. 24). Монетовидные привески также получили распространение в XII–XIII вв. (Рябинин, 1986. С. 73. Табл. IV: 13).

Более ярко комплекс вещей древнерусского облика проявляется на *Выжумском II могильнике* (Архипов, 1986). Почти все погребения содержат рубчатые перстни, овальные кресала с прорезью, иногда зубчатой и т.д. На Выжумском II могильнике вещи, характеризующие марийскую культуру IX–XI вв., не встречаются. Погребальный обряд представлен только ингумациями. Жертвенных комплексов между могилами не обнаружено. По ряду специфических деталей погребального обряда: ориентировка, котлы в ногах, медные котлы, облицованные берестой, деревянная чаша в котлах, топор рядом с котлами, – Выжумский II могильник обнаруживает определенное сходство с Выжумским III могильником.

В Выжумском II отмечается также серия вещей характерных для славянизированных финнов: треугольные подвески из колец или спиралей, спаянных в форме пирамидки, треугольные рамчатые из гладкой проволоки, конусовидные подвески с 2–3 петлями для шумящих привесок. А. Е. Рябинин в свое время отмечал, что фибулы с перемычкой характерны для территорий с выраженными культурными связями между финно-уграми

и смешанным славянофинским населением; пластинчатые сплошные уточки с привесками, щитковые завязанные кольца с овальными расширениями для населения Костромского Поволжья (*Рябинин*, 1986. С. 57, 81).

Похожая картина планировки могильника зафиксирована на Русенихинском могильнике: где также выделяется группа захоронений с традиционными маркерами марийской культуры в инвентаре и погребальном обряде, а также небольшая группа на окраине с вещами, имеющими многочисленные аналогии на территории Древней Руси и северо-запада (*Никитина*, 2018. С. 74–78).

Таким образом, все три проанализированных могильника, расположенных на западной окраине расселения марийских племен, имеют особенности. Анализ планиграфии этих памятников позволяет говорить о существовании на территории каждого из некрополей специфических зон, отводившихся для разных групп населения: носителей традиционной марийской культуры и населения с чертами славянизированных финнов. Погребения, оставленные марийцами, датируются в пределах от X до XII в., а погребения с признаками культуры славянизированных финнов оставлены не ранее конца XI в.

Литература

- Архипов Г. А.*, 1964. Марийская археологическая экспедиция 1963 года // Тезисы докладов на научной сессии по итогам исследовательских работ за 1963 год. Йошкар-Ола. С. 187–189.
- Архипов Г. А.*, 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 113 с.
- Архипов Г. А.*, 1983. Раскопки Дубовского могильника // АО. 1981. М.: Наука. С. 135.
- Архипов Г. А.*, 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола: Марийский науч.-исслед. ин-т. С. 113–159 (АЭМК. Вып. 8)
- Архипов Г. А.*, 1986. Марийцы XII–XIII веков (К этнокультурной истории Поволжья). Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 115 с.
- Арциховский А. В.*, 1930. Курганы вятичей. М: Наука. 223 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б.*, 2008. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Пермский гос. пед. ин-т. 603 с.
- Белорыбкин Г. Н.*, 2001. Золотаревское поселение. СПб. – Пенза: Изд-во ПГПУ. 198 с.
- Голубева Л. А.*, 1979. Зооморфные украшения финно-угров (САИ. Вып. Е1-59). М.: Наука. 113 с.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М.*, 2000. Кресала в позднековечных погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Тр. по археологии. Т. 1 / Главн. ред. А. В. Евглевский. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 181–207.
- Железные кресала X–XIX вв. Из коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог / Составитель Ступан Ю. С. Владимир, 2010. 36 с.
- Зайцева И. Е.*, 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М.: Наука. С. 57–141.
- Иванова М. Г.*, 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII. Ижевск: Удм.ин-т ист., яз. и лит-ры УрО РАН. 184 с.
- Колчин Б. А.*, 1953. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) (МИА. № 32). М.: Изд-во Академии наук СССР. 257 с.
- Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. / Отв. ред. А. Х. Халиков. М.: Наука, 1985. 216 с.
- Левашева В. П.*, 1967а. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбакова. М.: Изд-во Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 207–252.
- Левашева В. П.*, 1967б. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 7–54
- Недошивина Н. Г.*, 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 253–274.
- Никитина Т. Б.*, 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.
- Никитина Т. Б.*, 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14. Казань. 408 с.

- Никитина Т. Б., 2017. Выжумский археологический комплекс в контексте культурных связей в Поволжье // Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследования, сохранение и музеефикация. Археология Евразийских степей. № 1. Казань. С. 243–254.
- Никитина Т. Б., 2018. Русенихинский могильник // Археология Евразийских степей. № 3. 255 с.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. (САИ. Вып. Е1-60). М: Наука. 125 с.
- Рябинин Е. А., 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР / Отв. ред. С. А. Плетнева. Москва: Наука, 1981. 304 с.
- Успенская А. В., 1967. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Ред. Б. А. Рыбакова. М.: Изд-во Советская Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 43). С. 88–132.

T. B. Nikitina

The planigraphy of the Vetluga-Vyatka interfluve burial grounds of the 10th – turn of the 11th/12th centuries

Abstract. The article is dedicated to the study of the Vetluga-Vyatka interfluve burial grounds planigraphy, associated with the Mari culture of the 10th – turn of the 11th/12th cc. Out of 13 excavated burial sites at three sites there were revealed unusual location of graves at several rises separated with lowlands of natural origin. The burial rite and inventory analysis revealed that the graves located at different rises have variations of chronological and cultural and historical character. At the boarder of the traditional Mari burial grounds that functioned from the 10th to the 11th cc. there appear small groups for burials with the traits of the Slavified Finns' culture. The study of planigraphy enables us to speak about the structure of the necropolises territories and to single out their specific traits allocated for various groups of population.

Key words: the Vetluga-Vyatka interfluve, the Vetluga region, the Mari culture, the Middle Ages, planigraphy, dating, burial rite, artifacts inventory.

List of figures

- Fig. 1. The Dubovsky (3) and Vyzhum (2) burial grounds of the Vetluga region at an area map**
- Fig. 2. The Dubovsky burial ground's plan**
- Fig. 3. Orientation of the skeletons at the Dubovsky burial ground's graves**
- Fig. 4. Artifacts complexes of the Dubovsky burial ground**
- Fig. 5. The Dubovsky burial ground, grave 14**
- Fig. 6. Artifacts complexes of the western rise of the Dubovsky burial ground**
- Fig. 7. The plan of the Vyzhum archaeological complex**
- Fig. 8. The Vyzhum burial ground, grave 17**
- Fig. 9. The Vyzhum burial ground, grave 27**

П. И. Сафронов

Ранний этап функционирования Армиевского курганно-грунтового могильника

Резюме. В ходе раскопок 1980–1986 гг. в Шемышейском районе Пензенской области под руководством А. Х. Халикова была исследована грунтовая часть Армиевского курганно-грунтового могильника. Среди 319 вскрытых погребений наибольший интерес представляют ранние захоронения VIII–IX вв., поскольку они отражают процесс этнокультурного взаимодействия автохтонного финского населения с кочевыми тюркскими племенами. Проведенный статистический анализ показал определенную близость в наборе вещей в захоронениях с Больше-Тарханским, Лысогоровским и Мандровским некрополями, чем с мордовскими могильниками синхронного времени.

Ключевые слова: Армиевский курганно-грунтовой могильник, VIII–IX вв., Верхнее Посурье, мордва, ранние болгары.

Территория Верхнего Посурья находится на границе леса и степи и на протяжении многих веков являлась зоной этнокультурного взаимодействия между кочевым и оседлым населением.

Согласно общепринятой точке зрения, до VIII в. Верхнее Посурье представляло собой территорию, заселенную мордвой (*Полесских, 1977; Вихляев, 1977; Жиганов, 1976*). Однако на рубеже VII–VIII вв. здесь происходят важные изменения, связанные с прекращением функционирования ряда мордовских могильников. По мнению одних исследователей, в это время мордва покидает бассейн Верхней Суры и переселяется на р. Цну и р. Мокшу (*Степанов, 1967. С. 111; Вихляев, 2013. С. 163–165*), другие полагают, что мордва продолжает проживать на территории данного региона (*Полесских, 1977. С. 53; Зеленев, Зеленцова, 2012. С. 39*). Третьи считают, что мордовское население сохранилось здесь частично, уступив свое место тюркоязычным буртасам (*Халиков, 1990. С. 88–97; Белорыбкин, 2003. С. 170*). При этом заключения и тех и других основаны преимущественно на анализе поселенческих памятников. Материалы Армиевского курганно-грунтового могильника для аргументации своих выводов привлекались только А. Х. Халиковым и Г. Н. Белорыбкиным,

но и в их работах отсутствует развернутый анализ погребального обряда данного памятника особенно его грунтовой части. Между тем именно материалы грунтовых погребений позволяют проследить процессы этнической трансформации автохтонного населения Верхнего Посурья.

Армиевский курганно-грунтовой могильник (АКГМ) расположен в 3–4 км к ВСВ от центра с. Армиево Шемышейского района Пензенской области, на относительно высоком плато по левому краю верховий оврага Ош-Пандо (рис. 1).

Курганную часть в разное время исследовали П. С. Рыков, М. Р. Полесских, А. Х. Халиков и Г. Н. Белорыбкин. Грунтовая часть некрополя была выявлена в 1980 г. археологической экспедицией Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина под общим руководством А. Х. Халикова (*Халиков, 1980–1986*). Вследствие того, что памятник систематически разрушался карьером, раскопами исследовались небольшие площади, наиболее близко расположенные к краю карьера.

В течение 1980–1986 гг. было вскрыто 319 грунтовых захоронения, из которых 80 (26 %) погребальных ям оказались пустыми, без следов костяка и предметов. Еще в 102 (33 %) захоронениях имелось 1 или 2 вещи,

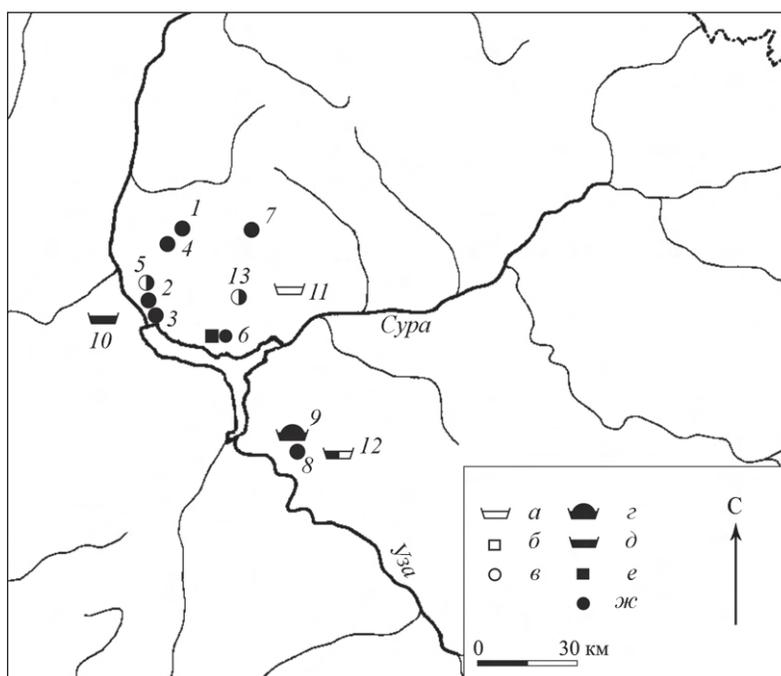

Рис. 1. Археологические памятники Верхнего Посурья VII (а–в) и VIII–IX вв. (г–ж)

1 – сел. Васильевское, VIII – нач. XI в.; 2 – сел. Ахунское, VIII – нач. XI в.; 3 – сел. Бурчица, VIII – нач. XI в.; 4 – Чемодановское сел., VIII – нач. XIII в.; 5 – Зареченское сел. IV – нач. XI в.; 6 – Золотаревское пос., VIII – нач. XIII в.; 7 – Степановское I сел., VIII – нач. XIII в.; 8 – сел. Васьянсад, VIII–XIV в.; 9 – Армиевский кгм, VIII – нач. XI в.; 10 – Кривозерский мог-к, IX – нач. XI в.; 11 – Младший Селиксенский мог-к, VI–VIII вв.; 12 – Армиевский мог-к, VI–VIII вв.; 13 – сел. Трофимлашма V–VIII вв.; а, д – грунтовые м-ки; б, е – городища; в, ж – селища; з – курганно-грунтовой м-к

в 45 погребениях (15 %) было 9 и более предметов. В 220 могильных ямах (71 %) не было зафиксировано следов человеческого костяка. Большинство погребений располагаются рядами по линии С-Ю, на различном расстоянии друг от друга.

Погребальный инвентарь встречается в подавляющем большинстве захоронений мордовских могильников VIII–XI вв., совершенных по обряду трупоположения или трупосожжения. Причем его ассортимент достаточно разнообразен. В большинстве женских погребений встречается значительное количество украшений и глиняная посуда, в мужских – орудия труда, оружие, металлические детали костюма (Петербургский, Аксенов, 2006. С. 15, 16), что разительно отличается от погребений АКГМ.

Малое количество погребального инвентаря характерно для раннеболгарских могильников Среднего Поволжья. Не содержит инвентаря подавляющее количество погребений Больше-Тарханского могиль-

ника (Степи Евразии... 1981. С. 77). Авторы раскопок, как правило, объясняют это результатом ограбления могил (Геннинг, Халиков, 1964. С. 9). В Танкеевском могильнике таких погребений, по мнению В. Ф. Геннинга и А. Х. Халикова, более 80 % (Геннинг, Халиков, 1964. С. 72). Е. А. Халикова называет другую цифру – 57 % (Халикова, 1971). По наблюдениям В. С. Флерова, особенно широко в это время обряд обезвреживания покойных широко практиковался в Маяцком могильнике, где были разрушены почти все скелеты и удалено большинство вещей из погребений (Флеров, 2000. С. 56, 57).

Могильные ямы в грунтовой части Армиевского курганно-грунтового могильника ориентированы следующим образом: СЗ-ЮВ – 73 (23 %), В-З – 189 (59 %), С-Ю – 17 (5 %), СВ-ЮЗ – 29 (8 %). Ориентировку еще 11 (5 %) могильных ям установить не удалось, т. к. большая их часть уничтожена карьером. Там, где кости сохранились, умершие располагались: головой на запад – 27, головой

на ЮЗ – 4, головой на СЗ – 10, головой на восток – 1 погребение. В 17 погребениях кости были разбросаны, еще в 10 лежали кучкой у северного, восточного или юго-западного края, либо в центре могилы.

Для верхнесурских могильников VI–VII вв. характерна ориентировка могил по линии С-Ю (Младший Селиксенский могильник, погребения Армиевского могильника из раскопок П. С. Рыкова) и ЮЗ-СВ (погребения Армиевского могильника из раскопок М. Р. Полесских). Погребения Примокшанских и Среднецининских могильников в подавляющем большинстве ориентированы по линии С-Ю с незначительными отклонениями к З или В.

Для грунтовых погребений Армиевского курганно-грунтового могильника ориентировка погребений по линии С-Ю не характерна. Ориентировки по линии С-Ю и СВ-ЮЗ в совокупности составляют здесь всего 13 %. При этом следует отметить, что среди датированных погребений VIII–IX вв. доля захоронений, ориентированных по линии С-Ю, составляет 12 %, а среди захоронений X–XI вв. их только 4 %.

Как и в Армиевском курганно-грунтовом могильнике, западная, с небольшими отклонениями, ориентировка преобладает в раннеболгарском Больше-Тарханском могильнике – 282 погребения (79 %). Там, где кости сохранились, умершие лежали головой на запад и лишь в одном случае головой на восток (Генинг, Халиков, 1964. С. 8, 22). Преобладает западная ориентировка и в Танкеевском могильнике, хотя там встречаются и погребения, ориентированные головой на восток (Степи Евразии... 1981. С. 79).

Отсутствие в погребениях АКГМ большей части костей скелета, либо их расположение не в анатомическом порядке, позволило А. Х. Халикову сделать вывод о том, что основная масса покойников была захоронена по обряду вторичного погребения (Халиков, 1990. С. 88–97). На существование подобного обряда в Армиевском курганно-грунтовом могильнике указывает и Т. В. Осипова. К обряду вторичного захоронения она относит 25 погребений данного могильника (Осипова, 2006. С. 66, 77, 78).

Хронологический анализ погребально-инвентаря грунтовых захоронений Армиевского некрополя позволил выделить 17 погребений, относящихся к периоду VIII–IX вв.: I–23, I–25, II–3, II–6, II–7, II–11, IV–7, IV–8, IV–13, V–2, V–4, VI–1, VI–3, XX–13, XX–20, XX–41, XX–43¹.

К наиболее ранним украшениям в грунтовых погребениях АКГМ следует относить кольцевую литую застежку с шестью «лапками» на внешней стороне и с петлей – на внутренней (рис. 6: б). Бытование данных элементов одежды не выходит за рамки VIII в. Бронзовые проволочные кольцевидные серьги с 14-гранным грузиком на конце (рис. 6: 11, 13) также относятся к более раннему времени. Они были обнаружены в погребении VI–VII вв. Армиевского раннего могильника (Вихляев и др., 2008. С. 139, 246, 157. Рис. 7; 8). Аналогичные серьги известны в материалах турбаслинской культуры (V–VIII вв.) (Степи Евразии... 1981. С. 152. Рис. 12: 62) и с городища Ош Пандо (Степанов, 1964. С. 143. Рис. 5: 1).

В грунтовых погребениях VIII–IX вв. в первую очередь обращают на себя внимание предметы, которые можно интерпретировать как финские этномаркеры. Это, прежде всего, сюлгамы, височные подвески с бипирамидальными грузиками, трубчатые привески, подтреугольные подвески, орнаментированные выпуклинами (рис. 2: 14, 16; 3: 1, 3; 4: 3, 5; 5: 1–5; 6: 1, 2; 7: 1; 8: 13). Такой инвентарь был обнаружен в 9 погребениях.

Интерес представляют остатки головного убора в виде тлена от кожи, расшитой парными пронизками с 10 накладками, орнаментированными выпуклинами (АКГМ погр. V–4) (рис. 5: б). Такие накладки использовались у мордвы в качестве обувных украшений (Материальная культура ... 1969. С. 103, 161. Табл. 14: 14; 44: 4) и не входили в состав головного убора. Подобная практика нестандартного использования украшений характерна при их попадании в иную этническую среду (Никитина, 1999. С. 40), что свидетельствует о своеобразии материальной культуры местного населения, которая характеризуется наличием синкретических признаков.

¹ Римские цифры обозначают раскоп, арабские – номер погребения. I–23 – раскоп I, погребение 23.

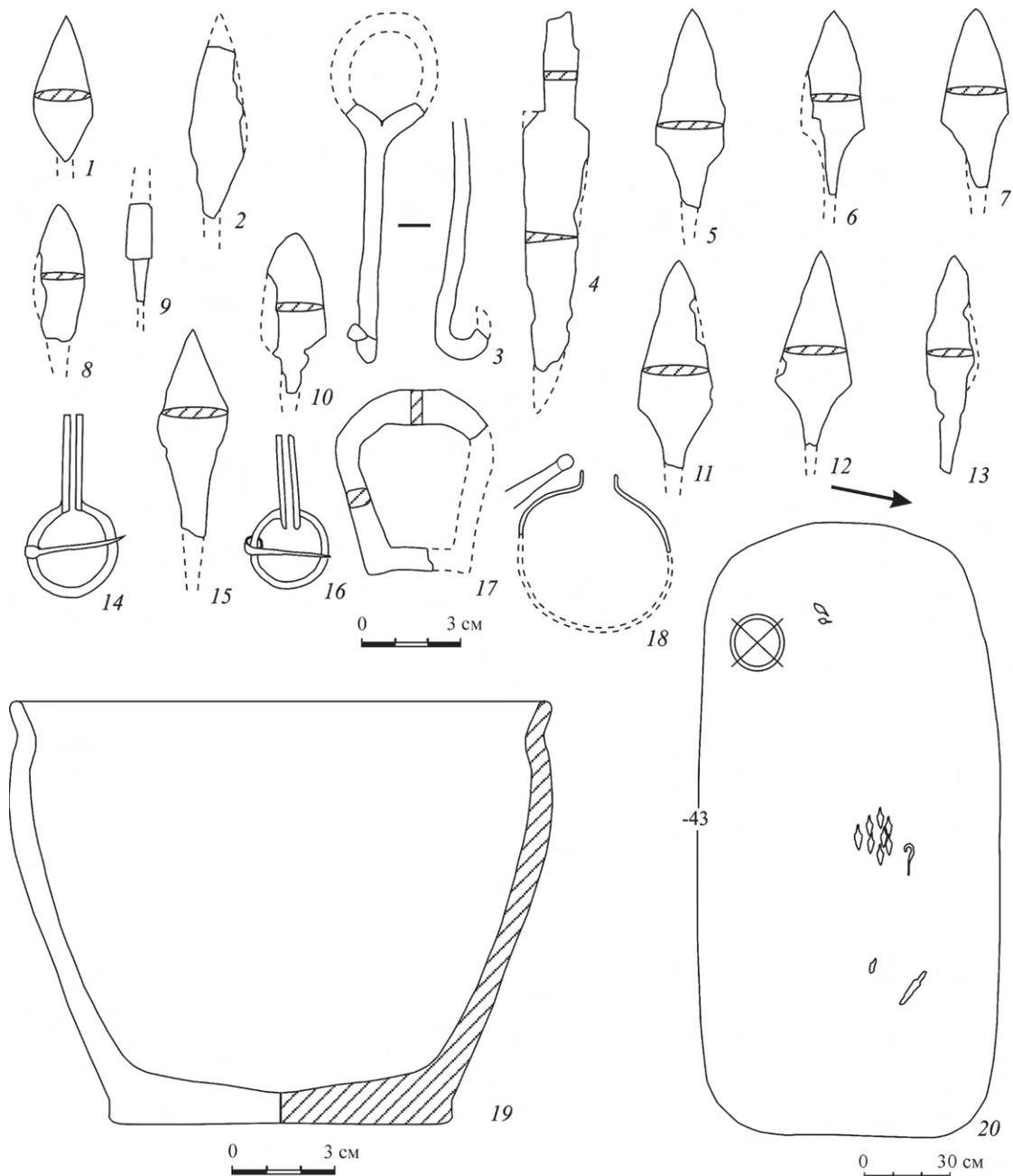

Рис. 2. Армиевский курганно-грунтовой могильник

1-13, 19 – погребение I-25; 14 – погребение I-23; 15-18 – погребение II-11;
20 – план погребения I-25. 1-13, 15, 17 – железо; 14, 16, 18 – бронза; 19 – глина

Оружие в погребениях VIII–IX вв. в основном представлено наконечниками стрел (7 погребений – 41 %) (рис. 2: 1, 2, 5–13, 15; 3: 5, 8, 10; 4: 9; 6: 10, 12; 8: 1–8). Наконечник копья (рис. 3: 7) был обнаружен только в одном погребении (6 %). Всего же в АКГМ наконечники стрел были встречены в 93 погребениях (29 %), а наконечники копий в 6 погребениях (2 %). Таким образом, можно сделать

вывод, что у населения, оставившего Армиевский курганно-грунтовой могильник, основным оружием был лук, а не копье.

В мордовских могильниках последней четверти I тыс. н.э. копья фиксируются значительно чаще. В Степановском могильнике они найдены в 11 погребениях (15 %), стрелы в 8 (11 %) (Петербургский, Аксенов, 2008. С. 71), во втором Журавкинском копья в 7

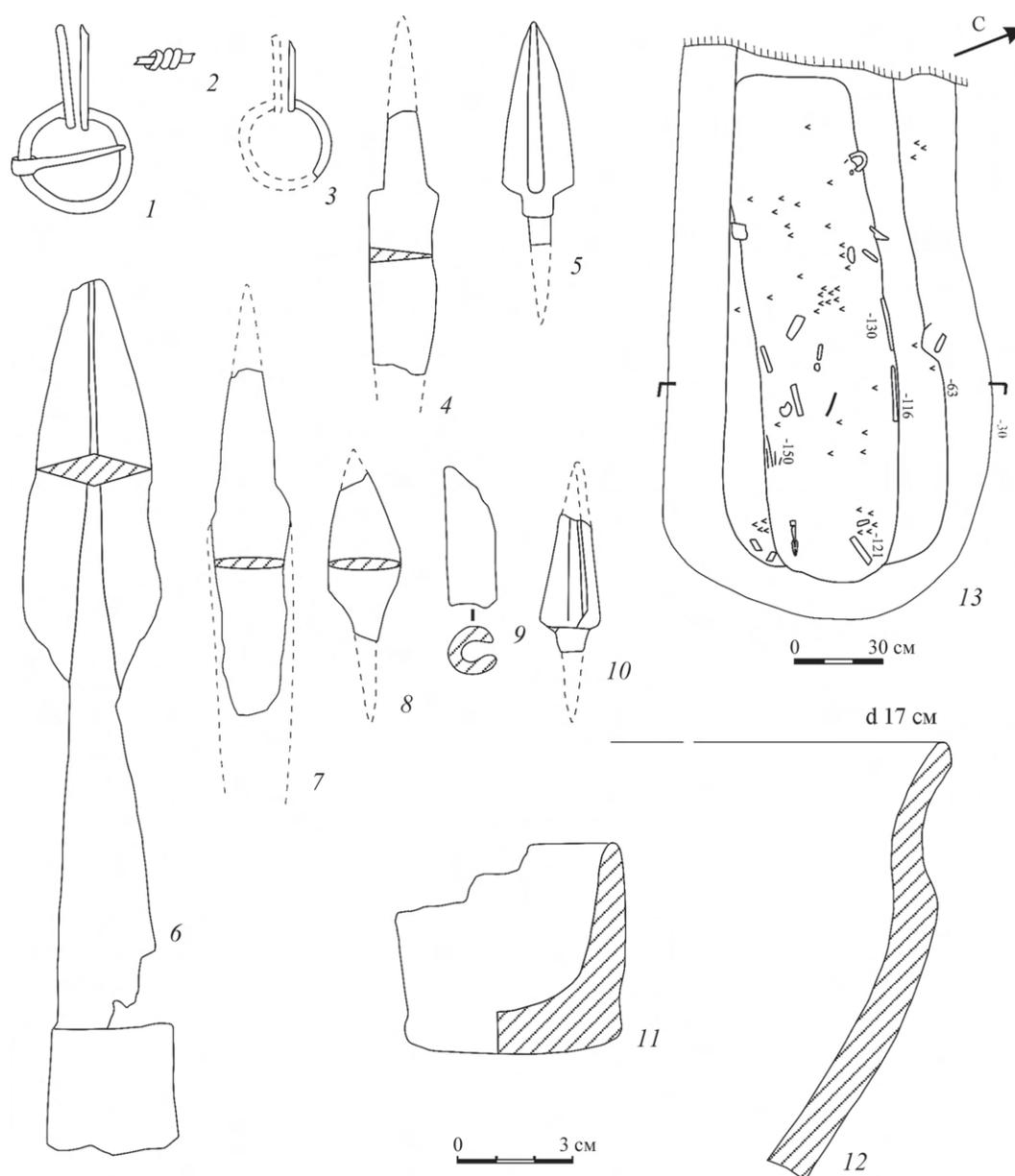

Рис. 3. Армиевский курганно-грунтовой могильник

1-3, 11 – погр. II-6; 4-9, 12 – погр. II-7; 10 – погр. II-3;
13 – план погр. II-7. 1-3 – бронза; 4-10 – железо; 11, 12 – глина

(9 %), стрелы в 5 (7 %) (*Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010. С. 50*), в Лядинском копьё в 29 (50 %), стрелы в 13 (22 %) (*Алихова, 1959. С. 21*). По мнению А.Е. Алиховой, в VIII в. лук и копьё у мордвы были распространены одинаково. В IX–X вв. лук становится менее распространенным (*Алихова, 1959. С. 21*). В Больше-Тарханском могильнике было зафиксировано всего 2 копьё (0,6 %), тогда как наконечники стрел были найдены в 29 захоронениях (8 %) (*Генинг, Халиков, 1964. С. 50*). В Лысогоровском могильнике

наконечники копий и стрел обнаружены не были (*Красильников, Красильникова, 2005. С. 211*). В Мандровском некрополе салтово-маяцкой культуры предметы вооружения представлены единственным наконечником стрелы (*Винников, Сарапулкин, 2008. С. 36*). По наблюдениям А.В. Комара и О.В. Сухобокова, лук и стрелы являются обязательным атрибутом подкурганых хазарских погребений VII–VIII вв. Основная масса наконечников копий происходит из хазарских погребений, совершенных по обряду кремации,

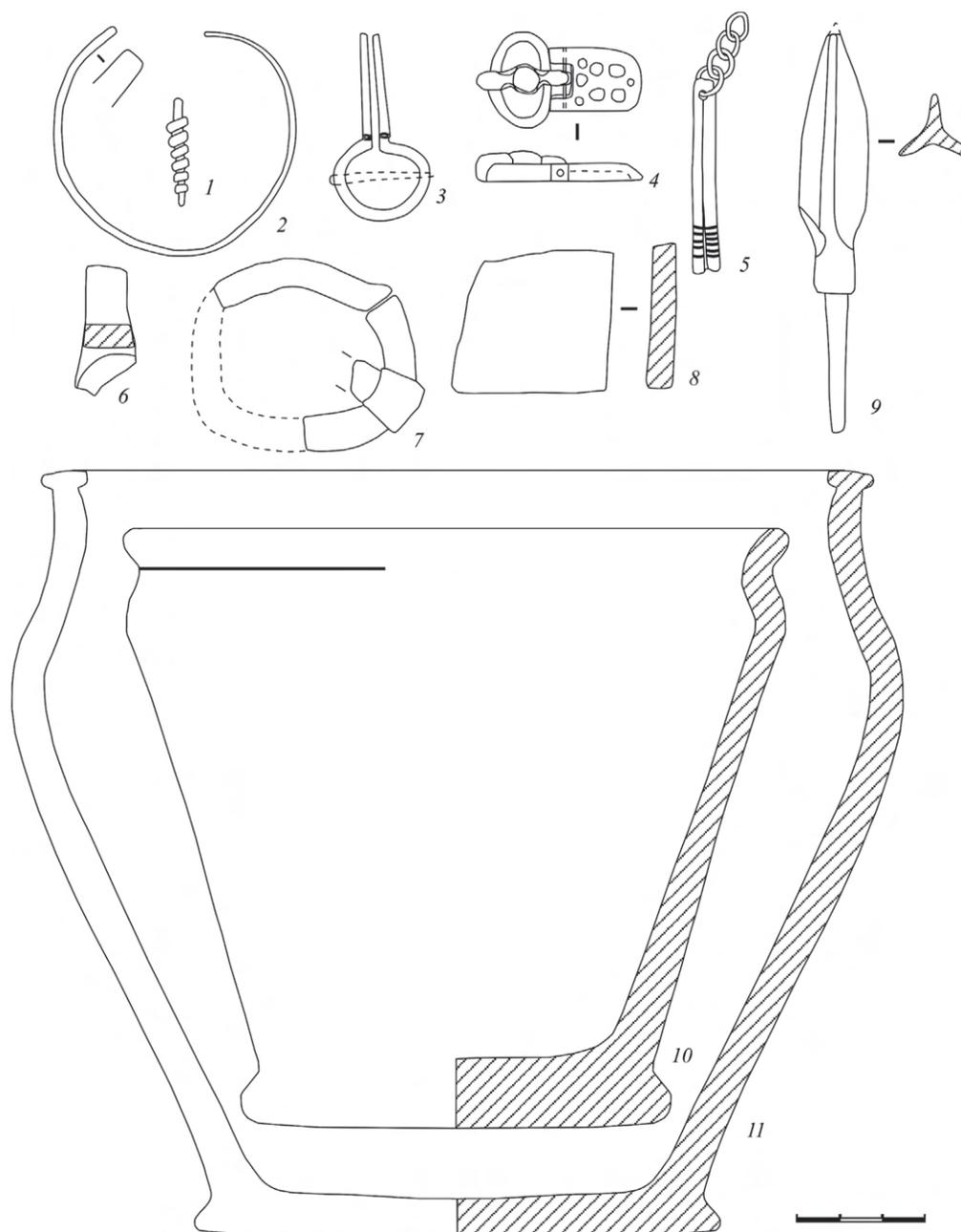

Рис. 4. Армиевский курганно-грунтовой могильник

1, 4, 6-11 – погр. IV-8; 2, 3, 5 – погр. IV-7.

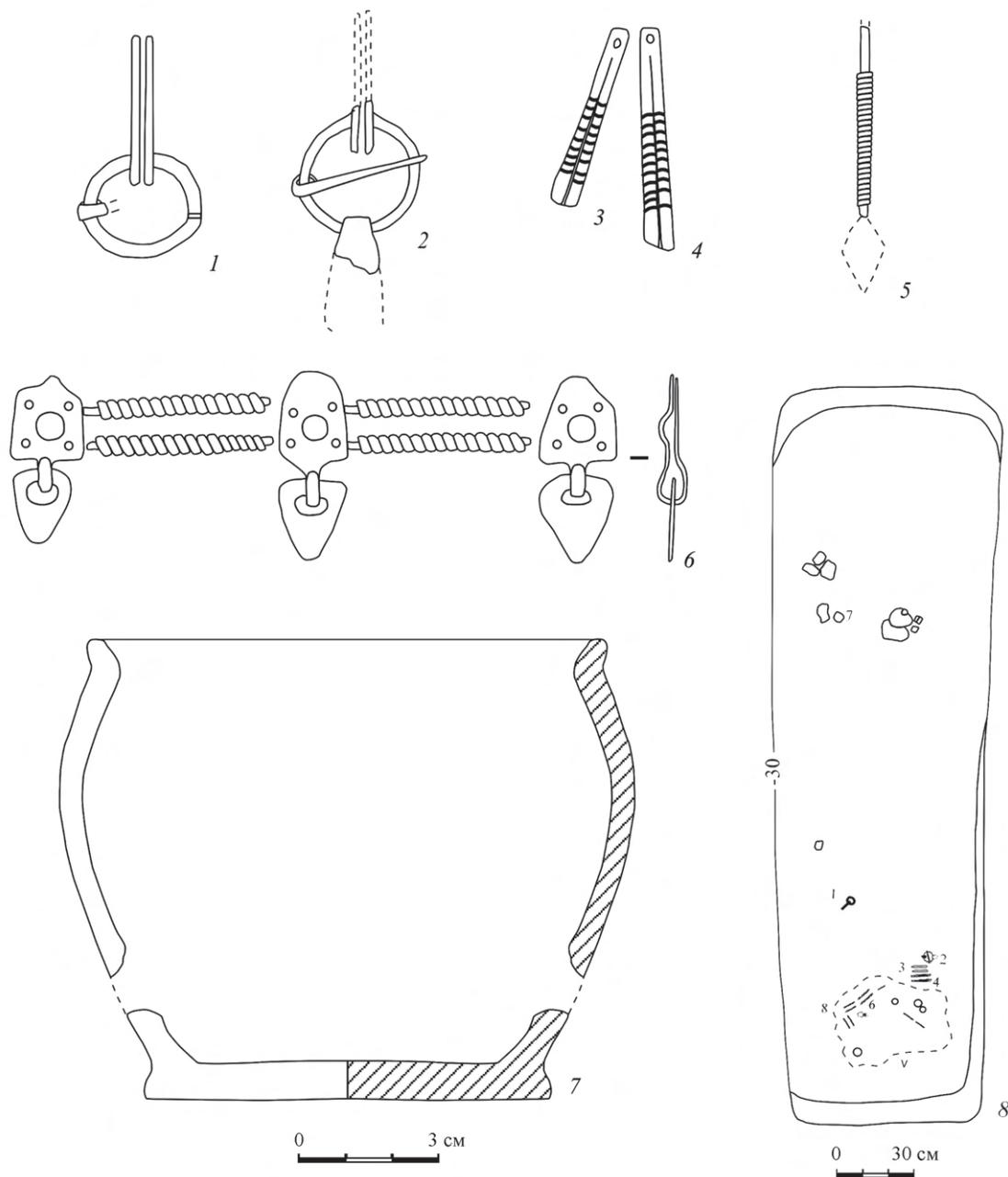
1-5 – бронза; 6, 7, 9 – железо; 8 – сланец; 10, 11 – глина

в аланских, болгарских и подкурганых захарских погребениях находки копий единичны (Комаф, Сухобок, 2000).

Инвентарь в большинстве захоронений Армиевского курганно-грунтового могильника расположен без определенного порядка. В 11 погребениях (65 %) были обнаружены керамические сосуды, как правило, это 1 или 2 горшка. Всего на могильнике посуда была встречена в 152 погребениях (49 %). Анализ

расположения в могильных ямах керамической посуды закономерностей не выявил, что также может косвенно свидетельствовать о неустоявшемся погребальном обряде.

Для мордовских могильников синхронного времени характерно расположение горшков в женских захоронениях в области головы. В Степановском и во Втором Журавкинском могильниках горшки зафиксированы в женских погребениях, обычно,

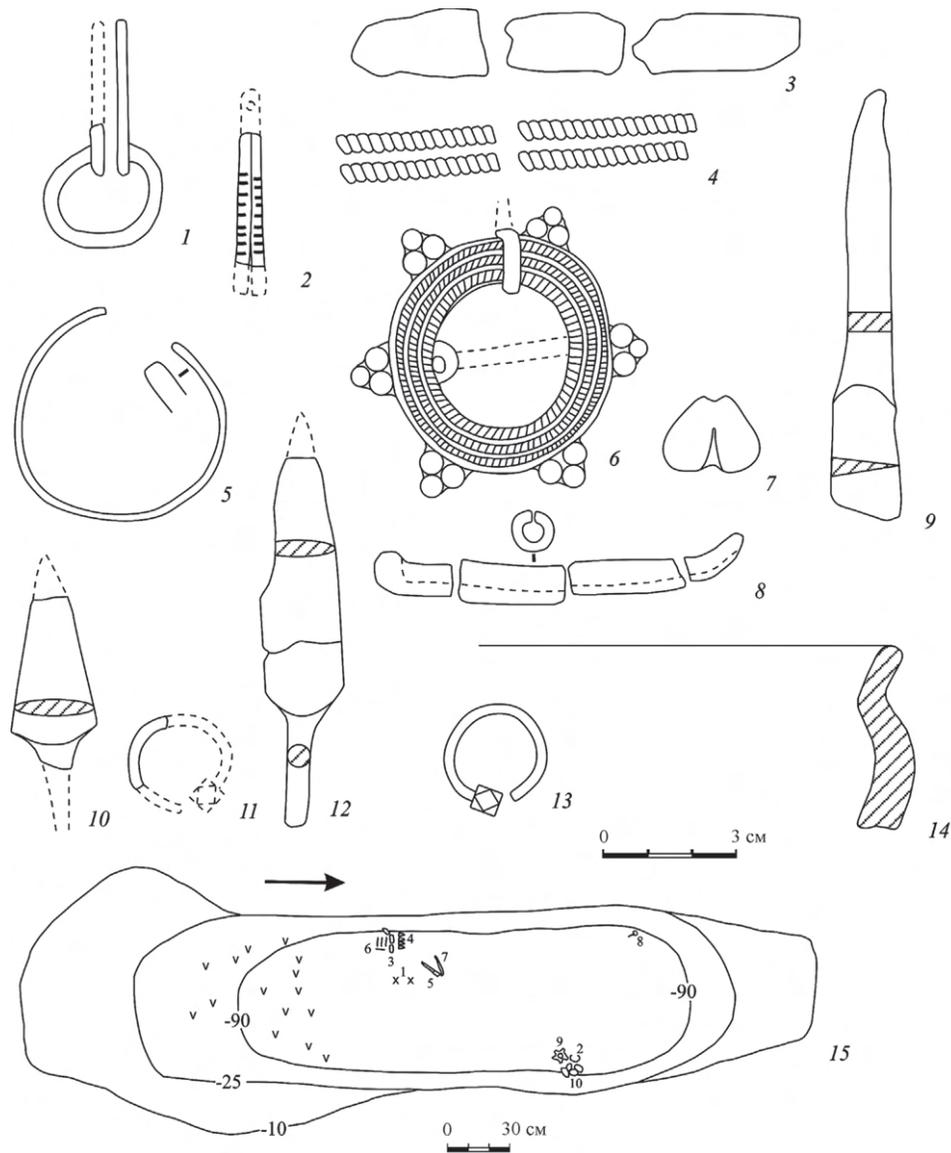

**Рис. 5. Армиевский курганно-грунтовой могильник.
План погребения V-2 (8) и находки из него (1-7)**

1-6 – бронза; 7 – глина

в области головы и реже в ногах. Во втором Журавкинском могильнике помимо женских горшков был найден и в одном мужском погребении с кремацией (Петербургский, Аксенов, 2008. С. 46; Петербургский, Вишляев, Святкин, 2010. С. 38). В раннеболгарских могильниках на Средней Волге сосуды располагались, как правило, в изголовье. Лепные горшки встречались в массе детских и подростковых захоронений (Генинг, Халиков, 1964. С. 26-28).

В четырех рассматриваемых погребениях Армиевского могильника имелись так называемые заплечики (рис. 3: 13; 5: 8; 6: 15; 9). В погребении II-7 это могли быть выступы для деревянных плахов, которые лежали на специально вырубленных для этого заплечиках (рис. 3: 13). В погребении V-4, по-видимому, это свидетельства позднего вмешательства для проведения ритуальных действий (рис. 6: 15).

**Рис. 6. Армиевский курганно-грунтовой могильник.
Вещи из погребений (1-14) и план погребения V-4 (15)**

1-9- погр. V-4; 10-12, 14- погр. VI-3; 13- погр. VI-1.
1-7- бронза; 8-10, 12- железо; 11, 13- серебро; 14- глина

Могильные ямы с заплечиками (86 погребений – 35 %) были прослежены в Больше-Тарханском могильнике, где в большинстве случаев на них укладывались деревянные перекрытия для создания своего рода погребальной камеры (Генинг, Халиков, 1964. С. 10, 12). В Танкеевском могильнике процент ям с внутренними конструкциями снижается до 6 % (Степи Евразии... 1981. С. 79). Погребения с заплечиками достаточно широко известны и в салтово-маяцкой культуре (Красильников, Красильникова, 2005. С. 208, 229. Рис. 15). Для большинства мордовских

могильников VIII – начала XI в. деревянные обкладки дна и бортов могил в целом не характерны.

В заполнении 13 могильных ям (80 %) зафиксированы угли или пятна прокала. Данная статистика указывает на особое место огня в погребальном обряде армиевцев. Следует также отметить, что инвентарь или кости в рассматриваемых погребениях следов воздействия огня не имели. Возможно, в могильную засыпку попадали остатки кострища, на котором готовилась поминальная тризна, т.к. в заполнении многих ям

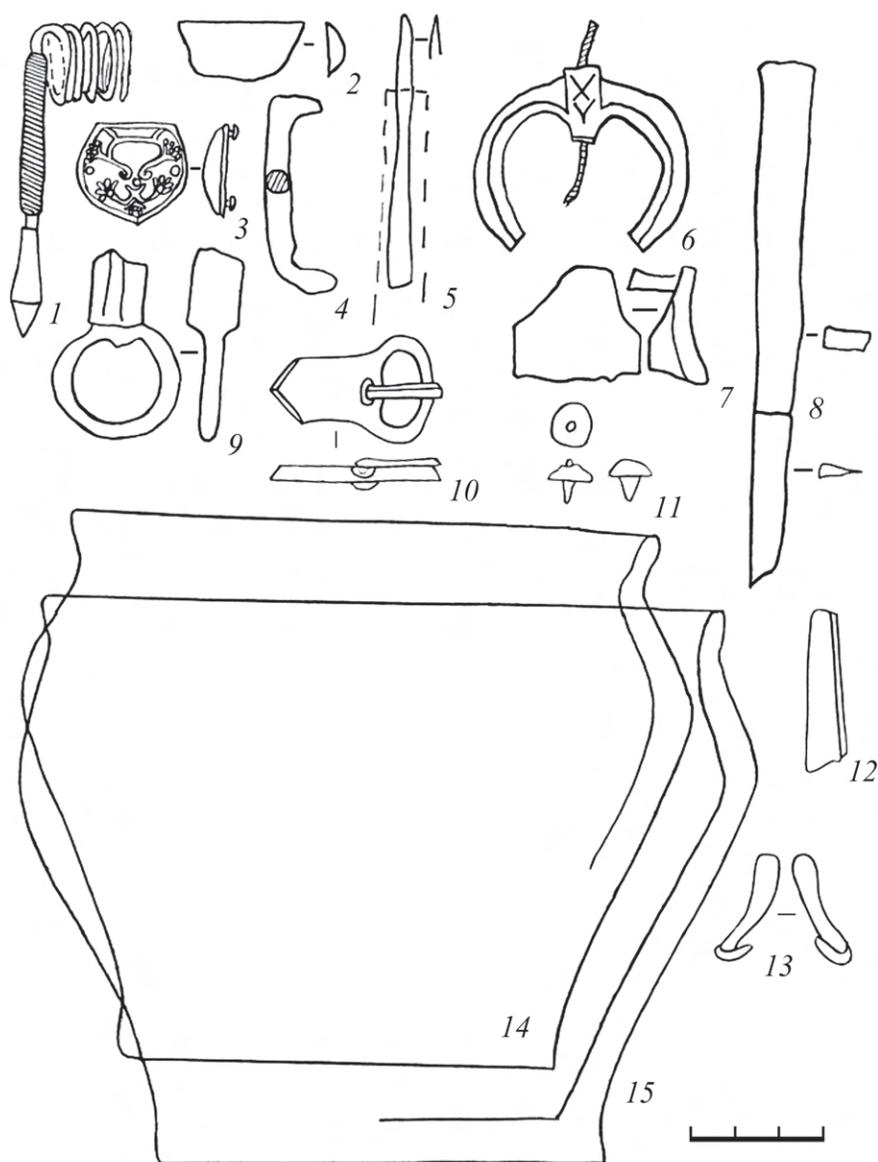

Рис. 7. Армиевский курганно-грунтовой могильник. Вещи из погребений

1-9, 14, 15 – погр. XX-13; 10-13 – погр. XX-41.

1, 3 – серебро; 2, 4, 5, 7-9, 11-13 – железо; 6, 10 – бронза; 14, 15 – глина

встречаются фрагменты керамики, зубы и кости коров, свиней, баранов и лошадей.

Безынвентарность большей части грунтовых погребений Армиевского курганно-грунтового могильника затрудняет установление их хронологии и, в конечном итоге, не позволяет в полном объеме реконструировать динамику изменений, происходящих в жизни, оставившей данный памятник общности. Тем не менее в результате комплексного анализа погребального ин-

вентаря, выполненного с учетом планиграфии расположения могильных ям на памятнике, нами были сделаны определенные наблюдения.

Была установлена хронология совершения 81 грунтового погребения с точностью до столетия:

VIII в. – 4 погребения (2 – С-Ю, 2 – СВ-ЮЗ)².

IX в. – 13 погребений (5 – В-З, 1 – СВ-ЮЗ, 7 – СЗ-ЮВ).

² В скобках указывается ориентировка могильных ям: С-Ю – север-юг; СВ-ЮЗ – северо-восток-юго-запад; В-З – восток-запад; СЗ-ЮВ – северо-запад-юго-восток.

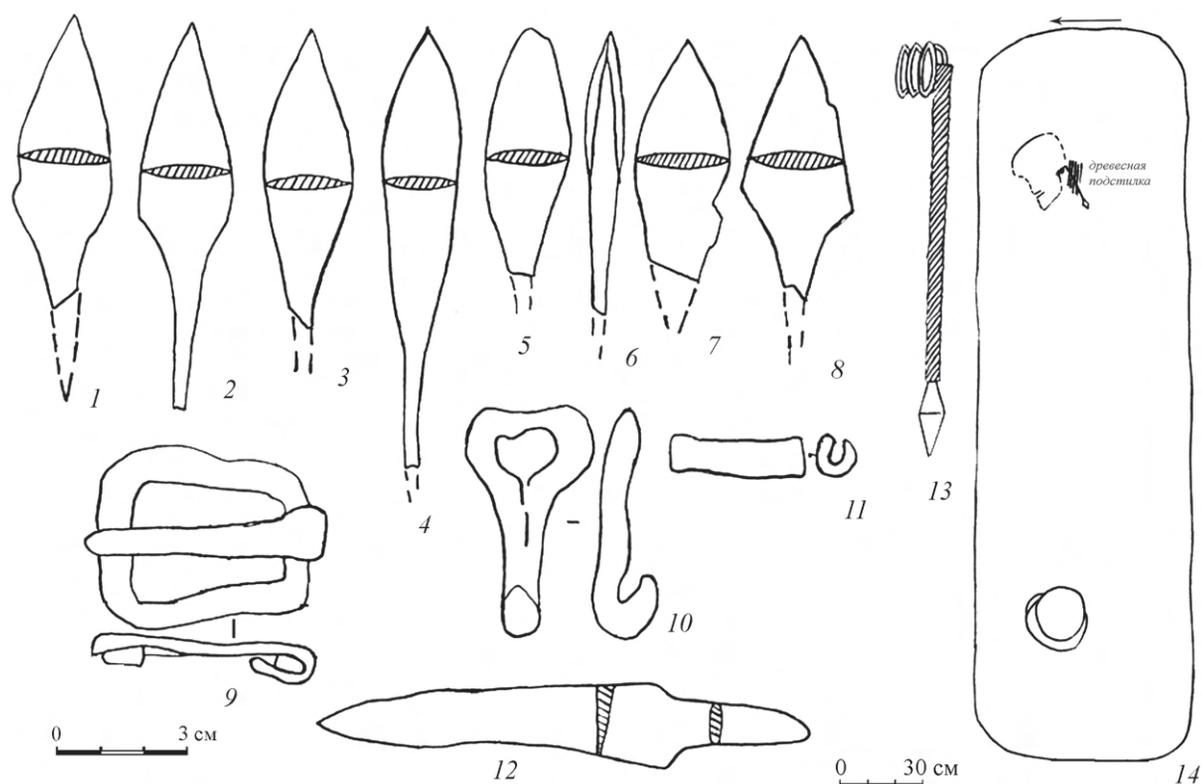

Рис. 8. Армиевский курганно-грунтовой могильник.
Находки из погребения XX-20 (1-12) и XX-43 (13). План погребения XX-43 (14)
1-12 – железо; 13 – серебро

X в. – 51 погребение (30 – В-3, 4 – С-Ю, 8 – СВ-ЮЗ, 9 – СЗ-ЮВ).

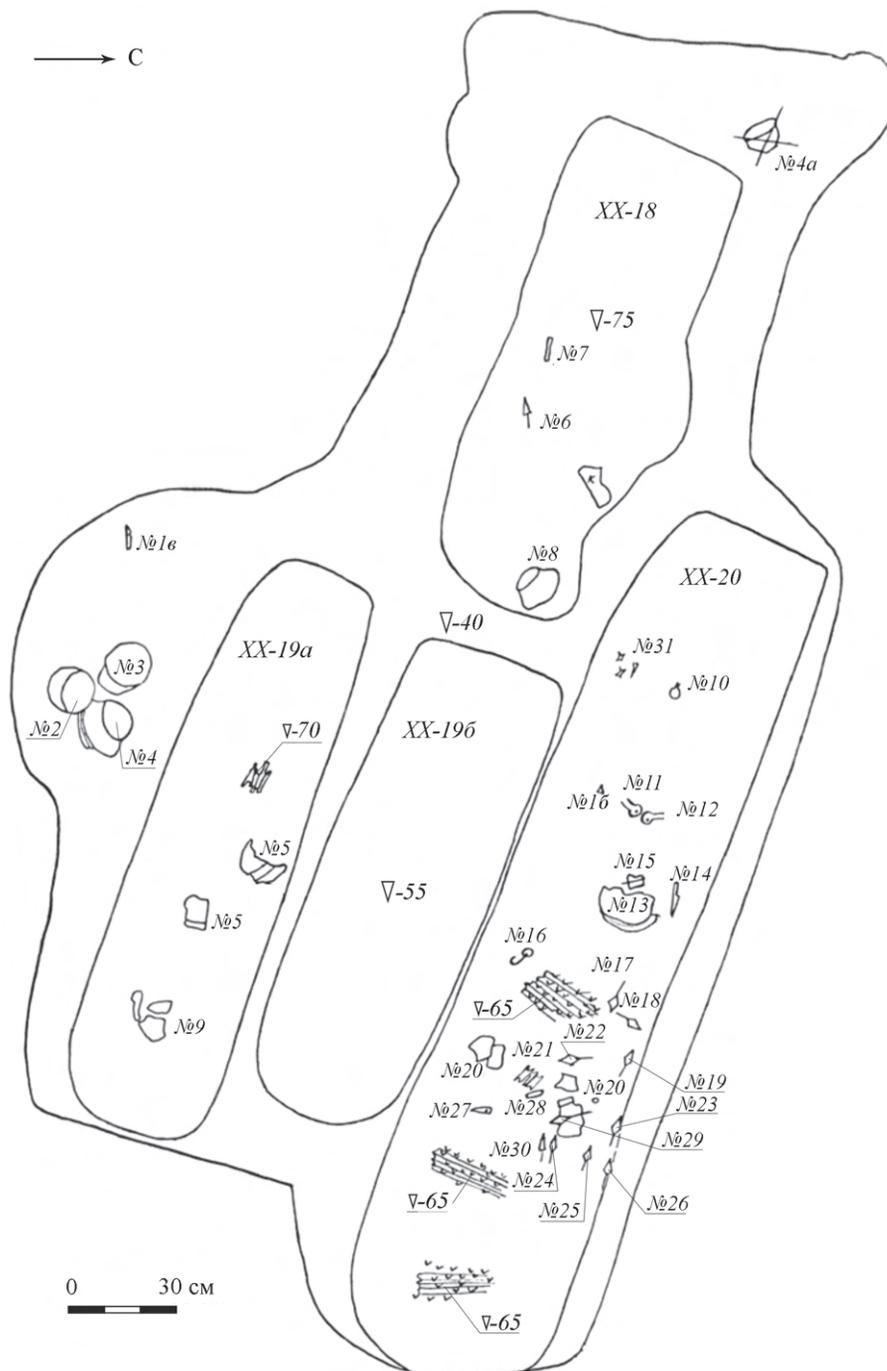
XI в. – 13 погребений (11 – В-3, 2 – СЗ-ЮВ).

Подобное распределение погребений на памятнике указывает на то, что грунтовая часть Армиевского курганно-грунтового могильника начала функционировать в VIII в., а время его наиболее интенсивного использования приходится на X в. Судя по распределению ориентировки захоронений по хронологическим периодам, в VIII в. могильные ямы располагались по линии С-Ю и СВ-ЮЗ. Истоки такой ориентировки следует искать в старшем Армиевском могильнике, где доминировало расположение погребений по линии С-Ю, СВ-ЮЗ.

В IX в. доминирующей становится ориентировка по линии В-З (38 %) и СЗ-ЮВ (54 %), количество могильных ям ориентированных СВ-ЮЗ снижается (8 %), а по линии С-Ю датированных погребений не зафиксировано совсем. Подобная дестабилизация погребального обряда, на наш взгляд, свидетельствует о наличии в VIII-IX вв. интенсивных этнокуль-

турных контактов местного населения с какой-то группой мигрантов, не относящихся к мордве. Поскольку на сопредельных территориях, где мордва не испытывает подобного инокультурного воздействия, наблюдается развитие прежних погребальных традиций. Так, например, в среднецинских могильниках второй половины VIII – IX в. преобладают погребения, ориентированные головой на юг и юго-восток (Зеленцова, 1998. С. 15).

Таким образом, до VII в. на территории Верхнего Посурья проживала мордва, которая в большинстве случаев практиковала труположение головой на юг и юго-запад. В VII в. прекращает функционировать ряд верхнесурских погребальных памятников. Исследователями это связывается с массовой миграцией на северо-запад в Примокшанье и на Среднюю Цну. В VIII в. в Верхнем Посурье начинает функционировать Армиевский курганно-грунтовой могильник, где для первого периода (VIII-IX вв.) характерна различная ориентировка могильных ям, которая может свидетельствовать об интенсивных этнокультурных контактах. Погребальный

**Рис. 9. Армиевский курганно-грунтовой могильник.
План погребений XX-18, XX-19а, XX-19б, XX-20**

обряд этого периода значительно отличается от практиковавшегося на этой территории в предшествующее время и от бытовавшего на средней Цне и в Примокшанье. Значительная часть типично мордовского инвентаря, и в тоже время особый погребальный обряд, не характерный для финнов, в грунтовых погребениях Армиевского курганно-грунтового могильника VIII–IX вв. может

свидетельствовать о том, что под иноэтничным влиянием мордовские погребальные традиции, практиковавшиеся на территории Верхнего Посурья, в предшествующий период претерпевают серьезные изменения.

Вероятно, указанные изменения связаны с воздействием кочевников. Подтверждением этого служат довольно близкие черты в салтовском раннеболгарском Лысогорском мо-

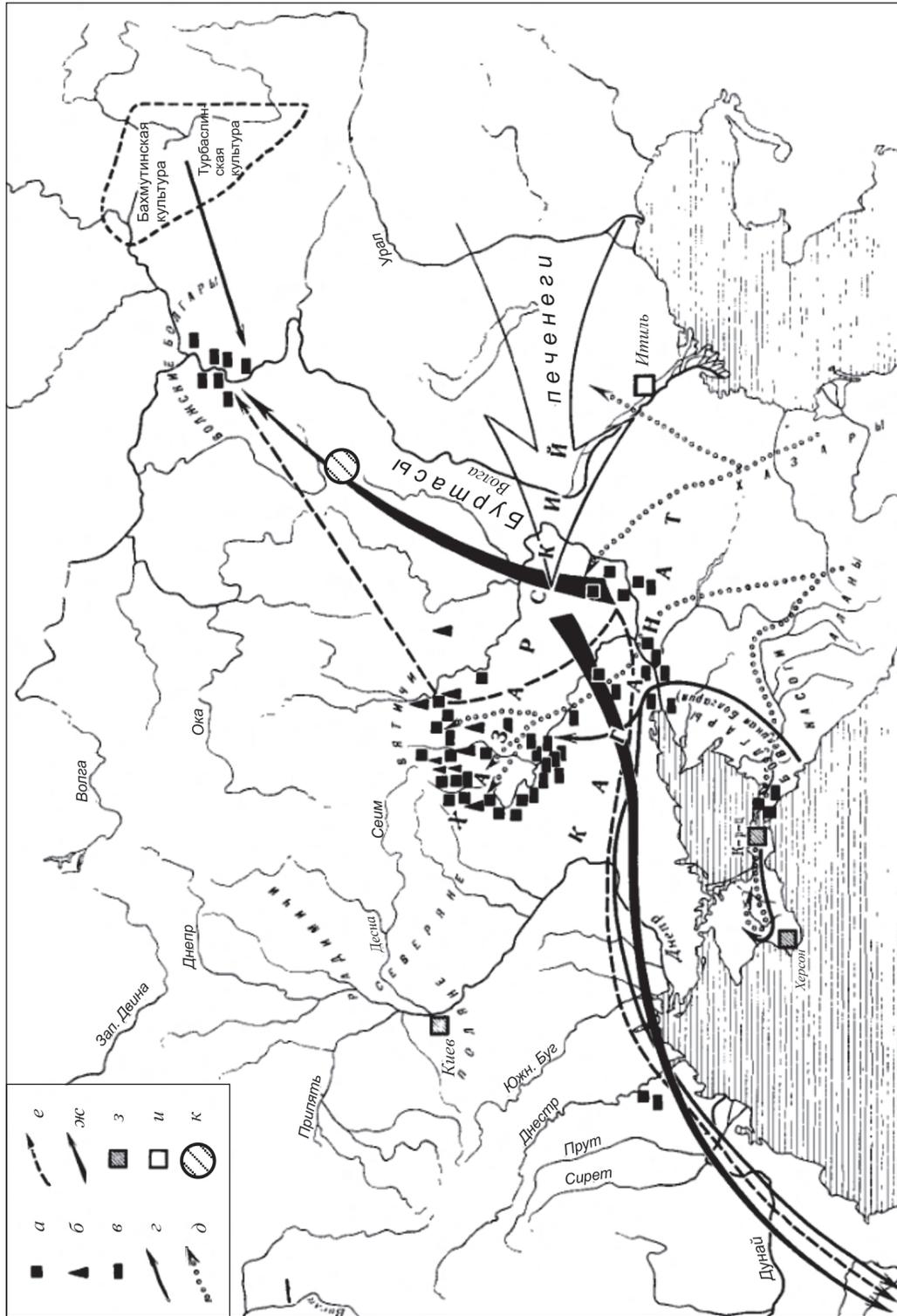

Рис. 10. Основные направления передвижения кочевых племен в Восточной Европе в VII – начале X в. (по: Стени Евразии... 1981. С. 153)

а – городища; б – катакомбные м-ки; в – ямные м-ки; г – перекочка болгар в VII в.; д – переселение алан, авар и хазар в VIII в.; е – переселения праболгар в начале IX в.; жс – переселения праболгар в нач. X в.; з – русский город; и – предполагаемое место города Итиля; к – Армиевский курганно-грунтовой м-к

гильнике, расположенном в Среднем Подонье. Там фиксируется 81 % безынвентарных погребений, могильные ямы ориентированы по линии З–В, 33 % захоронений имеют внутримогильную конструкцию в виде заплечиков (Красильников, Красильникова, 2005. С. 206, 207). Возможно, при миграции на Среднюю Волгу часть носителей салтово-маяцкой культуры осела в Верхнем Посурье.

Часть прежнего армиевского (мордовского) населения под давлением пришедших сюда раннеболгарских племен смещается на северо-запад в Примокшанье и на Среднюю Цну (Зеленцова, 1998. С. 17).

О переселении в VIII–IX вв. болгар из Подонья на Среднюю Волгу свидетельствуют раннеболгарские могильники Танкеевский и Больше-Тарханский, которые начинают функционировать в IX в. (рис. 10). Основная часть погребений там ориентированы по линии З–В, умершие в большинстве случаев лежат головой на запад (Степи Евразии... 1981. С. 78, 79). Следует отметить, что подавляющая часть погребений этих некрополей, по мнению авторов раскопок, была в древности ограблена (Геннинг, Халиков, 1964. С. 9, 72). Не исключено, что это было связано с погребальной обрядностью. Это также говорит в пользу того, что западную ориентировку и особый погребальный обряд в Армиевском курганно-грунтового могильнике следует связывать с кочевническими племенами, мигрирующими в Среднее Поволжье. Косвенно это может подтверждаться и нали-

чием финских вещей среди погребального инвентаря болгарских некрополей (Геннинг, Халиков, 1964. С. 64, 153–162. Табл. XVI).

Тем не менее основную массу инвентаря АКГМ и ориентировку умерших по линии С–Ю следует считать мордовской погребальной традицией. В то время как остатки внутримогильных конструкций, ориентировка по линии З–В, особый обряд захоронения указывает на связи с раннеболгарскими племенами.

В целом можно сказать, что, судя по изменениям, произошедшим в погребальном обряде грунтовых захоронений в VIII–IX вв., серьезное влияние на местное население оказывали представители иной, не финноязычной общности. Вероятнее всего, это были тюркские племена болгар, мигрирующее из Подонья на Среднюю Волгу. Подтверждением этого служат близость погребального обряда Армиевского курганно-грунтового могильника и болгарских некрополей в Подонье и на Средней Волге. Дополнительным аргументом может служить набор погребального инвентаря АКГМ. Проведенный статистический анализ показал определенную близость в наборе вещей в захоронениях с Больше-Тарханским, Лысогоровским и Мандровским некрополями, чем с мордовскими могильниками синхронного времени.

Выводы, представленные в настоящей статье носят предварительный характер и будут уточняться по мере продолжения исследований.

Литература

- Алихова А. Е., 1959. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск: Мордовское книжное издательство. (Археологический сборник. Т. II). 215 с.
- Белорыбкин Г. Н., 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза: издательство ПГПУ им. В. Г. Беллинского. 200 с.
- Винников А. З., Сарапулкин В. А., 2008. Болгары в Поосколье (Мандровский могильник). Воронеж: ВГПУ. 107 с.
- Вихляев В. И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордовское книжное изд-во. 105 с.
- Вихляев В. И., 2013. Расселение мордвы в III – начале XIII в. // Поволжская археология. № 2 (4). Казань: изд-во «Фэн» АН РТ. С. 162–170.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь. 352 с.
- Геннинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука. 201 с.
- Жиганов М. Ф., 1976. Память веков. Саранск: Мордовское книжное изд-во. 140 с.
- Зеленева Ю. А., Зеленцова О. В., 2012. Средневековая мордва по археологическим данным // Поволжская археология. Казань: ИИ АН РТ. С. 37–47.

- Зеленцова О. В., 1998. Хронология и периодизация среднецнинских могильников древней мордвы: автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. М. 18 с.
- Комар А. В., Сухобоков О. В., 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата // Восточноевропейский археологический журнал. № 2 (3). Киев: Институт археологии НАН Украины. С. 5–69.
- Красильников К. И., Красильникова Л. И., 2005. Могильник у села Лысогоровка – новый источник по этноистории степей Подонцовья раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Донецк: Донецкий государственный университет. С. 187–244.
- Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 гг.). Археологический сборник. Т. III. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1969. 176 с.
- Никитина Т. Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Тр. Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: МарНИИ им. В. М. Васильева. Т. V. 160 с.
- Осипова Т. В., 2006. Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. Пенза. 250 с.
- Петербургский И. М., Аксенов В. Н., 2006. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Изд-во Мордовского Университета. 148 с.
- Петербургский И. М., Аксенов В. Н., 2008. Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Изд-во «Красный Октябрь». 168 с.
- Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В., 2010. Второй Журавкинский могильник. Саранск: Изд-во «Красный Октябрь». 132 с.
- Полеских М. Р., 1977. Древнее население Верхнего Посурья и Примокшанья: Археологические очерки. Пенза: Приволжское книжное изд-во. 88 с.
- Степанов П. Д., 1964. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа. С. 136–147.
- Степанов П. Д., 1967. Ош Пандо. Саранск: Мордовское книжное из-во. 137 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья Археология СССР / Под ред. С. А. Плетневой. М.: ИА РАН, 1981. (Археология СССР). 304 с.
- Халиков А. Х., 1981. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в 1980 г. Пензенская область / Архив ИА РАН. Р-1. № 7996.
- Халиков А. Х., 1982. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции в Пензенской области в 1981 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 8800.
- Халиков А. Х., Белорыбкин Г. Н., 1983. Отчет об исследовании Больше-Тиганского могильника, об археологических наблюдениях в г. Казани и о работах Армиевской археологической экспедиции в Пензенской области в 1982 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9060.
- Халиков А. Х., Белорыбкин Г. Н., 1984. Отчет о работах Армиевско-Пензенской археологической экспедиции в 1983 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9507.
- Халиков А. Х., 1985. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции. Пензенская область в 1984 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9700.
- Халиков А. Х., 1986. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции. Пензенская область. 1985 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10402.
- Халиков А. Х., 1987. Отчет о работах Армиевской археологической экспедиции, в г. Казани, в с. Биллярске и окрестностях Татарской АССР и в Пензенской области. 1986 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 11690.
- Халиков А. Х., 1990. Бургасы и их историко-археологическое определение // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема бургасов (тезисы к межобластной научной конференции 23–27 января 1990 г.). Пенза: ПО Полиграфист. С. 88–97.
- Халикова Е. А., 1971. Погребальный обряд Танкеевского могильника: (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР. С. 64–93.
- Флеров В. С., 2000. Розыскания по обряду обезвреживания погребенных в раннесредневековой Восточной Европе // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. I. Донецк: Донецкий гос. ун-т. С. 55–74.

P. I. Safronov

Early Stage of the Armiyevo Mound-Flat Grave Burial Ground Functioning

Summary. During the 1980–1986 excavations in Shemysheysky area of Penza region conducted under A.H. Khalikov the flat grave part of the Armiyevo mound-flat grave burial ground was explored. Among 319 dug graves the most interesting are the early ones of the 8th – 9th cc., because they reflect the process of ethnic-cultural interaction between the indigenous Finnish population with Turkic nomadic tribes. The conducted statistical analysis showed a larger similarity between the assemblages from the Bolshe-Tarkhansky, Lysogorovsky and Mandrovsky cemeteries, than that with the Mordva burial grounds of the synchronous period.

Key-words: the Armiyevo mound-flat grave burial ground, the 8th – 9th cc., the Upper Sura, the Mordva, early Bulgarians.

List of figures

Fig. 1. Archaeological map of the 7th – 9th cc. Upper Sura

7 (а–в) и 8–9 cc. (г–ж)

Fig. 2. The Armiyevo burial ground

1–13, 19 – gr. I-25; 14 – gr. I-23; 15–18 – gr. II-11; 20 – plan of gr. I-25. 1–13, 15, 17 – iron; 14, 16, 18 – bronze; 19 – clay

Fig. 3. The Armiyevo burial ground

1–3, 11 – gr. II-6; 4–9, 12 – gr. II-7; 10 – gr. II-3; 13 – plan of gr. II-7. 1–3 – bronze; 4–10 – iron; 11, 12 – clay

Fig. 4. The Armiyevo burial ground

1, 4, 6–11 – gr. IV-8; 2, 3, 5 – gr. IV-7. 1–5 – gr.; 6, 7, 9 – iron; 8 – slate; 10, 11 – clay

Fig. 5. The Armiyevo burial ground. Plan of grave V-2 (8) and artefacts found there (1–7)

1–6 – bronze; 7 – clay

Fig. 6. The Armiyevo burial ground. Artefacts from graves (1–14) and plan of grave V-4 (15)

1–9 – gr. V-4; 10–12, 14 – gr. VI-3; 13 – gr. VI-1. 1–7 – bronze; 8–10, 12 – iron; 11, 13 – silver; 14 – clay

Fig. 7. The Armiyevo burial ground. Artefacts from graves

1–9, 14, 15 – gr. XX-13; 10–13 – gr. XX-41. 1, 3 – silver; 2, 4, 5, 7–9, 11–13 – iron; 6, 10 – bronze; 14, 15 – clay

Fig. 8. The Armiyevo burial ground. Artefacts from graves XX-20 (1–12) and XX-43 (13). Plan of grave XX-43 (14)

1–12 – iron; 13 – silver

Fig. 9. The Armiyevo burial ground. Plan of graves XX-18, XX-19a, XX-19b, XX-20

Fig. 10. The main directions of nomadic tribes' migration in Eastern Europe in the 7th – early 10th c. (after S. A. Pletneva)

a – settlements; *b* – catacomb burial grounds; *c* – pit grave burial grounds; *d* – migration of Bulgarians in the 7th c.; *e* – migrations of the Alans, Avars and Khazars in the 8th c.; *f* – migrations of the Proto-Bulgarians in early 9th c.; *g* – migrations of the Proto-Bulgarians in early 10th c.; *h* – Russian settlement; *i* – the alleged site of the city of Atil

О. В. Зеленцова

Лунничные височные кольца в уборе поволжских финнов

Резюме. Лунничные височные кольца являются одним из маркеров муромской культуры эпохи раннего средневековья. Типологический анализ на основе соотношения общего диаметра лунницы к диаметру отверстия позволили разделить 51 экземпляр этих украшений из Подболотьевского могильника на 3 группы. Анализ взаимовстречаемости этого украшения с другими деталями костюма подтвердил объективность полученных групп и показал, что со временем размер этого украшения увеличивается. Лунничные височные кольца появляются в IX в. и вплоть до XI в. вместе с височными кольцами «муромского» типа сохраняются как атрибут традиционного муромского костюма.

Ключевые слова: поволжские финны, муромские племена, грунтовые могильники, украшения, лунничные височные кольца, лунницы, типологический анализ, хронология.

Лунничные височные кольца считаются одним из атрибутов муромской культуры. Еще В. А. Городцов, описывая убранство женских погребений Подболотьевского могильника, отмечал, что в шести погребениях с височными кольцами, «весьма популярным у муромы», были обнаружены лунницы (Городцов, 1910. С. 58). В. П. Левашева лунничные височные кольца соотносила с муромским племенем и такие находки в русских памятниках считала результатом контактов с муромой в XI–XII вв. (Левашева, 1967. С. 36). Н. В. Тухтина, подробно рассмотревшая головной убор муромы, отмечала, что эти украшения не известны за пределами муромских территорий и датировала их по находкам с глазовскими гривнами IX–X вв. (Тухтина, 1997. С. 116). Этим же временем датировали лунничные височные кольца другие исследователи (Голубева, 1987. С. 88; Гришаков, Зеленева, 1990. С. 29).

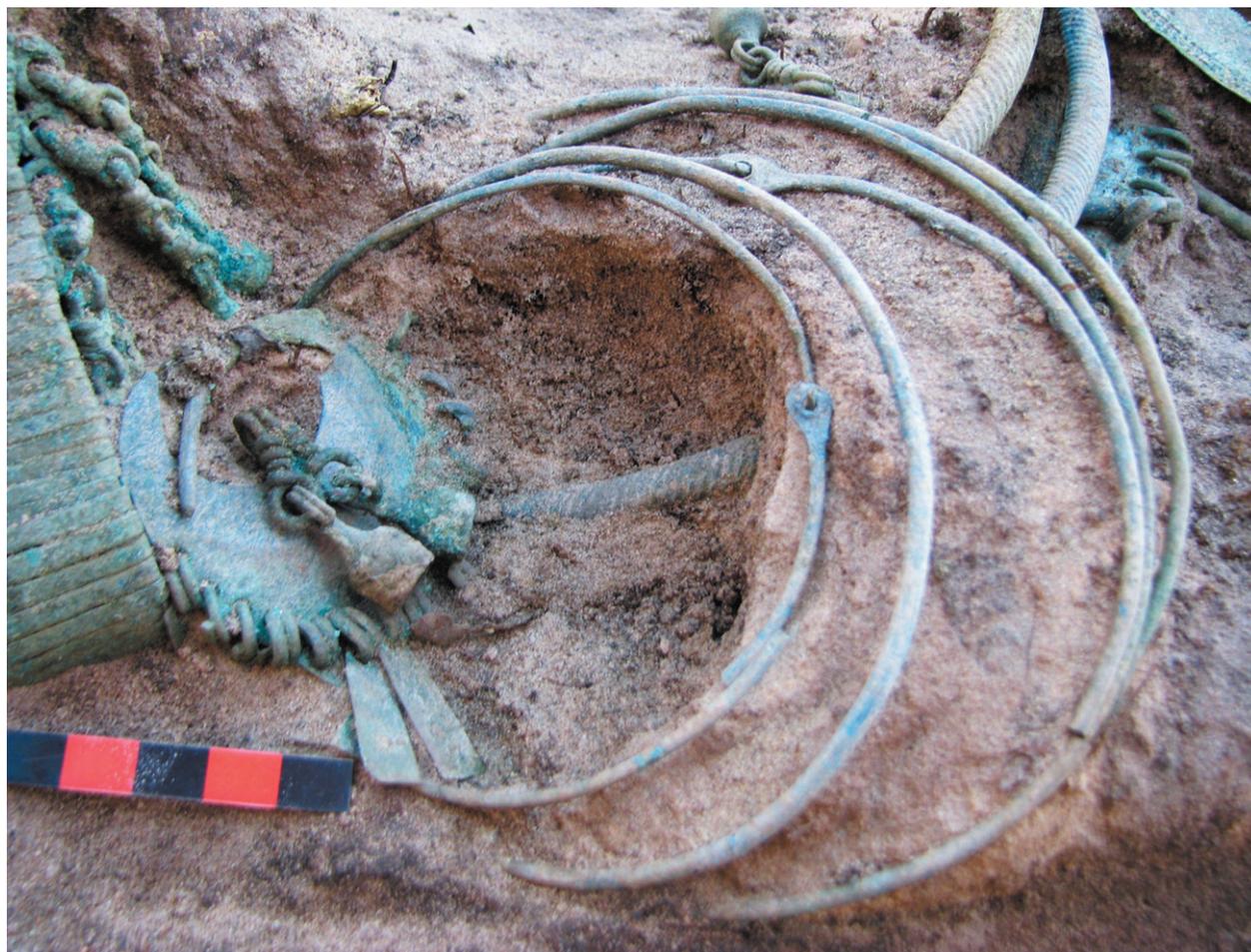
Типологический анализ лунничных височных колец никогда не проводился, они рассматривались всегда единым массивом и датировались суммарно. Отмечалось только присутствие трапецевидных подвесок на отдельных экземплярах (Тухтина,

1997. С. 116. Рис. 2: 2), и в обобщающей работе по муроме Л. А. Голубева подметила, что со временем лунницы становятся крупнее (Голубева, 1987. С. 89. Табл. XXXV: 4).

Данное украшение действительно крайне необычно как по своему устройству, так и по генезису, и в настоящей статье мы рассмотрим его типологию, вопросы датировки и место этого украшения в традиционном костюме муромы.

В муромских древностях на сегодняшний день насчитывается 94 экземпляра лунничных височных колец, из которых 85 происходят из закрытых комплексов, 9 депаспортизировано. Наибольшее количество лунничных височных колец известно в Подболотьевском могильнике – 63¹, затем по убывающей: в Малышевском – 8 (Дубынин, 1947. С. 111), по 6 в Максимовском и Чулковском (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 10), еще по 2 в Нижне-Верейском (Уткин, Черников, 1992. С. 14. Рис. 2, 3) и Молотицком (Розенфельдт, 1978. Рис. 2: 6). Сведения еще о 7 лунничных кольцах имеются у В. В. Бейлекчи, и происходят они из Александровского (1), Корниловского (4) и Новленского (1) могильников (Бейлекчи, 2005. С. 48).

¹ 38 экз. из раскопок 2012–2014 гг. и 25 экз. из раскопок В. А. Городцова.

**Рис. 1. Подболотьевский могильник, погребение 57.
Височные украшения *in situ***

Кроме муромских могильников, лунничные височные кольца известны в Шокшинском могильнике на Нижней Мокше, который относится к последней стадии существования рязано-окских могильников (Шитов, 1988. С. 20). В Шокшинском могильнике лунничные кольца встречаются, так же как и у муромы, в комплексе с провололочными с замком в виде округлого щитка и крючка. Один из первых исследователей могильника А. В. Циркин считал, что эти оба украшения были заимствованы шокшинским населением у муромы (Циркин, 1972. С. 164–166). Шокшинские лунничные височные кольца отличаются от муромских лунниц наличием трубчатых, реже трапециевидных привесок. Всего в Шокшинском могильнике в 25 погребениях найдено 43 лунницы (Вихляев и др., 2008. С. 317–349).

На других территориях лунничные височные кольца практически не встречаются. Известна только одна находка в древнема-

рийском Дубовском могильнике (Никитина, 2012. С. 379. Рис. 266: 12), куда, по мнению исследователей, лунница попала в результате периодических культурных и торговых контактов между волжскими финнами (Акилбаев, 2015. С. 301). Еще пара лунничных височных колец известна на территории современной Татарии – в знаменитом захоронении 1101 Танкеевского могильника, где была похоронена муромка (Казаков, 2012. Рис. 54: 23).

Таким образом, это украшение является маркером муромского женского костюма и на другие территории попадало, вероятно, по большей части только с носителями.

Лунничные кольца носились в области висков вместе с провололочными браслетообразными височными кольцами с замком в виде щитка и крючка, так называемыми кольцами муромского типа. Провололочные височные кольца диаметром от 7 до 13 см в количестве от 2-х до 6-ти экземпляров раз-

ного размера веером располагались возле правого и левого виска, и в погребениях с лунничными височными кольцами последние закрывали центральную часть этого веера (рис. 1). В четырех погребениях Подболотьевского могильника из раскопок 2012–2014 гг. провололочные височные кольца отсутствовали и в костюме зафиксированы только лунничные височные кольца (погр. 156, 168, 172, 173), еще в шести погребениях такая ситуация была зафиксирована во время раскопок В.А. Городцова (Г2, Г2д, Г21, Г27, Г202, Г253²) (Городцов, 1910).

В наборе обычно присутствует пара лунничных колец, только дважды в Подболотьевском могильнике в погребениях 113 и 154, отличавшихся необычайным богатством инвентаря, было найдено по 2 лунницы с каждой стороны. В пяти комплексах зафиксировано по одному лунничному височному кольцу. Два погребения (погр. 101, 173), судя по стратиграфии, были ограблены еще в древности. В погребении 196 из раскопок В.А. Городцова костяк не зафиксирован, и в могильной яме, кроме лунницы, присутствовали только нож и спиральный перстень (Городцов, 1910. С. 128), только одна лунница найдена в погребении 21, совершенном по обряду сожжения (Городцов, 1910. С. 81). Вероятно, присутствие одного лунничного височного кольца в комплексе является следствием сохранности захоронения. Только в одном случае мы можем достоверно говорить о намеренном включении в убор только одного лунничного кольца – в женском погребении 160 было по 6 височных колец муромского типа с каждой стороны у висков и только одно лунничное (Городцов, 1910. С. 119). В остальных случаях всегда присутствует пара – даже в составе дарственного комплекса в мужское погребение 2 было положено две лунницы, которые вместе с гривной, поясными пряжками и ожерельем найдены в области груди (Городцов, 1914. С. 76).

Лунничное височное кольцо представляет собой согнутый в кольцо тонкий стержень, один конец которого приострен, а второй раскован в виде лунницы. Пластинчатое

Рис. 2. Схема промеров: D1 – общий диаметр, D2 – диаметр отверстия. Подболотьевский могильник, погр. 7, правое лунничное кольцо

тело лунницы имеет подтреугольное сечение – ребро жесткости расположено в верхней части пластины. Визуально лунничные височные кольца достаточно однотипны, однако более подробный анализ позволяет уловить типологическое различие внутри этой достаточно большой выборки, которое касается размера и соотношения диаметра лунничного височного кольца к диаметру внутреннего отверстия (рис. 2). Исходя из этих признаков лунничные височные кольца можно разделить на три группы³ (рис. 3).

1. Лунничные височные кольца диаметром от 4,3 до 7,3 см с хорошо выраженным ребром жесткости (рис. 4: 1; 5: 1). Соотношение диаметра лунницы к диаметру внутреннего отверстия составляет от 1,7 до 2,3 (21 экз. – погр. 6 (2 экз.), 7 (2 экз.), 57 (2 экз.), 82 (1 экз.), 85 (1 экз.), 140 (1 экз.), 154 (1 экз.), 182 (2 экз.), Г2 (2 экз.), Г27 (2 экз.), Г52 (1 экз.), Г89 (1 экз.), Г95 (2 экз.), Г196 (1 экз.)). Отдельные экземпляры этих лунниц были снабжены трапециевидными пластинчатыми привесками, подвешенными при помощи колечек к нижнему краю (рис. 6). В раскопках В.А. Городцова два экземпляра были

² Буквой Г перед номером обозначены погребения, раскопанные В.А. Городцовым.

³ В типологии и хронологическом анализе были учтены только доступные экземпляры украшений – из Подболотьевского могильника (раскопки 2012–2014 гг. и 1910 г.).

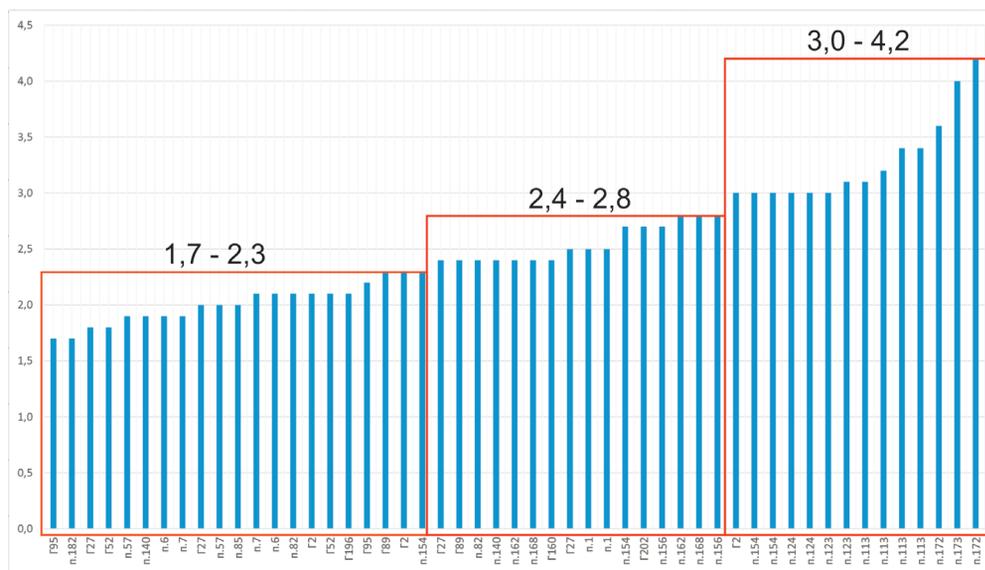

Рис. 3. Соотношение диаметра лунницы к диаметру внутреннего отверстия

орнаментированы двумя рядами мелких выпуклин по нижнему краю лунницы (рис. 7: 1). Еще три лунничных височных кольца этого типа происходят из Максимовского могильника, два из них орнаментированы (рис. 6: 2).

2. Лунничные височные кольца диаметром от 5,6 до 8 см с выраженным ребром жесткости (рис. 4: 2; 5: 2). Соотношение диаметра лунницы к диаметру внутреннего отверстия составляет от 2,4 до 2,8 (16 экз. – погр. 1 (2 экз.), 82 (1 экз.), 140 (1 экз.), 154 (1 экз.), 156 (2 экз.), 160 (1 экз.), 162 (2 экз.), 168 (2 экз.), Г27 (2 экз.), Г89 (1 экз.), Г202 (1 экз.)). Три лунничных кольца этого типа происходят из Максимовского могильника.

3. Лунничные височные кольца диаметром от 8 до 10 см, со слабо выраженным ребром жесткости (рис. 4: 3; 5: 3). Соотношение диаметра лунницы к диаметру внутреннего отверстия составляет от 3 до 4,2 (14 экз. – погр. 113 (4 экз.), 123 (2 экз.), 124 (2 экз.), 154 (2 экз.), 172 (2 экз.), 173 (1 экз.), Г2 (1 экз.)). Еще 2 экземпляра лунничных височных колец происходят из Максимовского могильника. Украшения этой группы становятся с одной стороны крупнее, шире, с «припухлостью» у основания дужки. Но, в то же время они более хрупкие, изготовленные из тонкого листа, ребро жесткости только обозначено.

Объективность выделения данных групп подтвердила корреляция находок лунничных височных колец с другими украшениями в закрытых комплексах (табл. 1).

Лунничные височные кольца первой группы характерны для классического муромского костюма с двумя жгутами, двумя налобными венчиками, боковыми ремнями и оборами. Лунницы являются редким украшением для этого костюма, они присутствуют в составе набора проволочных височных колец муромского типа, число которых в комплексе доходит до 12. Головные уборы со жгутами датируются VIII–IX вв. Анализ одного из самых богатых погребений Подболотьевского могильника (погр. 57 из раскопок 2012 г.) показал, что такой комплекс с лунничными височными кольцами с трапециевидными привесками датируется первой половиной IX в. (Зеленцова, Сапфрыкина, 2018. С. 229). В Чулковском могильнике лунничные кольца найдены в двух схожих по набору и типам вещей погребениях, которые автор раскопок отнес ко второй группе, датирующейся в пределах IX в. (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 38, 41). В погребении 7 Чулковского могильника присутствует гривна глазовского типа с замком в виде петли и массивной граненой шляпки, литая сюлгма и шляпкоконечный браслет – вещи, характерные для стадии 10 мордовских могильников, которая датируется второй половиной VIII – IX в. (Вихляев и др., 2008. С. 144). В Шокшинском могильнике лунничные височные кольца с привесками относятся к этому же времени (Вихляев и др., 2008. С. 144–145).

Лунничные височные кольца второй группы присутствуют в муромском женском

Таблица 1. Взаимовстречаемость лунничных височных колец с другими украшениями костюма.

Номерпогр.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	
173																1	4		1			1	x
172															5	1	4		1			1	
123														2	5	1	2	4	1				
124															4	1		4	1			1	
113													1	2	6			4	1	1	1	1	x
101																1	4	1		1			
156													1			1							
168																1							
162							1		1			1	1	2	4	1	4	4	2				
82/1							1	1		2		1	2	2	4	1	1	10	1				
1							1	1	1	2		1	1		4	1		6					
154						2	2		1	1	1	1	1	2	10	1		1	3			1	
Гор 89		1			1	2	1	1		2							x	6					
Г160		1			1			1	1						ж			12					
182					1				1	1	1			2	1	1	1	3	1				
6							1		1	1				2	2	1		3					
140		1						1					1					4					
85		2	1		1	1	1		2						2		4	7					
57	1	1	1		1		1		2	1			1	2		1	1	10					
Чул29	1	2	1		1	x	1	1	1						2			8					
Г234	1	2	2		2	2	2	1	2					2			x	12					
Мал212	2	1					1	2	2				1	2			2	10					
Чул77	1	1	1			1			1	1								10					
Чул7	1	2	1	1		x	1	1	1						4			12					
7	1	2	1					2	1						4		2	10					
Мал95		2	1	1			1		2				1			1		8					
Гор 95		2	1	1		1	1	1										6					
Г253		2	1			2	1		2	2			1	2									
Гор.52		2	1					1										8					

1 – ажурная застежка; 2 – головные жгуты; 3 – боковой ремень; 4 – сколгана, 5 – коромысловидная привеска; 6 – оборы; 7 – глазовские гривны; 8 – спиральный перстень; 9 – узкий головной венчик; 10 – ажурные поясные застежки; 11 – подковообразные фибулы; 12 – шапочка; 13 – дисковидная нарудная бляха; 14 – спиральный браслет; 15 – браслеты; 16 – ожерелье из привесок-двойчаток; 17 – очковидные обувные привески; 18 – височные кольца муромского типа; 19 – усагы перстни; 20 – ожерелья-бубенчики; 201 – монеты.

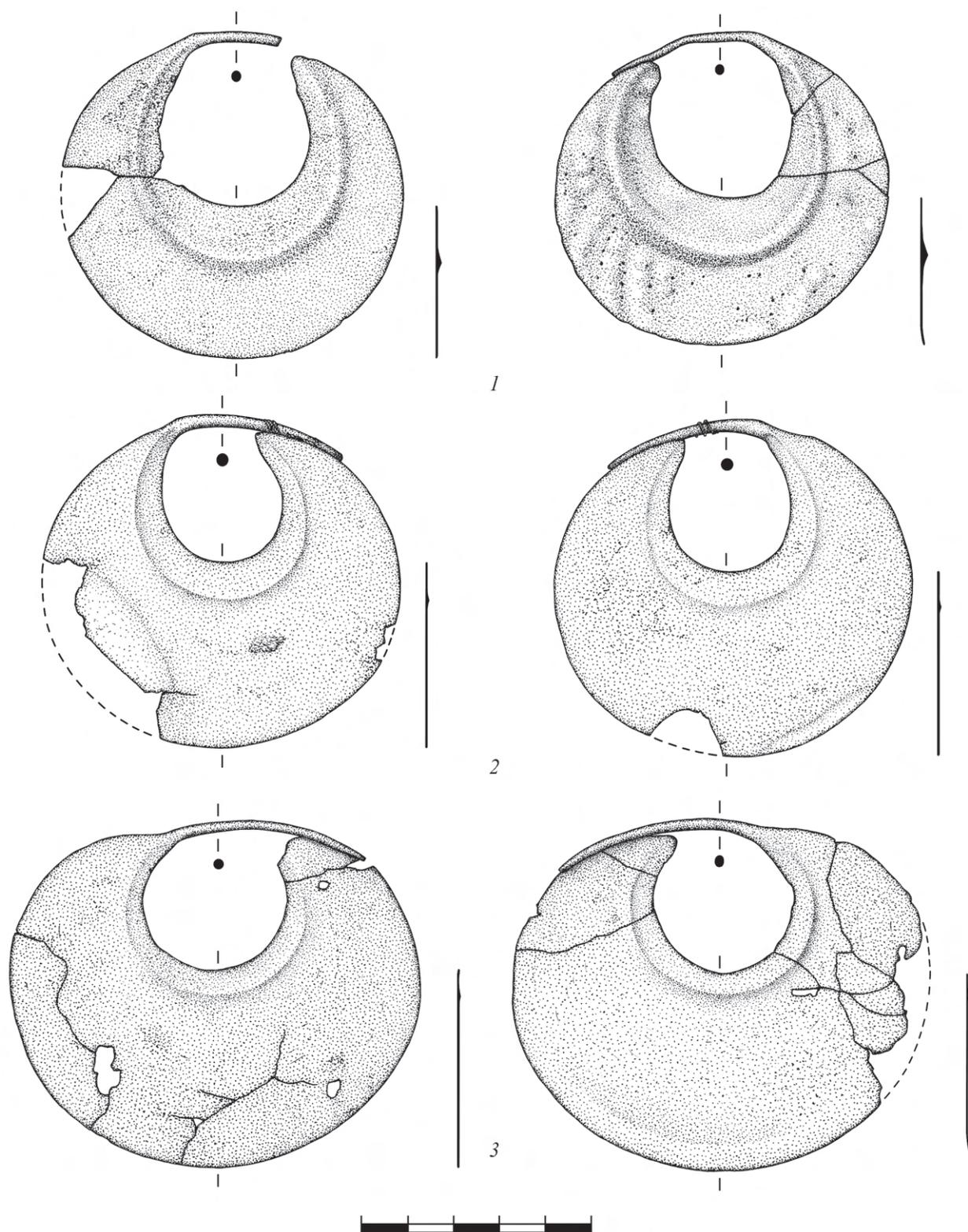

Рис. 4. Подболотьевский могильник. (Рисунки А. Дементьевой)
1 – погр. 7; 2 – погр. 168; 3 – погр. 124

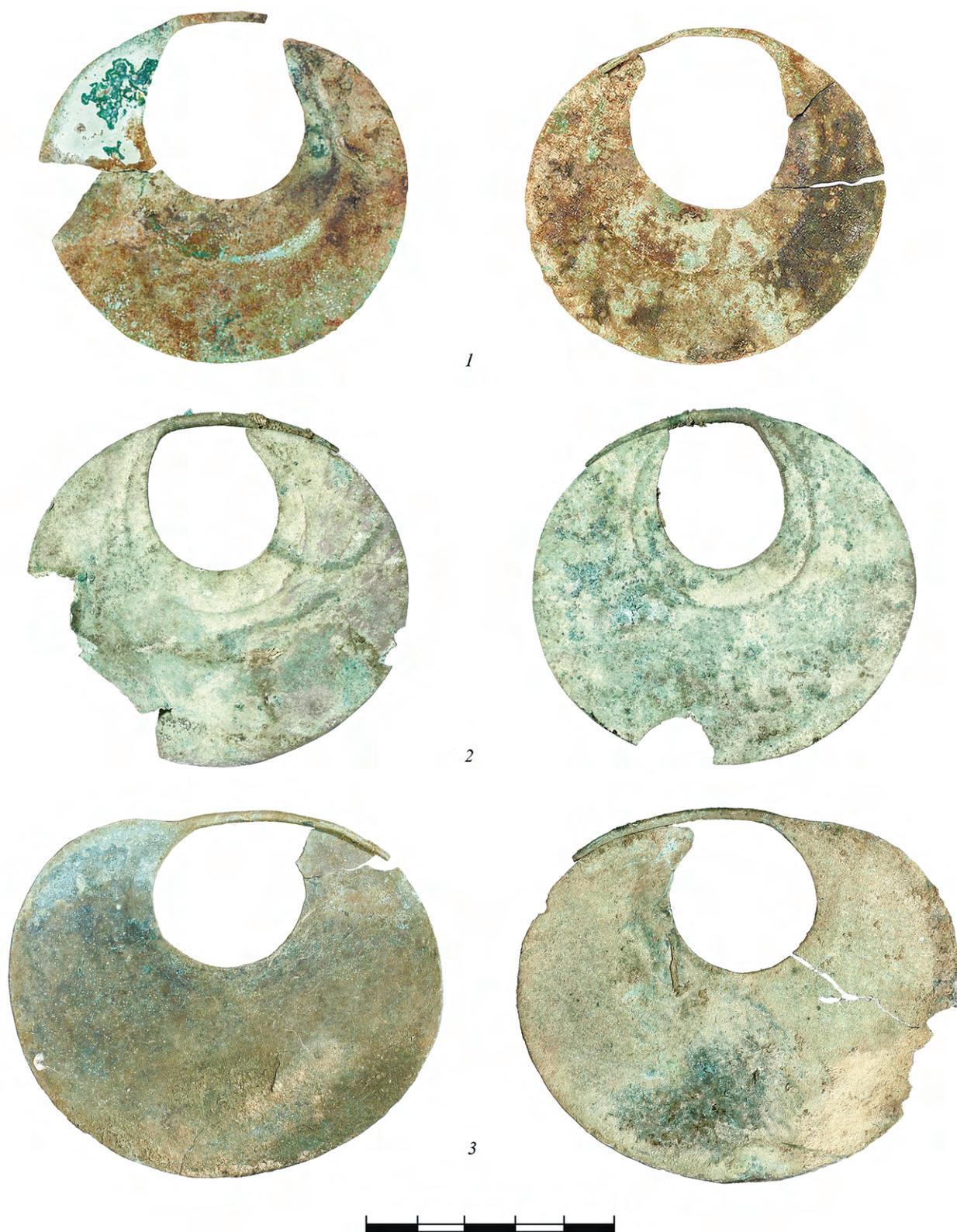

Рис. 5. Подболотьевский могильник. (Фото С. Моисеевой)
1 – погр. 7; 2 – погр. 168; 3 – погр. 124

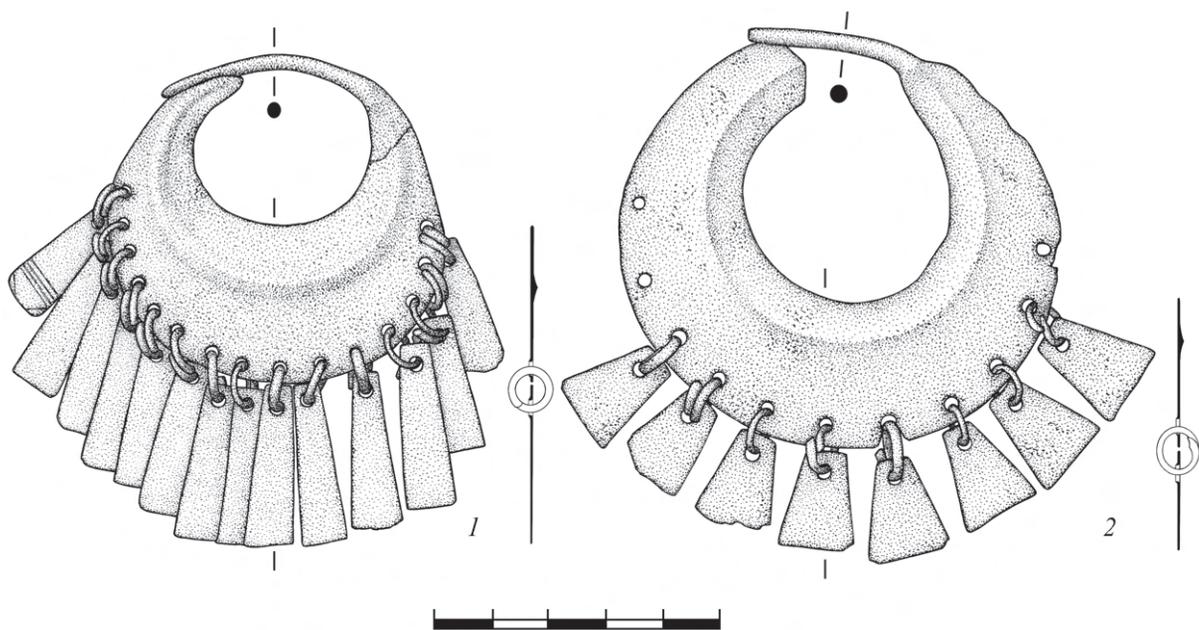

Рис. 6. Подболотьевский могильник. (Рисунки А. Дементьевой)

1 – погр. 57; 2 – погр. 85

уборе уже иного облика, чем описанный выше. Как показывает корреляционный анализ, кольца этой группы не пересекаются с головными жгутами, широкими венчиками, боковыми ремнями, коромыслообразными подвесками – украшениями классического муромского костюма (табл. 2). Они сопряжены с головным убором, обшитым подвесками-двойчатками с лапчатыми подвесками. В паре с таким убором присутствуют ожерелья из подвесок-двойчаток с бутыльчатыми привесками. Проволочных височных колец в уборе становится меньше – в основном их шесть экземпляров – по три с каждой стороны. Продолжают бытовать гривны глазовского типа, дисковидные нагрудные бляхи, появляются новые формы ажурных блях, в моду входят усатые перстни. В двух комплексах с лунничными височными кольцами второй группы присутствуют подковообразные фибулы с гранеными головками, которые на территории Древней Руси распространены во второй половине X – начале XI в. (Авдусина, Енисова, 2001. С. 98). В погребении 154 помимо подковообразной фибулы с шипами на многогранных выступах найден костяной односторонний составной гребень с дугообразной накладкой и верхними вы-

ступами-рожками по краям – гребень второй группы типа 2 по О. И. Давидан (1999. С. 167) или группы В1:1 по К. Амброзиани (1981. S. 19). В Старой Ладoge и Бирке наибольшее распространение эти гребни получают в X в. (Давидан, 1962. С. 100–101; Ambrosiani, 1981. S. 25–26). В этом погребении было найдено два дирхема: один – Саманид, Наср б. Ахмад, Самарканд, 304 г. х. (916/917 г.) в составе ожерелья, а второй без отверстия в области правой руки – подражание саманидскому дирхему Исма'ила б. Ахмада, с именем халифа ал-Муктафи, «аш-Шаш, 308 г. х.» (920–921 г.)⁴. Планиграфические наблюдения показывают, что погребения с лунничными височными кольцами группы 2 расположены на участке, где сосредоточены погребения с монетами первой половины X в.

Захоронения с лунничными кольцами третьей группы располагаются на окраине могильника, за участком с подкурганскими погребениями. Комплекс украшений в этих погребениях кардинально отличается от традиционного. Только лунничные височные кольца и проволочные кольца муромского типа сохранились от муромского головного убора. В убранстве нет былого обилия украшений, в т. ч. исчезают всевоз-

⁴ Благодарим за определение канд. ист. наук А. А. Гомзина.

Рис. 7. Лунничные височные кольца с орнаментом

1 – Подболотьевский м-к, погр. 27 (раскопки 1910 г.);
2 – Максимовский м-к (подъемный материал 1875–1878 гг.)

можные шумящие подвески, в ожерельях еще встречаются немногочисленные подвески-двойчатки с лапчатыми привесками, появляются ожерелья из бубенчиков, в т.ч. включающие грушевидные крестопорезные, которые в древнерусских материалах датируются концом X – XI в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136; Седова, 1981. С. 156; Зайцева, 2008. С. 129. Рис. 116). Более распространены ожерелья из бус, включающие желтые лимонovidные из тянутой трубочки, синие прозрачные зонные, желтые непрозрачные с концентрическими глазками, желтый и голубой рубленый бисер. Подобные наборы бус преимущественно датируются X–XI вв. (Захаров, Кузина, 2008. С. 196–197). В двух погребениях с лунницами (погр. 172 и 173) присутствовали монеты второй половины X в. В аналогичных комплексах лунничные височные кольца 3-й группы встречаются в других могильниках муромы. Так в погребении 2 Молотицкого могильника они найдены в комплексе с фрагментами двух дирхемов – Нух-ибн-Насром в 952–954 гг. и Наср-ибн-Ахмедом в 933–941 гг. (Розенфельдт, 1978. С. 184).

Исследование сопряженности лунничных височных колец с другими деталями костюма позволяет предположить, что

они были не рядовым украшением. Об этом свидетельствует высокий процент изделий, изготовленных из серебра (58 % в материалах Подболотьевского могильника). Лунничные кольца первой группы были только бронзовыми, хотя и они присутствовали только в статусных богатых погребениях с головными уборами со жгутами (Зеленцова, Сапрыкина, 2018. С. 221). Вероятно, и костюм с «шапочкой», украшенной подвесками-двойчатками, включавший лунничные височные кольца, так же как и убор со жгутами, был парадным и имел статусный характер. В Подболотьевском могильнике всего 5 погребений с таким убором (1, 82, 154, 162 из наших раскопок и п. 255 из раскопок В.А. Городцова), и все они отличаются богатством инвентаря и полнотой костюмного комплекса, в который входило до 10–12 категорий украшений.

Статусный характер этого украшения на излете муромской культуры сохраняется, что подтверждается и тем, что в это время все они изготавливались из серебра⁵. Как уже отмечалось выше, убор муромы на последнем этапе существования могильника упрощается, в костюме появляется больше универсальных украшений (браслеты, перстни, бусы),

⁵ Благодарим за определение канд. ист. наук И. А. Сапрыкину.

но лунничные височные кольца не теряют своей исключительной роли и остаются маркерами муромской культуры.

Таким образом, это украшение, появившись в костюмном комплексе муромы в IX в., изменяясь, доживает до последней стадии существования муромской культуры. Как показывает анализ, лунничные височные коль-

ца являются хорошим хронологическим репером, но кроме того, в момент соприкосновения муромы с пришедшими сюда древнерусскими племенами они в совокупности с погребальным обрядом позволяют нам не только идентифицировать мурому, но и проследить процессы ее постепенной аккультурации и ассимиляции.

Литература

- Авдусина С. А., Ениосова Н. В., 2001. Подковообразные фибулы Гнездова // Археологический сборник. Гнездово 125 лет исследования памятника. М. С. 93–101.
- Акилбаев А. В., 2015. Головные уборы и украшения головы в средневековом марийском костюме IX–XI вв. // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 17. № 3. С. 300–303.
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Изд-во МПСИ. 278 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 352 с.
- Голубева Л. А., 1987. Муром // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. Т. 17. М.: Наука. С. 81–92.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году // Древности. Тр. Москов. археолог. общ-ва. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.
- Гришаков В. В., Зеленева Ю. А., 1990. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т. 77 с.
- Гришаков В. В., Седьшев О. В., Сомкина А. Н., 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н.э. Чулковский могильник. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. 178 с.
- Давидан О. И., 1962. Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. Вып. 4. С. 95–108.
- Давидан О. И., 1999. Новые находки гребней в Старой Ладoge // РА. № 1. С. 167–175.
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Том 2. М.: Наука. С. 57–142.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII вв. Том 2. М.: Наука. С. 142–215.
- Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А., 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. № 1 (23). С. 220–240.
- Казаков Е. П., 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ. 208 с.
- Левашева В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 7–55. (Тр. ГИМ. Вып. 43)
- Мальм В. А., Фехнер М. В., 1967. Подвески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия. С. 133–149. (Тр. ГИМ. Вып. 43)
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань. 408 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1978. Муромский могильник в с. Молотицы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С. 180–186.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Тухтина Н. В., 1997. Женский головной убор (По материалам Подболотьевского могильника) // Археологический сборник. Погребальный обряд. М.: ГИМ. С. 109–121. (Тр. ГИМ. Вып. 93)
- Уткин А. В., Черников В. Ф., 1992. Муромский могильник близ села Нижняя Верее на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 7. С. 13–27.
- Циркин А. А., 1972. Шокшинский могильник // СА. № 1. С. 155–171.
- Kristina Ambrosiani, 1981. VIKING AGE COMBS, COMB MAKING AND COMB MAKERS in the light of finds from Birka and Ribe. Stockholm. 176 s.

O. V. Zelentsova

Lunula Temple Rings as a Part of the Volga Finns Attire

Summary. Lunula temple rings serve as one of the markers of early Medieval Muroma culture. The typological analysis based on correlation of a lunula overall diameter to a lunula hole diameter enabled to single out 51 such artifacts from the Podbolotyevsky burial ground into 3 groups. The analysis of the mutual occurrence of this jewelry with other costume details proved that the abovementioned classification was objective and demonstrated that through time the lunula hole diameter expanded. Lunula temple rings appear in the 9th c. and until the 11th c. along with the Muroma type temple rings serve as an element of traditional Muroma costume.

Keywords: the Volga Finns, the Muroma tribes, flat graves burial grounds, decorations, lunula temple rings, lunulas, typological analysis, chronology.

List of figures

Fig. 1. The Podbolotyevsky burial ground, gr. 57. Temple decorations *in situ*

Fig. 2. Measurements: D1 – overall diameter, D2 – hole diameter. The Podbolotyevsky burial ground, gr. 7, right lunula ring

Fig. 3. The ratio of the diameter of the lunula rings to the diameter of the inner hole

Fig. 4. The Podbolotyevsky burial ground. (Drawings by A. Dementyeva)

1 – gr. 7; 2 – gr. 168; 3 – gr. 124

Fig. 5. The Podbolotyevsky burial ground. (Photo by S. Moiseeva)

1 – gr. 7; 2 – gr. 168; 3 – gr. 124

Fig. 6. The Podbolotyevsky burial ground (Drawings by A. Dementyeva)

Fig. 7. Lunula temple rings with ornaments

1 – the Podbolotyevsky burial ground, gr. 27 (excavations in 1910); 2 – the Maksimovsky burial ground (surface artefacts 1875–1878)

И. Н. Кузина, О. В. Зеленцова

Стеклянные бусы Подболотьевского могильника из раскопок 2012–2014 годов (общая характеристика)

Резюме. В статье анализируются стеклянные бусы из раскопок Подболотьевского могильника экспедицией ИА РАН под руководством О.В. Зеленцовой в 2012–2014 гг. Стеклянные бусы содержались примерно в пятой части (46 погребений) исследованных погребений VIII–XI вв.: женских, мужских и детских, в основном в ингумациях. Всего найдено 2157 экземпляров, от 1 до нескольких сотен в захоронении, в составе ожерелий, жертвенных комплексов и отдельно лежащих единичных экземпляров. При этом каменные бусы найдены всего в двух захоронениях – двое из сердолика и одни из хрусталя. Бусы сделаны четырьмя основными способами: индивидуальной навивкой, из тянутых трубочек, из палочек и сваркой многоцветных палочек. Состав наборов бус из захоронений указывает на волжский путь как основной для поступления бус в регион на протяжении всего времени функционирования могильника.

Стеклянные бусы из погребений Подболотьевского могильника в целом соответствуют общей картине бытования этой категории украшений в Восточной Европе. Вместе с металлическими украшениями они позволяют проследить славянскую колонизацию региона. При этом их место в костюме муромы демонстрирует хронологические различия и региональные особенности.

Ключевые слова: мурома, Подболотьевский могильник, Волго-Окское междуречье, стеклянные бусы.

Обилие шумящих украшений по праву считается характерным признаком муромской культуры, и именно металлический декор женского убора используется для анализа и реконструкций историко-культурных процессов и построения хронологии могильников. Между тем стеклянные и каменные бусы также присутствуют в костюмном комплексе муромы, но они практически не анализировались и не становились темой самостоятельных исследований, лишь изредка привлекались в качестве датирующего материала. Настоящая статья посвящена общей характеристике бусинного материала из Подболотьевского могильника, определению места бус в костюме и возможности выделения периодов в поступлении бус в муромскую среду на основе соотнесения подболотьевского материала с общепринятыми хронологиями.

Коллекция стеклянных бус из раскопок 2012–2014 гг. содержит 2157 экземпляров. Они происходят из 46 погребений, 32 из которых женские ингумации и две женские кремации, девять детских погребений и две мужских

ингумации (рис. 1). Таким образом, несмотря на кажущееся небольшое количество погребений с бусами (из 210 погребений всего), бусы присутствуют почти в 40 % женских погребений. Причем детские погребения с бусами также по материалу можно отнести к женским, а в мужских они присутствуют в составе женского дарственного комплекса.

В погребениях бусы обычно фиксируются в области шеи или в верхней части груди – 67 %, в одном случае низка бус находилась слева от головы, в мужских погребениях в одном случае низка лежала около горшка (погр. 43), а в другом в составе женского убора на левой руке погребенного (погр. 54), в нескольких случаях отдельные бусы фиксируются в разных частях погребений.

По комплексам бусы распределяются неравномерно – от одного до нескольких сотен экземпляров в погребении. Примерно в половине захоронений содержалось не более 10 бусин. Один набор оказался особенно большим – 627 бисерин (погр. 177). В остальных – от 13 до чуть более 100 экземпляров. При этом каменные бусины найдены только

в двух погребениях: в 119-м граненые хрустальная и две сердоликовые, еще одна сердоликовая бусина находилась в составе ожерелья из погребения 125. Оба захоронения датируются концом X – XI в.

В ходе исследования было составлено полное описание всей коллекции стеклянных бус Подболотьевского могильника по принятым сегодня методикам (Львова, 1958; 1979; 1980; Щапова, 1989). Приемы изготовления стеклянных бус устанавливались в соответствии с методикой, разработанной З.А. Львовой. На основе полученных данных бусы распределены по четырем основным технологическим группам (рис. 2). Больше половины всех найденных за три археологических сезона бус сделаны из тянутой трубочки. Это округлые одно- и двухчастные лимоновидные бусы, многочастные пронизки, трехслойные с золотой и серебряной фольгой, бисер. Бусы, сделанные навивкой, преимущественно индивидуальной, составляют треть от общего количества. Среди них преобладают бусы округлые (цилиндрические, зонные, кольцевидные, битрапецоидные), есть и граненые: без декора и с декором. Бусы из одноцветных и мозаичных палочек (округлые и граненые) составляют всего 2 %. Их особенностью является проколотый канал, сделанный после изготовления тулова бусины. Бус, сваренных из отрезков разноцветных палочек, меньше – 0,4 %. Часть бус из-за полного расстекловывания не поддается определению.

Способы изготовления стеклянных бус зачастую служат надежным хроноиндикатором: основные технологические приемы меняются со временем, становясь преобладающими или исчезая вовсе. Так, пик бытования бус из одноцветных и мозаичных палочек в Восточной Европе приходится на VIII–IX вв. (Львова, 1968), и к началу X в. большинство типов этих технологических групп прекращают свое существование. В X столетии особенно разнообразны бусы из тянутых трубочек (Львова, 1968. С. 84), а в XI в. и позднее почти абсолютно преобладают бусы навитые (Щапова, 1956; Львова, 1959). Дополнительные приемы обработки изделий, наряду с цветовой гаммой бус, – признаки второго ряда, по З.А. Львовой (1983. С. 93) – помогают сузить полученные датировки, но требуют особого подхода в каждом конкретном случае.

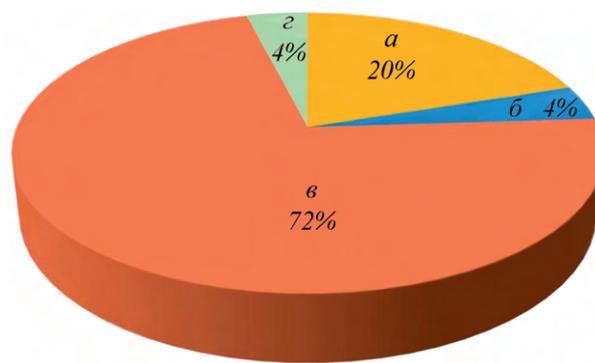

Рис. 1. Погребения с бусами из раскопок Подболотьевского могильника в 2012–2014 гг. Всего 46 погребений: ингумации и кремации

а – детские; б – мужские; в – женские; г – кремации

По размеру бусы разделены на две группы: бусы и бисер. Бисер – мелкие округлые бусины диаметром не более 5 мм (Захаров, 2004. С. 144). Бисер представлен двумя технологическими группами – навитой и из тянутых трубочек (так называемый рубленый) (рис. 3). Любопытно, что весь навитой бисер – черного цвета. Рубленый более разнообразен (табл. 1).

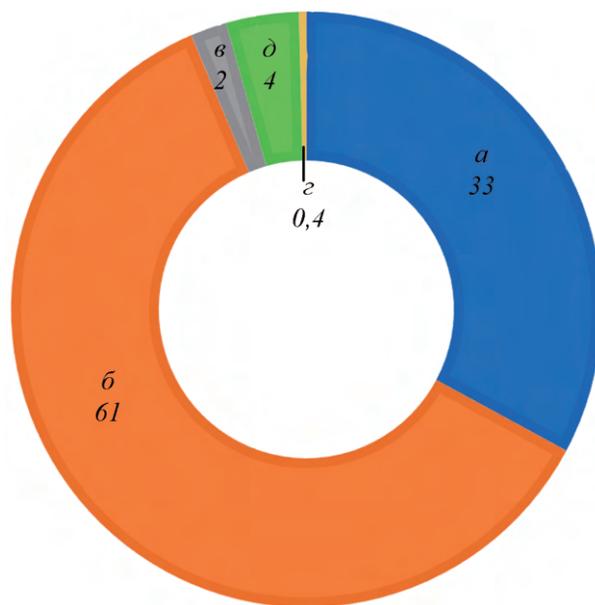

Рис. 2. Распределение стеклянных бус Подболотьевского могильника по основным технологическим группам (% от общего количества)

а – навивка; б – тянутые трубочки; в – палочки; г – сваренные из отрезков палочек; д – неопределимые

Таблица 1. Распределение бисера из тянутых трубочек по цвету. Подболотьевский могильник (2012–2014).

Цвет	Кол-во, экз.	Кол-во, %
Синий	186	18,3
Желтый	660	65,0
Черный	22	2,2
Белый	100	9,9
Зеленый	24	2,4
Бирюзовый	22	2,2
Неопределимый	1	0,1
Всего	1015	100

Таблица 2. Бусы с металлической фольгой в составе группы бус из тянутых трубочек и навитых. Подболотьевский могильник (2012–2014).

Тип бус	Бусы из тянутых трубочек, экз. (% от всех в группе)	Бусы навитые, экз. (% от всех в группе)
С серебряной фольгой	134 (10,2)	18 (2,5)
С золотой фольгой	22 (1,7)	31 (4,3)
Бисер	1015 (77,4)	481 (67,1)
Другие	141 (10,8)	187 (26,1)
Всего	1312 (100)	717 (100)

Декор представлен накладными элементами – простыми и сложными – в виде полос, отрезков мозаичных палочек, крошки. На призматических навитых кобальтового стекла бусах декор из ромбов выполнен серебряной фольгой (рис. 4: 15). Большая группа бус навитых и из тянутых трубочек украшена целиком серебряной и золотой фольгой с дополнительным защитным покрытием из стекла – кантарелью (табл. 2; рис. 4: 8–10, 12, 14).

Датирующими для ранней группы погребений являются шаровидные и ци-

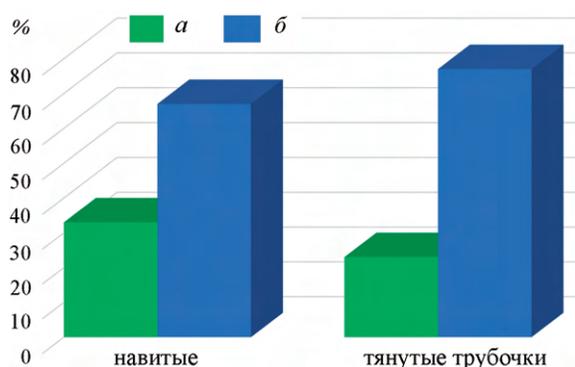

Рис. 3. Соотношение стеклянных бус и бисера в двух основных технологических группах. Подболотьевский могильник, 2012–2014 гг.

а – бусы; б – бисер

линдрические бусы из поперечно проколотой мозаичной палочки и так называемые глазчато-полосатые, в основе зеленого или синего цвета (погр. 31 и др.; рис. 4: 2–7). Пик их бытования приходится на VIII–IX вв., так же как и бородавчатых бус (погр. 149 – рис. 4: 1; Ковалевская, 2000. С. 67–72, 93). Бусы синего или темно-голубого стекла в форме куба со срезанными углами (рис. 4: 11) бытуют практически все первое тысячелетие, совсем исчезая в X столетии (погр. 25, 28, 86; Львова, 1968. С. 90). Среди датирующих признаков второго ряда (по З. А. Львовой) для бус из тянутых трубочек отмечается многочастность (3 и более долек), при этом, в том числе, с золотой фольгой и цветным покровным стеклом у бус с серебряной фольгой (рис. 4: 12; Львова, 1973. С. 85, 86. Также из способов последующей обработки выделяется прокалывание отверстия в уже готовых экземплярах, независимо от основного способа изготовления. Эти техники связывают с древнейшими стеклоделательными центрами Востока: Сиро-Палестинского региона, Египта, Месопотамии.

Рубленый бисер, хотя и считается ранним признаком, более расплывчат хронологически. Для погребений, содержащих

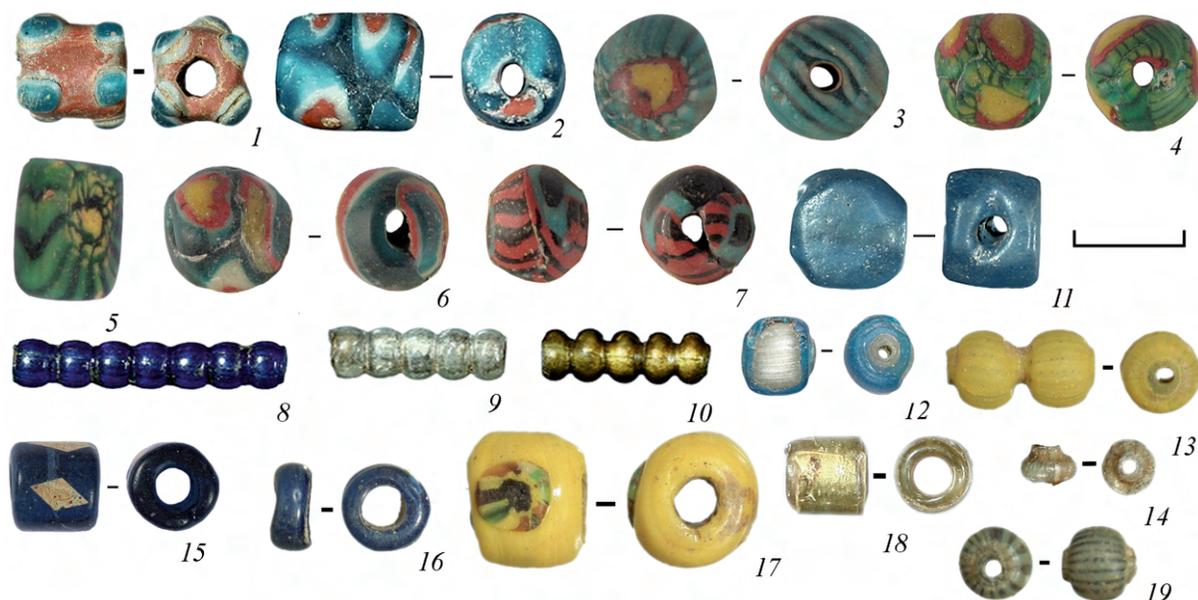

Рис. 4. Основные датированные типы стеклянных бус из раскопок Подболотьевского могильника в 2012–2014 гг. (Фото С. Моисеевой)

только рубленый бисер, как и полностью расстеклованные бусы, датировка определялась в основном по другому погребальному инвентарю¹. В целом, по погребальному инвентарю и бусинному материалу эти погребения относятся к салтовскому времени – второй половине VIII – IX в. Наблюдения за составом ожерелий показывают близость их с ожерельями из мордовских могильников этого времени (Терехова, 2011).

Политические события X в. приводят к изменению потока импортов, в последней четверти столетия на торговых путях византийские купцы сменяют арабских (Щапова, 1991. С. 159, 162, 163), при этом новые обширные территории втягиваются в сферу влияния Древнерусского государства. В составе наборов стеклянных бус на территории Восточной Европы это выражается в преобладании бус индивидуального производства, в технике навивки.

Погребения, расположенные в западной части раскопа 2012–2014 гг., датируются X–XI вв. и составляют позднюю группу захоронений. Наборы бус здесь надежно датируются широко распространенными в это

время на памятниках Европы, в том числе Древней Руси, типами: так называемыми белоромбическими, зонными и кольцевидными кобальтовыми, двух- и одночастными желтыми лимоновидными бусами и бусами с металлической фольгой двух технологических групп – навитых и из тянутых трубочек (рис. 4: 13–18; Фехнер, 1959. С. 160, 170, 171; Щапова, 1956. С. 171, 172; 1991; Львова, 1968. С. 78, 79, 88; Макаров, 1997. С. 121, 125–128; Самойлович, 2006. С. 378; Callmer, 1977. P. 87). При этом последние характеризуются хрупким покровным стеклом и мелкими размерами по сравнению с предыдущим хронологическим периодом. Для комплексов этого времени характерны глазчатые желтые бусы, рубежом тысячелетий датируются наборы с отдельными полосатыми лимоновидными бусами (рис. 4: 17, 19).

Обращает на себя внимание набор из погребения 184, состоящий целиком из нитки одно- и двухчастных бус из тянутой трубочки с серебряной фольгой (50 экз.) и 21 навитой бусины с золотой фольгой (рис. 4: 14, 18). Судя по распределению на древнерусских памятниках, нужно предполагать поступление

¹ Надо сказать, что проверка дат исследованных погребений, сделанная на основе стеклянных бус, полностью совпала с датированием по другому погребальному инвентарю. При этом в некоторых случаях стеклянные бусы позволили уточнить и сузить датировку комплексов. См. статью О.В. Зеленцовой, С.В. Милованова в настоящем сборнике.

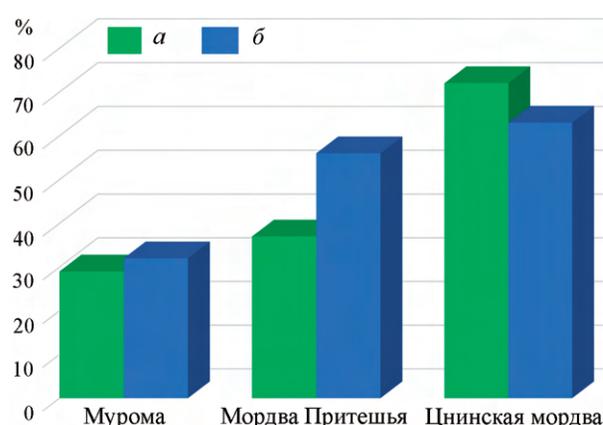

Рис. 5. Доля женских погребений с бусами в могильниках поволжских финнов
а – салтовское время; б – X–XI вв.

этих бус по торговым путям преимущественно через западные земли Руси (Фехнер, 1959. С. 162; Захаров, Кузина, 2008. С. 212–214), но нельзя исключать и волжский путь.

На поступление стеклянных бус в муромские земли волжским путем уверенно указывают особенности набора из погребения 125. Речь идет о желтых заглашенного стекла экземплярах с мозаичными глазками коричневого, зеленого и желтого цветов (рис. 4: 18). Эти бусы легко узнаваемы, и редкими их для комплексов начала XI в. назвать нельзя, но встречаются они, как правило, в единичных экземплярах, в том числе на северо-западных территориях, Русском Севере, на Готланде и севернее (Макаров, 1997. С. 125; *Thunmark-Nulèn*, 1998. Taf. 311, 314). В одном погребении Подболотьевского могильника их обнаружено

17 экземпляров. Этот факт соответствует утверждению финских исследователей о поступлении стеклянных бус на Готланд с территории Древней Руси (*Thunmark-Nulèn*, 1995).

Интересно, что в погребениях Подболотьевского могильника всех хронологических периодов фиксируются целые наборы из однотипных бус.

Говоря о месте бус в комплексе женского костюма, необходимо отметить, что ожерелья муромок значительно скуднее ожерелий соседних финно-угорских племен, а именно среднецининской мордвы, для которой характерно присутствие бус в более чем 60 % женских захоронений (Терехова, 2011. С. 191). Ожерелья у мордвы богаче, включало от 30 до 100 и более бус. Большим количеством бус отличаются наборы цнинской мордвы, особенно в салтовское время (рис. 5).

Наблюдения показывают, что в Подболотье для погребений девочек или подростков ожерелья из бус больше характерны во 2-й половине X – XI в. (30 %), в то время как в предыдущую эпоху только два из 22 погребений с бусами детские (рис. 6).

В могильниках притешской мордвы, живущей в непосредственном соседстве с муромой – за Окой, на р. Тёше, бусы присутствуют в 50 % и более женских захоронений (для салтовского времени примерно 37 %, для X–XI вв. – 56 %) (Мартыанов, 2001). В XI в. у притешской мордвы распространены ожерелья из круглых хрустальных бус и граненых сердоликовых. В Подболотьевском могильнике три каменные бусины, как уже

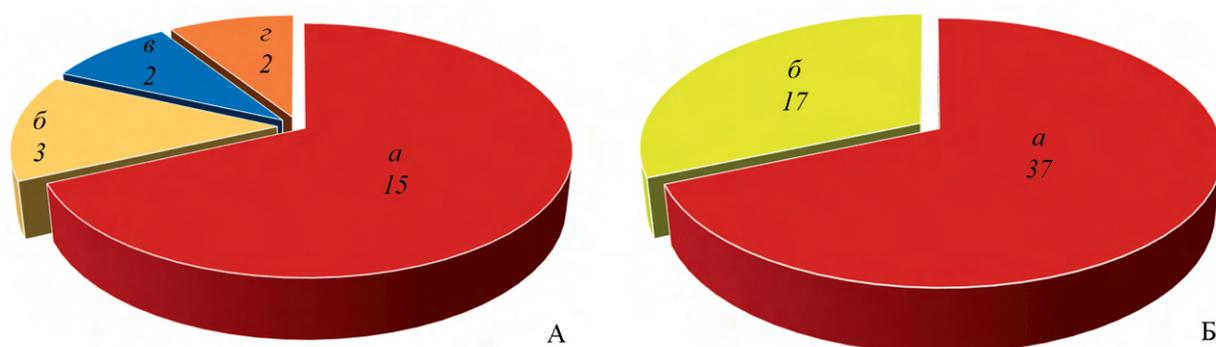

Рис. 6. Процентное соотношение погребений с бусами в комплексах 2-й пол. VIII – IX в. (А) и X–XI (Б) вв. Подболотьевский могильник, 2012–2014 гг.

а – женские; б – детские; в – мужские; z – женские кремации (взрослые и девочки)

говорилось, найдены только в двух погребениях (погр. 119 и 125), что, возможно, объясняется более поздней датировкой основной массы захоронений могильников Красное I и Заречное II (Мартыанов, 2001) по сравнению с исследованным в 2012–2014 гг. участком Подболотьевского некрополя.

Подводя итог, можно сказать, что стеклянные бусы из погребений Подболотьевского могильника в целом соответствуют общей картине бытования этой категории украшений в Восточной Европе.

Бусы из Подболотьевского могильника имеют широкий круг аналогий на памятни-

ках Восточной Европы, особенно Волго-Окского региона. В наборах бус, найденных в ранней группе погребений Подболотьевского могильника, заметно влияние Салтовской культуры (Мастыкова, 1991). Поступление стеклянных бус в район муромы в последней четверти I-го тысячелетия нужно связывать, в первую очередь, с волжским путем. То же самое можно сказать и о более позднем этапе функционирования могильника. Логичным будет утверждение, что волжский путь и в салтовское время, и позднее оставался основным для импорта стеклянных бус в исследуемый регион.

Литература

- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Захаров С. Д., Кузина И. Н., 2008. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 тт. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология / [ред. С. Д. Захаров]. М.: Наука, 2008. С. 142–215.
- Ковалевская В. Б., 2000. Стеклянные бусы и поясные наборы. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М. (Хронология Восточноевропейских древностей V–IX веков. Вып. 2).
- Кузина И. Н., 2014. Торговля стеклянными бусами в Древней Руси: некоторые вопросы отечественной историографии // КСИА. Вып. 236. С. 179–183.
- Львова З. А., 1958. Технологическая классификация стеклянных бус домонгольской Руси // СГЭ. Вып. 14. Л. С. 15–18.
- Львова З. А., 1959. Стеклянные браслеты и бусы Саркела–Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. М.: АН СССР, 1959. (МИА; № 75). С. 307–332.
- Львова З. А., 1968. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. 1. Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 64–94.
- Львова З. А., 1973. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. Л. Аврора. С. 83–104.
- Львова З. А., 1979. Технологическая классификация изделий из стекла // АСГЭ. Вып. 20. Л. Искусство. С. 90–103.
- Львова З. А., 1980. Признаки способа изготовления изделий из стекла (по материалам средневековых стеклянных украшений) // АСГЭ. Вып. 21. Л. С. 75–84.
- Львова З. А., 1983. Типологизация по технологическому основанию стеклянных бус Варнинского могильника как основа их относительной и абсолютной датировки // АСГЭ. Вып. 24. Л. С. 90–110.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). М. 386 с.
- Мартыанов В. А., 2001. Арзамаская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ. 322 с.
- Мастыкова А. В., 1991. Типология бус из погребений Маяцкого селища // А. З. Винников, Г. Е. Афанасьев. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж, 1991. С. 170–182.
- Самойлович Н. Г., 2006. Стеклянные бусы Ростова Великого // Археология Верхнего Поволжья (к 80-летию К. И. Комарова). М.: ИА РАН. С. 371–386.
- Терехова Н., 2011. Бусы среднецининской мордвы VII–XI веков: историографический аспект // Вестник ВГУ. Сер.: История, Политология, Социология. № 2. С. 189–192.
- Фехнер М. В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XVI вв. М.: Сов. Россия. (Тр. ГИМ. Вып. 33). С. 149–234.
- Щапова Ю. Л., 1956. Стеклянные бусы древнего Новгорода // Труды Новгородской экспедиции. Т. I. М.; Л.: АН СССР. (МИА. № 55). С. 164–179.
- Щапова Ю. Л., 1983. Очерки истории древнего стеклоделия (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ. 200 с.

- Щанова Ю. Л., 1989. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М.: МГУ. 117 с.
- Щанова Ю. Л., 1991. Византия и Восточная Европа в IX–XII вв. // Византия, Средиземноморье, Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М.: МГУ. С. 155–177.
- Callmer J., 1977. Trade Beads and bead Trade in Scandinavia, ca 800–1000 A.D. Bonn; Lund: Rudolf Habelt Verlag; CWK Gleerup. 260 p. (Acta Archaeologica Lundensia; series in 4o. Nr 11).
- Thunmark-Nulén L., 1995. Churchyard Finds from Gotland (11th – 12th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic. Stockholm.
- Thunmark-Nulén L., 1998. Die Wikingerzeit Gotlands. II. Typentafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie Och Antikvitets Akademien.

I. N. Kuzina, O. V. Zelentsova

The Podbolotyevsky Burial Ground Glass Beads from 2012–2014 Excavations (General Characteristics)

Summary. The article gives the analysis of the glass beads from the Podbolotyevsky burial ground excavations conducted in 2012–2013 by the IA RAS expedition led by O.V. Zelentsova. Glass beads were found in approximately one fifth (46 graves) of the researched interments of the 8th – 11th cc.: women's, men's and children's, chiefly in inhumations. The total number of found artefacts is 2157, from one to several hundreds in each interment, comprised in necklaces, sacrificial complexes and isolated items. At the same time stone beads were found in just two graves – two made of cornelian and one of crystal. The beads a manufactured in four main ways: bobbin, drawn tubes, rods or welding multicoloured rods. The composition of beads' sets in the graves indicates that the Volga way was the main route for the supply of beads to the region over the entire period that the burial ground had been functioning.

The glass beads from the Podbolotyevsky burial ground mainly correspond with the bigger picture of presence of this category of decorations in Eastern Europe. Along with metal decorations they enable us to trace Slavic colonization of the region. At the same time the place they take in the Muroma costume demonstrates chronological differences and regional variations.

Key-words: the Muroma, the Podbolotyevsky burial ground, the Volga-Oka interfluvium, glass beads.

List of figures

Fig. 1. Interments with beads from the Podbolotyevsky burial ground excavations in 2012–2014. Total of 46 graves: inhumations and cremations

a – children; *b* – men; *c* – women; *d* – cremations

Fig. 2. Distribution of the Podbolotyevsky burial ground glass beads over the main technological groups (in % of total number – 2157 beads)

a – wound beads; *b* – drawn tubes; *c* – rods; *d* – molten from glass rods' fragments; *e* – nondescript

Fig. 3. Correlation between glass beads and seed beads in two main technological groups. The Podbolotyevsky burial ground, 2012–2014

a – beads; *b* – seed beads

Fig. 4. Main dating types of glass beads from the Podbolotyevsky burial ground excavations in 2012–2014

Fig. 5. The proportion of women's interments with beads in the Volga Finns burial grounds

a – Saltov period; *b* – the 10th – 11th cc.

Fig. 6. The percentage ratio of interments with beads in complexed of the 2nd half of the 8th – 9th cc. (A) and the 10th – 11th (B) cc. The Podbolotyevsky burial ground, 2012–2014

a – women; *b* – children; *c* – men; *d* – women's cremations (adults and girls)

И. Е. Зайцева, О. В. Зеленцова

Треугольные ажурные подвески на древнерусских и муромских памятниках

Резюме. В статье рассматриваются треугольные ажурные подвески, происходящие из сборов на сельских поселениях Суздальского Ополя, где они известны в количестве 16 экземпляров. Определить место этих украшений в костюме и его хронологическую позицию позволили находки подобных предметов в составе мужского костюма в могильниках муромы на Нижней Оке. В погребениях такие подвески фиксируются в области колен и являются, вероятно, подвесками к поясу, к которому пришивались на кожаном ремешке. Хронологические рамки их бытования в муромских могильниках достаточно широкие и охватывают вторую половину VIII – начало X в.

Селища Суздальского Ополя, откуда происходят эти украшения, датируются X (IX?) – XII вв. Типологическая близость суздальских и муромских находок позволяет предположить, что хронологический разрыв в существовании этих украшений отсутствует и в Ополье они имели такую же традицию ношения.

Ключевые слова: Суздальское Ополье, древнерусские памятники, сельские поселения, муромские памятники, грунтовые могильники, ажурные подвески, типология, многокомпонентные сплавы.

Коллекция находок, собранных при обследовании сельских поселений Суздальского Ополя за 20 лет работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН, насчитывает более 13 тыс. предметов. Из них около четверти составляют находки из цветных металлов и серебра, среди которых наиболее многочисленны металлические детали поясной и уздечной гарнитуры, а также шумящие украшения финно-угорских и древнерусских типов и их фрагменты. Большинство шумящих украшений представлены широко распространенными и хорошо известными типами: это так называемые владимирские коньки, треугольные и прямоугольные подвески, трубчатые и полутрубчатые подвески и привески к ним – бутылковидные, лапчатые, бубенчики. Довольно многочисленны украшения обуви, являющиеся в основном одно- и двуспиральными пронизками.

Наряду с этими массовыми находками встречены предметы, представленные небольшими сериями или даже уникальные. В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть ажурные подвески треуголь-

ной формы. Всего на сегодняшний день в Суздальском Ополье их обнаружено 6 экз.: два целых происходят из селища Гнездилово 2, по одному обломку найдено на поселениях Суворотское 8, Шекшово 2, Спасское городище 6, Ивановково-Кощеево (рис. 1). Все предметы собраны в верхнем распахиваемом культурном слое и не имеют четкой стратиграфической даты. Тем не менее четыре из пяти находок происходят с так называемых больших поселений – крупных по площади неукрепленных селищ X – первой половины XII в. с развитой экономикой, со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, и престижных вещей, и многокомпонентным (разноэтничным) характером культуры (Макаров, Федорина, 2015; Лапшин, 1989; Макаров, 2019. С. 85–87). Культурный слой поселения Спасское городище 6 датируется более поздним временем – XII–XIII вв.

Обратимся к находкам. Все они изготовлены целиком литьем в одноразовых пластичных формах по выплавляемым моделям, собранным из жгутов и отдельных

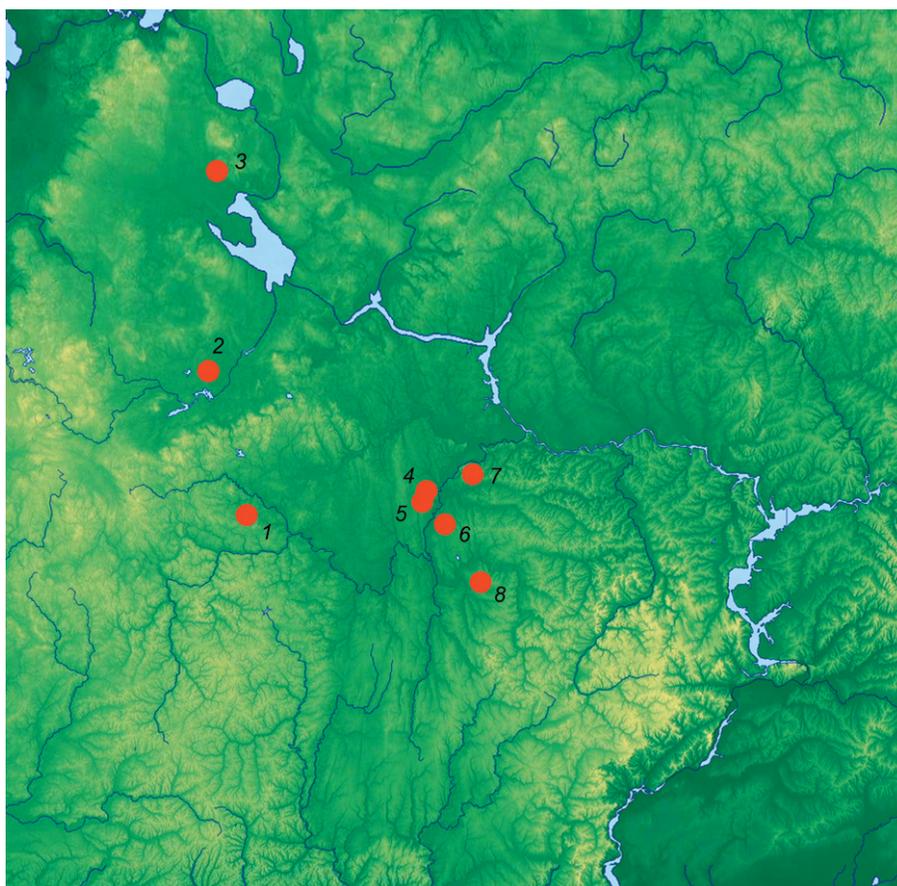

Рис. 1. Находки треугольных ажурных подвесок

1 – Суздальское Ополе; 2 – Плешково 1; 3 – Черный ручей 2; 4 – Муромский могильник; 5 – Подболотьевский могильник; 6 – Нижневерейский могильник; 7 – Чулковский могильник; 8 – Шокшинский могильник

элементов¹. Индивидуальность изготовления каждого предмета определяет его своеобразие, поэтому, несмотря на видимую типологическую однородность, все они обладают специфическими чертами.

1. Целая подвеска размерами 48×35 мм происходит из Гнездилово 2 (2014, № 486/398; рис. 2: 1). Основу тулова подвески составляет каркас из туго заплетенной косички, имеющий треугольную форму со скругленными углами. С внешней стороны по трем сторонам каркас украшен двучастными налепами, имитацией зерни. В углы помещены полые полусферы диаметром 8 мм, каждая из которых окружена одинарным жгутом. Полусферы соединены полосами, аналогичными внешнему каркасу. Сверху к тулову

прикреплена петля трапецевидной формы, сделанная из полоски с трехчастным продольным рифлением. Ширина просвета составляет 12 мм. Верхняя часть петли сильно затерта. Подвеска отлита из многокомпонентной бронзы с содержанием Cu – 74,6%, Sn – 4,65%, Pb – 17,29%, Zn – 2,84%².

2. Целая подвеска размерами 53×29 мм также происходит из Гнездилово 2 (2014, № 308/220; рис. 2: 5). Основу ее тулова составляет каркас из туго заплетенной косички, имеющий треугольную форму со скругленными углами. Налепы с внешней стороны имеются только по низу. В углы помещены полые полусферы диаметром 8 мм, каждая из которых окружена гладким валиком. Нижние полусферы располагаются вплотную друг

¹ О технике литья таких изделий см. *Сарачева, 2005. С. 103–109; Сапрыкина, 2010.*

² Рентгено-флуоресцентные анализы подчищенных участков металла были проведены в отделе археологических памятников ГИМ А.О. Шевцовым на установке Mistral M1 Bruker.

Рис. 2. Бронзовые подвески из Суздальского Ополья

1, 5 – Гнездилово 2; 2 – Шекшово 2; 3 – Суворотское 8;
4 – Спасское городище 6; 6 – Ивановково-Кошеево

к другу, с верхней они соединены перемычками-косичками. В верхней части к каркасу прикреплен фрагмент косички (поперечная перекладина) и петля трапециевидной формы, слепленная из трех гладких жгутов. Ширина просвета составляет 10 мм. Верхняя часть петли немного перетерта.

3. Фрагмент подвески обнаружен в Шекшово 2 (2015, № 621/12; рис. 2: 2). Сохранился один угол. Каркас был составлен из трех частей: в центре гладкий валик, к которому по бокам примазаны жгуты, с тыльной стороны конструкция укреплена еще одним гладким валиком, по внешнему контуру сделаны двучастные ложнозерновые налепы. В угол помещена полая полусфера диаметром 8,5 мм, окруженная одинарным жгутом. От нее идут перемычки в виде косичек. Сохранился спиральный налеп, украшающий внутреннее пространство каркаса. Изделие отлито из многокомпонентной брон-

зы с содержанием Cu – 52,18%, Sn – 4,36%, Pb – 38,1%, Zn – 2,99%.

4. Фрагмент подвески обнаружен на селище Суворотское 8 (2012, № 626/23; рис. 2: 3). Сохранился один угол. Конструкция каркаса аналогична экземпляру из Шекшово 2, но без внешних налепов. В угол помещена полая полусфера диаметром 7,5 мм, окруженная косичкой. Предмет отлит из многокомпонентной бронзы с содержанием Cu – 79,64%, Sn – 2,87%, Pb – 12,16%, Zn – 2,39%.

5. Фрагмент подвески происходит из селища Спасское городище 6 (2017, № 18; рис. 2: 4). Сохранилась верхняя часть изделия. Внешний каркас сделан из косички. Диаметр полусферы, окруженной одинарным жгутом, равен 8 мм. Сверху к каркасу приделаны фрагмент косички (поперечная перекладина) и петля трапециевидной формы, слепленная из двух гладких валиков. Ширина просвета равна 14 мм. Предмет отлит

из многокомпонентной бронзы с содержанием Cu – 60,81%, Sn – 12,63%, Pb – 23,12%, Zn – 2,16%.

6. Фрагмент подвески обнаружен в сборах на селище Ивановско-Кошеево (2020, № 4; рис. 2: 6). Сохранился один угол. Каркас подвески изготовлен из косички. В угол помещена полусфера диаметром 8 мм, окруженная одинарным жгутом.

Все 4 подвески, для которых известен состав металла, изготовлены из многокомпонентной бронзы с достаточно высоким содержанием свинца (12–38%) и небольшими добавками олова (менее 5%; только в изделии из Спасского городища 6 концентрация олова достигает 12%) и цинка (менее 3%). Изученные ранее составы сплавов шумящих украшений из Шекшова (Зайцева, 2015) и из сборов на других сельских поселениях Суздальского Ополя (Зайцева, 2008) заметно отличаются. Несмотря на то, что многокомпонентные сплавы широко использовались для производства этой группы предметов, рецептурные нормы в них иные: так, из 37 находок этого круга из Шекшова 22 отлиты из многокомпонентных сплавов, но только 6 имеют содержание свинца 10% и выше, причем, максимальное его значение составляет 18%. При этом, низкие концентрации олова и цинка отмечены лишь у одного предмета. Небольшие содержания свинца (среднее значение 5%) отмечены у шумящих украшений и других памятников Ополя: Веси V, Сунгира (Зайцева, 2008. С. 39).

Большее сходство наши находки демонстрируют с материалами муромского могильника Подболотье, выборка анализов из которого насчитывает 212 проб. Предметы, изготовленные из многокомпонентных сплавов со средним и высоким содержанием свинца и низким цинка, составляют здесь около двух третей среди всех, сделанных из многокомпонентных сплавов (около 100 образцов). Среди них довольно много находок с небольшой концентрацией олова (Сапрыкина, 2014. С. 232).

Высокосвинцовые многокомпонентные бронзы с небольшим количеством цинка отмечены в находках из погребений VIII в. мордовского Крюково-Кужновского могильника, погребений X – начала XI в. марийского могильника Нижняя Стрелка (Сапрыкина и др., 2011).

На древнерусской территории удалось обнаружить две аналогии Суздальским находкам. Одна такая целая подвеска найдена в женском погребении 3 кургана 53 в курганном могильнике Плешково 1 в Кимрском районе Тверской области (рис. 1; 3: 1). Она располагалась с правой стороны груди вместе с амулетами из медвежьих зубов и шумящей подвеской с шерстяными шнурами (Комаров, 2002. С. 154). К. И. Комаров датирует большинство погребений могильника XI в. и считает, что многие похороненные в нем были переселенцами из района пограничья мери и муромы (Комаров, 2002. С. 166–167). От рассмотренных нами экземпляров подвеска из Плешково отличается вогнутостью сторон (по форме напоминает трилистник).

Вторая целая подвеска размерами 432×34 мм обнаружена в культурном слое поселения Черный ручей 2 на притоке р. Суды р. Андоге в заполнении котлована постройки 4, имеющей радиоуглеродную дату IX – начало X в. (рис. 1; 3: 2; Кудряшов, 2007. С. 116–118). Она также имеет трилистную форму. Полусферы, окруженные одинарным жгутом, плотно прилегают друг к другу, каркас сделан из простой косички. Автор раскопок вслед за К. И. Комаровым считает предмет женской подвеской, маркером связей белозерской веси с восточнофинским населением Поволжья (Кудряшов, 2012. С. 309).

Действительно, поиск аналогий таким предметам приводит нас к муромским древностям, где на сегодняшний день известно 8 треугольных ажурных подвесок (рис. 1). Четыре происходят из погребальных комплексов Подболотьевского могильника (погр. 47, 67, 207), и из раскопок В. А. Городцова – 200), две из Нижневерейского (погр. 5 и из сборов; Уткин, Черников, 1992. С. 23. Рис. 3: 8; 8: 2), одна из Чулковского (погр. 63; Гришаков, 2018. С. 88. Рис. 47: 3), одна такая находка известна из разрушенных погребений Муромского могильника (Спицын, 1901. Табл. XXIX, 5). Еще одна – девятая подвеска происходит из погребения 418 Шокшинского могильника, который относится автором раскопок к позднему рязано-окским памятникам (Шитов, 1984. С. 60. Табл. 171: 17).

В муромских древностях эти украшения найдены *in situ* в шести погребениях, что позволяет определить их функциональное назначение и место в костюмном комплек-

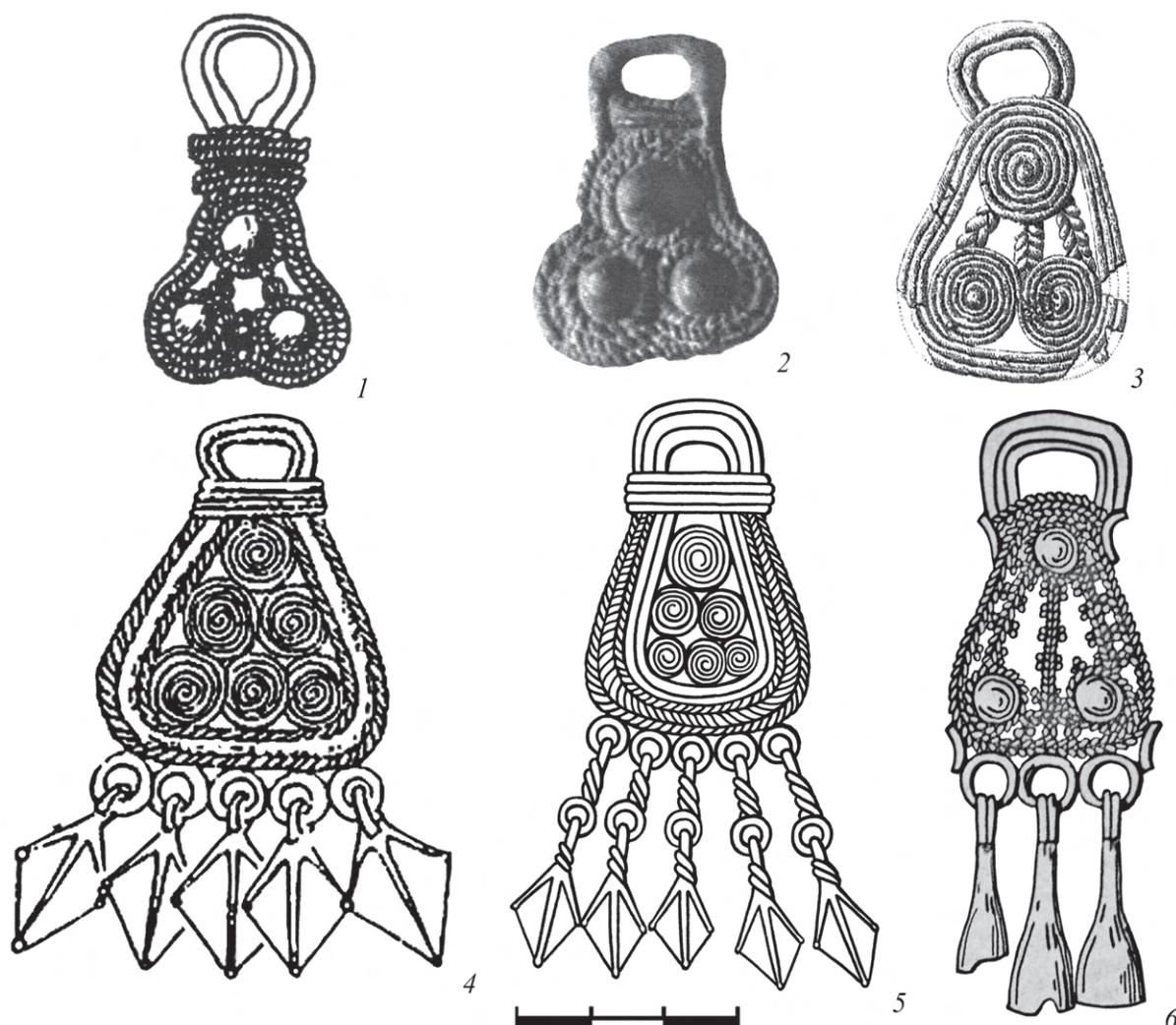

Рис. 3. Треугольные ажурные подвески

1 – Плешково 1 (по: *Комаров*, 2002); 2 – Черный ручей 2 (по: *Кудряшов*, 2015);
3 – Муромский могильник (по: *Спицын*, 1901); 4, 5 – Нижневерейский могильник, погр. 5;
разруш. погр. (по: *Уткин, Черников*, 1992); 6 – Шокшинский могильник, погр. 418
(по: *Шитов*, 1984); 1, 2, 4–6 – бронза; 3 – серебро

се. Подвески обнаружены только в мужских захоронениях, где фиксируются в области средней трети бедер (3 случая – П47, 67, НВ5) и колен (1 случай – Ч63³). В трех погребениях в комплексе присутствовал наборный пояс (П47, НВ5, Ч63) и подвеска, вероятно, висела на нем.

Подвески достаточно однотипны и отличаются только отдельными элементами оформления. Все они отлиты по выплавляемым моделям, изготовленным в наборной технике.

1. Целая подвеска размерами 49×33 мм обнаружена в погребении 47 Подболотьевского могильника (рис. 4: 1). От костяка сохранились пятна тлена в верхней части, но, судя по расположению пояса, подвеска обнаружена в области средней трети бедер, чуть ниже расположенного вертикально ножа (рис. 6).

Основу тулова подвески составляет каркас из трех жгутов, имеющий треугольную форму со скругленными углами. Внутри каркаса пирамидкой располагаются 6 выпуклых

³ В сокращении первая буква означает название могильника: П – Подболотьевский, НВ – Нижневерейский, Ч – Чулковский, М – Максимовский; цифра – номер погребения.

Рис. 4. Треугольные ажурные подвески из Подболотьевского могильника

1 – погр. 47; 2 – погр. 67; 3 – погр. 207 (раскопки 2012–2014 гг.); 4 – погр. 200 (раскопки В. А. Городцова)

полусфер диаметром по 4 мм, каждая из которых окружена двойным гладким валиком. Валики полусфер плотно прилегают к соседним элементам. В верхней части каркас приделан к подтреугольной формы гладкой петле с просветом 13 мм. Зона стыка каркаса и петли с лицевой стороны была усилена подмазыванием воска, украшенного продольным рифлением. На обороте на каркасе сохранились остатки вертикального литника. К петле подвески крепился кожаный ремешок шириной 11 мм, обмотанный 5 рядами плосковыпуклой проволоки. Ремешок сохранился на длину 2 см.

2. Подвеска размерами 45×33 мм обнаружена в погребении 67 Подболотьевского могильника (рис. 4: 2). Костяк не сохранился, но подвеска лежала примерно так же, что и в погребении 47 – слева от ножа в области предполагаемой средней трети бедра.

Основой тулова подвески является каркас из четырех рядов крученых жгутов, составляющих узор в виде двух косичек. Каркас имеет треугольную форму со скругленными углами. Внутри каркаса пирамидой вплотную расположены шесть уплощенных полусфер, каждая из которых окружена однорядным гладким валиком. С тыльной стороны в центральной части каркаса сделан вертикальный литник в виде палочки. Верхняя петля изготовлена из двойного гладкого валика, приделанного к каркасу без посредника. Она имеет подтрапециевидную форму. Верх петли обломан, ширина просвета составляет не менее 15 мм. Предмет отлит из многокомпонентной бронзы с содержанием Cu – 57%, Sn – 11,48%, Pb – 24,41%, Zn – 4,94%, As – 1,18%⁴.

3. Еще одна подвеска размерами 50×36 мм расчищена среди кальцинированных костей

⁴ Состав металла подвесок из Подболотьевского могильника определен И. А. Сапрыкиной в Институте археологии РАН на установке для рентгенофлуоресцентного анализа *Mistral M1 Bruker*.

в погребении 207 Подболотьевского могильника. Подвеска сильно коррозирована, вероятно побывала в огне (рис. 4: 3). Основой тулова подвески является каркас из двух рядов крученых жгутов, имеющий подтреугольную форму со скругленными углами. Внутри пирамидкой расположено 10 полусфер, каждая из которых оконтурена тройным гладким валиком. Диаметр одной полусферы с валиками составляет 8 мм. На тыльной стороне подвески хорошо видны три литника в виде палочек, веером расходящиеся от верхнего угла. К тулову подвески с лицевой стороны прикреплена поперечная перекладина в виде соединенных вместе трех отрезков гладких валиков, на которую приделана обломанная петля подтрапцевидной формы с просветом шириной 6 мм. Предмет отлит из многокомпонентной бронзы с содержанием Cu – 66,56%, Sn – 6,97%, Pb – 20,33%, Zn – 3,72%, As – 1,3%. Состав металла подвесок из Подболотьевского могильника: высокосвинцовая многокомпонентная бронза с небольшой концентрацией цинка, совпадает с составом металла суздальских украшений. Небольшое отличие есть в концентрации олова – здесь оно немного выше.

4. Подвеска размерами 35×27 мм, трилистной формы была обнаружена в составе трупосожжения из погребения 200 Подболотьевского могильника из раскопок В. А. Городцова (*Городцов*, 1914. С. 129). Подвеска имеет три полусферы, окруженные одинарным жгутом, которые плотно прилегают друг к другу; частично сохранившаяся петля выполнена из простой косички (рис. 4: 4). Эта подвеска наиболее близка находкам из Плешково и с Черного ручья, что на р. Суда (см. рис. 3: 1, 2).

5, 6. Две подвески происходят из Нижневереяского могильника. Одна обнаружена в мужском погребении 5 и лежала «ниже таза, между бедрами» (рис. 3: 5; *Уткин, Черников*, 1992. С. 22). Подвеска имеет размеры 48×39 мм. Типологически она близка подвеске из погребения 67 Подболотьевского могильника, отличие состоит в том, что к нижней части этой подвески приделаны 5 колечек с лапчатыми привесками. Вторая точно такая же целая подвеска найдена в сборах из разрушенных погребений (рис. 3: 5; *Уткин, Черников*, 1992. С. 15. Рис. 3).

7. Еще одна подвеска найдена в мужском погребении 63 Чулковского могильника

Рис. 5. Треугольная ажурная подвеска из погребения 63 Чулковского могильника

(рис. 5). На костяке были расчищены поясной набор с железными накладками и пряжкой, а также содержимое поясной сумочки. Подвеска обнаружена в области левого колена, лежала примерно в 20 см слева от кончика ножа (*Гришаков, Седышев, Сомкина*, 2016. С. 88). Типологически данный экземпляр наиболее близок к подвескам из Гнездилово в Суздальском Ополе. Размеры подвески равны 46×31 мм. Основу тулова составляет каркас из косички. С внешней стороны по двум округлым углам каркас украшен двучастными налестками в виде имитации зерни. Внутри каркаса в углах размещены полусферы диаметром 6 мм, каждая из которых окружена одинарным жгутом-веревочкой. Полусферы соединены полосками, сделанными из косичек. В верхней части тулова расположена перемычка из трех горизонтальных веревочек и петля подтрапцевидной формы. Ширина просвета составляет 7 мм.

8. Ажурная подвеска происходит из сборов на Муромском могильнике (рис. 3: 3; *Спицын*, 1901. С. 52, Табл. XXIX: 5). Судя по иллюстрации, каркас подтреугольной формы выполнен из трех рядов гладких палочек. Внутри каркаса по углам расположены три спиральных диска из гладких палочек. Нижние диски располагаются вплотную друг к другу, с верхним они соединены тремя перемычками-косичками. Сверху тулова находится петля подквадратной формы, слепленная из двух гладких палочек.

9. Самая восточная находка происходит с территории современной Мордовии – из Шокшинского могильника, относящегося к могильникам рязано-окского типа (рис. 1).

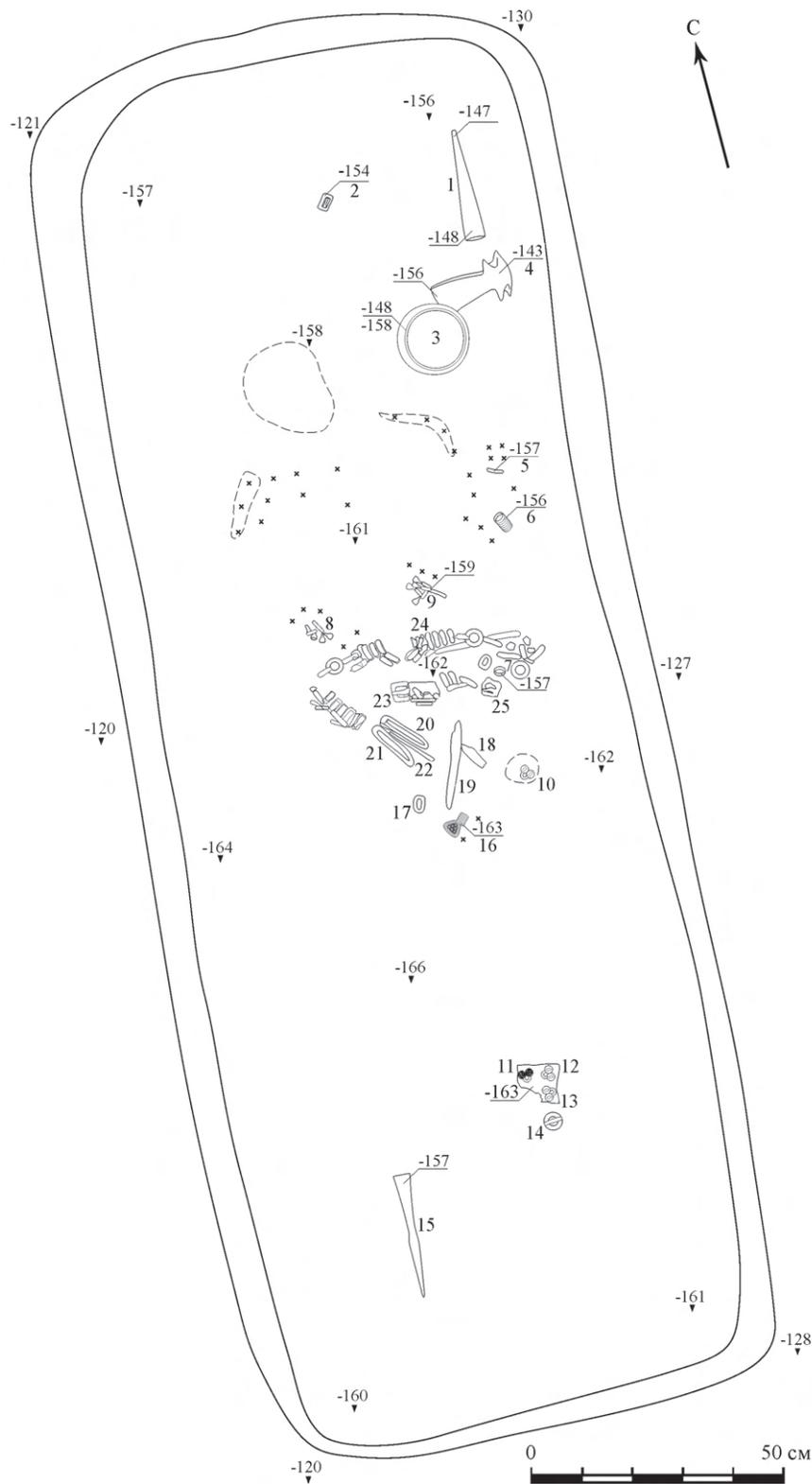

Рис. 6. Подболотьевский могильник. План погребения 47

1 – пешня; 2 – пряжка; 3 – сосуд; 4 – топор; 5 – пронизка; 6 – перстень спиральный; 7 – перстень ромбоцитковый; 8, 9 – пронизки с привесками; 10–13 – умбовидные привески; 14 – пряжка; 15 – наконечник копья; 16 – ажурная треугольная подвеска; 17 – кресало; 18 – кресало; 19 – нож; 20, 21 – кресало; 22 – фитильная трубочка; 23 – пряжка; 24 – наборный пояс (1, 2, 4, 15, 14–17, 19–24 – железо; 3 – глина; 5–13, 16 – бронза)

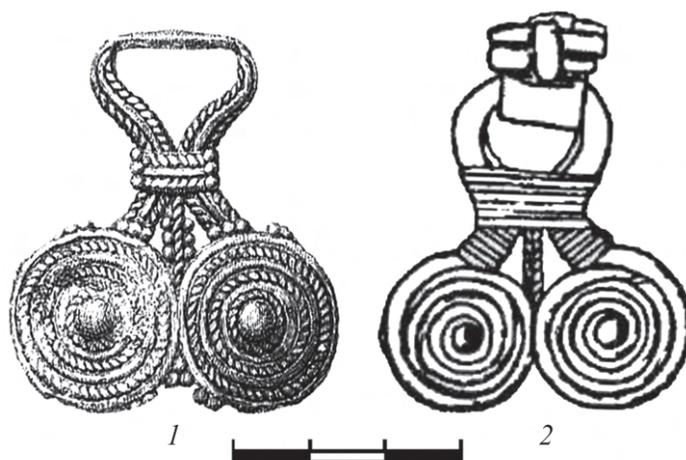

Рис. 7. Двуспиральные подвески

1 – Максимовский могильник (по: Спицын, 1901);
2 – Чулковский могильник, погр. 32 (по: Гришаков и др., 2016)

Шокшинская подвеска имеет каркас из двух косичек, которые с внутренней стороны украшены двучастными налестками, имитирующими зернь. Внутри каркаса по трем углам размещены полусферы, каждая из которых окружена одинарным жгутом-веревочкой. Центр подвески украшен вертикальной перемычкой, имеющей вид косички с налестками. К нижней части каркаса приделаны 5 колечек, из которых сохранились три центральные. К ним подвешены бутылчатые привески. Верхняя часть каркаса усилена косичкой, здесь расположена петля трапециевидной формы, сделанная из 3 гладких жгутов. С двух сторон петли сохранились фрагменты еще двух колечек (рис. 3: б). Подвеска найдена в женском погребении. Она зафиксирована в области груди вместе с бусами и трубчатыми подвесками с трапециевидными привесками, т.е. треугольная подвеска была в составе ожерелья. Такой способ ношения подвески необычен для поволжских финнов и шокшинскому населению это украшение явно не было известно.

В муромских древностях известны поясные подвески иного вида: их тулово не имеет каркаса, а состоит из двух концентрических окружностей, расположенных вплотную и сверху соединенных петлей. Одна такая подвеска найдена в сборах на территории Максимовского могильника (рис. 7: 1). Это «медная проволочная петля-застежка из двух бляшек и ушка» по А. А. Спицыну (1901. С. 52. Табл. XXVI: 7). Аналогичная подвеска есть

в Чулковском могильнике, где найдена в мужском погребении в области бедер (рис. 7: 2; Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 138). В этом же погребении присутствует пояс с железными накладками. Можно предполагать одинаковую роль в мужском муромском костюме каркасных и спиральных подвесок, использовавшихся как украшения поясов.

Наиболее ранним из рассматриваемых комплексов с треугольной ажурной подвеской является погребение 63 Чулковского могильника. Автор раскопок, на наш взгляд, несколько омолаживает датировку этого комплекса, относя погребение к группе 2, которая датируется концом VIII–IX в. (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 39, 43).

Для определения его хронологической позиции имеет значение присутствие в погребении серебряной застежки с крылатой иглой. Застежка крупная – диаметр кольца 12,5 см, длина усов – 12 см, размах крыльев иглы – 9,5 см; кольцо плоское, с выраженным ребром на кольце (рис. 8: 4).

Ранняя дата появления застежек с крылатой иглой в финно-угорских древностях (сер. – 2-я пол. VII в.) обосновывается находками поясных наборов геральдического облика (Шитов, 1988. С. 31; Ахмедов, 2010. С. 12–13). Развитые формы воинских фибул, к каким относится экземпляр из погребения 63, в могильниках цнинской мордвы известны в комплексах с геральдическими поясами и также датируются концом VII – 1-й пол. VIII в. (Зеленцова, 2005. С. 324–325.

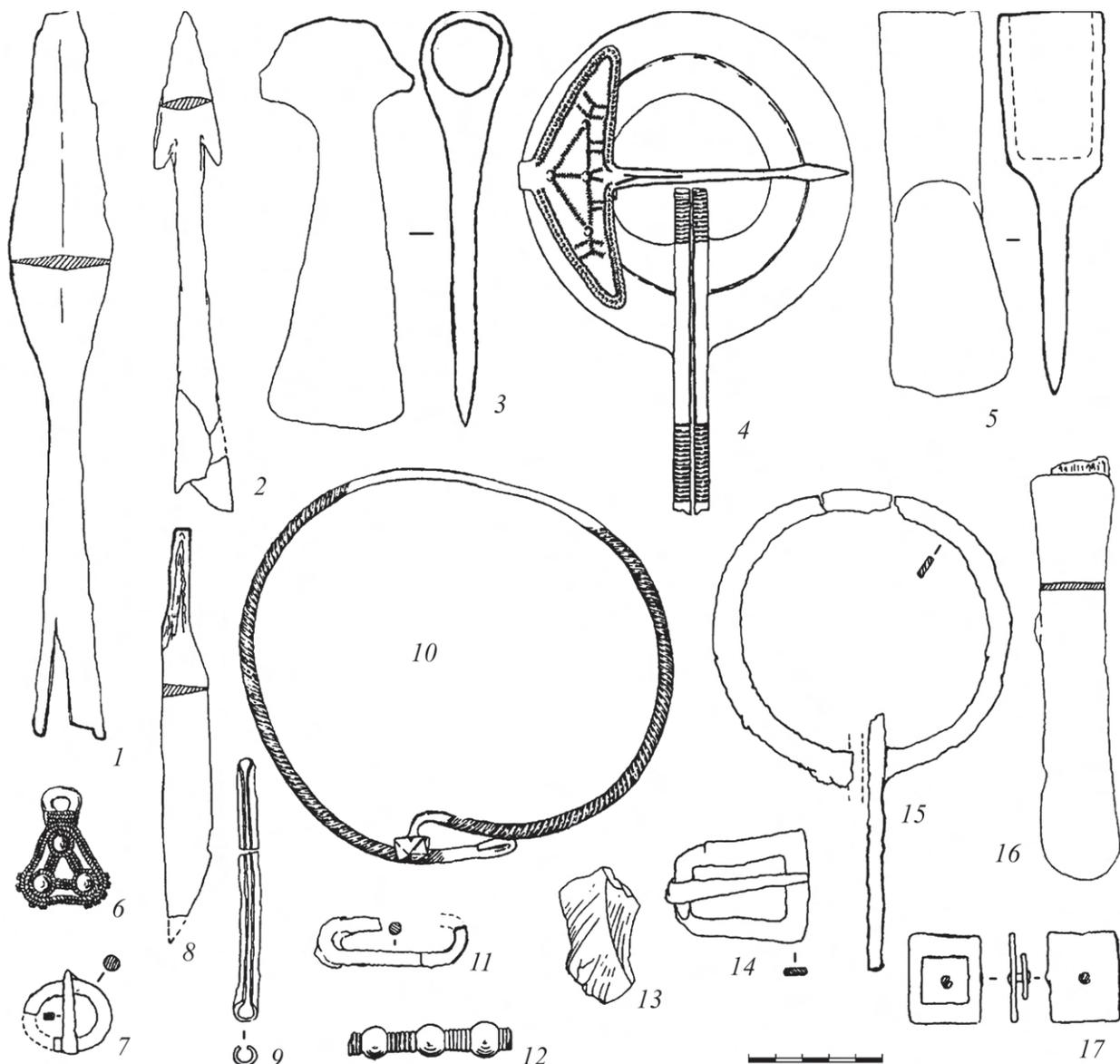

Рис. 8. Чулковский могильник. Погребение 63 (по: Гришаков и др., 2016)

- 1 – наконечник копья; 2 – наконечник дротика; 3 – топор; 4 – застежка с крылатой иглой;
 5 – топор-кельт; 6 – ажурная треугольная подвеска; 7 – пряжка; 8 – нож; 9 – трубочка с пазом;
 10 – гривна глазовского типа; 11 – кресало; 12 – трубочка с шаровидными вздутиями;
 13 – кремень; 14 – пряжка; 15 – сюлгاما; 16 – накладка; 17 – ременная накладка
 (1–3, 5, 8, 11, 14–17 – железо; 4, 6, 10 – серебро; 7, 12 – бронза)

Рис. 2: 25). Эти фибулы доживают до конца VIII в., о чем свидетельствует находка в погребении 68 Чулковского могильника вместе с «неволинским» поясом (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 161. Рис. 50: 2, 4) и в погребении 10 Журавкинского могильника, где присутствует салтовская височная подвеска и сюлгамы с длинными усами (Петербургский, Вихляев, Святкин, 2010. С. 86: 9, 10).

Архаический облик имеет и набор оружия из рассматриваемого погребения: к ран-

ним типам относится топор-кельт с коротким лезвием (рис. 8: 5; Павлихин, 2008. С. 192; Бейлекчи, 2017. С. 358); сочетание двушипного наконечника дротика и копья с выраженными плечиками (рис. 8: 1, 2) у мордвы и муромы не встречается позднее VIII в. (Шитов, 1975. С. 72). Здесь же в наборе колуновидный, по выражению А. Н. Кирпичникова, со щекавицами топор (тип VIII; Кирпичников, 1966. С. 38. Рис. 6: 29; 7: 30, 11). Такие топоры у поволжских финнов бытуют с VIII

по XI в., но время наибольшего распространения падает на IX–X вв. (Гришаков, Зеленева, 1990. Рис. 14: 3; Бейлекчи, 2017. С. 365–367). Верхняя дата погребения определяется гривной «глазовского» типа с замком в виде петли и крючка с массивной многогранной головкой (рис. 8: 10). Массивность многогранной головки позволяет отнести этот тип к ранним (Зеленева, 2018. С. 320) и датировать данное погребение в пределах середины – второй половины VIII в.

Хронологические позиции погребений с ажурной подвеской из Подболотьевского могильника сложно определимы в виду присутствия в них предметов и украшений с широкими датами. Исключение составляет погребение 47, где в комплексе найден ромбоцитковый перстень. Литые щитковые перстни известны в салтовских древностях в пределах IX в. (Плетнева, 1989. С. 116. Рис. 61: 2. С. 160). Но полных аналогий таким ромбоцитковым перстням в салтовских материалах нет, они больше известны в материалах мордовских могильников, где встречаются в комплексах IX в. (Елизавет-Михайловский, Шокшинский могильники). Этим же временем, вероятно, следует датировать и погребение 67, в котором присутствует топор со щекавицами и подражание аббасидскому дирхаму ал-Ма'муна, чеканенному в Мадинат Исбахане в 200 г. х. (IX в.)⁵.

Несколько более поздним выглядит погребение 5 Нижневерейского могильника, в комплексе которого имеются усатый перстень и костяной гребень с разносмотрящими конскими головками на спинке (Уткин, Черников, 1992. С. 22). Усатые перстни у мордвы и марийцев бытуют на протяжении X–XI вв. (например, Никитина, 2018. С. 35). Костяные гребни-подвески широко известны в материалах Прикамья, где датируются IX–X вв. (Крыласова, 2007. С. 252–253). В Подболотьевском могильнике похожий костяной гребень присутствовал в комплексе богатого женского погребения 57, которое датируется второй половиной IX в. (Зеленева, Сапрыкина, 2018. Рис. 3: 13. С. 229). С учетом этого, а также присутствием в погребении массивного шляпкоконечного браслета, бубенчи-

ка со щелевидной прорезью, втульчатого топора и топора со щекавицами, Нижневерейское погребение 5 можно датировать концом IX – началом X в.

Для определения верхней даты бытования треугольных ажурных подвесок у поволжских финнов важна подвеска из погребения 418 Шокшинского могильника. Датировку этого погребения, судя по находке подвески-конька типа XVII по Е.А. Рябинину, можно отнести ко времени не ранее первой половины X в. (Рябинин, 1981. С. 34–35. Табл. XVI–XVII).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении датировки комплексов указывают на хронологический период второй половины VIII – начала X в. как основной для бытования подобных подвесок. Находки подвесок в составе ожерелий в женских погребениях Шокшинского и Плешковского I могильников можно считать свидетельствами пережитка изделий. Это подтверждается использованием в том же Плешковском погребении в качестве подвески украшения обуви (Комаров, 2002. С. 181. Рис. 4: 13). Подвески обоих видов: с каркасом и двуспиральные, существовали одновременно, о чем свидетельствует близкая датировка комплексов из Чулковского могильника.

Что касается экземпляров из Суздальского Ополя, то в настоящее время хронологические позиции трех из четырех селищ, где они обнаружены: Гнездилово 2, Суворотское 8 и Шекшово 2 – определены как X (IX?) – XII вв. (Макаров и др., 2018. С. 9). Тем не менее необходимо отметить, что в многочисленных коллекциях из сборов со всех этих памятников имеются единичные предметы, относящиеся ко времени ранее X в. Их детальное рассмотрение с обоснованием хронологии еще впереди. С IX в. связаны отдельные находки металлических деталей поясной гарнитуры: две поясные накладки трилистной формы с нижней петлей из могильника Шекшово 9, относимые А. Комаром ко II/III стадии салтовских древностей (1-я пол. IX в.; Комар, 2018. С. 354), поясная накладка из Гнездилово 2, имеющая аналогии в материалах III стадии салтовских древностей (с 30-х годов до конца IX в.;

⁵ Благодарим за определение А.А. Гомзина.

Комар, 2018. С. 78). Единичные предметы разных веков второй половины I тыс. найдены на селище Суворотское 8 (Федорина и др., 2020). Вполне вероятно, что подвески из Ополя не имеют хронологического разрыва с муромскими находками.

Обнаружение треугольных каркасных подвесок с выпуклостями в мужских погребальных комплексах в районе бедер или колен дает возможность с достаточной сте-

пенью уверенности считать их принадлежностью пояса. Это довольно редкое украшение мужского костюма, которое, вероятно, подвешивалось к поясу на ремешке, вряд ли имело какое-то функциональное значение. Типологическая близость находок из Суздальского Ополя и муромских могильников позволяет говорить об общей восточно-финской традиции ношения таких подвесок.

Литература

- Ахмедов И. Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы. М.: Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН. С. 6–34. (Раннеславянский мир. Вып. 13)
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (погребальный обряд и поселения). М.: Изд-во МПСУ. 278 с.
- Бейлекчи Вал. В., 2017. Топоры муромы // КСИА. Вып. 247. С. 355–371.
- Гришаков В. В., Седьшев О. В., Сомкина А. Н., 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э. (Чулковский могильник). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т. 177 с.
- Зайцева И. Е., 2008. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополя // АВСЗ. Вып. 2. М.: ИА РАН. С. 36–55.
- Зайцева И. Е., 2015. Цветной металл украшений могильника X–XI вв. Шекшово 9 в Суздальском Ополе (химический состав) // КСИА. Вып. 241. С. 252–262.
- Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А., 2018. К вопросу о женском костюме муромы по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. № 1 (23). С. 220–241.
- Зеленцова О. В., 2018. О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба. М.: ИА РАН. С. 314–323.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. (САИ. Е1-36). М.: Наука. 182 с.
- Комар А., 2018. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest. 424 с.
- Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника уд. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы. Сборник участников Великой Отечественной войны. Тула: Гриф и К. С. 141–189.
- Крыласова Н. Б., 2001. История Прикамского костюма. Костюм средневекового населения Предуралья. Пермь: ПГПУ. 220 с.
- Кудряшов А. В., 2007. Поселение Черный ручей на р. Андоге (некоторые итоги исследований в 2003–2006 гг.) // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция. Ярославль. С. 114–123.
- Кудряшов А. В., 2012. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках. Общество, государство, культура. М.–Вологда: Древности Севера. С. 299–311.
- Лапшин В. А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздаlem // КСИА. Вып. 195. М.: Наука. С. 66–71.
- Макаров Н. А., 2019. У колыбели Северо-Восточной Руси // Природа. № 1. С. 78–87.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.
- Никитина Т. Б., 2018. Русенихинский могильник // Археология Евразийских степей. № 3. Казань. 256 с.
- Павлюхин А. В., 2008. Топоры-кельты Сурско-Окского междуречья III–X вв. н. э. // Пензенский археологический сборник. Пенза: ГОУ ДПО «Пензенский институт развития образования». С. 188–220.
- Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В., 2010. Второй Журавкинский могильник. Саранск: Типография «Красный октябрь». 132 с.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука. 288 с.
- Сапрыкина И. А., 2010. Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дяковской культуры // АП. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 11–18.

- Сапфрыкина И. А., 2014. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений VIII–X веков Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 236. С. 230–234.
- Сапфрыкина И. А., Митоян Р. А., Никитина Т. Б., Зеленцова О. В., 2011. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья. Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Piliscsaba 2010. Pars VIII. Piliscsaba, 312–332.
- Сарачева Т. Г., 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Воронина Р. Ф., Энгватова А. В., Зеленцова О. В. Никининский могильник. Публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. М.: ИА РАН. С. 103–122.
- Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР. № 25. СПб. 120 с.
- Уткин А. В., Черников В. Ф., 1992. Муромский могильник близ села Нижняя Верея на Нижней Оке // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Иваново. Вып. 7. С. 13–27.
- Федорина А. Н., Морозов А. С., Угулава Н. Д., 2020. Находки предметов I тыс. н. э. на селище Суворотское 8: состав коллекции и исторический контекст // КСИА. Вып. 261. С. 231–251.
- Шитов В. Н., 1975. Вооружение мордвы во второй половине I тысячелетия нашей эры (по материалам Старокадомского и Шокшинского могильников) // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск: Мордовское книж. изд-во. С. 69–82.
- Шитов В. Н., 1984. Отчет о работе Шокшинской археологической экспедиции в Мордовской АССР и Рязанской области в 1984 г. Саранск // Архив ИА РАН. Р-1, № 10376.
- Шитов В. Н., 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 23–70.

I. E. Zaitseva, O. V. Zelentsova

Triangular Open-work Pendants from Old Russian and Muroma Sites

Summary. The article gives an overview of triangular open-work pendants originating from the Suzdal High Plains rural settlements, where 14 such artefacts were excavated. It was possible to define the place of this decoration in traditional costume and determine its dating after similar decorations were found in men's costume in Muroma burial grounds on the Lower Oka. In graves these pendants are found in knee area and were probably suspended to a belt on a leather strap. The chronological scope of the pendants in the Muroma burial grounds is rather vast and covers the second half of the 8th – early 10th centuries.

The Suzdal High Plains settlements where these decorations were found date back to the 10th (9th?) – 12th cc. The typological proximity of the Suzdal and Muroma findings makes us suppose that there is no chronological gap in the continuity of their use and that in Old Russian environment they were used in costume in similar ways.

Keywords: Suzdal High Plains, Old Russian sites, rural settlements, Muroma sites, flat graves burial grounds, open-work pendants, typology, multicomponent alloys.

List of figures

Fig. 1. Findings of triangular open-work pendants

1 – Suzdal High Plains; 2 – Pleshkovo 1; 3 – Chorny ruchey 2; 4 – Muromsky burial ground; 5 – Podbolot'yevsky burial ground; 6 – Nizhnevereysky burial ground; 7 – Chulkovsky burial ground; 8 – Shokshinsky burial ground

Fig. 2. Bronze pendants from Suzdal High Plains

1, 5 – Gnezdilovo 2; 2 – Shekshovo 2; 3 – Suvorotskoye 8; 4 – Spasskoye settlement 6; 6 – Ivankovo-Koshcheevo

Fig. 3. Triangular open-work pendants.

1 – Pleshkovo 1 (after: Komarov, 2002); 2 – Chorny ruchey 2 (after: Kudryashov, 2015); 3 – the Muroma burial ground (after: Spitsyn, 1901); 4, 5 – the Nizhnevereysky burial ground (after: Utkin, Chernikov, 1992); 6 – the Shokshinsky burial ground (after: Shitov, 1984). 1, 2, 4–7 – bronze; 3 – silver

Fig. 4. Triangular open-work pendants from the Podbolotyevsky burial ground

1 – gr. 47; 2 – gr. 67; 3 – gr. 207; 4 – gr. 200 (excavations by V.A. Gorodtsov)

Fig. 5. Triangular open-work pendant from grave 63 of the Chulkovsky burial ground**Fig. 6. The Podbolotyevsky burial ground. Plan of grave 47**

1 – an icepick; 2 – a buckle; 3 – a vessel; 4 – an axe; 5 – a small tube; 6 – a spiral finger ring; 7 – a ring; 8, 9 – beadigns with additions; 10–13 – umbonate additions; 14 – a buckle; 15 – a spear head; 16 – a triangular open-work pendant; 17 – a steel; 18 – a steel; 19 – a knife; 20, 21 – a steel; 22 – a wick tube; 23 – a buckle; 24 – a belt decorated with plates. 1, 2, 4, 15, 14–17, 19–24 – iron; 3 – clay; 5–13, 16 – bronze

Fig. 7. Double-spiral pendants

1 – the Maksimovsky burial ground (after: *Spitsyn*, 1901); 2 – the Chulkovsky burial ground (after: *Grishakov et al.*, 2016)

Fig. 8. The Chulkovsky burial ground. Grave 63 (after: *Grishakov et al.*, 2016)

1 – a spear head; 2 – a javelin head; 3 – an axe; 4 – a buckle with a winged needle; 5 – a celt (socketed axe); 6 – an open-work triangular pendant; 7 – a buckle; 8 – a knife; 9 – a tube with a notch; 10 – a Glazov ring; 11 – a steel; 12 – a tube with spherical blisters; 13 – a flint; 14 – a buckle; 15 – a syulgama; 16 – a plate; 17 – a belt plate. 1–3, 5, 8, 11, 14–17 – iron; 4, 6, 10 – silver; 7, 12 – bronze

В. В. Бейлекчи

Железные ременные наборы с подвесными кольцами у муромы

Резюме. Поясные наборы с железными накладками и ременными разделителями обнаружены в 40 захоронениях летописной муромы из 58 известных погребений с наборными поясами. Выделены три основных вида накладок и рассмотрены источники их появления на Нижней Оке. С помощью анализа комплексов датирующего инвентаря могильников мордвы Стексово II и Второго Старобадиковского установлены хронологические рамки бытования данной детали костюма. На близлежащих мордовских территориях период употребления железных поясных наборов ограничивался концом VII–IX в., у муромы они использовались вплоть до X в. В трех случаях железные поясные наборы сопровождали парадные наборные пояса из цветного металла.

Ключевые слова: поволжские финны, культура муромы, поясные наборы с железными накладками и ременными разделителями.

Пластинчатые подпрямоугольные железные кованые накладки с кольцами для подвешивания входили в состав одного из наиболее распространенных у муромы комплексов ременного набора (найжены в 40 захоронениях), составляя по последним данным не менее 64 % от общего числа поясных наборов (найжены в 58 захоронениях) (табл. 1). Предметом отдельного исследования поясные наборы муромы с подобными накладками ранее не являлись.

Появление подобной конструкции ременных накладок на Оке, как отмечено И. Р. Ахмедовым, следует отнести к периоду 2А-В рязано-окских могильников (сер. III – нач. IV в.): из погребений 4 и 57 Кошибеевского могильника (раскопки В. Н. Глазова) происходят овальные пластинчатые обоймы с кольцом, которые в IV и V вв. были широко распространены в составе ременных гарнитур (Ахмедов, 2007. С. 142. Рис. 10: 5).

В литературе устоялось мнение о происхождении рассматриваемого вида накладок от ременных украшений позднеаварского периода, чему свидетельство – прямоугольные бронзовые накладки с кольцами из погребения 476 (2-й пол. VI – VII в.) могильника Дюрсо (Крым... 2003. С. 250. Табл. 83: 52), прямоугольные железные накладки из могильника

Úllő аварского периода в Венгрии (Мурашева, 2000. С. 51) и могильника Perniö-Tiikkinummi в Финляндии, отнесенного Э. Кивикоски к периоду 550/600–800 гг. (Kivikoski, 1973. P. 82. Taf. 66: Abb 577).

В. В. Мурашева определила данные украшения пояса к классу XXXVI, группе 1, т. е. к железным кованым с петлей в основании и плоской верхней стороной (Мурашева, 2000. С. 50, 51. Рис. 71).

Среди находок из муромских могильников можно выделить следующие виды железных подпрямоугольных накладок с петлей в основании и подвесными кольцами (рис. 1):

вид 1 – подпрямоугольные с арочной или сильно выгнутой верхней гранью (Чулковский могильник, погр. 9, 32, 81, 94) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 50, 67, 100, 108. Рис. 11: 8; 27: 4; 57: 17; 64: 7);

вид 2 – подпрямоугольные с вогнутыми сторонами и ровной/слабо выгнутой верхней гранью (Чулковский могильник, погр. 5, 8, 9, 13, 31, 32, 38, 60, 85, 94) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 47, 50, 53, 65, 67, 70, 86, 102, 108. Рис. 6: 23; 9: 27; 11: 6; 14: 6; 26: 26; 27: 23, 25, 26; 30: 16; 45: 15; 59: 9; 64: 8, 9), в том числе – подобные накладки кольцевых разделителей пояса; соответствуют накладкам класса XXXVI, группы 1, вида 1Б

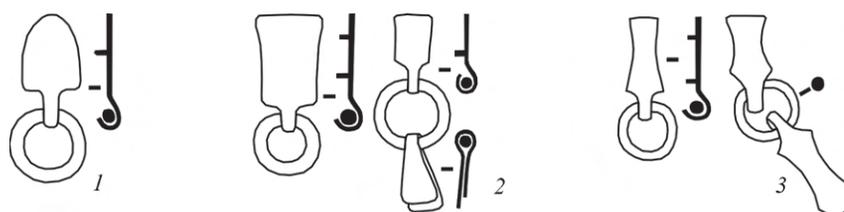

Рис. 1. Пояса муромы: виды железных подпрямоугольных накладок с петлей в основании и подвесными кольцами, накладок ременных разделителей

по В. В. Мурашевой (Мурашева, 2000. С. 50, 51. Рис. 71: 2);

вид 3 – подпрямоугольные вытянутые с вогнутыми сторонами и ровной/выгнутой верхней гранью (Чулковский могильник, 59, 60) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 85, 86. Рис. 44: 2, 3; 45: 16), в том числе – подобные накладки кольцевых разделителей пояса (Чулковский могильник, 6, 8, 9, 47) (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 48, 50, 75. Рис. 7: 12; 9: 26; 10: 16; 34: 10, 11).

Наиболее ранний комплекс муромы с рассматриваемыми накладками пояса обнаружен на Чулковском (Звягино) могильнике, это погребение 31 (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 65, 66. Рис. 25, 26). Помимо остатков пояса с железными накладками в этом захоронении найден серебряный поясной набор катандинско-пенджикентского типа, в составе которого: пряжка типа Б1ж3 (VIII в.) Неволинского могильника (Голдина, 2012. С. 320, 354. Табл. 175: 3; 208: 59), накладка полуовальная кон. VII – 1-й пол. VIII в. (Богачев, 1992. С. 157. Рис. 29), накладка серповидная типа А26а (VIII в.) Неволинского могильника (Голдина, 2012. С. 353. Табл. 207: 46; 223: 15, 16), пряжка-колючка типа А2а (кон. VII – VIII в.) Неволинского могильника (Голдина, 2012. С. 46, 323. Табл. 178: 14), наконечник ремня типа Г1а (VIII в.) Неволинского могильника (Голдина, 2012. С. 330, 353. Табл. 185: 52; 07: 48).

Наиболее поздний комплекс муромы с рассматриваемыми накладками пояса обнаружен на Подболотьевском могильнике в 2013 г., это погребение 106 (Зеленцова, 2014. С. 39)¹. В составе хорошо датированного инвентаря данного комплекса: бронзовая подковообразная фибула, широкосрединный

пластинчатый перстень, калачевидное кресало, бронзовые складные весы с чашечками в кожаном футляре, три весовые гири, железные оковки колчана с четырьмя стрелами, у которого найдена узда (или второй ремень?) с бронзовыми накладками, а также серебряный дирхем – подражание саманидскому дирхаму X в., три фрагмента резаного дирхема, остатки берестяного (?) кошелька с резаными дирхемами.

В Неволинском могильнике железные прямоугольные поясные накладки с подвесным кольцом (определены Р. Д. Голдиной как пряжки-колючки) обнаружены в погребениях 145 (не датировано) и 232 (стадия II, VIII в.) (Голдина, 2012. С. 141, 284, 198, 343. Рис. 50. Табл. 53: 7; 139: 7, 8; 198: 8–10).

Пояса с железными накладками и подвесными кольцами не являлись редкостью в Западном Поволжье и достаточно широко использовались мордвой – ближайшими соседями муромы. Материалы Чулковского и других муромских могильников в силу определенной ограниченности ассортимента инвентаря не позволяют уверенно датировать рассматриваемый вид украшений пояса, в связи с чем имеет смысл использовать хронологическую систему и типологию инвентаря В. И. Вихляева, А. А. Беговаткина, О. В. Зеленцовой, В. Н. Шитова и обратиться к материалам двух исследованных В. Н. Мартяновыми И. М. Петербургским мордовских могильников со значительным количеством захоронений, содержащих интересные находки (Вихляев и др., 2008; Мартянов, 2001; Петербургский, 2011).

В близлежащем к территории муромы могильнике Стексово II, оставленном мордвой-эрзей на притоке р. Тёши (правого

¹ Отчетные материалы о раскопках Подболотьевского могильника в 2012–2013 гг. любезно предоставлены О. В. Зеленцовой.

Таблица 1. Распределение поясных наборов муромы по происхождению, датировке и конструкции (указаны номера погребений, кроме специально отмеченных случаев).

Могильники	Поясные наборы							
	Неволинские, VII в.	Безводнинские, стадия 3, VII в.	Неволинские, среднеазнатский, VIII в.	Салтовские	Железные без колец	Железные с кольцами	Булгарские, 2-й пол. X – XI в.	
Камушки	-	-	-	-	-	-	1 п. м.	
Кочинский	-	17, 20, 24	-	-	-	-	-	
Максимовский	-	-	-	1-1923 г. ²	-	12-1895 г., 1-2000 г.	-	
Мальшевский	-	-	-	84, 97	-	69, 81, 92, 132, 137, 141, 148, 152, 177, 207	-	
Молотницкий	-	-	-	накладка, пряжка, п. м.	-	-	-	
Муромский	-	-	6	-	-	-	-	
Пятницкий	-	-	-	-	-	3-1924 г.	-	
Нижеверейский	-	-	-	5	-	-	-	
Подболотьевский, 1910 г.	накладки и В-образные пряжки, п. м.	43 экз.	-	-	170, 178	23, 40, 41, 66, 113	-	
Подболотьевский, 2012, 2013 гг.	-	-	-	-	-	25/1, 40, 47, 50, 106	-	
Чулковский (Звягино)	-	-	18/1, 31, 68, 86	-	63	5, 6, 8, 9, 13, 31, 32, 38, 47, 59, 60, 81, 85, 94	52,75	
Всего случаев находок	1	4	5	5	3	37 (64%)	3	
Итого (случаев находок)				58				

² Здесь и далее через дефис указан год раскопок.

притока р. Оки), накладки вида 1 обнаружены в погребении 95 (Мартьянов, 2001. С. 145. Табл. 78: 18), а накладки вида 2 – в погребениях 55, 57, 60, 95, 108 (Мартьянов, 2001. С. 132, 133, 136, 145, 146. Табл. 65: 10, 11; 66: 2; 69: 3, 13, 14, 16; 78: 15, 17, 20–22; 79: Б6, Б7, Б14). Все эти комплексы датированы автором раскопок периодом VIII–X вв. (Мартьянов, 2001. С. 282).

В погребении 95 накладка вида 1 и накладки вида 2 обнаружены вместе со шляпкоконечным браслетом типа 1Б11б (2-й пол. VIII – IX в.) по типологии Вихляева и др. (Мартьянов, 2001. С. 145. Табл. 78: 18, 24; Вихляев и др., 2008. С. 36, 144, 210. Рис. 60: 1), соответственно которому можно датировать захоронение.

В погребении 55 накладки вида 2 обнаружены вместе с сьюльгамой типа 1А3 а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) (Мартьянов, 2001. С. 132. Табл. 65: 10, 11, 14; Вихляев и др., 2008. С. 45, 140, 223. Рис. 73: 17), соответственно которой можно датировать захоронение.

В погребении 60 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с гривной типа 1В3а (2-й пол. VIII – IX в.), сьюльгамами типа 1А3а, 1А3в, 1Б3а, 1Б3в (кон. VII – 1-й пол. VIII в.), со шляпкоконечными браслетами типа 1А21а (VI–VII вв.), 1Е15, 1Е20 (2-й пол. VIII – IX в.) (Мартьянов, 2001. С. 136. Табл. 69: 3, 10–14, 16–19; Вихляев и др., 2008. С. 18, 34, 39, 40, 45, 46, 53, 140, 142, 206, 215, 217. Рис. 16: 1; 56: 5, 6; 65: 6; 67: 3; 73: 17, 18; 77: 14, 16). Захоронение можно датировать VIII в.

Более представительным по количеству анализируемого инвентаря является Второй Старобадиковский могильник, оставленный мордвой-мокшей на р. Вад (левом притоке р. Мокши, правого притока р. Оки), в котором накладки вида 1 найдены в погребениях 108, 183, 296, 303 (Петербургский, 2011. С. 236, 293, 367, 369. Рис. 99: 5; 156: 7; 230: 5; 232: 7), накладки вида 2 – в погребениях 2, 28, 40, 62, 78, 82, 99, 115, 126, 128, 146, 151, 157, 179, 181, 208, 239, 250, 256, 272, 278, 291, 298, 306, 315, 325, 327, 330, 354 (Петербургский, 2011. С. 140, 164, 176, 193, 210, 214, 227, 243, 254, 255, 269, 273, 277, 288, 289, 308, 329, 334, 337, 350, 353, 363, 368, 372, 376, 380, 382, 383, 395. Рис. 3: 13; 27: 7; 39: 10; 56: 5; 73: 8; 77: 6; 90: 5, 8; 106: 6; 117: 5; 118: 5; 132: 12; 136: 4; 140: 10; 151: 5; 152: 7; 171: 13; 192: 4; 197: 2; 200: 21, 22; 213: 6; 216: 7; 226: 11; 231: 8; 235: 11; 239: 6; 243: 13; 245: 4;

246: 7; 258: 20), накладки вида 3 – в погребении 91 (Петербургский, 2011. С. 221. Рис. 84: 8). Накладки вида 2 выделены автором раскопок в общий тип железных накладок (Петербургский, Аксенов, 2006. С. 32. Табл. 11: 75).

Накладки вида 1 обнаружены в погребении 108 в комплексе с сьюльгамами типа 1А2а (VI–VII вв.), шляпкоконечным браслетом типа 1Б11б (2-й пол. VIII – IX в.) по типологии Вихляева и др. (Петербургский, 2011. С. 236. Рис. 73: 8; 99: 5; Вихляев и др., 2008. С. 36, 44, 138, 139, 144, 210, 223. Рис. 60: 1), с восьмерковидными стременами VII–IX вв. (Сланов, 2000. С. 117. Табл. LXX: 8) и трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Голдина, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8). Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 183 накладки вида 1 обнаружены в комплексе с поясным набором раннесалтовского стиля VIII в. (См. Комар, 2001. С. 111, 112. Рис. 1: 4–6, 37; 2: 36, 37; 3: 17, 18, 36; аналогия накладки в Крюковско-Кужновском могильнике – См. Иванов, 1952. Табл. 30: 4; 31: 7), с сьюльгамой типа 1А3а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.), шляпкоконечным браслетом типа 1Б11б (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 293. Рис. 156: 7; Вихляев и др., 2008. С. 36, 45, 140, 144, 210, 223. Рис. 60: 1; 73: 17) и трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Голдина, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8). Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 2 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамой типа 1А3б (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) (Петербургский, 2011. С. 140. Рис. 3: 13; Вихляев и др., 2008. С. 45, 140, 223. Рис. 73: 17) и серебряной застежкой с крылатой иглой. Захоронение можно датировать кон. VII – 1-й пол. VIII в.

В погребении 28 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамой типа 1А3а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) (Петербургский, 2011. С. 164. Рис. 27: 7; Вихляев и др., 2008. С. 45, 140, 223. Рис. 73: 17) и саблей VIII – нач. IX в. (Голдина, 2012. С. 50, 362, 364. Табл. 216: 7; 218: 10). Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 40 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамами типа 1А3а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) и серповидной гривной типа 1Л1б (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 176. Рис. 39: 10; Вихляев и др., 2008. С. 22, 45, 140, 142, 174, 223.

Рис. 24: 1; 73: 17). Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 62 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с серповидной гривной типа 1Л1б (2-й пол. VIII – IX в.), дротовой гривной типа 1Г6б (2-й пол. VIII – IX в.), шляпкоконечными браслетами типа 1Б1б (2-й пол. VIII – IX в.), с саблей VIII – нач. IX в. (Голдина, 2012. С. 50, 362, 364. Табл. 216: 7; 218: 10), удилами с S-образными псалями VII–IX вв. (Сланов, 2000. С. 117, 118. Табл. LXVIII: 4, 5) и трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Петербургский, 2011. С. 193. Рис. 56: 5; Вихляев и др., 2008. С. 19, 22, 36, 142, 144, 168, 174, 210. Рис. 18: 3; 24: 1; 60: 1; Голдина, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8). Захоронение можно датировать 2-й пол. VIII–IX в.

В погребении 82 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с Ж-образной поясной накладкой типа А1б хронологической группы 3 (VIII в.) по типологии Р.Д. Голдиной (Петербургский, 2011. С. 214. Рис. 77: 6; Голдина, 2012. С. 48, 353. Табл. 207: 44) и серебряной застежкой с крылатой иглой. Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 115 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамой типа 1А4а (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 243. Рис. 106: 6; Вихляев и др., 2008. С. 46, 47, 142–144, 224. Рис. 74: 3), в соответствии с которой можно датировать захоронение.

В погребении 126 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамой типа 1А3а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) (Петербургский, 2011. С. 254. Рис. 117: 5; Вихляев и др., 2008. С. 45, 140, 223. Рис. 73: 17), удилами с S-образными псалями VII–IX вв. (Сланов, 2000. С. 117, 118. Табл. LXVIII: 4, 5) и трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Голдина, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8). Захоронение можно датировать кон. VII – 1-й пол. VIII в.

В погребении 128 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамой типа 1А3а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) и шляпкоконечным браслетом типа 1Г2а (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 255. Рис. 118: 5; Вихляев и др., 2008. С. 37, 45, 140, 144, 212, 223. Рис. 62: 2; 73: 17). Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 146 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с накладкой раннесал-

товского стиля VIII в. (аналогия в погр. 183, См. Комар, 2001. С. 111, 112. Рис. 3: 36), с сьюльгамой типа 1А4а (2-й пол. VIII – IX в.) и шляпкоконечным браслетом типа 1Г2б (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 269. Рис. 132: 12; Вихляев и др., 2008. С. 37, 46, 144, 212, 224. Рис. 62: 3; 74: 3), с серебряной застежкой с крылатой иглой и трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Голдина, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8). Захоронение можно датировать VIII в.

В погребении 151 накладки вида 2 обнаружены в комплексе со шляпкоконечным браслетом типа 1Г2б (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 273. Рис. 136: 4; Вихляев и др., 2008. С. 37, 144, 212. Рис. 62: 3), в соответствии с которым можно датировать захоронение.

В погребении 157 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с дротовой гривной типа 1Г5а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) (Петербургский, 2011. С. 277. Рис. 140: 10; Вихляев и др., 2008. С. 18, 140, 141, 167. Рис. 17: 4), в соответствии с которой можно датировать захоронение.

В погребении 208 накладки вида 2 обнаружены в комплексе со шляпкоконечным браслетом типа 1Б1а (2-й пол. VIII – IX в.) (Петербургский, 2011. С. 308. Рис. 171: 13; Вихляев и др., 2008. С. 35, 36, 143, 144, 209. Рис. 59: 6), в соответствии с которым можно датировать захоронение.

В погребении 298 накладки вида 2 обнаружены в комплексе с сьюльгамой типа 1А3а (кон. VII – 1-й пол. VIII в.) (Петербургский, 2011. С. 368. Рис. 231: 8; Вихляев и др., 2008. С. 45, 140, 223. Рис. 73: 17), в соответствии с которой можно датировать захоронение.

Накладки вида 2 обнаружены также в погребении 179 – в комплексе с саблей VIII – нач. IX в., боевым топором-чеканом VIII–X вв., трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Петербургский, 2011. С. 289. Рис. 152: 7; Голдина, 2012. С. 49, 50, 362, 364, 367. Табл. 216: 7; 218: 10; 221: 8; Сланов, 2000. С. 77, 78. Табл. XXI: 2), в погребении 272 – в комплексе с трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (Петербургский, 2011. С. 350. Рис. 213: 6; Голдина, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8), в погребении 278 – в комплексе с боевым топором-чеканом VIII–X вв. (Петербургский, 2011. С. 353. Рис. 216: 7; Сланов, 2000. С. 77,

78. Табл. XXI: 2), в погребении 296 – в комплексе с трехлопастными наконечниками стрел VII – нач. IX в. (*Петербургский*, 2011. С. 367. Рис. 230: 5; *Голдина*, 2012. С. 49, 367. Табл. 221: 8).

Накладки вида 3 обнаружены в погребении 91 в комплексе с серебряной застежкой с крылатой иглой (*Петербургский*, 2011. С. 221. Рис. 84: 8).

Результаты анализа комплексов погребального инвентаря в мордовских могильниках Стексово II и Второй Старобадиковский, сопутствующего железным пластинчатым подпрямоугольным накладкам с кольцами, приводят к следующим выводам:

- пояса с накладками видов 1, 2, 3 найдены в пяти захоронениях мужчин могильника Стексово II, тридцати захоронениях мужчин и в составе ЖРК (жертвенно-ритуального комплекса) в четырех захоронениях женщин (№ 40, 115, 128, 157) Второго Старобадиковского могильника;

- датировка всех рассмотренных захоронений с украшениями-хроноиндикаторами находится в рамках периода кон. VII – IX в., к которому можно отнести время бытования поясов с железными накладками видов 1, 2, 3;

- погребения 2, 82, 146 Второго Старобадиковского могильника, содержавшие серебряные застежки с крылатой иглой, появив-

шиеся в бассейне р. Оки в VII в. (*Белорыбкин*, 2003. С. 107), относятся к кон. VII – VIII в., исходя из чего погребение 91 с подобной застежкой и железными накладками вида 3 можно уверенно датировать VIII в. (автор раскопок датировал застежки кон. VII – нач. VIII в.; См. *Петербургский*, 2011. С. 115).

Одновременное присутствие вместе с железными ременными наборами пояса раннесалтовского стиля (VIII в.) в погребении 183 и Ж-образной накладки (VIII в.) в погребении 82 Второго Старобадиковского могильника, а также пояса катандинско-пенджикентского типа (VIII в.) в погребении 31 Чулковского могильника свидетельствует о применении у мордвы и муромы наряду с поясом парадным – пояса оружейно-охотничьего назначения, в полном соответствии с традициями евразийской мужской субкультуры.

Процесс изготовления железных накладок технологически несложен, мог быть освоен деревенским кузнецом и отражал сферу местной моды, чем и можно, видимо, объяснить распространение у муромы поясных наборов, привнесенных на рубеже VII–VIII вв. в среду мордвы какими-то коллективами с вооружением степного типа.

У муромы, в отличие от мордвы, преимущественно использовавшей салтовские и, позже, болгарские наборные ремни, железные поясные наборы использовались вплоть до X в.

Литература

- Ахмедов И. Р.*, 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тыс. н. э. М.: ИА РАН. С. 137–152. (РСМ. Вып. 9).
- Белорыбкин Г. Н.*, 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд. ПГПУ. 200 с.
- Богачев А. В.*, 1992. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VIII вв. Среднего Поволжья). Самара: «Артефакт». 208 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н.*, 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: авторская редакция. 352 с.
- Голдина Р. Д.*, 2012. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск: Изд. ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». 472 с.
- Гришаков В. В., Седышев О. В., Сомкина А. Н.*, 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э. (Чулковский могильник). Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т. 177 с.
- Зеленцова О. В.*, 2014. Отчет о проведении научных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника и селища в Муромском районе Владимирской области в 2013 г. Т. 1. М. Электронный экземпляр автора.
- Иванов П. П.*, 1952. Крюковско-Кужновский могильник. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Моршанск: Моршанск. краевед. музей. 231 с.

- Комар А. В., 2001. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей. С. 103–117.
- Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. 2003. Археология. Т. 18. М.: Наука. 533 с.
- Мурашева В. В., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС.
- Мартыанов В. Н., 2001. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: Изд. АГПИ. 322 с.
- Петербургский И. М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск. 408 с.
- Петербургский И. М., Аксенов В. Н., 2006. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 148 с.
- Сланов А. А., 2000. Военное дело алан I–XV вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. Владикавказ // РГБ. Д. 2586-0-01. 383 с.
- Kivikoski E., 1973. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Neuauflage. Helsinki: Weilin+Goos. 150 s.

V. V. Beilekchi

The Muroma Iron Belt Sets with Suspension Rings

Abstract. Belt sets with iron plates and belt distributors were found in 40 graves of the chronicle Muroma out of the 58 known burials with belts with decorative plates. Three main types of plates are identified and the sources of their origin at the lower Oka are reviewed. The analysis of the Mordva burial grounds Styoksovo II and Vtoroe Starobadiksovskoe dating inventory the chronological framework of use of this element of costume is defined. At the surrounding Mordovian territories the iron belt sets were used within a limited period of late 7th – 9th c., while the Muroma used them up to the 10th c. In three cases iron belt sets were accompanied by ceremonial non-ferrous metal belts with decorative plates.

Key words: the Volga Finns, the Muroma culture, late 7th – 10th c., belt sets with iron plates and belt distributors.

List of figure and table

Table 1. Distribution of the Muroma belt sets in accordance with origin, dating and structure.

Fig. 1. The Muroma belts: types of iron subrectangular plates with loops at base and suspension rings, plates of belt distributors

Вал. В. Бейлекчи

Наконечники копий и сулиц муромы

Резюме. Одним из основных видов вооружения ближнего боя и средства охоты у муромы были копьа – древковое колющее оружие. В погребениях VII–XI вв. наконечники копий лежали в области ног острием вниз. Всего в муромских могильниках зафиксировано 179 экземпляров наконечников копий и 7 экземпляров наконечников сулиц. В статье рассматривается типология, датировки и ареал распространения этого вида оружия.

Ключевые слова: наконечник копья, наконечник сулицы, тип, форма, могильники, мурома, финны, погребение, расположение, вток.

Одним из основных видов вооружения ближнего боя и средства охоты у муромы были копьа – древковое колющее оружие. Всего в работе учтено 179 экземпляров наконечников копий и 7 экземпляров наконечников сулиц¹ из 13 могильников муромы (табл. 1)². Хранятся наконечники в коллекциях Государственного исторического музея, Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурьлина, Муромского историко-художественного музея, Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина и др. В работе также учтены находки из Подболотьевского могильника, из раскопок ИА РАН в 2012–2013 гг.³

Происходят наконечники копий из погребений (ингумаций и кремаций) VII–XI вв., а также из подъемного материала с территорий могильников (рис. 1–2). На поселениях муромы наконечники копий не обнаружены.

Большинство наконечников копий и сулиц найдено в мужских захоронениях. Они обнаружены в 127 из 297 захоронений, идентифицированных по инвентарю как

мужские, что составляет около 43 %. В четырех женских и одном конском захоронении были найдены наконечники копий, которые входили в состав «жертвенно-ритуальных комплексов». Из 127 захоронений в 75 комплексах в качестве детали вооружения присутствовали только наконечники копий, т. е. в погребениях другие виды вооружения отсутствовали. При этом, наконечники копий встречаются в погребениях реже, чем топоры (для сравнения: из 297 мужских захоронений 207 сопровождалась топорами, что составляет около 70 %) (Бейлекчи, 2017. С. 358).

В погребениях фиксируется различное расположение наконечников копий (табл. 2), но самое распространенное – в области ног (61 случай), по большей части справа, острием к ногам. Также наконечники найдены в изголовье, слева или справа (25 случаев). Зафиксированы необычные случаи расположения наконечников: у правого плеча острием к голове (7 случаев), в одном случае в районе живота острием к ногам и в скоплениях вещей (12 случаев).

¹ Сулица – дротик или метательное копье, применявшийся для поражения противника или добычи на близком расстоянии.

² Из общего числа наконечников копий не определенными остаются 27 экземпляров в основном из Малышевского и Подболотьевского могильников (15 % от общего числа). Форма не определена либо из-за отсутствия изображений находок или отсутствия находок в коллекции музеев, либо из-за плохой сохранности.

³ Выражаю признательность автору раскопок О. В. Зеленцовой за любезное разрешение использовать материалы полевых отчетов.

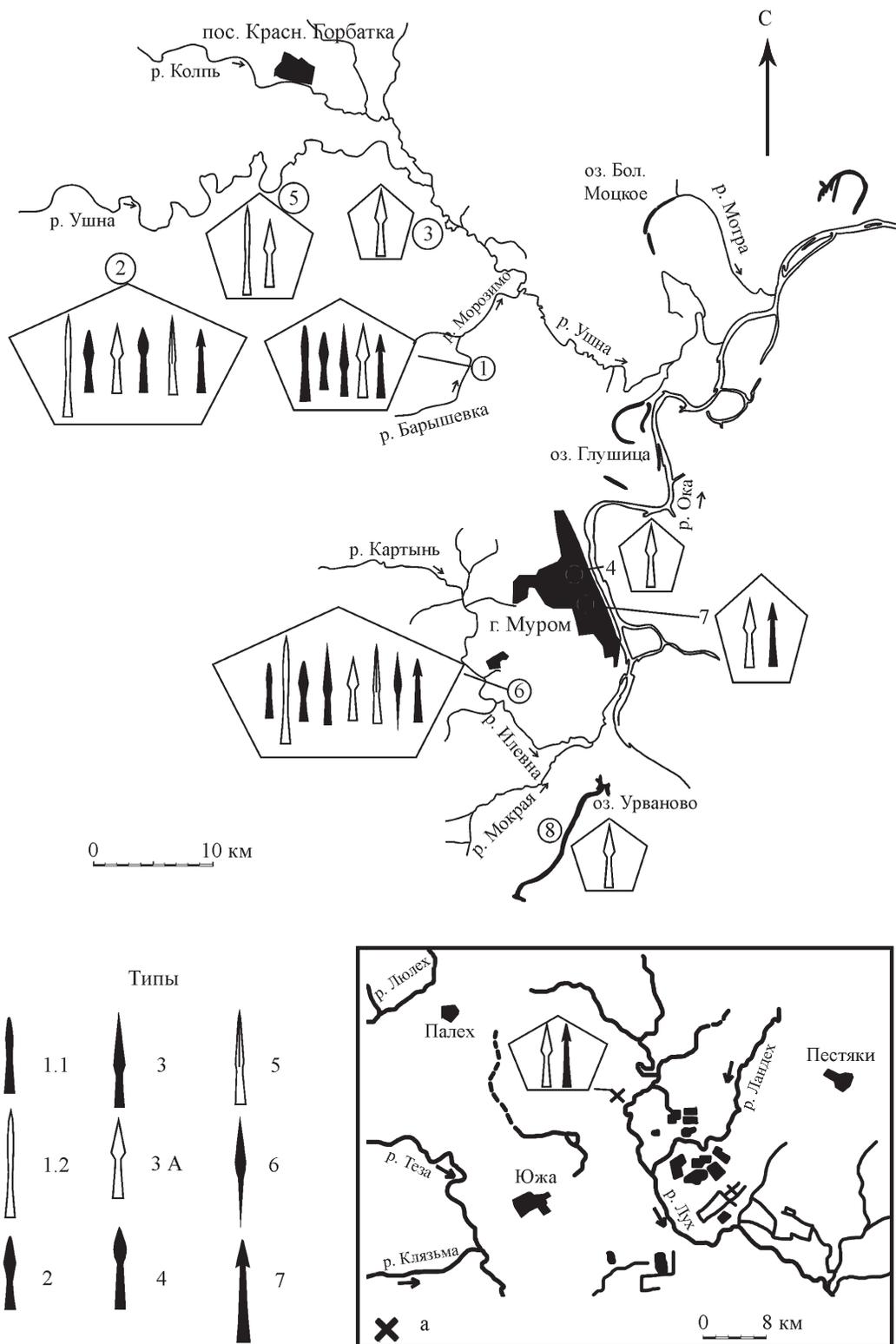

Рис. 1. Могильники муромы в левобережье Нижней Оки и распределения типов наконечников копий и сулиц

1 – Максимовский; 2 – Малышевский; 3 – Молотицкий; 4 – Муромский; 5 – Новленский; 6 – Подболотьевский; 7 – Пятницкий; 8 – Урвановский; а – Кочкинский

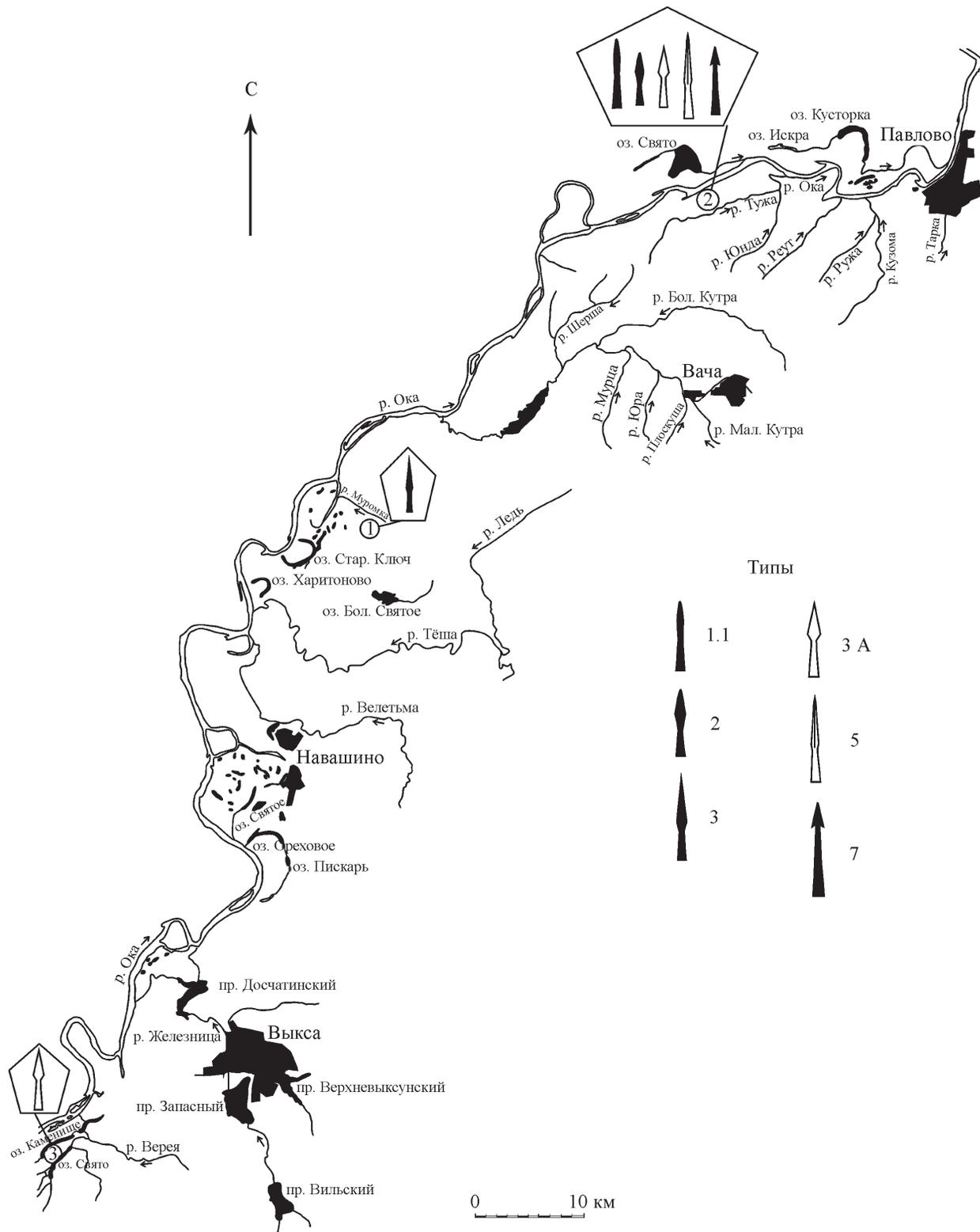

Рис. 2. Могильники муромы в правобережье Нижней Оки и распределение типов наконечников копий и сулиц
 1 – Корниловский; 2 – Чулковский; 3 – Нижневерейский

Таблица 2. Расположение наконечников копий в погребениях муромы.

Положение наконечников	Корн.		Кочк.		Макс.		Мал.		Мур.		Нижн.		Подб.		Пятн.		Чулк.		Урв.		Всего (%)
	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	Т/с	Т/п	
Между ног	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (0,8)
В ногах острием вниз	-	9	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	9	-	3	1	1	-	-	25 (21)
В ногах острием вверх	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (0,8)
Справа у ног острием вниз	-	2	-	-	-	-	6	-	-	-	1	-	7	1	-	-	-	6	-	-	23 (19)
Слева у ног острием вниз	-	-	-	-	1	-	3	-	1	-	-	-	5	-	-	-	-	-	-	1	11 (9)
Справа в изголовье острием вверх	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	3	-	-	-	-	5	1	-	11 (9)
Слева в изголовье острием вверх	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	2	2	-	-	-	1	-	-	7 (6)
В изголовье	-	-	-	-	-	-	4	1	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	7 (6)
У правого плеча	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	2 (1,6)
В районе живота острием вниз	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1 (0,8)
В скоплении	-	-	2	-	-	-	1	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	12 (100)
Не определено	-	-	-	-	3	2	3	5	-	-	-	-	3	1	1	-	-	1	-	-	19 (16)
Всего (%)	1 (0,8)	11	2	4	2	4	23	10	1	1	1	1 (0,8)	33	9	4	1	14	2	1	1 (0,8)	120 (100)
		13 (11)		6 (5)		33 (27,5)		2 (1,6)		5 (4)		42 (35)		16 (13)							

Т/п – труположение; Т/с – трупосождение; Корн. – Корниловский; Кочк. – Кочинский; Макс. – Максимовский; Мал. – Малышевский; Мур. – Муромский; Нижн. – Нижневерейский; Подб. – Подболотьевский; Пятн. – Пятницкий; Урв. – Урвановский; Чулк. – Чулковский.

Все наконечники изготовлены из черного металла, орнаментальные элементы на них отсутствуют. По способу крепления с древком большинство наконечников втульчатые, лишь 4 черешковые. Зачастую на втулках прослеживается отверстие для гвоздя, в некоторых случаях сохранился сам гвоздь, который крепил наконечник к древку. Шов втулки либо полностью сомкнут, либо расходится к нижней части. «Манжетки» (или кольца) на нижних частях втулок не прослежены.

Для классификации наконечников копий из могильников муромы использована типология, разработанная А. Н. Кирпичниковым на материалах Древней Руси (*Кирпичников*, 1966. С. 7. Рис. 1). При необходимости, дополнительно привлекаются определения по классификациям наконечников копий В. Йотова, Ю. А. Краснова, С. В. Святкина (*Йотов*, 2004. С. 82–83; *Краснов*, 1980. С. 74–75; *Святкин*, 2001. С. 23–34).

При классификации копья и сулицы в данной работе анализируются вместе, но в то же время мы учитываем критерий отделения наконечников сулиц от наконечников копий, предложенный А. Н. Кирпичниковым (1966. С. 22), на основании которого длина наконечников сулиц составляет 15–20 см, длина лезвия 8–12 см, диаметр втулки 1,5–2 см.

При выделении типов наконечников копий и сулиц учитываются особенности строения пера, а именно: плечики пера, шейка (переход от пера к втулке) и втулка.

Тип 1 – втульчатые наконечники копий с ланцетовидным пером, суживающимся у шейки и плавно переходящим во втулку (рис. 3: 1). Встречены в количестве 5 экземпляров (3 % от общего числа; табл. 1). Один наконечник из Максимовского могильника был включен А. Н. Кирпичниковым в свой свод (1966. № 41 по кат.). Общая длина наконечника от 20 см до 32 см. Они имеют длинное и узкое перо, его наибольшая ширина от 1,5 см до 1,8 см, длина от 10 см до 19 см. Диаметр втулки от 2,2 см до 2,6 см.

Такие формы ланцетовидных копий типичны для инвентаря дружинных древнерусских курганов X–XI вв., что дает повод считать эти наконечники боевыми. Происхождение ланцетовидных наконечников связано с Северной и Центральной Ев-

Рис. 3. Втульчатые наконечники копий с ланцетовидным (тип 1) и ромбовидным (тип 2) пером

1 – тип 1; Малышевский м-к, погр. 40; 2 – тип 2; Подболотьевский м-к, п.м.

ропой. Появившись в IV–V вв. у франков, они распространяются в конце меровингского периода (VII–VIII вв.) у франкских племен и викингов (*Кирпичников*, 1966. С. 9, 12). В малом количестве подобные наконечники обнаружены в мордовских и марийских погребениях IX–X вв. (Материальная культура... 1969. Табл. 25: 7; *Архипов*, 1973.

С. 50. Рис. 66: 6). Территориально близкие аналогии известны на Сарском поселении (Леонтьев, 1996. С. 115).

В погребальных комплексах муромы данные наконечники встречены с вещами X–XI вв. К примеру, в погребении № 40 Мальшевского могильника обнаружена пешня с квадратной втулкой, которые появляются у муромы не ранее X в.

Тип 2 – втульчатые наконечники копий с ромбовидным пером, плечики сильно скошены; сечение пера ромбовидное или линзовидное, перо широкое и плоское (рис. 3: 2). Известно 6 экземпляров (3 % от общего числа: табл. 1). Четыре наконечника из Максимовского и Подболотьевского могильников включены в свод А. Н. Кирпичникова (1966. № 64–67 по кат.). Общая длина наконечника от 16 см до 22 см, длина пера от 12 см до 13 см, наибольшая ширина 3 см, диаметр втулки от 2 см до 2,2 см.

А. Н. Кирпичниковым был выделен один втульчатый наконечник из Максимовского могильника (погр. 26, раскопки 1895 г.), который по своим небольшим размерам может быть отнесен к наконечнику сулицы (Кирпичников, 1966. № 9 по кат.). Общая длина наконечника 14 см, наибольшая ширина пера 3 см, длина пера 7 см, диаметр втулки 1,5 см.

Наконечники подобной формы были широко распространены на территории балтских племен. Ранние образцы подобных наконечников встречены в погребениях III–IV вв. Латвии и Польши (могильники Оши, Сауснея, Осова и др.), в погребениях V–VI вв. курганного могильника восточно-литовского типа Чёрная Лужа в Западной Белоруссии, в древнепрусских могильниках в Финляндии (Казакевичус, 1988. С. 31–32. Рис. 9). А. Н. Кирпичников указывает на их распространённость в VI–VIII вв. в Европе, у мордовского и муромского населения в IX–XI вв. и на их нетипичность для славянского населения (Кирпичников, 1966. С. 12). По мнению исследователей, такие наконечники появляются у муромы и мордвы в VIII в., сосуществуют с наконечниками типа 3А по классификации А. Н. Кирпичникова, и перестают использоваться в IX в. (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 34). Однако, присутствие

таких наконечников в погребениях муромы с инвентарем IX–XI вв. опровергает это предположение (Бейлекчи, 2005. С. 69, 72).

Тип 3 – втульчатые наконечники копий и сулиц с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы; плечики выражены, низко опущены или приподняты, втулка расширяется книзу (рис. 4: 1). У большинства наконечников сечение линзовидное, либо наиболее эффективное уплощенно-ромбическое с выраженной гранью на пере (следует учитывать, что при коррозии грань могла не сохраниться). Известно 14 экземпляров (8 % от общего числа; табл. 1). Два наконечника из Подболотьевского могильника классифицированы А. Н. Кирпичниковым (1966. № 124, 138 по кат.). Общая длина от 21 см до 36,5 см, длина пера от 12,5 см до 22 см, наибольшая ширина от 3 см до 3,8 см, диаметр втулки от 2,4 см до 3,8 см.

Среди серии наконечников типа 3 можно выделить ряд экземпляров, которые по своим параметрам вероятнее определяются как *наконечники сулиц*. А. Н. Кирпичниковым втульчатый наконечник подобной формы из погребения 105 Подболотьевского могильника из раскопок 1910 г. был включен в классификацию (Кирпичников, 1966. № 8 по кат. Табл. X: 8). Общая длина наконечника 13 см, длина пера 6,5 см, наибольшая ширина 2,4 см, диаметр втулки 1,6 см. Из Мальшевского могильника происходят 2 экземпляра таких наконечников: в погребении 101 наконечник сулицы найден вместе с наконечником копья типа 3А.1, его общая длина 10,2 см, длина пера 5,8 см, наибольшая ширина 1,8 см, диаметр втулки 1,8 см; в погребении 141 наконечник сулицы обнаружен вместе с наконечником копья типа 5 – пикой (рис. 4: 2), его общая длина 11,1 см, длина пера 6,9 см, наибольшая ширина 1,7 см, диаметр втулки 1,3 см.

Еще один наконечник копья этого типа 3 обнаружен в погребении 86 Чулковского могильника, где присутствовали вещи, надёжно датированные VIII в., например, восточный поясной набор с деталями предсалтовского типа, который имеет прямые аналогии поясу из погребения 191 Неволинского могильника (Голдина, 2012. Табл. 96–97).

⁴ Здесь и далее буквой обозначены разновидности типа.

Рис. 4. Втульчатые наконечники копья и сулицы с удлиненно-треугольным пером (тип 3)

1 – наконечник копья из Корниловского м-ка, погр. 1;
2 – наконечник сулицы из Малышевского м-ка, погр. 141

Тип 3А⁴ – втульчатые наконечники копий типа 3А отличаются от типа 3 более коротким пером и, соответственно, соотношением длины пера и длины втулки, меньшей длиной режущего края (рис. 5). При условном разделении наконечников типа 3А по пропорциям на подтипы использована классификация Ю.А. Краснова по материалам Безводнинского могильника (Краснов, 1980. С. 74–75), при этом сохранена последовательность нумерации типов, предложен-

ная автором. Всего у муромы известно 79 экземпляров (45 % от общего числа). 27 из них учтены в своде А.Н. Кирпичникова (1966. № 120–135, 137, 139, 141–144 по кат.) – эти наконечники не были разделены на подтипы из-за недостатка изображений.

Тип 3А.1 – с узким пером, длина пера составляет примерно 1/2 общей длины наконечника, перо в сечении линзовидное или ромбическое (рис. 5: 1). К этому типу отнесены 42 экземпляра (25 % от общего

Рис. 5. Разновидности втульчатых наконечников копий с удлиненно-треугольным пером (тип 3А)

1 – тип 3А.1; Мальшевский м-к, погр. 178; 2 – тип 3А.2; Пятницкий м-к, п.м.; 3 – тип 3А.3; Подболотьевский м-к, погр. 88 (раскопки 2012 г.); 4 – тип 3А.4; Мальшевский м-к, погр. 34

числа; табл. 1). Общая длина наконечника от 11,2 см до 28 см, длина пера от 5,5 см до 15 см, наибольшая ширина от 1,8 см до 4 см, диаметр втулки от 1,8 см до 3,8 см.

Аналогии данным наконечникам известны в рязано-окских могильниках (например, Кошибеевском), в погребениях VII в. Неволинского могильника и др. (Голдина, 2012. Табл. 211: 16). Эти наконечники были широко распространены у финно-угров Среднего Поволжья в средневековье.

Наконечники копий подтипа 3А.1 у ромы использовались длительный период. Одно из них встречено в погребении 25 Мальшевского могильника, VII – 1-й половины VIII в., в комплексе с сьюлгамой со средними усами, пластинчатым кресалом с петлей и топором-кельтом коротких пропорций (Бейлекчи, 2005. С. 75). Более поздний экземпляр

обнаружен в погребении 109 этого же могильника вместе с имитацией саманидского дирхема X–XI вв. и лировидной сумочкой (Бейлекчи, 2005. С. 76).

По данным макроструктурного анализа, подобный наконечник из рязано-окского Кошибеевского могильника изготовлен из цементированной стали с признаками нормализации (отжига) (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. С. 168–169. Рис. 67, ан. 11731).

Тип 3А.2 – с узким листовидным пером, удлиненной втулкой, плечики приподняты, угол перехода к верхней части выражен слабо, длина пера составляет примерно 1/3 общей длины наконечника, перо в сечении линзовидное или ромбическое (рис. 5: 2). Известны 7 экземпляров (4 % от общего числа; табл. 1). Общая длина от 15,8 см до 27,5 см, длина пера от 5,2 см до 9,8 см, наибольшая

ширина от 2,4 см до 4 см, диаметр втулки от 2 см до 3,7 см.

Подобные наконечники в большом количестве встречены в погребениях рязано-окских могильников (Шатрищенский, Борковский, Кузьминский и др.), а также Абрамовского могильника (IV–V вв.) мордвы-эрзи, на памятниках азелинской культуры III–V вв., в культурном слое городища Ножа-Вар в Чувашии (Шитов, 1977. С. 114), в погребении 121 Безводнинского могильника (конец V – начало VI в.) (Краснов, 1980. С. 114. Рис. 52: 2). Самые поздние образцы обнаружены в погребениях конца VIII – начала IX в. Неволинского могильника (Голдина, 2012. Табл. 218: 9), захоронениях VIII в. Пановского могильника и комплексах X–XI вв. могильника «Красный Восток», (Шитов, 1977. С. 116).

По данным макроструктурного анализа, эти наконечники изготавливались целиком из железа (погр. 121 Безводнинского могильника) (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. Рис. 73, ан. 396), целиком из сырцово-стали (погр. 7 мордовского Ивановского могильника V–VII вв.) (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. Рис. 74, ан. 393), либо из пакетированных заготовок на основе сырцово-стали (погр. 66 Ивановского могильника V–VII вв.) (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. Рис. 74, ан. 381).

Тип 3А.3 – с широким пером, линзовидного или ромбического сечения, длина пера составляет примерно 1/2 общей длины наконечника (рис. 5: 3). Отличительная особенность типа 3А.3 от типа 3А.1 – максимальная ширина пера 4 см и более, приходится на первую треть его длины. Известны 6 экземпляров (6 % от общего числа; табл. 1). Общая длина от 18,8 см до 33,2 см, длина пера от 10 см до 17,8 см, наибольшая ширина от 4 см до 5,1 см, диаметр втулки от 2,5 см до 4,2 см.

Наконечники этого подтипа обнаружены в погребениях 33, 34 Кочкинского могильника с предметами, характерными для VII–VIII вв. – сюльгамой с короткими усами, топорами-кельтами коротких пропорций и пластинчатыми кресалами с петлей и др. (Бейлекчи, 2005. С. 71), а также в погребениях 2, 96 Мальшевского могильника с предметами X–XI вв. – калачевидным кресалом с язычком, пешней с квадратной втулкой, лировидной сумочкой, проушным лопастным топором типа б, усатым перстнем и др.

Тип 3А.4 – с широким пером и удлиненной втулкой, перо в сечении линзовидное или ромбическое, длина пера составляет примерно 1/3 общей длины наконечника. Отличительная особенность от типа 3А.2 – максимальная ширина пера 4 см и более. Известен один экземпляр (1 % от общего числа) из погребения 34 Мальшевского могильника (рис. 5: 4). Общая длина 25,4 см, длина пера 9,6 см, наибольшая ширина 4,4 см, диаметр втулки 3,8 см. Комплекс вещей из погребения датируется концом VIII – 1-й пол. X в. (Бейлекчи, 2005. С. 75).

А. Н. Кирпичниковым выделен тип 3Б, к которому он отнес 3 экземпляра из Максимовского и Подболотьевского могильников (2 % от общего числа; табл. 1), (1966. № 134, 140, 146 по кат.). Эти втульчатые наконечники имеют узкое, почти пиковидное перо. Общая длина от 23,5 см до 26 см, длина пера от 12,5 см до 13 см, наибольшая ширина от 3,9 см до 4,2 см, диаметр втулки от 3,1 см до 3,2 см. Довод А. Е. Леонтьева о том, что мерянские наконечники копий типа 3Б по А. Н. Кирпичникову по пропорциям скорее ближе к типу 3А и не могут рассматриваться как самостоятельный тип, видимо следует отнести и к муромским наконечникам. Скорее всего эти наконечники являются модификацией типа 3А и не связаны с более поздними древнерусскими наконечниками типа 3Б (Леонтьев, 1996. С. 118).

Происхождение наконечников типа 3 в целом и их разновидностей – типа 3А и 3Б – исследователи справедливо связывают с наконечниками пламевидной формы (или как их еще называют «наконечниками с профилированным пером»), которые известны с III в. на территориях Дании и Латвии, откуда распространились на территории Северной Европы и Восточной Прибалтики в IV в., затем попали в Центральную Европу (Казакявичус, 1988. С. 39–40. Рис. 12). Такие же наконечники найдены в погребениях Безводнинского и Волчихинского могильников 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в. (Краснов, 1980. С. 75). «Пламевидность» формы пера этих наконечников, на наш взгляд, не связана с их частой заточкой, как предполагает А. Н. Кирпичников (1966. С. 13). Наконечники копий, судя по состоянию лезвий других типов, не требовали частой заточки и не достигали сте-

пени изношенности ножей, а скорее подправлялись абразивами.

Наконечники *типа 3*, как указывает А. Н. Кирпичников, были столь широко распространены в Европе в VIII–XI вв., что «... трудно связать их происхождение с каким-либо одним районом», вероятно, они связаны с общеславянскими прототипами (*Кирпичников*, 1966. С. 12–13). Следует отметить, что наконечники с удлинено-треугольной формой пера найдены и в Западной Сибири (Минусинская котловина), в комплексах вооружения енисейских кыргызов VI–XII вв. (*Худяков*, 1980. С. 56. Рис. X–XI. Табл. 4). Наконечники копий *типа 3А* были распространены в Западном Поволжье, в том числе у поволжских финнов – муромы, мордвы, мери во 2-й половине I – начала II тыс. н.э., и они редки среди древнерусских находок (*Кирпичников*, 1966. С. 13). Данная форма наконечников впоследствии получила развитие и совершенствовалась за счет удлинения пера вплоть до монгольского нашествия (*Кирпичников*, 1966. С. 14). У муромы наибольшее распространение этого типа приходится на VIII – начало X в.

По мнению В. В. Гришакова и Ю. А. Зеленева наконечники копий с удлинено-треугольным пером, имевшие в начале VIII – 1-й пол. IX в. узкое удлиненное лезвие (*Гришаков, Зеленев*, 1990. С. 33. Рис. 12: 2), к IX в. трансформируются в наконечники с более коротким и широким пером (*Гришаков, Зеленев*, 1990. С. 34. Рис. 12: 7). Однако авторами доказательства этой эволюции не приведены и, по нашему мнению, существенной разницы между приведенными на рисунках наконечниками нет. Убедительным доводом в пользу того, что наконечники с коротким и широким пером бытовали ранее IX в. служат аналогичные находки наконечников копий в погребениях Безводнинского могильника конца V – начала VI в. (*Краснов*, 1980. Рис. 52: 1–2).

Наконечники копий с «пламевидным» пером известны лишь в двух экземплярах, упомянутых в работе «Мурома VII–XI вв.» (*Гришаков, Зеленев*, 1990. С. 33, 35. Рис. 12: 1; 16). По сведениям авторов, они происходят из подъемного материала Малышевского могильника и инвентаря погребения 187 (2-я пол. X–XI в.). В соответствии с рисунками в издании, эти наконечники имеют ромбическое сечение

и резко расширенные плечики с тупыми краями. Следует отметить, что при нашей работе с коллекцией из раскопок Малышевского могильника наконечник из подъемного материала не обнаружен, а в инвентаре погребения 187 по коллекционной описи числится единственный наконечник копья, относящийся к типу 4 по классификации А. Н. Кирпичникова. Таким образом, пламевидные наконечники в Малышевском могильнике не обнаружены.

Наиболее близкие территориально находки пламевидных наконечников известны из Сарского городища и из погребений Безводнинского могильника кон. VII – 1-й пол. VIII в. (*Леонтьев*, 1996. С. 115, 118. Рис. 44: 9–10; *Краснов*, 1980. С. 214. Рис. 47: 1; 48: 3).

Тип 4 – втульчатые наконечники копий с пером продолговато-листовидной формы, со скругленными плечиками, переходящими в невысокую тулью (рис. 6: 1). Перо линзовидного сечения, грани отсутствуют. По классификации Ю. А. Краснова относятся к типам 4 и 5 (овально-листовидные) (*Краснов*, 1980. С. 75). Известны 5 наконечников, все они происходят из Малышевского могильника (2 % от общего числа; табл. 1). У трех (погр. 92, 185, 187) длина пера составляет 1/2 общей длины (близки типу 5 по классификации Ю. А. Краснова). У наконечника из погребения 177 длина пера составляет 1/3 общей длины (тип 4 по классификации Ю. А. Краснова). Общая длина от 15 см до 25,4 см, длина пера от 6,6 см до 12,2 см, наибольшая ширина от 2,4 см до 4,4 см, диаметр втулки от 2,2 см до 2,6 см.

Наконечники такой формы известны с эпохи бронзы, бытовали в эпоху переселения народов и в позднемеровингское время (*Кирпичников*, 1966. С. 14–15). Аналогичные наконечники найдены в погребениях 30, 62, 113, 119 Безводнинского могильника (VI – 1-й пол. VIII в.) (*Краснов*, 1980. С. 75. Рис. 52: 5–6). В древнерусское время были характерны для севера Руси, где известны в памятниках XI в. (*Кирпичников*, 1966. С. 15)

Погребения Малышевского могильника, в которых встречены указанные наконечники копий, относятся к периоду IX–X вв.

Тип 4А (разновидность типа 4) – втульчатые наконечники копий с пером лавролистной формы (рис. 6: 2). Обнаружены в количестве 5 экземпляров (3 % от общего числа;

табл. 1). Имеют соотношение длины пера к общей длине 1:2. Поперечное сечение пера наконечников ромбическое (прослеживается грань), за исключением наконечников из Чулковского могильника, которые имеют линзовидное сечение. Общая длина от 20 см до 27 см, длина пера от 10 см до 15 см, наибольшая ширина пера от 2,5 см до 3 см, диаметр втулки от 2,5 см до 3 см.

Наконечники лавролистной формы с коротким пером по всей видимости имеют рязано-окские корни. Например, аналогичные формы встречены в могильниках Кошибеевском, Заречье IV и др. (Восточная Европа..., 2007. С. 153, Рис. 1: 1. С. 161. Рис. 9А: 1. С. 163. Рис. 9В: 12). Подобной формы наконечники встречены также в балтских могильниках и поселениях VI–VIII вв. (Казакявичус, 1988. С. 45–48. Рис. 17).

Нет оснований полагать, что такие наконечники у муромы использовались в VI–VIII вв. Они обнаружены в погребениях 6 и 94 Чулковского могильника, где присутствовал инвентарь, характерный для IX – начала X в., а также в погребении 106 Подболотьевского могильника (раскопки 2013 г.) вместе с подражением саманидскому дирхему X в. и поясным набором из цветного металла (Зеленцова, 2014. С. 40. Рис. 202). У средневекового финно-угорского населения такие наконечники встречены в древнемарийском могильнике «Черемисское кладбище», где исследователи относят их к ланцетовидным наконечникам (Архипов, 1973. С. 50. Рис. 66: 6–7).

Тип 5 – втульчатые наконечники копий с узким четырехгранным пером – пики. Грани плавно сужаются от шейки к острию, длина пера немного превышает длину втулки. Это тип 3 по классификации билярских наконечников копий (Культура Биляра..., 1985. С. 179–180. Табл. LX: 3–4), тип 4 по классификации В. Йотова (2004. С. 82). У муромы подобные наконечники известны в малом количестве – всего 7 экземпляров (4 % от общего числа; табл. 1). Из них два наконечника из Подболотьевского могильника проанализированы А. Н. Кирпичниковым (1966. № 180–182 по кат.). Общая длина от 21,4 см до 33 см, длина пера от 12 см до 18,2 см; у пик с квадратным сечением толщина пера от 1,2 см до 2,1 см, диаметр втулок от 2,5 см до 3,8 см. У пики с ромбическим

Рис. 6. Разновидности втульчатых наконечников копий с пером продолговато-листовидной формы (тип 4) и лавролистной формы (тип 4А)

1 – тип 4; Малышевский м-к, погр. 92;
2 – тип 4А; Подболотьевский м-к, погр. 106 (раскопки 2013 г.)

сечением из Чулковского могильника сечение пера 2,5×1 см (рис. 7: 3). Аналогии данному наконечнику известны в мордовских могильниках на средней Цне – в Крюковско-Кужновском и Пановском (Циркин, 1984. С. 127. Рис. 2: 1).

Наконечники из Малышевского могильника имеют длинное вытянутое подквадратное в сечении шпильевидное перо (рис. 7: 1–2). По классификации И. Л. Измайлова данные наконечники относятся к подтипу 1Б (Измайлов, 1997. С. 57, 60. Рис. 32: 3; 33: 1–5). Подобные наконечники встречены в мордовском Крюковско-Кужновском могильнике VIII–XI вв. (Циркин, 1984. С. 127–128. Рис. 2: 6), на болгарских селищах и городищах X–XIII вв. (Измайлов, 1997. С. 60).

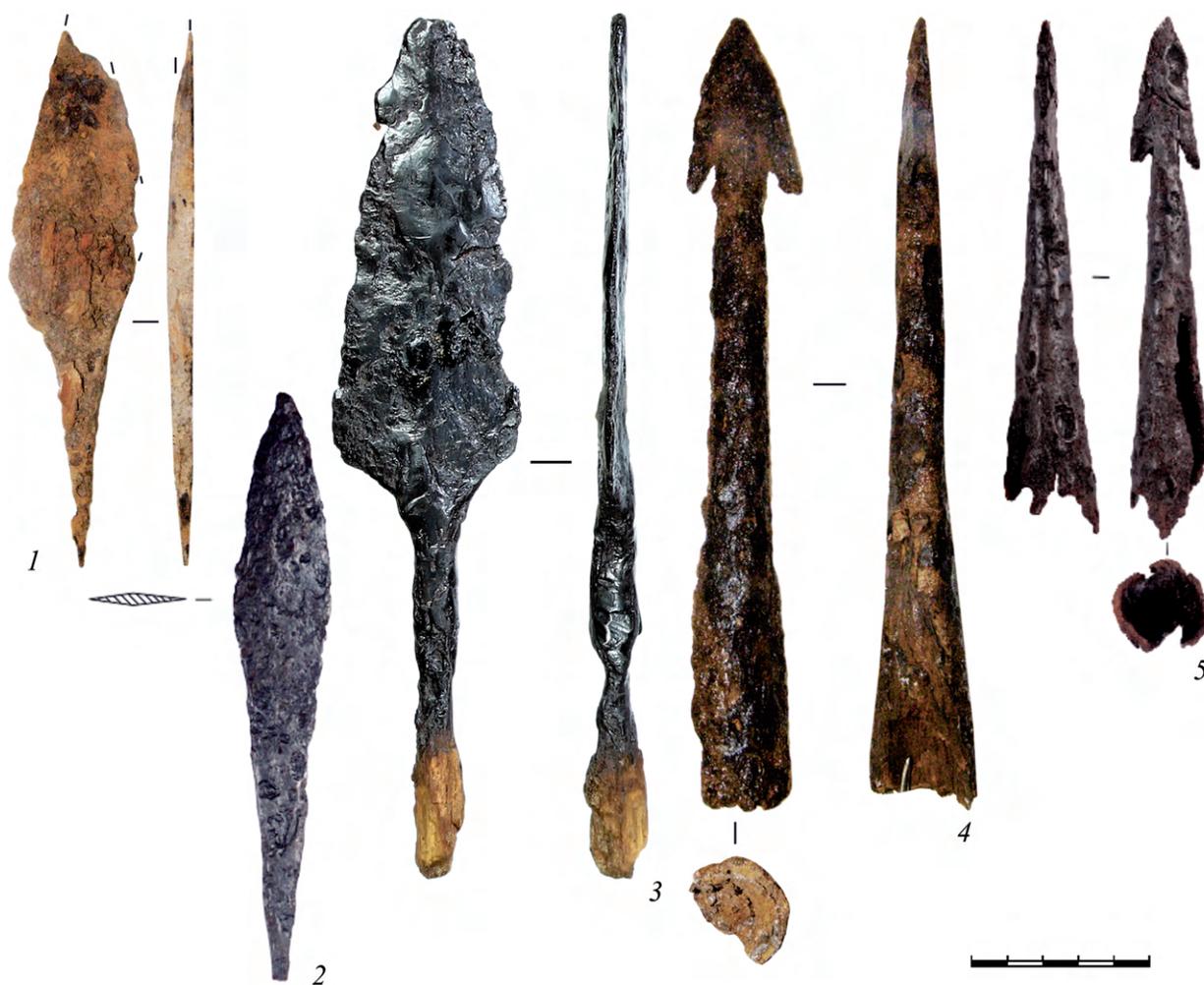

Рис. 7. Втульчатые наконечники копий – пики (тип 5)

1, 2 – Мальшевский м-к, погр. 207, 141; 3 – Чулковский м-к, погр. 6

Пика является специализированным бронейным оружием с небольшой площадью поражения (Худяков, 1980. С. 57). Она предназначалась для пробивания доспехов противника (кольчатой или пластинчатой брони) и нанесения глубоких колотых ран, или сбрасывания противника с седла. Распространение пик в Восточной Европе связано со временем Великого переселения народов,

к VIII–IX вв. пики появляются в памятниках салтово-маяцкой культуры (степи Причерноморья, Северный Кавказ и др.), параллельно – в степном Алтае (например, в материалах сrostкинской культуры), Западной Сибири, в Венгрии и Дунайской Болгарии, а также в Поволжье и Прикамье. В Неволинском могильнике наконечники пик встречены в погребениях VIII – начала IX в.

**Рис. 8. Черешковые наконечники сулиц и копья (тип 6),
втульчатые двушипные наконечники копий (тип 7)**

Тип 6: 1 – Малышевский м-к, погр. 96; 2, 3 – Подболотьевский м-к, погр. 36, 88 (раскопки 2012 г.).

Тип 7: 4 – Малышевский м-к, погр. 205; 5 – Подболотьевский м-к, погр. 50 (раскопки 2012 г.)

(Голдина, 2012. Табл. 220: 5). Ранние находки пик у финно-угров известны со 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII в., например – в погребении 28 Волчихинского могильника (Шитов, 1977. С. 117. Рис. 1: 20). Наиболее широкое распространение пики получают с X в. (Гришаков, 1988. С. 76). Следует отметить значительную концентрацию пик в мордовских могильниках, появление которых может быть связано с влиянием населения Северо-Западного Предкавказья, где такой тип наконечников в количественном соотношении являлся основным в VIII–X в. (Кочкаров, 2005. С. 97). В более позднее время пики могли попадать к племенам Окско-Сурского междуречья в качестве трофеев или товара из Волжской Болгарии, а также могли изготавливаться местными кузнецами по импортным образцам (Святкин, 2001. С. 33).

Муромские экземпляры наконечников пик встречаются в погребальных комплексах периода IX–X вв.

Тип 6 – черешковые наконечники копий и сулиц с пером вытянуто-треугольной или листовидной формы. Сечение пера в виде плоского ромба или линзовидное, черешки не загнуты, плечики либо узкие и высоко подняты, либо широкие и низко опущены, в одном случае округлые. Предназначение наконечников универсальное. Всего известно 4 экземпляра (2 % от общего числа; табл. 1). Один из указанных наконечников включен в свод А. Н. Кирпичниковым (1966. № 217 по кат.). Три наконечника имеют малые размеры и по своим параметрам их можно отнести к наконечникам сулиц (рис. 8: 1–2). У сулиц общая длина составляет от 16,2 см до 17 см, наибольшая ширина

пера от 2,7 см до 5 см. Четвертый из наконечников имеет размеры, сопоставимые с наконечниками копий (рис. 8: 3). Его общая длина составляет 24,4 см, длина пера 13,8 см, наибольшая ширина пера 5,2 см.

Один из наконечников сулицы был обнаружен в погребении вместе с наконечником копья типа 3А.3, другой – вместе с двумя наконечниками копий типа 3А.1 и типа 7.

Появившись в VI в., наконечники подобной формы распространились среди финно-угорского населения Юго-Восточного Приладожья (весь), а также в Восточной Прибалтике, датируются VIII–XI столетиями (Кирпичников, 1966. С. 17). Муромские комплексы, содержащие данные типы наконечников сулиц, относятся к периоду IX–X вв.

Тип 7 – втульчатые наконечники копий и сулиц с двушипным (жаловидным) пером (рис. 8: 4–5). Могли использоваться как специализированные охотничьи наконечники (Культура Биляра... 1985. С. 180), в литературе их еще называют гарпунами. Применение их в бою тоже представляется возможным. Ю.А. Краснов относил их к типу 1 наконечников дротиков (1980. С. 75). Интерпретируются также и другими исследователями как наконечники дротиков, хотя многие из наконечников по диаметру втулок не уступают наконечникам копий (Воронина, 2007. С. 36; Гришаков, 1988. С. 76).

Известно 26 экземпляров (15 % от общего числа; табл. 1). Из них 11 наконечников учтены А.Н. Кирпичниковым (1966. № 217, 223–232 по кат.). Некоторые наконечники отличаются по длине втулок – с длинной втулкой или с короткой. Выделяются очень длинные наконечники. Общая длина от 15,6 см до 32 см, длина пера (от острия до основания жальцев) от 3 см до 10,2 см, диаметр втулки от 2 см до 3,6 см. У наконечника из погребения 36 Чулковского могильника втулка была частично обернута лубом.

По внутреннему диаметру втулки, составляющему 2 см или менее, можно условно выделить 5 наконечников, которые могли использоваться как суличные (один – из погр. 18 Малышевского могильника и четыре – из погр. 8, 9, 13, 36 Чулковского могильника).

Двушипная форма наконечников известна с начала I тыс. н.э. (например, в Андреевском кургане или в могильниках

западных балтов Бабента, Гойтенен) (Шитов, 1977. С. 116; Казакиявичус, 1988. С. 56). На рубеже IV–V вв. этот тип появился на территории современной Латвии (могильники Галиши, Страути, городище Кенте и др.) и у носителей пшеворской культуры. По данным некоторых исследователей, двушипные наконечники были характерны вооружению носителей штрихованной керамики (Казакиявичус, 1988. С. 57). Вероятно, происхождение наконечников типа 7 может быть связано с классическими римскими боевыми наконечниками пилумами или с франкскими анго, но предназначение их было не боевое, а промысловое (Казакиявичус, 1988. С. 57). В 3-й четв. I тыс. н.э. двушипные наконечники встречаются в рязано-окских и безводнинско-ахмыловских могильниках (Ахмедов, Белоцерковская, 1996. Рис. 15: 3; 17: 4; 20: 4; Краснов, 1980. С. 75; Никитина, 1999. Рис. 6: 13; 11: 14), в кон. I – нач. II тыс. н.э. – в Саркеле – Белой Веже, в Волжской Булгарии, в ряде древнерусских памятников и широко в раннесредневековых финно-угорских памятниках Поволжья (Измайлов, 1999. С. 72). У муромы они бытуют с VII по XI в. Ранняя датировка подтверждается комплексом 14 Малышевского могильника VII–VIII вв., где с двушипным наконечником встречены пластинчатое кресало с петлей, и топор-кельт коротких пропорций (Бейлекчи, 2005. С. 74). В комплексе погребения 115 Подболотьевского могильника (раскопки 2013 г.) двушипный наконечник был найден вместе с дирхемом чеканки 906/907 гг. и топором типа 6 с широколопастным лезвием. Подобные топоры появились у муромы не ранее 2-й пол. X в., что свидетельствует о продолжении использования двушипных наконечников на заключительном этапе культуры муромы.

Наконечники копий типа 7 встречены в паре с наконечниками типа 3А в 15 случаях, типа 2 – в одном случае, типа 4А – в одном случае, отдельно (не в паре) – в 9 случаях. Подобная взаимовстречаемость наконечников копий характерна также для рязано-окских и мордовских племен (Шитов, 1977. С. 116; Гришаков, Зеленева, 1990. С. 34). Нашими материалами не подтверждается тезис В.В. Гришакова и Ю.А. Зеленева о подобной взаимовстречаемости наконечников в комплексах не позднее IX в. (Гришаков, Зеленева,

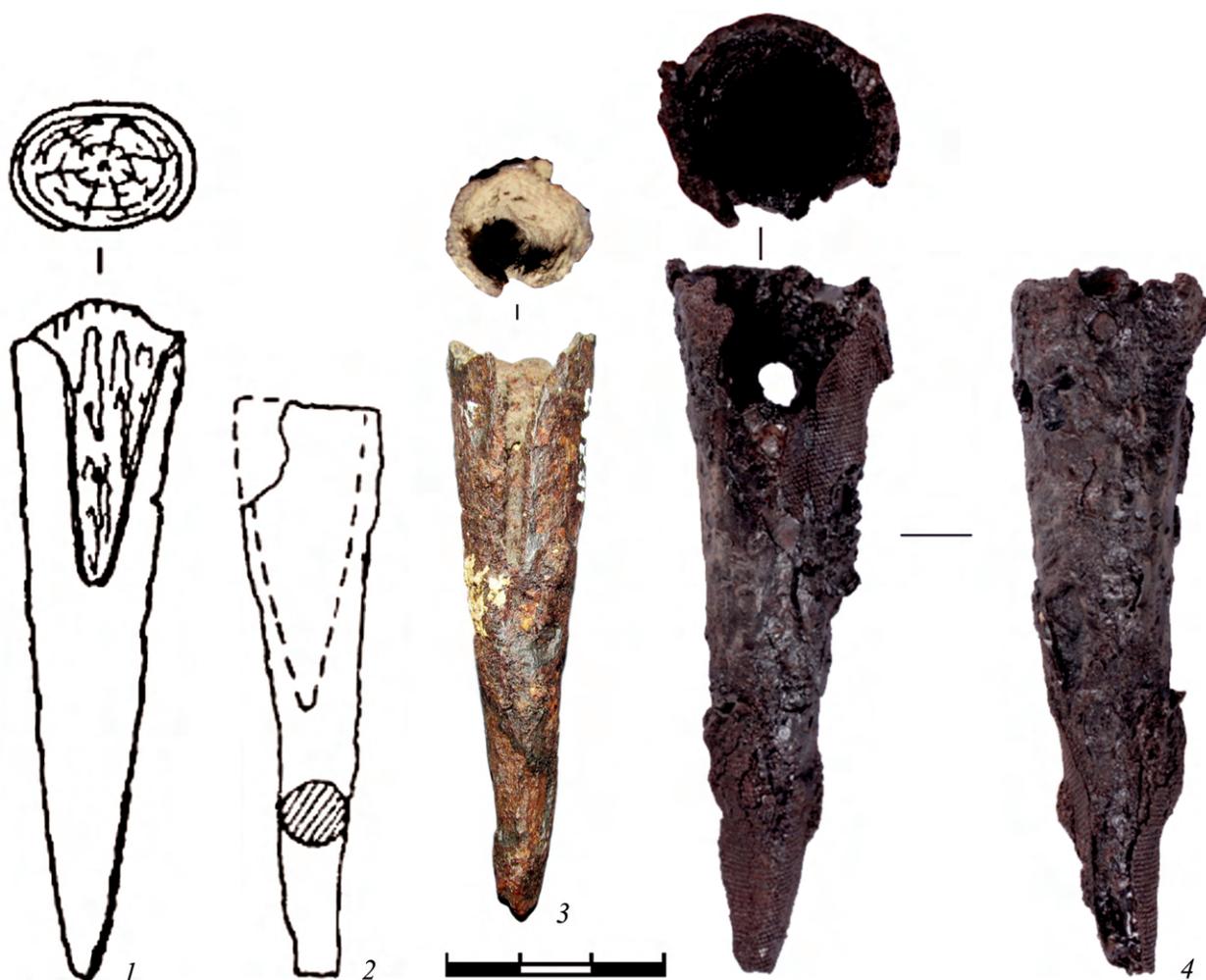

Рис. 9. Втоки копий

1–2 – Чулковский м-к, погр. 47, 74; 3 – Корниловский м-к, п.м.;
4 – Подболотьевский м-к, погр. 71 (раскопки 2012 г.)

1990. С. 37), поскольку такое сочетание оружия известно в захоронениях X – I-й пол. XI в. (Кирпичников, 1966. С. 18).

По данным макроструктурного анализа, двушипный наконечник погребения 67 Лядинского могильника был изготовлен методом сварки обычного и фосфористого железа (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. Рис. 93, ан. 5833).

Следует откорректировать некоторые данные монографии В. В. Бейлекчи «Древности летописной муромы», касающиеся типологии наконечников копий. Ошибки при определении наконечников возникли у автора из-за отсутствия качественных иллюстраций или подробного описания анализируемых вещей. Наконечники, которые определены как «1. Железные втульчатые наконечники копий с пером лавровидной

формы – предшественники ланцетовидных наконечников копий» из Кочкинского могильника (Бейлекчи, 2005. С. 34) следует отнести к типам 3А.1, 3А.2, 3А.3. Далее, «4. Железные втульчатые наконечники копий с пером пламевидной формы» из Малышевского и Муромского могильников (Бейлекчи, 2005. С. 34) в реальности относятся к типам удлинённо-треугольных наконечников (типы 3, 3А), т. к. наличие у муромы наконечников копий с пламевидной формой пера (см. выше) остается под вопросом. Далее, «5. Железные втульчатые наконечники копий, Тип II по А. Н. Кирпичникову – с пером ромбической формы» из Малышевского могильника (Бейлекчи, 2005. С. 34), следует отнести к типу 3А.1. Далее, «10. Ранние железные втульчатые наконечники копий с узким пером листовидной формы» (Бейлекчи, 2005.

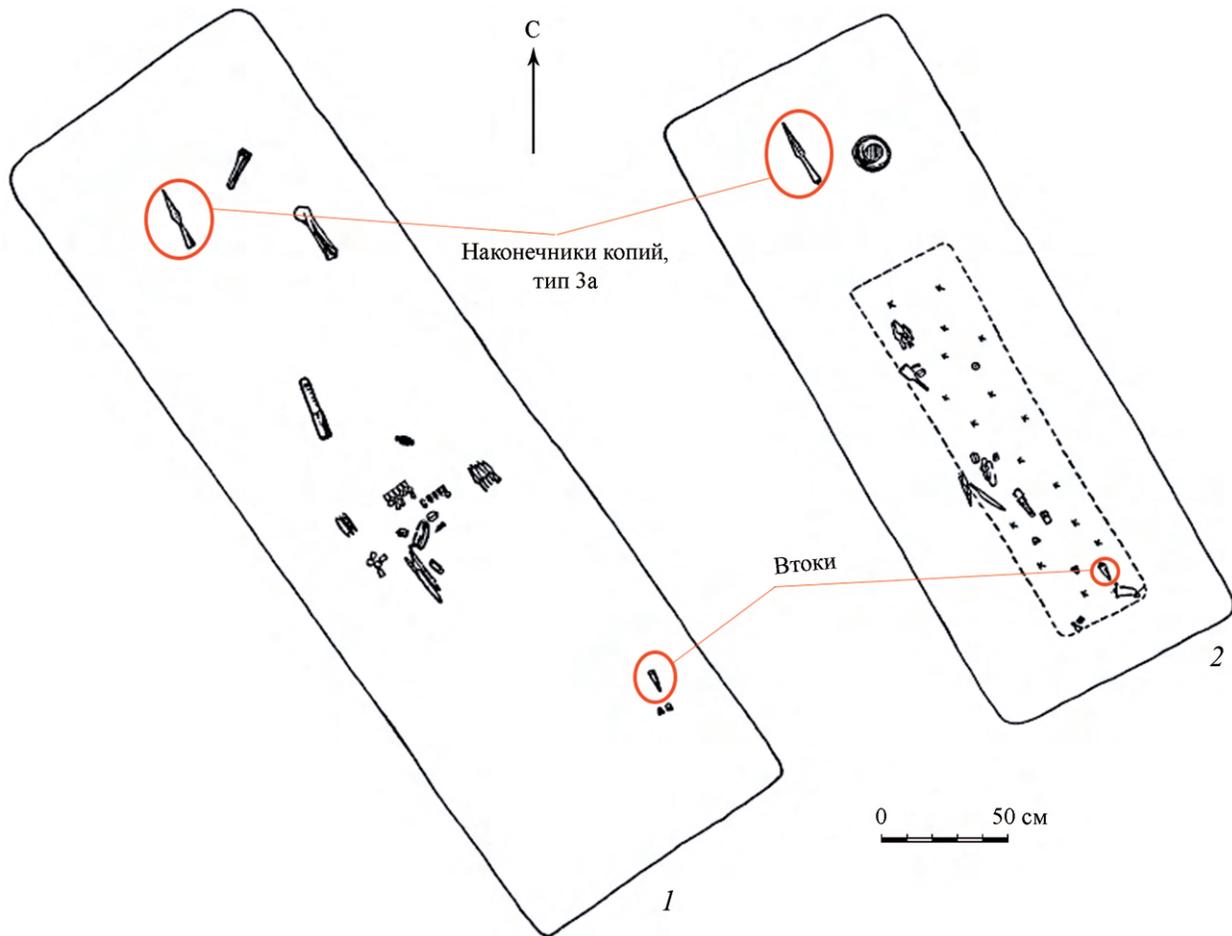

Рис. 10. Расположение наконечников копий и штоков в погребениях Чулковского могильника

1 – погр. 47; 2 – погр. 74

С. 34) из Кочкинского и Малышевского могильников относятся к типу 3А (Кочкинский) и типу 5 (Малышевский).

У соседней мордвы, так же, как и у муромы, преобладают наконечники с пером удлиненно-треугольной или ромбической формы (типы 2, 3, 3А) и реже – двушипные наконечники (тип 7), наконечники с пером продолговато-яйцевидной формы (тип 4). В марийских могильниках встречены наконечники удлиненно-треугольной формы (типы 3, 3А), двушипные наконечники (тип 7), а также обнаружены пики (тип 5) с крестовидным сечением пера, с валиком по краю втулки или при переходе от втулки к перу (например, в могильниках Веселовский и Нижняя Стрелка) (Никитина, 2012. Рис. 20: 5; 84: 3, 5–6; 148: 11). В мерянских древностях извест-

ны ланцетовидные (тип 1), ромбические (тип 2), удлиненно-треугольные (тип 3 и 3А) и двушипные наконечники копий (тип 7) (Леонтьев, 1996. С. 114–118).

В муромских могильниках обнаружено 5 штоков. Штоки могли предназначаться для безопасного хранения древка копья в вертикальном положении, а также могли иметь и боевое назначение⁵. Три штока обнаружено в погребениях 9, 47, 74 Чулковского могильника (рис. 9: 1–2), один в погребении 71 Подболотьевского могильника (раскопки 2013 г.) (рис. 9: 4), еще один происходит из Корниловского могильника (рис. 9: 3). Изготовлены они из железных пластин, свернутых в виде воронки. Общая длина штоков колеблется от 7 до 10 см, диаметр составляет от 2 до 3 см. На штоке из погребения 71

⁵ Невозможность использования штоков в качестве примитивной пещни доказывает расположение их в погребениях с полноценными пещнями (рис. 9: 5, 6).

Подболотьевского могильника (раскопки 2012 г.) прослежено отверстие для гвоздя, крепившего его к древку; внутри втока из погребения 47 Чулковского могильника сохранилось дерево от древка. В двух случаях – в труположении 47 (рис. 10: 1) и трупосождении 74 (рис. 10: 2) Чулковского могильника можно реально предполагать, что втоки относятся к копьям. В этих комплексах в верхней части могил располагались наконечники копий типа 3А, втоки обнаружены в противоположной части могил. Линия «наконечник-вток» древка копья не выстраивается ровно, но это могло произойти из-за смещения втоков в результате деятельности землеройных животных или иных процессов. Восстанавливаемая длина древка по внешним концам наконечников и втоков составляет от 2,4 до 2,8 м, что вполне соотносится с обычной длиной копья.

По мнению оружейников, длина древка в средневековье могла составлять от 150 см до 260 см для пехотного копья, и до 350 см для кавалерийских пик, при толщине 3,5–4,5 см (Измайлов, 1997. С. 57). Длина и толщина древков сулиц была значительно меньше. Длина сулицы могла составлять 1,2–1,5 м (Кирпичников, 1966. С. 22). Материалом для древка могли служить такие породы деревьев как береза, клен, ясень или дуб (Нефёдов, 2004. С. 94).

А. Н. Кирпичников считал, что для муромских воинов-охотников «главная роль широколезвийного охотничьего и боевого копья среди другого оружия вполне очевидна. Так, почти все мужские захоронения Подболотьевского могильника, имевшие ка-

кое-либо оружие, сопровождалось копьем. Очевидно, охотники-копьемосцы одновременно были здесь основной военной силой» (Кирпичников, 1966. С. 18).

Судя по имеющимся материалам, основными типами наконечников копий и сулиц у муромы были экземпляры с удлинненно-треугольным пером (тип 3А, в особенности тип 3А.1) и с двушипным пером (тип 7), традиционные для поволжских финнов. Наконечники с удлинненно-треугольным пером имели либо линзовидное сечение, либо сечение в виде уплощенного ромба, что повышало их прочность и боевые качества. Менее распространенными были наконечники типа 1, типа 3 и типа 4А. Единичны находки наконечников копий 2, 4, 5 типов и металлических копий – сулиц (тип 6) (табл. 1).

Длительное бытование основных типов наконечников копий и сулиц у муромы не позволяет их использовать в качестве датирующих материалов. Лишь наконечники копий типов 1 и 5, учитывая особенности их распространения среди финно-угорского населения Поволжья и расположение в датированных по другим материалам комплексах, позволяет говорить, что они не использовались муромой ранее IX в.

Относительная простота технологии изготовления наконечников копий и отсутствие орнаментированных образцов говорит о местном их производстве. Некоторые образцы пик или ланцетовидных наконечников копий, безусловно, могли быть привозными, что определяется взаимосвязями с территориями салтово-маяцкой, болгарской и древнерусской культур.

Литература

- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола. 198 с.
- Ахмедов И. Р., Белоцерковская И. В., 1996. Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна – Рязань. С. 104–141.
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (Погребальный обряд и поселения). Муром. 152 с.
- Бейлекчи Вал. В., 2017. Топоры муромы // КСИА. Вып. 247. С. 355–371.
- Воронина Р. Ф., 2007. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 годов. М.: Наука. 164 с.
- Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М.: ИА РАН, 2007. 430 с. (Раннеславянский мир. Вып. 9.)
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука. 219 с.
- Голдина Р. Д., 2012. Неволинский могильник VII–XI вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камской-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск. 472 с.

- Гришаков В. В., 1988. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // *Материалы по археологии Мордовии*. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 71–103. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85.)
- Гришаков В. В., Зеленев Ю. А., 1990. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.
- Зеленцова О. В., 2014. Отчет о проведении научных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника и селища в Муромском районе Владимирской области в 2013 г. (в 3-х томах) // *Архив ИА РАН*. Р-1.
- Измайлов И. Л., 1997. Вооружение и военное дело населения Волжской Булгарии X – нач. XIII вв. Казань – Магадан. 213 с.
- Йотов В., 2004. Вьоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна. 350 с.
- Казаявичус В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Моклас. 160 с.
- Кифтичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени. IX–XIII вв. Вып. 2. (САИ. Вып. Е1-36). 181 с.
- Кочкаров О. Ю., 2005. Вооружение средневекового всадника VIII–XIV вв. по материалам Северо-Западного Предкавказья: оружие ближнего боя (Электронный ресурс). Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. – М.: РГБ (Из фондов РГБ). 188 с.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 223 с.
- Культура Биляра. Българские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 215 с.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 315 с.
- Мартыанов В. Н., 2001. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ. 322 с.
- Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв. Саранск: Мордовское книж. изд-во, 1969. (Археологический сборник. Т. 3). 176 с.
- Нефёдов И. В., 2004. Вооружение финнов Западного Поволжья в первой-второй трети I тыс. н.э. (I–VII вв.). Дис. ... канд. истор. наук. Самарский гос. универ. Самара. 223 с.
- Никитина Т. Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников). Труды марийской археологической экспедиции. Т. V – Йошкар-Ола. С. 160 с.
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань. 408 с. (Археология евразийских степей. Вып. 14)
- Петербургский И. М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск. 408 с.
- Святкин С. В., 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т. 147 с.
- Худяков Ю. С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука. 176 с.
- Циркин А. В., 1984. Древковое оружие мордвы и его хронология // *СА*. № 1. М. С. 123–133.
- Шитов В. Н., 1977. Древнемордовские наконечники копий III – начала XI вв. // *Материалы по истории, археологии и этнографии Мордовии*. Саранск. С. 114–117. (Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 54)

Val. V. Beilekchi

The Muroma spears' and darts' heads

Abstract. One of the main types of close assault weapons and hunting in the Muroma were spears – thrusting pole-arms. In the 7th – 11th cc. burials spear-heads lay in near legs with blades pointing down. The total amount of 179 spear-heads and 7 dart-heads were excavated in the Muroma burial grounds. The article is dedicated to the typology, dating and distribution area of this type of arms.

Key words: spear-head, dart-point, type, shape, burial grounds, the Muroma, Finns, grave, location, counter-weight.

List of figures

Fig. 1. Distribution of types of spear-heads and darts' points by the Muroma burial grounds at the Lower Oka left bank region. Burial grounds

1 – Maksimovsky; 2 – Malyshevsky; 3 – Molotitsky; 4 – Muromsky; 5 – Novlensky; 6 – Podbolotyevsky; 7 – Pyatnitsky; 8 – Urvanovsky; a – Kochkinsky

Fig. 2. Distribution of types of spear-heads and darts' points by the Muroma burial grounds at the Lower Oka right bank region. Burial grounds

1 – Kornilovsky; 2 – Chulkovsky; 3 – Nizhnevereysky

Fig. 3. Socketed spear-heads with lanceshaped (type 1) and diamond-shaped (type 2) blade

1 – type 1; the Malyshevsky burial ground, grave 40; 2 – type 2; the Podbolotyevsky burial ground

Fig. 4. Socketed spear-heads and dart-heads with elongated-triangular blade (type 3)

1 – spear-heads from the Kornilovsky burial ground 1; 2 – dart heads from the Malyshevsky burial ground, gr. 141

Fig. 5. Types of socketed spear-heads with elongated triangular blade (type 3A)

1 – type 3A.1; the Malyshevsky burial ground, gr. 178; 2 – type 3A.2; the Pyatnitsky burial ground; 3 – type 3A.3; the Podbolotyevsky burial ground, gr. 88 (excavation in 2012); 4 – type 3A.4; the Malyshevsky burial ground, gr. 34

Fig. 6. Types of socketed spear-heads with elongated leaf-shaped blade (type 4) and laurel-shaped blade (type 4A)

1 – type 4; the Malyshevsky burial ground, gr. 92; 2 – type 4A; the Podbolotyevsky burial ground, gr. 106 (excavations in 2013)

Fig. 7. Socketed spear-heads – spikes (type 5)

1–2 – the Malyshevsky burial ground, gr. 207, 141; 3 – the Chulkovsky burial ground, gr. 6

Fig. 8. Tanged darts- and spear-heads (type 6), socketed barbed spear-heads (type 7)

Type 6: 1 – the Malyshevsky burial ground, gr. 96; 2–3 – the Podbolotyevsky burial ground, gr. 36, 88 (excavations in 2012)

Type 7: 4 – the Malyshevsky burial ground, gr. 205; 5 – the Podbolotyevsky burial ground, gr. 50 (excavations in 2012)

Fig. 9. Counter-weights of spears

1–2 – the Chulkovsky burial ground, gr. 47, 74; 3 – the Kornilovsky burial ground; 4 – the Podbolotyevsky burial ground, gr. 71 (excavations in 2012)

Fig. 10. Location of spear-heads and counter-weights in the Chulkovsky burial ground graves

1 – gr. 47; 2 – gr. 74

Вал. В. Бейлекчи

Наконечники стрел муромы и некоторые вопросы технологии их изготовления

Резюме. Оружие дистанционного боя – лук и стрелы, судя по многочисленным находкам наконечников стрел на поселениях и могильниках, широко использовалось средневековыми финно-угорскими племенами в качестве охотничьего и боевого средства. Всего известно 206 наконечников стрел, которые представляют 23 основных типа, различающиеся в свою очередь по видам. Из них 5 типов преобладают. В большинстве известных случаев в погребениях наконечники стрел располагались слева у пояса погребенного. В двух муромских погребениях были обнаружены остатки колчанов, в одном погребении – остатки лука. Решено два технологических вопроса: о том, как изготавливались упоры на наконечниках и каким образом делалось перо на трехлопастных наконечниках стрел.

Ключевые слова: наконечник стрелы, тип, форма, могильники, поселения, мурома, финны, погребение, расположение, эксперимент.

Оружие дистанционного боя – лук и стрелы, судя по многочисленным находкам наконечников стрел на поселениях и могильниках, широко использовалось средневековыми финно-угорскими племенами в качестве охотничьего и боевого средства. Основная масса наконечников стрел муромы обнаружена в погребальных комплексах, что связано с малой изученностью муромских поселений. Всего известно 206 наконечников стрел из 6 могильников муромы и 2 селищ¹.

Происходят наконечники из погребений (ингумаций и кремаций) VII–XI вв. (рис. 1; 2), а также с Тумовского селища. В работе также учтены находки 2012–2013 гг. из раскопок ИА РАН Подболотьевского могильника и селища².

Наконечники стрел были обнаружены в 68 захоронениях из 297 погребений, идентифицированных по инвентарю как мужские что составляет 23%. Также наконечники об-

наружены в 5 женских и в 2 конских захоронениях. В 30 комплексах из предметов вооружения присутствовали только наконечники стрел, других видов оружия не было.

В 40 % погребений расположение не определяется. В остальных случаях удалось проследить в каком месте погребения они лежали. Чаще всего наконечники стрел располагаются в погребальных ямах слева у пояса (15 %), реже у левого плеча (11 %), у пояса (7 %), справа у плеча (5 %) или справа у пояса (5 %), в скоплении предметов при трупосожжении (4 %), слева у колен (4 %) или в ногах (4 %). В двух случаях наконечники найдены в заполнении сосудов (2,5 %), еще в двух у головы (2,5 %). Острия наконечников в 10 случаях направлены к голове погребенного, в 6 случаях к ногам. Среди этих случаев в некоторых погребениях четко зафиксированы скопления стрел, вероятно помещенных в колчаны, где острия направлены как к голове, так и к ногам покойного.

¹ Из общего числа наконечников стрел не определенными остаются 38 экземпляров (19% от общего числа). Форма не определена либо из-за отсутствия изображений находок, либо отсутствия находок в коллекции музеев, либо из-за плохой сохранности. Хранятся наконечники в коллекциях Государственного исторического музея, Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина, Муромского историко-художественного музея, Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина и др.

² Выражаю признательность автору раскопок О. В. Зеленцовой за любезное разрешение использовать материалы полевых отчетов.

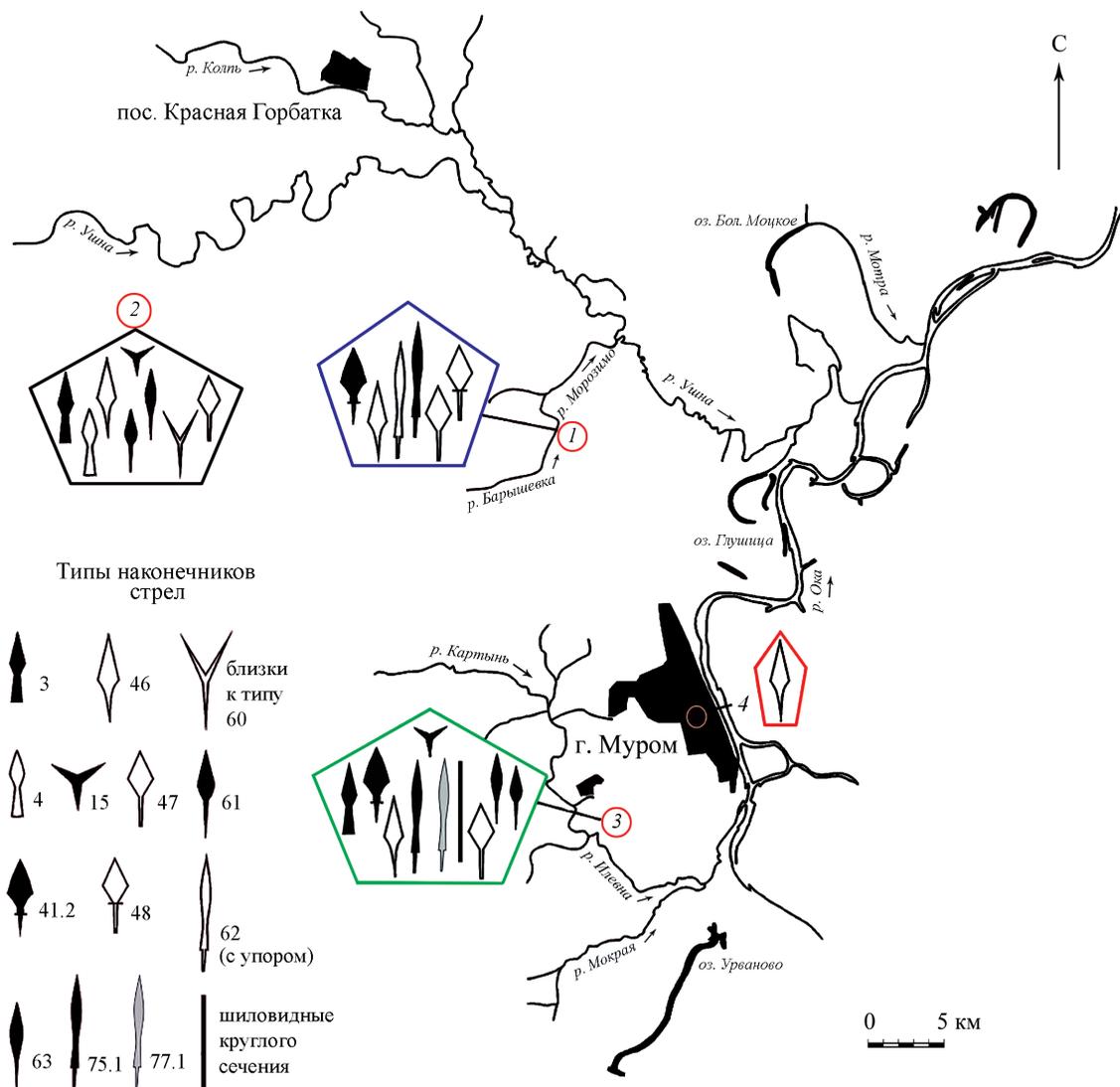

Рис. 1. Могильники муромы в левобережье Нижней Оки и распределение типов наконечников стрел

1 – Максимовский; 2 – Малышевский; 3 – Подболотьевский; 4 – Пятницкий

Количество стрел в каждом из погребений варьируется от 1 до 14, в основной массе – 3–4 стрелы в погребении.

В женском погребении 1 Корниловского могильника у правого бедра были обнаружены 4 ланцетовидных наконечника, под которыми зафиксирован фрагмент истлевшей кожи, интерпретируемый как остаток колчана (Селезнёв, 1925. С. 5–6. Табл. 1: 1). В мужском погребении 106 Подболотьевского могильника (раскопки ИА РАН 2013 г., рис. 3) вместе с четырьмя наконечниками стрел (рис. 4: 18–20), направленными к голове, справа у бедра были обнаружены фрагменты оковок колчана в виде узких длинных пластин из черного металла (рис. 4: 1–17) (Зеленцова, 2013.

Рис. 196; 199: 1; 201–202; 204). К сожалению, из-за плохой сохранности форму восстановить не удастся. Тем не менее на одном фрагменте четко прослеживается прямоугольный выступ – петля для продевания кожаного ремня (рис. 4: 2, 6). Некоторые фрагменты имеют крепления в виде железных заклепок (рис. 4: 10–15), все они крепились к вертикальным стенкам колчана. Ближе к ногам погребенного располагались 3 фрагмента овальной оковки дна колчана в виде Г-образно загнутых пластин из черного металла (рис. 4: 21), такая форма может говорить о деревянном дне колчана. Соответственно сам колчан мог иметь полуовальную форму с осевой, изготовленной из кожи (Медведев, 1966.

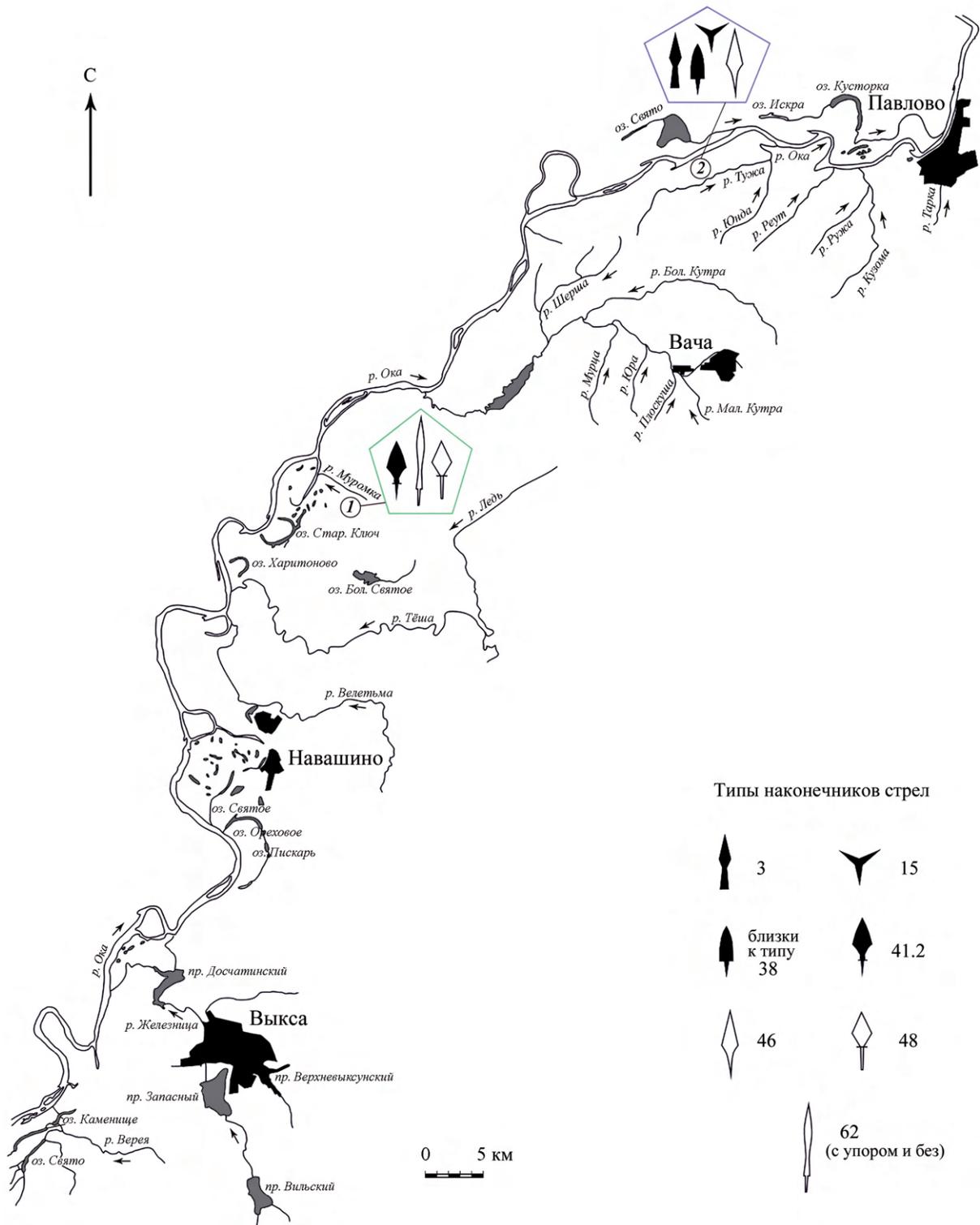

Рис. 2. Могильники муромы в левобережье Нижней Оки и распределение типов наконечников стрел
 1 – Корниловский; 2 – Чулковский

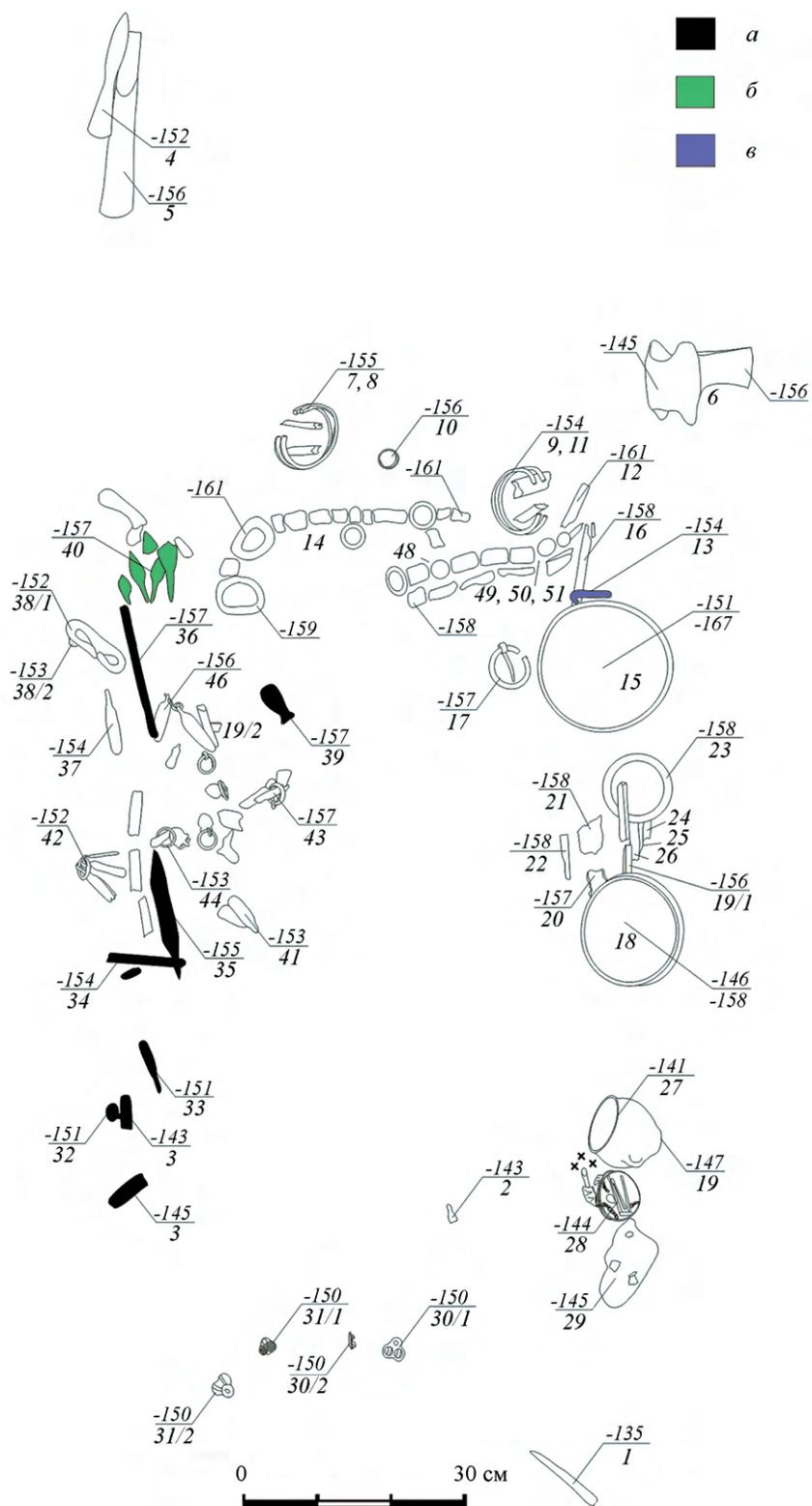

Рис. 3. Инвентарь в погребении № 106 Подболотьевского могильника (раскопки ИА РАН, 2013 г.), где были обнаружены детали колчана а – фр-ты оковок колчана; б – наконечники стрел; в – колчанный крючок. (Все – железо)

Рис. 4. Детали колчана и наконечники стрел из инвентаря погребения № 106 Подболотьевского могильника (раскопки ИА РАН, 2013 г.)

С. 107, табл. 1: 8). Реконструируемая длина колчана составляет около 80 см, что сопоставимо с размером колчана из погребения 228 мордовского Крюковско-Кужновского могильника (Святкин, 2001. С. 9–10). Колчан, судя по его местоположению в погребении, расположен в порядке его ношения при жизни. Слева у пояса был обнаружен так называемый колчанный крючок, изготовленный из черного металла (рис. 4: 22). Обнаруженные в погребении оковки с петлей, оковки дна и колчанного крючка повторяют по форме находки остатков колчанов русских дружинников и венгров конца IX – начала XI в. Аналогии известны на территории Гнёздовского и Тимирёвского могильников и др. (Медведев, 1966. Приложение 2, табл. 7, 1–5, 8, 11–13). Эта датировка не выбивается из датировки других предметов в погребении Подболотьевского могильника.

О находке лука есть лишь одно свидетельство в материалах Подболотьевского могильника 1910 г. В погребении 186 поверх свертка, у правого бока погребенного, был обнаружен длинный простой деревянный лук (рис. 5) (Городцов, 1914. С. 127; Бейлекчи, 2005. С. 33, 184. Рис. 30). Порода древесины, из которой изготовлен лук, а также его параметры не известны.

Все наконечники стрел муромы сделаны из черного металла. По способу насада делятся на втульчатые и черешковые (20 и 140 экземпляров соответственно).

На данный момент существует большое количество типологий наконечников стрел, которые соотносятся с определенными территориями и археологическими культурами. Их преимущество и недостатки оценены в работе К. А. Руденко (2003. С. 60–63). Краткое описание наконечников муромы, с использованием типологии и определений А. Ф. Медведева, было дано в монографии В. В. Бейлекчи, где они были указаны (Бейлекчи, 2005. С. 35–36). В настоящей статье также используется указанная типология восточноевропейских наконечников стрел, охватывающая известные на момент выпуска работы наконечники с территории, в которую входит и область расселения племени мурома (Медведев, 1966). Некоторые наконечники из Максимовского, Малышевского и Подболотьевского могильников вошли в свод А. Ф. Медведева, но не все формы

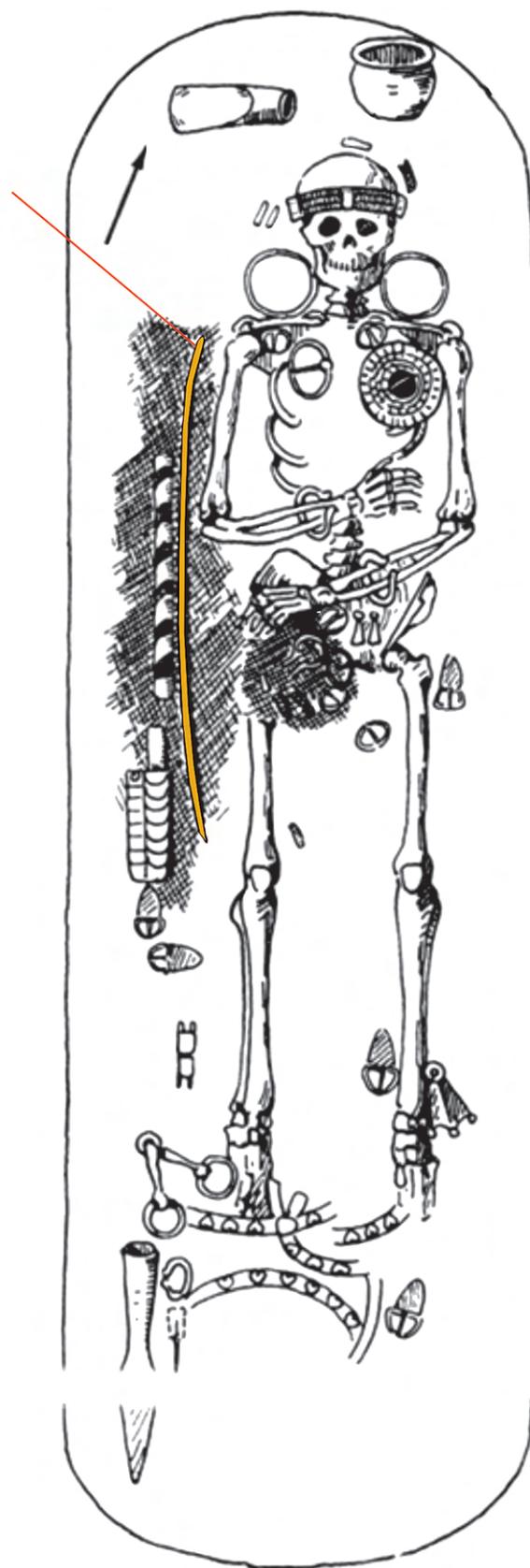

Рис. 5. Зарисовка погребения № 186 Подболотьевского могильника (раскопки В. А. Городцова, 1914 г.), где обнаружены остатки лука

Таблица 1. Расположение наконечников стрел в погребениях муромы.

Положение наконечников	Могильники										Всего (%)
	Корн.	Макс.		Мал.		Подб.		Пятн.	Чулк.		
	т/п	т/п	т/с	т/п	т/с	т/п	т/с	т/п	т/п	т/с	
У головы	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	2 (2,5)
У правого плеча	–	–	–	–	–	3	–	–	1	–	4 (5)
У левого плеча	–	–	–	2	–	5	1	–	–	1	9 (11)
У пояса	–	–	–	1	–	3	–	–	2	–	6 (7)
Слева у пояса	–	–	–	9	1	1	–	1	–	–	12 (15)
Справа у пояса	1	–	–	–	–	1	–	–	2	–	4 (5)
В ногах	–	–	–	1	–	–	–	–	2	–	3 (4)
Слева у колен	–	–	–	2	–	1	–	–	–	–	3 (4)
В заполнении горшка	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	2 (2,5)
В скоплении	–	–	–	–	2	–	–	–	–	1	3 (4)
Не определено	–	3	2	7	10	8	2	–	–	–	32 (40)
Итого в погребениях (%)	1 (1)	3	2	22	14	23	4	1 (1)	8	2	80 (100)
		5 (6)		36 (45)		27 (34)			10 (13)		

(т/п – труположение; т/с – трупосожжение; Подб. – Подболотьевский; Корн. – Корниловский; Макс. – Максимовский; Мал. – Малышевский; Пятн. – Пятницкий; Чулк. – Чулковский).

наконечников стрел муромы соответствуют типологии данного исследователя. Поэтому для анализа привлекались типологии, разработанные другими исследователями (Казанов, 1992. С. 148–150. Рис. 55; Руденко, 2003).

В соответствии с оружиеведческими разработками при типологическом анализе наконечники стрел рассматриваются в соответствии с их составными частями. Плоские наконечники стрел без граней могут иметь следующие части: перо – проникающая ударная часть; сторону – острый режущий край пера; острие – колющее окончание пера; плечико – сторона пера, обращенная к древку; лопасть – грань, возвышающаяся от основания пера; ярус – уступ, образуемый стороной лопасти пера; перехват; упор для древка – выступ, ограничивающий перо при соединении с торцом верхнего конца древка; черешок – стержень насада, служащий для крепления в теле древка; втулка (Худяков, 1980. С. 76–77. Табл. XIII: 2). Граненые наконечники с массивным острием могут иметь головку; грань – поверхность пера, ограниченная

сторонами; сторону; шейку; упор для древка; черешок или втулку. У двурогих наконечников, соответственно, имеются рога (Медведев, 1966. Табл. 1: 10; Руденко, 2003. Табл. 2).

Коллекция наконечников стрел муромы включает 21 тип (табл. 2, 3). В целом ассортимент муромских наконечников не выбивается из ряда основных восточноевропейских средневековых форм. Для примера можно сравнить с ассортиментом находок на отдаленной территории средневековой Дунайской Болгарии, где они практически все представлены (Йотов, 2004. Табл. V–XXV).

Наконечники стрел, обнаруженные при раскопках погребальных комплексов муромы (200 экземпляров)

Плоские втульчатые наконечники представлены двумя типами (20 экземпляров):

Тип 3³ – ромбовидные наконечники стрел (рис. 6: 1). Имеют выпуклые и прямые стороны и вогнутые или прямые плечики. Наибольшее расширение в нижней

³ Здесь и далее используется нумерация типов соответственно типологии А. Ф. Медведева.

Таблица 2. Распределение по типам наконечников стрел из могильников муромы.

Могильники	Втульчатые		Черешковые														Неопределенные	Всего
			тип 3	тип 4	тип 15	близки к типу 38	тип 41	тип 46	тип 47	тип 48	близки к типу 60.2	тип 61	тип 62		тип 63	тип 75.1		
	без упора	с упором																
Корниловский	-	-	-	-	1	-	-	2	-	-	1	1	-	-	-	-	3	7 (3,5)
Максимовский	-	-	-	-	1	9	1	1	-	-	-	1	-	1	1	-	1	16 (8)
Мальшевский	3	10	1	-	-	35	8	-	2 без упора	10	-	-	1	-	-	-	24	94 (48)
Подболотьевский (раск. 1910 г.)	-	-	-2	-	-	2	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	9	14 (8)
Подболотьевский (раск. 2012–2013 гг.)	2	-	-	-	1	19	6	-	-	2	-	-	5	-	-	2	1	38 (19)
Пятницкий	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (0,5)
Чулковский	5	-	2	3	-	17	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	27 (13)
Всего (%)	10 (5)	10 (5)	5 (2,5)	3 (1,5)	3 (1,5)	83 (42)	15 (8)	3 (1,5)	2 (1)	13 (6,5)	1 (0,5)	2 (1)	6 (3)	1 (0,5)	1 (0,5)	2 (1)	38 (19)	197 (100)

Таблица 3. Распределение типов наконечников стрел по селищам муромы.

Селища	Тип 9 (втульчатый)	Тип 46	Тип 48	Тип 52.1	Тип 83	Тип 91	Тип 94	Тип 97.3	Всего
Подболотьевское селище	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Тумовское селище	1	1	1	1	1	1	1	1	8
Всего	1	2	1	1	1	1	1	1	9

половине длины пера. Известно 10 наконечников⁴ (5% от общего числа). Обнаружены в Мальшевском (погр. 34, 37), Подболотьевском (погр. 20) и Чулковском могильниках (погр. 47, 74, 86⁵). Размеры: общая длина – 5,7–10 см; длина пера – 3–6,2 см; ширина пера – 1,5–2,3 см; диаметр втулки – 0,8–1,7 см.

Тип 4 – остролистные наконечники стрел (рис. 6: 2). Известно 10 наконечников (5% из общего числа). Обнаружены в Мальшевском могильнике в погребениях 14,

18, 69, 135. Размеры: длина – 8–9 см; длина пера – 3,6–4,6 см; ширина пера – 1,5–2 см; диаметр втулки – 0,9–1,4 см.

Появившись в Прикамье в I тыс. до н.э. втульчатые наконечники широко распространились среди финно-угорских племен и употреблялись до XI в. (Медведев, 1966. С. 56).

Черешковые наконечники делятся на четырнадцать типов (180 экземпляров):

Тип 15 – килевидные трехлопастные наконечники с плечиками, без упора (рис. 6: 3). Головка пирамидальная с выемкой на гранях,

⁴ Наконечник из погребения 109 Мальшевского могильника, который ошибочно определен как тип 3 (Бейлекчи, 2005. С. 35) на самом деле относится к типу 46.

⁵ Погребение 74 Чулковского могильника может датироваться концом VIII–IX в., о чем свидетельствует инвентарь, в частности костыльковая подвеска, имеющая прямые аналогии в Больше-Тиганском могильнике (Халикова, 1976. Рис. 7: 15). Погребение 86 Чулковского могильника, судя по поясному набору, относится к концу VII–VIII в. (анalogии поясу встречены в Неволинском могильнике) (Голдина, 2012. Табл. 207).

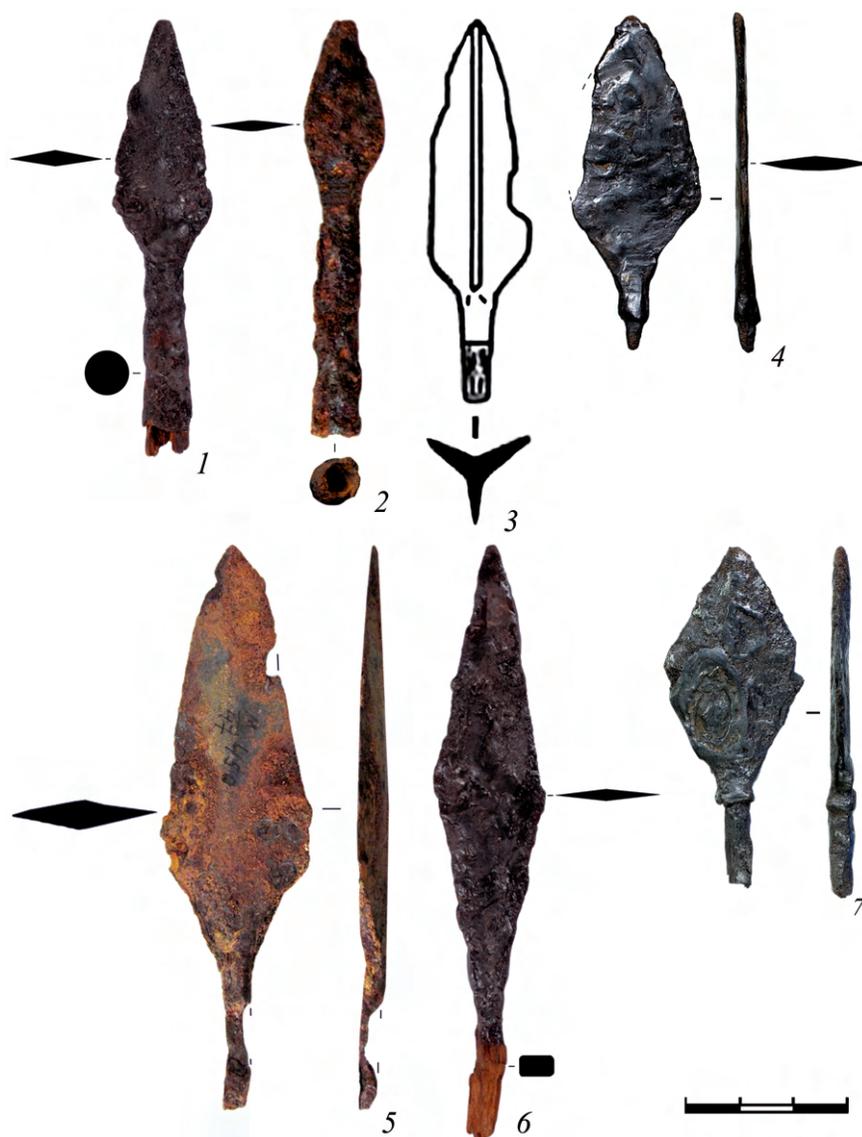

Рис. 6. Втульчатые (1-2) и черешковые наконечники стрел (3-7)

1 – тип 3; 2 – тип 4; 3 – тип 15; 4 – тип 41; 5 – тип 46; 6 – тип 47; 7 – тип 48

в сечении имеет вид трехлучевой звезды. Обнаружены в количестве 5 экземпляров (2,5% от общего числа; табл. 1) в Малышевском (п. 141), Подболотьевском (п. 147) и Чулковском могильниках (пп. 74, 86, где обнаружены вместе с втульчатыми наконечниками типа 3⁶). Размер: длина – 6,3 см; длина острия – 3,5–4,2 см; ширина острия – 1,8–2 см.

Появившись еще в раннесарматское время, трехлопастные наконечники были широко распространены от Сибири до Центральной Европы, особенно среди кочевых

племен. Трехлопастные наконечники абсолютно доминируют в тюркское время (Худяков, 1984. С. 71). Следует отметить, что наличие их в лесной зоне не является свидетельством присутствия там степных военных отрядов (Обломский, 2016. С. 42). Верхней датой бытования трехлопастных наконечников, судя по мордовским материалам, является IX в. (Петербургский, Аксёнов, 2006. С. 48).

Трехлопастные наконечники встречаются в Безводнинском могильнике (2 экз.)

⁶ По датировкам погребений см. сноску выше.

в погребении предсалтовского времени кон. VII – 1-й пол. VIII в. (Краснов, 1980. Рис. 51: 8). В Неволинском могильнике трехлопастные наконечники датируются VII – началом IX в. (Голдина, 2012. Табл. 186: 2–8). На Сарском городище такие наконечники на основании аналогий датируются IX в. (Леонтьев, 1996. С. 111).

Тип 41 – плоские ромбовидные наконечники гнездовского типа с упором. Соотносятся с типом А18б по классификации К.А. Руденко (Руденко, 2003. С. 81). Имеют малое перо с выпуклыми сторонами и вогнутыми плечиками, наибольшее расширение в нижней части. Обнаружены в количестве 3 экземпляров (1,5 % от общего числа; табл. 1) в Максимовском (погр. 14, раскопки 1895 г.), Корниловском (женское погр. 1) и Подболотьевском могильниках (погр. 100, раскопки 2013 г.⁷) (рис. 6: 4). Размер: длина – около 6,5 см; длина пера – 3–4 см; ширина пера – 1,7–2,5 см.

Такие наконечники были широко распространены на территории финно-угорских племен и лесной полосы Восточной Европы с VIII до середины XI в. (Медведев, 1966. С. 65).

Тип 46 – плоские ромбовидные наконечники новгородского типа без упора (рис. 6: 5). Отличительная особенность этого типа от типа 41 – отсутствие упора. Соотносятся с типом А18а по классификации К.А. Руденко (Руденко, 2003. С. 81). Вытянутое кинжаловидное перо имеет наибольшее расширение в нижней части, сечение пера линзовидное или ромбическое. Наиболее массовые среди остальных типов, обнаружены в количестве 83 экземпляров в погребениях Максимовского, Малышевского, Подболотьевского, Пятницкого и Чулковского могильников (41 % от общего числа; табл. 1). Размеры: длина – 4,7–12,7 см; длина пера – 2,7–7,5 см; ширина пера – 1,5–3,3 см.

Такая форма наконечников появилась в Прикамье на «рубеже нашей эры» и затем

распространилась в северной полосе Восточной Европы. Эти наконечники практически полностью отсутствуют у степных народов и на юге Руси. Самое широкое распространение наконечники новгородского типа получили в IX–XI вв. (Медведев, 1966. С. 68).

Тип 47 – плоские ромбовидные наконечники без упора (рис. 6: 6). Форма пера – правильный ромб с высокими прямыми плечиками. Пропорции пера – 1:3. Найдены в количестве 15 экземпляров (8 % от общего числа; табл. 1) в Максимовском, Малышевском⁸, Подболотьевском⁹ могильниках. Размеры: длина – 7–10 см; длина пера – 2,7–7 см; ширина пера – 1,5–2,7 см.

Также характерны для северной полосы Восточной Европы, где они появились еще до н.э. (Медведев, 1966. С. 68). Были широко распространены в VIII–XI вв.

Тип 48 – плоские ромбические наконечники с упором (рис. 6: 7). Пропорции пера – 1:3. Отличаются от типа 47 наличием упора. Соотносятся с типом Б45а по классификации К.А. Руденко (Руденко, 2003. С. 101). Встречены в количестве 3 экземпляров (1,5 % от общего числа; табл. 1) в Корниловском (женское погр. 1) и Подболотьевском могильниках (комплекс погр. 50 – труположение коня с даром, раскопки 1910 г.; 102–103, раскопки 2013 г.). Размеры: длина – 8–8,5 см; длина пера – 4–5,3 см; ширина пера – 2–3,3 см.

На Руси и у финно-угорских народов были широко распространены в IX–XIV вв.

Тип 61 – плоские остролистные наконечники без упора (рис. 7: 1). Обнаружены в количестве 13 экземпляров (6 % от общего числа; табл. 1) в Малышевском (погр. 69, 78, 115, 137, 177, 205) и Подболотьевском могильниках (погр. 20, 70, раскопки 2012 г.). Размеры: длина – 9,1–14 см; длина пера – 5–7,3 см; ширина пера – 1,7–2,8 см. Пропорции пера у наконечников с сохранившимся черешком разные: 2 наконечника из Малышевского могильника имеют длинный черешок¹⁰

⁷ Погребение 100, судя по находкам шиферного пряслица, калачевидного кресала и весовым гирькам, датируется X–XI вв.

⁸ В том числе в погребениях 51 и 84 Малышевского могильника X–XI вв. с лировидными сумочками.

⁹ В том числе в погребениях 106 и 115 Подболотьевского могильника X–XI вв. (раскопки 2013 г.), где обнаружены калачевидное кресало, лировидная сумочка с дирхемом, топор типа 6.

¹⁰ Длинный черешок наконечника стрелы может косвенно говорить о применении мощных сложносоставных луков. Например, у степных народов, использовавших сложносоставной лук, большинство наконечников имеют длинные черешки (Кашнов, 1999. С. 55).

Рис. 7. Черешковые наконечники стрел
1 – тип 61; 2 – тип 62 с упором; 3 – тип 63

(пропорции 1:1), также имеется ряд наконечников с пропорциями 1:2; в Подболотьевском могильнике пропорции пера наконечника 1:3. Сечение черешков также разное: у 8 наконечников круглое, у 2 прямоугольное, у 1 квадратное. Погребения с наконечниками, имеющими круглый и квадратный в сечении черешок, не имеют четких датировок, однако инвентарь, расположенный в них, не исключает, что они могли быть совершены не ранее X в.

Железные остролистные наконечники с плоским черешком появляются еще в раннем железном веке до н. э. и широко распространяются в Восточной Европе в I-м тысячелетии н. э. в Прикамье и средней полосе. Квадратный и круглый в сечении черешок появляется с X в. (Медведев, 1966. С. 73).

Тип 62:

Без упора – плоский ланцетовидный наконечник без упора. Обнаружен 1 экземпляр в Корниловском могильнике, в женском погребении 1 (0,5% от общего числа).

С упором – плоские ланцетовидные наконечники с упором (рис. 7: 2). Обнаружено 2 экземпляра (1 % от общего числа; табл. 1) в Корниловском (женское погр. 1) и Максимовском могильниках (погр. 16, раскопки 1878 г.). Размеры: длина – 10–13 см; длина пера – 6–9,8 см; ширина – 1,2–1,4 см. Сечение пера линзовидное, сечение шейки и черешка круглое.

Ланцетовидные наконечники без упора появившись в Прикамье на «рубеже нашей эры» распространились исключительно в северной полосе в IX – I-й половине XI в. (Медведев, 1966. С. 73).

Наконечники с упором появились в середине VIII в. (обнаружены в Старой Ладогге), наибольшее распространение на территории Древней Руси получили в X в. Аналогичные ланцетовидные наконечники встречены на Сарском городище, в Гнёздово и др. Большинство исследователей на данный момент связывают их появление на территории Древней Руси со скандинавским влиянием (Леонтьев, 1996. С. 110–111; Каинов, 1999. С. 56, 59, 61–62).

Тип 63 – плоские лавролистные наконечники без упора (рис. 7: 3). Обнаружены в количестве 6 экземпляров (3 % от общего числа) в Малышевском (с плоским черешком, погр. 69) и Подболотьевском могильниках (4 с плоским черешком в погр. 2, 20, 70, раскопки 2012 г.; один с круглым в погр. 115, раскопки 2013 г.). Размеры: длина – 6,5–12,5 см; длина пера – 3,8–8,5 см; ширина – 1,7–2,2 см.

Данные наконечники появились на «рубеже нашей эры» в Прикамье и были широко распространены в Восточной Европе до позднего средневековья. Лавролистные наконечники без упора характерны для I тысячелетия н. э. Они встречены во Владимирских курганах, на Сарском городище, на Лядинском могильнике и др. (Медведев, 1966. С. 74).

Тип 75.1 – ланцетовидный трехгранный (броневый) наконечник без валика на шейке. Известен один экземпляр (0,5 % от общего числа; табл. 1) в п. 12 Максимовского могильника, раскопки 1878 г. Изображения данного наконечника отсутствуют, определен А. Ф. Медведевым по экземпляру музейной коллекции. Подобные наконечники были распространены в Прибалтике и странах Скандинавии, датируются X в. (Медведев, 1966. С. 78–79).

Тип 77.1 – ланцетовидный наконечник квадратного сечения (броневый) с упором. Имеет длинную боевую головку и короткий черешок. Известен один экземпляр (0,5% от общего числа; табл. 1) из Максимовского могильника, раскопки 1878 г. Изображение наконечника отсутствует, определен А. Ф. Медведевым. Датируются подобные

Рис. 8. Черешковые наконечники стрел из могильников (1–3) и Тумовского селища (4–9)

1 – шиловидные наконечники круглого сечения; 2 – двурогий наконечник-срезень; 3 – килевидный наконечник; 4 – тип 9; 5 – тип 52.1; 6 – тип 83; 7 – тип 91; 8 – тип 97.3; 9 – тип 94

наконечники X – началом XI в. (Медведев, 1966. С. 79).

Шиловидные наконечники круглого сечения без упора (рис. 8: 1). Обнаружены в погребении 20 Подболотьевского могильника (раскопки 2012 г.) в количестве 2 экземпляров (1 % от общего числа) вместе с наконечниками других типов, что не дает основания относить их к шильям. Диаметр наконечников – 0,4–0,8 см. Соотносятся с типом IA43 по классификации Е. П. Казакова. Аналогии известны в погребениях 1116, 1155 Танкеевского могильника IX–X в., где

они более длинные (Казаков, 1992. С. 149–150. Рис. 55: 18), в погребении 52 Варнинского могильника полемской культуры V–IX в. (Руденко, 2003. Табл. 29: 30).

Двурогие (или вильчатые) наконечники-срезни без упора (рис. 8: 2). Близки к типу 60.2 по классификации А. Ф. Медведева (Медведев, 1966. С. 72) и к типу Б55 по классификации К. А. Руденко (Руденко, 2003. С. 105), отличаются отсутствием упора. Имеют вытянутое плоское перо с вырезом в виде равностороннего треугольника, выпуклые боковые и режущие стороны.

Обнаружено 2 экземпляра (1% от общего числа) в Малышевском могильнике (погр. 72, 84¹¹). Средние размеры: длина – 8 см, длина пера – 4–5 см, ширина пера – 3,7–4,2 см.

Наиболее ранние наконечники такой формы встречены в материалах Пенджаба I в. н. э. (современный Пакистан), на территории Прикамья, встречаются они в среднеазиатских могильниках V–VII в., в венгерских аварских комплексах и др. Данные наконечники использовались для охоты на птиц и мелкую дичь до недавнего прошлого в Сибири (*Литвинский*, 1965. С. 90–91. Рис. 7: 47–48). Двурогие наконечники встречены в погребениях VIII – начала IX в. Неволинского могильника (*Голдина*, 2012. Табл. 187: 4). Аналогии в болгарских, мордовских и древнерусских памятниках IX–XI в. (*Медведев*, 1966. С. 72).

Килевидные наконечники без упора (рис. 8: 3). Близки к ранним вариантам типа А20 по классификации К. А. Руденко (*Руденко*, 2003. С. 81–82), отличаются отсутствием упора. Перо подпятиугольной формы вытянутое приостренное. Плечики имеют резкий горизонтальный уступ. Найдены в погребении 60 Чулковского могильника в количестве 3 экземпляров (1,5 % от общего числа). Размеры: длина – около 5 см; длина пера – 4 см; ширина пера – 1,7–2 см.

Аналогичная форма наконечников без упора встречена в материалах I Большетарханского могильника VIII–IX в. (*Казаков*, 1992. С. 48. Рис. 11: 11; *Руденко*, 2003. С. 500. Табл. XLIII: 797).

Наконечники стрел, обнаруженные при раскопках Тумовского селища (X–XI в.), в большинстве случаев имеют формы, которые не встречаются в погребальных комплексах (табл. 3).

Наконечники стрел, обнаруженные при раскопках селищ муромы¹².

Наконечники обнаружены на территории Тумовского (8 экз.) и Подболотьевского (1 экз.) селищ.

Втульчатые наконечники:

Тип 9 – граненый пирамидальный (бронбойный) втульчатый наконечник с коротким массивным острием ромбического се-

чения и длинной шейкой. Один экземпляр происходит с Тумовского селища (рис. 8: 4). Размер: длина – 11,7 см; длина острия – 1,8 см; диаметр втулки – 1 см.

Аналогии известны в Прикамье и на территории Древней Руси, где датируются X–XI в. (*Медведев*, 1966. С. 58, табл. 15: 9).

Плоские черешковые:

Тип 46 – ромбовидные наконечники новгородского типа без упора. По одному экземпляру найдены на Тумовском и Подболотьевском селищах.

Тип 48 – ромбический наконечник с упором. Один экземпляр происходит с Тумовского селища. Описание особенностей типов 46 и 48 дается в разделе о наконечниках стрел из погребений муромы.

Тип 52.1 – ромбовидный наконечник с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера с узелковым упором (рис. 8: 5). Острие треугольной формы. Соответствует типу Б50 по классификации К. А. Руденко (*Руденко*, 2003. С. 102). Один экземпляр происходит с Тумовского селища. Подобные наконечники широко использовались на протяжении VIII–XIII вв. на территории Прикамья и Древней Руси, известны в раннеболгарских и болгарских, мордовских материалах. Такие типы могли использоваться в качестве охотничьего или боевого средства (*Медведев*, 1966. С. 69–70).

Граненые (бронбойные) черешковые наконечники представлены четырьмя экземплярами:

Тип 83 – граненый (бронбойный) с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с вытянутой шейкой круглой в сечении, имеет упор (рис. 8: 6). Соответствует типу Б266 по классификации К. А. Руденко (*Руденко*, 2003. С. 92). Один экземпляр происходит с Тумовского селища. Имеет выпуклые стороны, пологие плечики. Острие тупоугольное, уплощенное и заточенное. Размеры: длина – 6,3 см; длина головки – 1,5 см; ширина – 1,3 см.

Такие наконечники были широко распространены с XI в. на территории Древней Руси, Волжской Булгарии, у финно-угров

¹¹ Погребение 84 было совершено не ранее X в., о чем может свидетельствовать некоторый инвентарь (рычажные весы, лировидная сумочка).

¹² Все наконечники с Тумовского селища определены А. Ф. Медведевым.

Поволжья и Прикамья. Мог использовался в качестве охотничьего (?) или боевого средства (Медведев, 1966. С. 81).

Тип 91 – пирамидальный наконечник с массивной короткой боевой четырехгранной головкой ромбического сечения и с перехватом у черешка, имеет массивный узелковый упор круглого сечения (рис. 8: 7). Соответствует типу Б28 по классификации К.А. Руденко (Руденко, 2003. С. 93). Один экземпляр происходит с Тумовского селища. Размер: длина – 6,3 см; длина головки – 2,3 см; ширина головки – 1 см.

Считается, что эти массивные наконечники использовались для пробивания доспехов противника. Широко использовались на территории Древней Руси и Волжской Булгарии с X в. Мог использовался в качестве охотничьего (?) или боевого средства (Медведев, 1966. С. 83).

Тип 94 – граненый шиловидный наконечник ромбического сечения с простым упором (рис. 8: 9). Имеет вытянутую подпризматическую головку, сразу переходящую в черешок круглого сечения, шейка отсутствует. Соответствует типу Б33 по классификации К.А. Руденко. Один экземпляр происходит с Тумовского селища. По болгарским аналогиям датируется XI в. Мог использовался в качестве охотничье-промыслового средства (Руденко, 2003. С. 95).

Тип 97.3 – граненый бронебойный наконечник в виде кинжальчика ромбического сечения с перехватом и упором (рис. 8: 8). Имеет вытянутую подпирамидальную четырехгранную головку и коническую шейку. Соответствует типу Б35а по классификации К.А. Руденко (Руденко, 2003. С. 96). Один экземпляр происходит с Тумовского селища. Размер: длина – 12,7 см; длина острия – 7,8 см; ширина – 1,2 см.

Аналогии известны с территории Древней Руси, Волжской Булгарии и др., появляются они в XI в. Мог использовался в качестве охотничье-промыслового средства (Медведев, 1966. С. 85).

Количество муромских захоронений с наконечниками стрел значительно уступает количеству погребений с наконечниками стрел у мордовских племен (23 % от общего числа у муромы к 49 % от общего числа у мордвы) (Святкин, 2001. С. 7). Ассортимент мордовских наконечников отличается

от муромского кроме отсутствия втульчатых, отсутствием двузубых наконечников, а также наличием срезней, долотовидных наконечников. Кроме того, у мордвы в отличие от муромы зафиксировано большое количество наконечников с массивной головкой (бронебойных), предназначенных для борьбы с противником, защищенным доспехом (Святкин, 2001. С. 11, 21–23).

Среди разнообразия муромских, мордовских и марийских средневековых наконечников наиболее часто встречаются наконечники типов 46, 47, 48, 52, 63. Это может быть обусловлено простотой их изготовления и универсальностью использования.

Для изготовления древков для стрел пригодной считалась прямослойная древесина старых деревьев березы, ели, сосны, ясеня. По данным американского перевода средневекового арабского трактата «Arab Archery» наконечник стрелы насаживался на более прочный комлевый конец древка (Arab Archery, 1945. С. 103–106). Технология изготовления стрел и их конструкция описана в работе А.Ф. Медведева (1966. С. 49–52). Также, конструкция средневековых стрел подробно описана по материалам находок в аланских захоронениях (Каминский, 1982. С. 50. Рис. 10–11). Реконструируемая длина стрел составляла 60–80 см, толщина древка 0,8–1,0 см. Обмотка на соединении стрелы с наконечником найдена у муромы единожды: в погребении 69 Малышевского могильника обнаружено 5 железных наконечников стрел, сложенных вместе остриями, со следами обмотки древка крученой нитью (Дубынин, 1947. С. 82–84).

Наконечники стрел не могут служить надежной опорой для датирования погребальных комплексов, т.к. большинство представленных типов использовалось в широком временном диапазоне, включающее все время существования племени мурома. Исключением могут служить лишь ланцетовидные бронебойные наконечники стрел с упором (типы 75.1, 77.1), которые датируются X–XI вв.

Примечательно, что большая часть наконечников стрел, обнаруженных на Тумовском селище, датируются периодом X–XI вв. (типы 83, 91, 94, 97.3), остальная часть наконечников (типы 46, 48, 52.1) также бытует в это время. При этом все указанные типы,

Рис. 9. Элементы процессов изготовления упора на наконечнике стрелы (1-4) и трехлопастного пера (5-8)

1 – изготовление мастер-модели; 2 – форма упора на одной половине оправки; 3 – готовый упор на заготовке наконечника; 4 – формирование пера наконечника; 5 – форма с треугольным вырезом для заготовки мастер-модели; 6 – заготовка для мастер-модели; 7 – мастер-модель; 8 – оправка для изготовления трехлопастных наконечников

кроме типов 46 и 48, отсутствуют в погребальных комплексах муромы.

Во время работы над исследованием наконечников стрел возникло два технологических вопроса: каким образом изготавливались упоры и как делалось перо на трехлопастных наконечниках. С целью практического определения возможности серийного изготовления этих изделий был поставлен эксперимент. В ходе эксперимента необходимо было решить две задачи: 1) изготовить на практике упор на наконеч-

нике стрелы при помощи оправок; 2) изготовить трехлопастной наконечник стрелы при помощи оправок. Основные операции в ходе эксперимента были такими.

1. Процесс изготовления упора на наконечнике:

- изготовление мастер-модели из металлического прутка с помощью проковки и ручной обточки (рис. 9: 1). Она повторяет форму упора наконечника. Мастер-модель закаливается;
- изготовление оправки (рукоять с губками);

– оттиск мастер-модели в нагретой оправке, закалка оправки (рис. 9: 2);

– нагрев заготовки наконечника, изготовление упора с помощью оправки (рис. 9: 3);

– формирование пера наконечника (в зависимости от желаемой формы) (рис. 9: 4).

2. Процесс изготовления трехлопастных наконечников стрел:

– изготовление металлической формы с треугольным вырезом (рис. 9: 5);

– расковка металлического прутка в форме, его сечение становится треугольным – заготовка для мастер-модели (рис. 9: 6);

– механическая обработка мастер-модели (обточка напильником), выборка двух желобков – формирование формы с двумя лопастями (их достаточно для оттиска в оправке). Закалка мастер-модели (рис. 9: 7);

– изготовление оправки (см. описание процесса изготовления оправки для упора), разогрев оправки, оттиск в ней мастер-модели, закалка оправки (рис. 9: 8);

– помещение в оправку разогретой заготовки наконечника с уже готовым упором, выколачивание трехлопастной формы пера.

Таким образом, эксперимент показал, что изготовление упоров наконечников и пера трехлопастных наконечников без использования специального инструмента либо очень трудоемко, либо невозможно. В ходе эксперимента были получены положительные результаты и были изготовлены два вида оправок, которые позволяют в массовом порядке делать упоры на заготовках и трехлопастные перья наконечников.

Литература

- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (Погребальный обряд и поселения). Муром. 278 с.
- Голдина Р. Д., 2012. Неволинский могильник VII–XI вв. в Пермском Предуралье. Материалы и исследования Камской-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск. 472 с.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях города Муром, в 1910 году // Древности. Труды Императорского Московского археологического общества. Т. XXIV. М. 385 с.
- Дубынин А. Ф., 1947. Малышевский могильник. К истории Нижней Оки в I тысячелетии н. э. Канд. дисс., защищенная в Ученом Совете ИИМК АН СССР 23. 1. 1947 г. / Архив ИА РАН. Ф 2. Оп. 1. № 362.
- Зеленцова О. В., 2013. Отчет о проведении научно-охранных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника в Муромском районе Владимирской области в зоне строительства мостового перехода через р. Оку с обходом г. Муром (II этап) (в 5 томах) / Архив ИА РАН. Р-1.
- Зеленцова О. В., 2014. Отчет о проведении научных археологических исследований Вербовского (Подболотьевского) могильника и селища в Муромском районе Владимирской области в 2013 г. (в 3-х томах) / Архив ИА РАН. Р-1.
- Йотов Валери, 2004. Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна. 350 с.
- Казаков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука. 335 с.
- Каинов С. Ю., 1999. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнёздова // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 49–62.
- Каминский В. Н., 1982. О конструкции лука и стрел Северокавказских аланов // КСИА. Вып. 170. С. 48–51.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 223 с.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предьстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 315 с.
- Литвинский Б. А., 1965. Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2. М.: Наука. С. 75–91.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. М.: Наука. Вып. Е1-36. 153 с.
- Обломский А. М., 2016. Колочинская культура // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН. С. 10–114. (Раннеславянский мир. Вып. 17)
- Петербургский И. М., Аксёнов В. Н., 2006. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та. 145 с.
- Руденко К. А., 2003. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: «Заман». 512 с.
- Святкин С. В., 2001. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н. э. / Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск. 147 с.

- Селезнёв Ф. Я.*, 1925. Археологические исследования в окрестности Муroma. Культура финнов средней Оки // Труды Владимирского Гос. Областного Музея. Вып. II. С. 3–31.
- Халикова Е. А.*, 1976. Больше-Тиганский могильник // СА. № 2. М. С. 158–178.
- Худяков Ю. С.*, 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука. 176 с.
- Худяков Ю. С.*, 1984. Вооружение древних тюрок Центральной Азии // Проблемы археологии степей Евразии. Советско-венгерский сборник. Кемерово. С. 64–78.
- Arab Archery, 1945. An Arabic manuscript of about A.D. 1500. «A book on the excellence of the bow and arrow» and the description thereof. Translated and edited by Nabih Amin Paris and Robert Potter Elmer. Princeton University press – Princeton – New Jersey. 187 с.

Val. V. Beilekchi

The Muroma Arrowheads and Some Issues of Their Manufacturing Technology

Abstract. Based on numerous arrowheads findings at settlements and burial grounds, long-range weapons – bow and arrows were widely used by medieval Finno-Ugric tribes for hunting and war. There's a total number of 206 arrowheads' findings that constitute 23 main types, each having its own variants. Among them 5 types prevail. In the majority of studied cases arrowheads within graves were placed to the left side of the body's waist. Quivers' vestiges were found in two Muroma graves, and bow vestiges in one grave. Two technological issues were resolved: how arrowheads' flange stops were manufactured and how blades of a trilobate arrowhead were made.

Key words: arrowhead, type, shape, burial grounds, settlements, the Muroma, the Finns, grave, location, experiment.

List of figures

- Fig. 1. The Muroma burial grounds at the Lower Oka left-bank area and arrowheads types distribution**
1 – Maksimovsky; 2 – Malyshevsky; 3 – Podbolotyevsky; 4 – Pyatnitsky
- Fig. 2. The Muroma burial grounds at the Lower Oka left-bank area and arrowheads types distribution**
1 – Kornilovsky; 2 – Chulkovsky
- Fig. 3. Funerary equipment from grave № 106 of the Podbolotyevsky burial ground (excavations by the Institute of Archaeology, RAS, 2013), where quiver fragments were found**
- Fig. 4. Fragments of a quiver and arrowheads form the grave № 106 funerary equipment of the Podbolotyevsky burial ground (excavations by the Institute of Archaeology, RAS, 2013)**
- Fig. 5. Drawing of grave № 186 of the Podbolotyevsky burial ground (excavations by V.A. Gorodtsov, 1914), where bow fragments were found**
- Fig. 6. Socket (1–2) and tanged arrowheads (3–7)**
1 – type 3; 2 – type 4; 3 – type 15; 4 – type 41; 5 – type 46; 6 – type 47; 7 – type 48
- Fig. 7. Tanged arrowheads**
1 – type 61; 2 – type 62 with a flange stop; 3 – type 63
- Fig. 8. Tanged arrowheads from burial grounds (1–3) and Tumovskoe settlement (4–9)**
1 – needle bodkin arrowheads with circular cross-section; 2 – splayed forked arrowhead; 3 – keel-shaped arrowhead; 4 – type 9; 5 – type 52.1; 6 – type 83; 7 – type 91; 8 – type 97.3; 9 – type 94
- Fig. 9. Phases of the manufacturing process of an arrowhead flange stop (1–4) and a trilobate blade (5–8)**
1 – master-model manufacturing; 2 – a flange stop shape at one half of the arbor; 3 – a finished flange stop at an arrowhead blank; 4 – making of an arrowhead blade; 5 – a mold with a triangular cut for the master-model blank; 6 – the master-model blank; 7 – master-model; 8 – an arbor for trilobate arrowheads manufacturing

Л. С. Смирнова, А. А. Мамонова, О. В. Зеленцова

Опыт комплексных исследований в процессе реставрации обор из женского погребения Подболотьевского могильника

Резюме. В статье раскрывается процесс комплексной реставрации и консервации сложного археологического объекта – обор, состоящих из комплекса материалов органического (кости, ткань, кожа) и неорганического (металл) происхождения. В ходе реставрации удалось не только выработать методику, позволившую при учете физико-химические свойства каждого материала не только предотвратить дальнейшие процессы разрушения, но и получить новую информацию о предмете и способе его ношения, а также сделать выводы касаемые муромского женского костюма в целом.

Установлено, что оборы представляли собой часть обрядового женского костюма муромы и являлись украшением ног. Они по большей части играли декоративную функцию и наматывались на онучи поверх льняной веревочки, которая служила для их фиксации. Присутствие обор и прослеженные полосы вышивки и декора позволили установить, что одежда муромки доходила до нижней трети голени, оставляя оборы для обозрения.

Ключевые слова: финно-угорские могильники, древняя мордва, мурома, костюм, украшения обуви, оборы, реставрация.

Оборы традиционно считаются характерным украшением муромского женского костюма, это впервые отметила А. Е. Алихова в своей программной статье о различиях в культуре мордвы и муромы. Она отмечала, что муромские женщины обматывали ноги от щиколотки вверх на 13–15 см ремнями, покрытыми бронзовыми обоймами (Алихова, 1949. С. 29). Позднее ею же было высказано мнение, которое надолго закрепилось в литературе, что оборы цнинская мордва заимствовала именно от муромы (Алихова, 1959).

Оборы являются распространенной деталью костюма у многих народов вплоть до этнографического времени. Например, у мордвы оборы в виде перекрученных полос из конопли, шерсти или кожи известны до 60-х годов XX века (Прокина, Сурина, 1990. С. 49, 98, 201). Оборы имели прежде всего утилитарную функцию – закрепляли онучи, которыми обматывались ноги от щиколотки почти до колена. По этнографическим материалам известно, что, например, у мордвы

оборы из конопли соединялись с обувью за ушки, которые имелись в верхней части лаптей (Прокина, 1990. С. 49). Система крепления обор у древней мордвы реконструирована Д. В. Селюном на материалах VIII–XI вв. из среднецнинских могильников. Он считает, что у древней мордвы оборы не были связаны с обувью, а просто закрепляли онучи на ноге. Для этого в нижней части кожаного ремешка обора делался разрез, через который пропускался кожаный шнурок, который завязывался вокруг щиколотки, закрепляя нижний край обора к ноге, и затем обора виток к витку наматывалась вверх по ноге и завязывалась в верхней части вторым шнуром (Селюн, 2017. С. 78–79. Рис. 10–13). Несмотря на относительно неплохую сохранность, способ крепления обор и обуви у муромы проследить не удалось, но комплексный анализ материала позволяет сделать предположения и на этот счет.

Оборы муромы представляют собой узкие кожаные ремешки, украшенные пластинчатыми прямоугольными обоймочками.

В погребениях они фиксируются в нижней части голени (рис. 1). На материалах Чулковского могильника муромы В. В. Гришаков выделил 2 типа обор, которые отличаются высотой обоймочек и шириной ремешка между обоймами (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 17). Судя по относительной хронологии женских комплексов, невысокие узкие обоймы появляются в Чулковском могильнике раньше, чем высокие близко расположенные к друг другу обоймы (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 38. Табл. 1).

В Подболотьевском могильнике в раскопах 2012–2014 гг. обнаружено шесть погребений с оборами, еще 9 погребений было найдено при раскопках В. А. Гордцова в начале XX в. (Гордцов, 1914). Все оборы зафиксированы в районе щиколоток в виде обмотки вокруг сохранившихся фрагментов костей голени (рис. 2). Под оборами сохраняются фрагменты ткани. Оборы достаточно плотно (через 3–5 мм) обматывали ноги в 7–10 рядов, общая высота обор варьируется от 10 до 13 см. Ширина кожаной полосы достаточно стандартна и составляет 10–12 мм, толщина до 2 мм. Обоймочки представляют собой пластину из цветного металла (бронзы) шириной от 6 до 9 мм, согнутую вокруг ремешка и зажатую сзади. Обоймы расположены на ремешке на расстоянии от 4 до 13 мм (рис. 6). В погребении 34 расстояние между обоймочками доходило до 24 мм. Особых типологических различий в устройстве обор не замечено, за исключением того, что в более поздних погребениях (85, 154) обоймочки становятся уже (7 мм). Но выборка недостаточно представительна, чтобы делать какие-то выводы.

Консервирующие способности бронзы способствовали тому, что под оборами помимо антропологического материала сохранилась ткань, что позволяет реконструировать общее устройство этой детали костюма и позволяет уловить какие-то иные особенности убранства. Для комплексной реставрации и анализа были привлечены оборы из наиболее богатого женского погребения 154. Они входили в состав довольно сложного украшения обуви. От голени до щиколоток ноги были обмотаны оборами на высоту 12 см (рис. 1: 1); в месте окончания обор – в области голеностопного сустава – спереди располагалась прямоугольная

пластина, согнутая в полукруг шириной 6 см (рис. 1: 2); у внутренней и наружной лодыжек в месте соединения обор с выше обозначенной пластиной зафиксированы очковидные подвески (рис. 1: 3, 4), привески, лежащие с внешней стороны, имели привески в виде бубенчиков (рис. 1: 3). Очковидные подвески являются традиционным украшением обуви у муромы. Они встречаются как в женских, так и в поздних мужских захоронениях. Возможно, именно они каким-то образом скрепляли оборы с обувью, о чем свидетельствуют остатки кожаного ремешка в петлях на оборотной стороне подвесок (рис. 1: 3, 4). В области верхней части стопы зафиксированы две пронизки с остатками кожаного шнура, вероятно, они относились уже непосредственно к обуви (рис. 1: 5).

Погребение по сопровождающему инвентарю: головной убор с шапочкой, обшитой подвесками-двойчатками с лапчатыми привесками, подковообразная фибула, кожаной односоставный гребень и монеты относятся к поздней стадии существования могильника, которая датируется первой половиной X в. (См. датировку в статье о лунничных височных кольцах в настоящем сборнике).

Процесс реставрации.

Оборы были изъяты из погребения 154 монолитом, в реставрацию поступили с фрагментами рыхлого и сыпучего грунта.

При первичном визуальном осмотре установлено, что объекты представляют собой конгломерат, состоящий из различных материалов. Их хорошая сохранность позволила проследить расположение всех сохранившихся слоев. Верхний слой – обмотанные по спирали вокруг ноги оборы из кожаных ремешков, украшенных металлическими обоймицами. Под ним видна коричневая ткань, оборачивающая икру. В центре обоих объектов сохранились костные останки, окруженные тленом (рис. 2).

Задача первого этапа реставрационных работ состояла в подробном описании предметов до реставрации, фотофиксации и отборе проб для проведения комплексного исследования. Следующий этап заключался в разработке методики и определении последовательности проведения реставрационных мероприятий. Данные объекты объединили в себе сложный комплекс

1

Рис. 1. Подболотьевского могильник, погребение 154. Обувные украшения из цветного металла
 1 – оборы и украшения обуви *in situ*; 2 – пластинчатая накладка; 3 – очковидная подвеска
 с привесками; 4 – очковидная привеска; 5 – пронизки

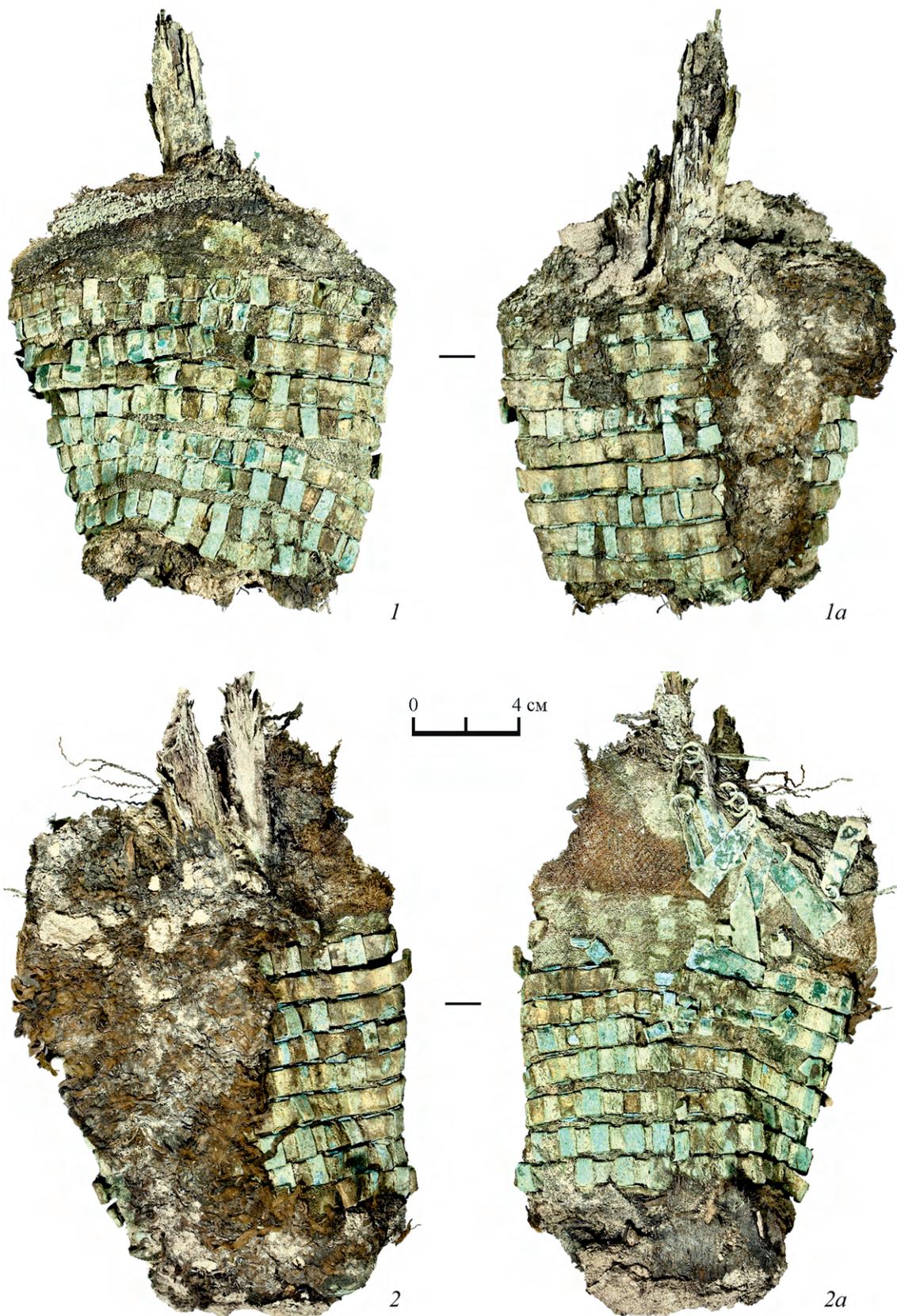

Рис. 2. Оборы до реставрации.
1 – правая; 2 – левая (а – оборы сзади)

Рис. 3. Правая обора. Полоса декора с бисером

материалов (органические и металл), находящихся в процессе разрушения, которые оказывают негативное воздействие друг на друга. Разделить реставрационные работы по материалам было невозможно. Поэтому для определения последовательности предполагаемых операций и применяемых методик привлекались реставраторы по тканям, коже и металлу.

В результате осмотра было принято решение проводить реставрационные и консервационные мероприятия одновременно с каждым материалом объекта, наблюдая при этом за состоянием прилегающих материалов, чтобы предотвратить какие-либо изменения. Подобранный нами методика позволяет полностью сохранить объект, не нарушая его целостности.

Реставрация объектов включала в себя одни и те же действия. Все части были сильно загрязнены и нуждались в очистке. В данном случае была возможна только сухая механическая очистка. Начало работы проходило непосредственно в упаковке, извле-

кать объект было нецелесообразно, т.к. это могло привести к нарушению целостности. Не было понятно, насколько конгломерат цельный внутри, насколько крепко материалы связаны между собой и не повредится ли общая конструкция при перемещении.

Реставрационные мероприятия. Обора правая (рис. 2: 1, 1а).

В ходе осмотра было установлено, что в верхней части (в районе середины икры) тканевой части сохранились следы разрушенного оловянного (?) бисера (рис. 3). Поэтому сначала было необходимо удалить остатки сыпучего грунта и продукты тлена с верхнего края текстильной обмотки, чтобы укрепить декор с бисером. Все работы проводились под стереомикроскопом *Hund Wiloscop*. Очистка загрязнений вокруг фрагмента проводилась иголкой и тонкой синтетической кистью. Иголкой аккуратно поддевались крупные фрагменты тлена и грунта, при помощи реставрационного пылесоса с микронасадкой удалялись мелкие песчинки с поверхности текстиля. В дальнейшем бисер был укреплен

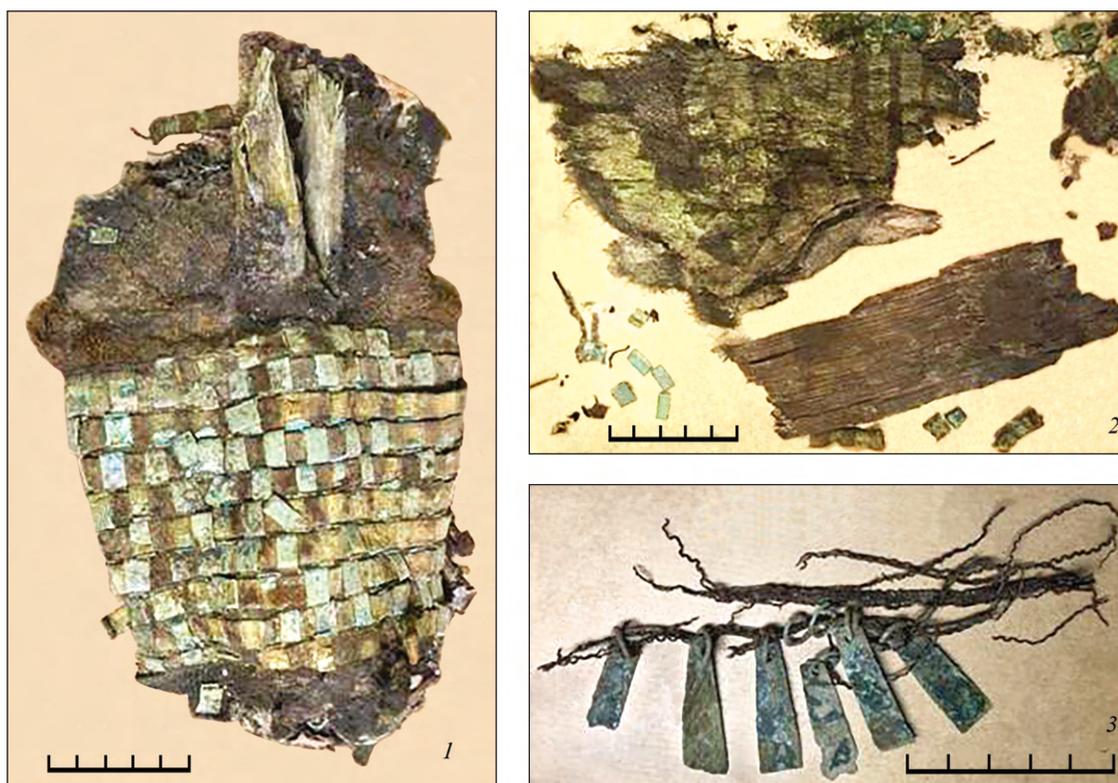

Рис. 4. Реставрация фрагмента кожаного ремешка с накладками

1 – фрагмент оборы; 2 – кожаный ремешок с обоймицами, вид спереди;
3, 4 – кожаный ремешок с обоймицами, вид сзади

синтетическим раствором *Paraloid B-72*. Раствор наносился капельным способом.

Следующим этапом было укрепление отстающих фрагментов кожаного ремешка. Перед каждой операцией положение фрагментов на объекте обязательно фотофиксировалось. Реставрационные процессы будут описаны на примере одного из фрагментов кожаного ремешка (4 ряд от верхнего края правой оборы) (рис. 4). Незакрепленный фрагмент был изъят при помощи пинцета. Отстающие фрагменты металлических скоб были сняты. Кожа сухая и ломкая, на ней были видны участки, пораженные продуктами коррозии меди и утраты в местах крепления обоймиц. Ремешок был аккуратно очищен при помощи скальпеля и реставрационного пылесоса, отсоединившиеся фрагменты были установлены на прежние места и укреплены. С поверхности металлических обоймиц были удалены сыпучие продукты коррозии и грунта. Очистка производилась механически при помощи скальпеля, с последующей консервацией синтетическим раствором *Paraloid B-72*.

Обоймицы фиксировались точно на Поливинилбутираль (ПВБ). Перед фиксацией данного фрагмента на прежнее место была произведена бережная очистка поверхности текстиля и прилегающих ремешков (рис. 6). Такая последовательность работ позволила укрепить труднодоступные части ремешка, которые без вмешательства со временем могли разрушить общую конструкцию намотки. После выполненных работ на данном участке укрепленный фрагмент фиксировался точно на Поливинилбутираль (ПВБ) на текстильную обмотку и к прилегающим ремешкам.

Края текстильной обмотки (онучей) в нижней части очищены от продуктов тлена и грунта при помощи иглы, пинцета и реставрационного пылесоса, укреплены синтетическим раствором *Paraloid B-72*.

После проведенных работ на первой стороне оборы объект был извлечен из упаковки и помещен укрепленной стороной вниз. В грунте под оборой находились фрагменты кожаного ремешка, обоймицы, остатки меха и фрагменты осыпей костной

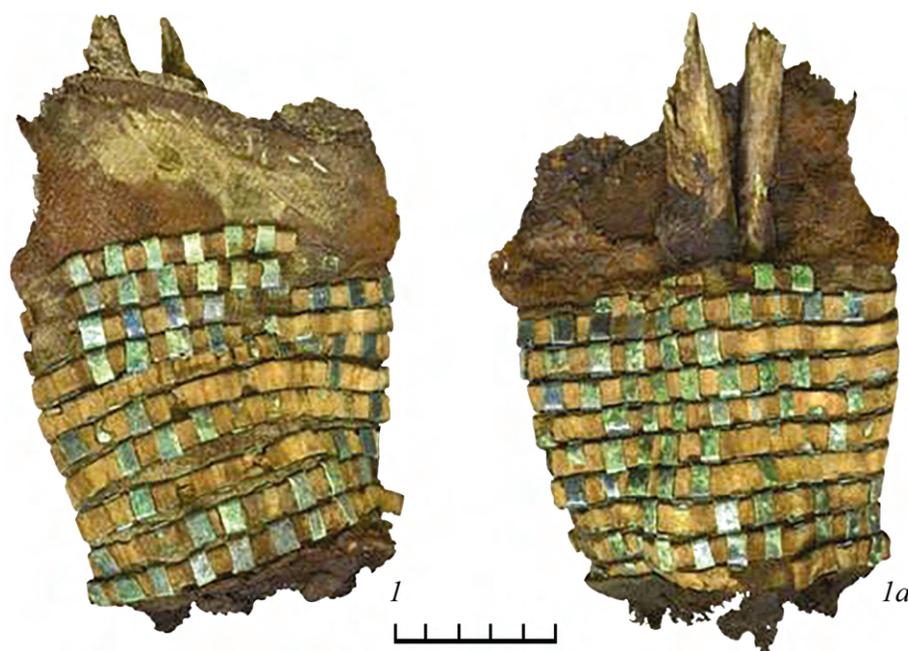

Рис. 5. Обора правая после реставрации с сохранившимся фрагментом текстиля (передняя и задняя стороны)

ткани. По визуальным наблюдениям, оборотная сторона менее загрязнена, на решке отсутствует большое количество обоймиц. На нижней стороне конгломерата (под ногой) на кожаных ремешках налип фрагмент текстиля¹ (рис. 5: 1a). Процессы очистки и укрепления материалов на этой стороне аналогичны процессам, описанным выше.

Костные останки были очищены от продуктов органического распада и остатков грунта. Внешняя поверхность кости была расчищена при помощи скальпеля, осыпи из внутренней части кости были удалены при помощи реставрационного пылесоса с последующей консервацией.

Реставрационные мероприятия. Обора левая (рис. 2: 2, 2a; 7).

Методика и последовательность работ с левой оборой повторяет мероприятия, описанные ранее. Вначале работа по очистке и консервации верхней поверхности выполнялась в упаковке, затем объект был перевернут на укрепленную сторону для продолжения работы на нижней поверхности. Во время извлечения левой обора из упаковки было обнаружено, что она лежала на подложке из меха и луба. Подложка находилась в остат-

ках грунта, была покрыта продуктами тлена и фрагментами осыпей костной ткани. Также на ней находились отделившиеся фрагменты кожаного ремешка с обоймицами. Подложка была очищена от остатков тлена и грунта, а отделившиеся фрагменты ремешка установлены и укреплены на место, где они были расположены непосредственно на оборе.

На нижней стороне конгломерата были найдены остатки шерстяной полосатой ленты, украшенной бронзовыми привесками (рис. 2: 2a; 6). Лента была сильно разрушена, для дальнейшего хранения было необходимо зафиксировать остатки ленты на стабильной подложке. Нити основы укладывались на натянутый на раму тонированный шелковый газ и укреплялись иголкой тонкой шелковой нитью в цвет остатков текстиля. Сохранившиеся на ленте колечки с привесками также пришивались шелковой нитью. Отдельные нити основы были нашиты на некотором расстоянии от основного фрагмента ленты, т.к. достоверно определить их место невозможно, а размещение их вплотную может исказить подлинный рисунок тканого полотна (продольные красные и синие полосы). Монтаж на прозрачный шелк позволяет осматривать объект с обеих сторон.

¹ Грубая саржевая ткань, вероятно, подстилка или деталь верхней одежды.

Рис. 6. Процесс реставрации левой оборы

1 – обора до реставрации; 2 – фр-ты меха и луба из-под оборы;
3 – трапециевидные привески и остатки шерстяной ленты

После нашивания нитей и закрепленных на них привесок, оставалось укрепить обломки колец и привесок, место которых достоверно не определялось. Также нужно было обезопасить уже укрепленные привески, т.к. они оставались слишком мобильными и при неосторожном движении могли бы пострадать. Было решено использовать для фиксации остатков бронзовых частей на газ крепкий клеевой раствор Paraloid B72 в этилацетате. Точечное нанесение позволило деликатно зафиксировать хрупкие детали. В то же время они легко могут быть демонтированы, в случае необходимости, при помощи растворителя. Подклейка производилась на финальном этапе работы.

Поскольку металлические части утяжеляли конструкцию, что могло привести к деформации газа в раме в процессе хранения, при монтаже в картон (архивный серый) было решено подложить снизу под газовый слой тонкое оргстекло. Так как оно прозрачное, это не помешает осмотру с изнаночной стороны.

Наблюдения в ходе реставрационных работ.

В результате выполненных реставрационных и консервационных работ, а также проведенных исследований², можно подробно рассмотреть и описать конструкцию и состав объектов.

Внутри конгломераты наполнены гленом, в котором видны остатки костей голени: длина правых останков – 9,5 см, длина левых останков – 9,0 см.

² Изучение текстиля состояло в определении природы волокон и технологических особенностей изготовления текстиля. Микропробы отбирались с минимальным уроном для материала для изучения. Отбор и подготовка образцов и измерение метрических параметров производились при помощи стереомикроскопа *Hund Wiloskop* в отраженном свете при увеличении от X6,7 до X45.

Природа волокон определялась по морфологическим признакам. Исследования производились методом микроскопии в проходящем неполяризованном и поляризованном свете при увеличении от X40 до X600 на поляризационном микроскопе *Olympus BX51*. Для работы были приготовлены постоянные иммерсионные препараты в пихтовом бальзаме. Сравнение проводилось с эталонной коллекцией волокон. Цвет волокон определялся визуально в процессе микроскопии.

Рис. 7. Обора левая после реставрации (передняя и задняя стороны)

К костям голени непосредственно примыкают слои шерстяной саржевой (простая саржа 1:2) ткани светло-коричневого цвета плотностью 20×20 н/см². Вероятно, это онучи. Количество рядов и слоев намотки не фиксируется, они слишком сильно впрессованы друг в друга, разделить их, не повредив, невозможно. Ширина ткани не определяется, т.к. большая часть ее поверхности перекрыта кожаными оборами, а в местах, где оборы отпали, под ними видны складки, расправить которые без повреждений невозможно. Шерстяное сырье однородной толщины, 18–25 мкм, более толстые (до 31 мкм) волоски попадают очень редко. Немного

зеленоватый оттенок обусловлен продуктами коррозии бронзовых обоймиц на оборах. Возможно, коричневый цвет является естественным цветом волокон или приобретен в процессе археологизации.

В верхней части фрагмента с обмотками с правой ноги в складках была обнаружена тонкая веревочка³. Такая же веревочка была найдена в складках на левой голени. Видимо, это веревочные оборы, использованные для того, чтобы удерживать онучи на ноге, тогда как кожаные носили лишь декоративную функцию.

В процессе работы ткань под оборами называли обмотками⁴, но это, видимо,

³ Вереvочка толщиной 1,5–2 мм, свита в Z-направлении с очень разным шагом. Сохранилась она очень плохо, хрупкая и сухая, крайне ломкая. Вероятно, она была изготовлена из очень слабо обработанной, почти не поврежденной, части растения, вероятно, лыка(?). Микроскопия препарата показала, что растительные волокна расположены параллельными, не разделяемыми пучками.

⁴ Вот что говорится о них в словаре на сайте Российского этнографического музея: «Онучи/завои, портянки, суконки – принадлежность мужского и женского костюма – обертки для ног, использовавшиеся с лаптями, поршнями, чунами, а также сапогами. Изготавливались из грубого белого холста, черного, белого, коричневого сукна домашней выработки. Онучи, предназначенные для ношения с сапогами, делались тонкими и мягкими. Длина их колебалась от 110 см до 370 см, ширина – около 30 см. Холщовые онучи надевались летом, суконные – зимой. Зимой часто на ноги наворачивались и холщовые и суконные онучи, причем между ними закладывалась для тепла кудель. Онучами обматывались ступни и голень. Мужчины делали обмотку чуть ниже колен, женщины – чуть выше середины икры. Онучи, надевавшиеся с короткой обувью типа лаптей, подвязывались к ноге оборами. Летом женщины могли носить онучи вообще без всякой обуви: нога обвивалась ими от щиколотки до колен. Это делалось для того, чтобы тяжелая понева, юбка, не оббивала икр, а также для того, чтобы на сенокосе, жатве, когда работали в одних тонких рубашках или в тонкой юбке поверх рубашки, не поранить ноги. Подошвы ног обмазывались дегтем для того, чтобы придать им большую крепость. Праздничные онучи были преимущественно белого цвета, перевитые красными или черными оборами (<http://ethnomuseum.ru/onuchi>).

не верно, т.к. обмотки представляют собой достаточно узкую ленту ткани, крепящуюся вверху крючком, завязкой или путем заправки конца под намотанные ниже слои. То есть нет необходимости как-то дополнительно фиксировать обмотку, она отлично держится сама собой. Обмотка достаточно плотно охватывает ногу ровными рядами. В нашем же случае, ткань под оборами повсюду сморщена, в складках в нескольких местах обнаружена веревочка. То есть мы имеем дело не с обмотками, а с чем-то вроде онучей или портянок.

Поверх онучей в 10 рядов намотан кожаный ремешок толщиной 0,2 мм, шириной 0,7 мм. Ремешок обмотки выполнен из сыромятной кожи, сильно пересушен и деформирован, разломался на крупные и мелкие фрагменты, которые не зафиксированы на текстиле. Ремешок декорирован бронзовыми обоймицами (наибольший размер 10,8×0,7 мм, наименьший размер 0,9×0,4 мм). Обоймицы выполнены из медного сплава, предположительно бронзы (?). Гладкие металлические пластины толщиной 0,1 мм и длиной 2,4 см, сгибались с двух концов вокруг ремешка, образуя форму скобы, фиксировались на расстоянии от 0,4 мм до 0,6 мм друг от друга. Металл хрупкий, покрыт плотным слоем продуктов коррозии. Большинство из обоймиц не закреплены на ремешке и находились в грунте под предметом. Кожа, находившаяся под металлическими обоймицами, под воздействием продуктов разрушения меди утрачена.

С одной стороны, у верхнего края обоих конгломератов, фрагментарно сохранилась впрессованная в ткань онучей полоса расшивки оловянистым бисером. Расшивка сохранилась очень плохо, в самом широком месте составляет 12 мм. Вероятно, это остатки декора подола одежды. Расшивка выполнена лубяной (льняной?) нитью впри-

креп. На одном из конгломератов в верхней части бисерной полосы при расчистке был обнаружен остаток красновато-коричневой нити⁵, которая, вероятно, также относится к подолу.

Под правой ногой погребенной сохранился фрагмент грубой саржевой ткани. Изготовлена из двух видов нитей. В одном направлении использованы темные нити, в другом – светлые.

На верхнем крае левой онучи были зафиксированы остатки полосатой шерстяной ленты. Основа ленты – шерстяные нити. Прослежены нити синего и красного цвета. Полная ширина ленты не сохранилась. Видимо, эта лента украшала подол. К ее нижнему краю, прокалывая его, крепятся колечками привески из тонкого листового металла. Пластины привесок имеют вытянутую трапециевидную форму (ширина пластины у отверстия для колечек – 0,6 мм; ширина основания пластины – 0,8 мм; длина – 3,3 мм; толщина – 0,05 мм; диаметр колечек – 0,8 мм), выполнены из медного сплава, пластины имеют гладкую поверхность. *In situ* сохранились только 6 привесок и 2 колечка (привески отломаны).

Лента⁶ имела (скорее всего) уток из лубяных волокон, которые сохранились лишь мельчайшими частицами. Отдельные нити основы ленты держались вместе только потому, что слиплись. Из-за этих разрушений невозможно сказать, какой ширины была лента. Сейчас она в самом широком месте 8 мм.

Также под левой оборой обнаружен фрагмент меха длиной 18 см, шириной 11,5 см, который лежал на лубе (длина фрагмента – 16 см, ширина – 4,3 см). Между мехом и обмоткой из ремешков (оборами) были расположены две привески с обломанными краями в местах отверстий для колец. В процессе осмотра грунта, были найдены четыре привески и фрагменты колечек.

⁵ Нить II порядка из 2-х нитей. Толщина 0,75–0,8 мм, шаг S-крутки около 1,5 мм. Нить I порядка толщиной около 0,3 мм, шаг крутки около 1 мм.

Волокна очень неравномерной толщины (10–33 мкм), преобладают волокна толщиной ок. 25 мкм.

⁶ Основа ленты – шерстяные нити II порядка толщиной 0,72–0,74 мм, S-крутки с шагом 2,17 (синие) и 1,43 (красноватые). И синеватые, и красноватые изготовлены из двух нитей I порядка, слабой Z-крутки, толщиной 0,4–0,5 мм. Волокнистое сырье, использованное для производства нитей для ленты, немного отличается. Волокна в синей нити попадают от 16 до 31 мкм, в красной более толстые, от 28 до 64 мкм. Уток в ленте почти совершенно истлел и раскрошился, измерить его невозможно. Однако микроскопия порошка тлена из отверстия от уточной нити показала наличие лубяных волокон в незначительном количестве.

Итоги реставрации.

В результате реставрационных и консервационных мероприятий были предотвращены потери тканевых волокон по краю текстильной обмотки. Кожаный ремешок был очищен, отделившиеся фрагменты собраны и установлены на прежние места. Общая конструкция рядов намотки укреплена между собой и зафиксирована на текстильной обмотке. Металлические обоймицы очищены от продуктов коррозии и консервированы, разломанные детали были собраны и установлены на ремешок. Костные останки сохранены между слоями обмотки, чтобы избежать изменения общей конструкции объекта и деструкции материалов. Предотвращены осыпи декора с бисером. Фрагмент сохранившегося текстиля зафиксирован на то место, на котором располагался в момент поступления предмета в реставрацию. Также во время работы с левой оборой удалось извлечь и сохранить впечатанные в текстильную обмотку, по верхнему краю, пластины привесок целыми. Снижена вероятность изменения общей конструкции объектов и потери каких-либо деталей при транспортировке. Фрагменты подстилки, привесок и остатков грунта расположены в отдельных вместилищах для дальнейшего изучения и работы по необходимости.

Мы имели дело с объектом, состоящим из комплекса материалов – ткань, кожа, металл, а также включающие человеческие останки. При работе с такими изделиями важно учитывать физико-химические свойства каждого материала при разработке методики реставрации, чтобы обеспечить дальнейшее сохранение предметов, замедление процессов их старения и разрушения. Именно комплексный подход к реставрации и консервации подобных предметов позволяет получить больше информации о предмете в целом и способе его изготовления⁷.

Опыт реконструкции деталей костюма.

В ходе анализа и реставрации материала удалось установить отдельные детали костюма и, прежде всего, устройство обуви.

1. От щиколоток до нижней трети голени ноги обматывались шерстяными онучами коричневого цвета.

2. Сверху онучи обматывались веревочкой из лыка, поверх веревочки были намотаны кожаные оборы с бронзовыми обоймицами.

3. В области голеностопного сустава спереди была расположена прямоугольная согнутая в полукруг пластина шириной 6 см, которая закрывала место сочленения оборы с обувью (закрывала подъем на ноге) (рис. 1: 1).

4. Со стороны внешней лодыжки с боку пластины зафиксирована очковидная привеска с подвесками бубенчиками, вторая, без подвесок, расположена с внутренней стороны лодыжки. Остатки кожаного ремешка на внутренних петлях подвесок могут свидетельствовать, что они закреплялись на нижних концах обор, соединяя их с обувью (рис. 1: 3, 4).

5. Верхняя часть обуви была укреплена двумя пронизками, в одной из которых сохранился кожаный ремешок (рис. 1: 5). Возможно, с помощью этого кожаного ремешка была стянута обувь в верхней части.

6. Подол верхней одежды был вышит оловянным бисером и украшен полосатой шерстяной лентой сине-красного цвета с трапециевидными привесками (рис. 3; 4: 3).

7. Погребенная лежала на подстилке из луба, покрытой грубой двухцветной шерстяной саржевой тканью и вероятно, мехом (рис. 4: 2).

8. В ходе реставрационных работ удалось проследить длину одежды. Присутствие обор в костюме уже свидетельствует о том, что платье должно быть такой длины, которая не закрывала декор ног. Действительно, в верхней части обор прослежена полоса ткани, обшитая оловянным бисером, которая, вероятно относится к платью, сзади зафиксированы остатки полосатой шерстяной ленты с трапециевидными привесками. При расчистке погребения прослежено, что полоса из таких же трапециевидных подвесок спускалась от области пояса до обор

⁷ Мероприятия по реставрации и консервации выполнены под руководством реставраторов Исторического музея: зав. мастерской реставрации кожи и кости Н.В. Соломатиной, художника – реставратора ткани высшей категории А.А. Мамоновой, художника – реставратора археологического металла первой категории Е.В. Белькевич.

слева; в правой части костяка таким же образом располагались крупные привески-бубенчики. Поэтому данная деталь также, вероятно, относилась к платью. Таким образом, длина одежды в погребении 154 доходила до нижней трети голени (до обор).

В заключении необходимо отметить, что наряд с оборами является достаточно редкой находкой в Подболотьевском могильнике, да и мурома в целом. Корреляция с другими категориями украшений и деталями костюма свидетельствует о том, что оборы сопряжены в основном с головными уборами со жгутами и боковыми поясами, которые являются парадными и статусными для этого населения (Зеленцова, Сапфрыкина, 2018. С. 235). В таких же комплексах присутствовали оборы в Чулковском могильнике, где они найдены тоже только в 10 погребениях. Примерно в таком же соотношении оборы встречаются в мордовских могиль-

никах: в Крюковско-Кужновском в девяти из 181 женских погребений, в Пановском в семи из 47, в Елизавет-Михайловском в четырех из 54. У мордвы, как и у мурома, набор с оборами отличается наибольшей пышностью и полнотой. Помимо богатства убора в комплексе присутствуют еще и литейные принадлежности – льячки, формочки, слитки. Это позволяет предположить, что оборы являются, вероятно, еще и обрядовой деталью костюма. Основным периодом распространения обор совпадает со временем наиболее пышного убранства костюма – убору со жгутами, таким образом, время их бытования охватывает вторую половину VIII – IX в. С костюмом более позднего времени – с шапкой – оборы найдены в единственном погребении 154, которое также выделялось среди женских захоронений этого времени необычностью как состава костюма, так и набора инвентаря.

Литература

- Алихова А. Е., 1949. Мордва и мурома // КСИИМК. Вып. XXX. С. 26–30.
- Алихова А. Е., 1959. Из истории мордвы конца I – начала II тыс. н. э. // Алихова А. Е., Жиганов М. Ф., Степанов П. Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск. С. 13–54.
- Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // Древности. Тр. Москов. археолог. общ-ва. Т. XXIV. М. 1914. С. 40–216.
- Гришаков В. В., Седышев О. В., Сомкина А. Н., 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э. Чулковский могильник. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. 178 с.
- Зеленцова О. В., Сапфрыкина И. А., 2018. К вопросу о женском костюме мурома по материалам погребения 57 Подболотьевского могильника // Поволжская археология. № 1 (23). С. 220–240.
- Прокина Т. П., Сурина М. И., 1990. Мордовский народный костюм. Саранск: Мордовские книжное издательство. 384 с.
- Селон Д. В., 2017. Оборы в костюмном комплексе среднепеченской мордвы VIII–XI вв. (по материалам Крюковско-Кужновского могильника) // VIII Поленовские чтения. Искусство и педагогика – теоретическое и практическое. Материалы Международной научно-практической конференции-форума. Тамбов: «Принт-Сервис». С. 74–79.

L. S. Smirnova, A. A. Mamonova, O. V. Zelentsova

Experience of Complex Research During the Restoration of the Latches from a Female Grave of the Podbolotyevsky Burial Ground

Summary. The article covers process of restoration and conservation of a complex archaeological object – latches, made from a variety of organic (bone, fabric, leather) and non-organic (metal) materials. During the restoration process we not only managed to work out a methodology, enabling us to address physical-chemical properties of each material and prevent further destruction, but also to receive new information about the artefact and ways it was used and worn, and draw some conclusions regarding the Muroma female costume in general.

It was established that the latches were a part of the Muroma female ceremonial attire and served as embellishment of legs. For the most part they had a merely decorative function and were wound over leg-wrappers (onuchi) onto a linen cord that was used to fix them in place. The excavated latches and the band with embroidery and decoration enable us to define that the Muroma women's costume came down to the lower third of the shin leaving latches in open view.

Key-words: Finno-Ugric burial grounds, the ancient Mordva, the Muroma, costume, shoe decoration, latches, restoration.

List of figures

Fig. 1. The Podbolotyevsky burial ground, gr. 154. Base metal shoe decorations

1 – latches and shoe decoration *in situ*; 2 – a plate; 3 – a double spiral pendant with additions; 4 – a double spiral addition; 5 – threadings

Fig. 2. Latches before restoration

1 – right; 2 – left (a – latches, back view)

Fig. 3. The right latchet. A strip of small-beads décor

Fig. 4. Restoration of a leather belt fragment with plates.

1 – a fragment of a latchet; 2 – a leather strap with ferrules, front view; 3, 4 – a leather strap with ferrules, back view

Fig. 5. The right latchet after restoration with a remaining fragment of fabric (front and back view)

Fig. 6. Restoration of the left latchet.

1 – latchet before restoration; 2 – fragments of fur and bast from a latchet; 3 – trapezoidal additions and remains of a woolen ribbon

Fig. 7. The left latchet after restoration (front and back view)

П. Р. Холошин

Сосуды на кольцевом поддоне из муромских могильников¹

Резюме. В статье дана сводка известных к настоящему времени глиняных сосудов с кольцевыми поддонами, происходящих из могильников муромы. Представлены первые результаты анализа форм этих сосудов, которые позволяют предполагать инокультурное происхождение данной традиции. Восточное или южное ее происхождение кажется маловероятным, в то время как северо-западное подкрепляется широким кругом памятников с аналогичными находками. Представляется вероятным заимствование некоторых форм глиняных сосудов на поддонах из сферы деревянной утвари. Хронологические рамки существования данной традиции на территории муромы ограничиваются 2-й пол. X – началом XI в., однако единичные даты оказываются несколько более ранними.

Ключевые слова: мурома, культурные контакты, гончарные традиции, анализ форм глиняных сосудов.

Среди разнообразия глиняной посуды, обнаруженной в муромских могильниках, есть одна довольно необычная категория – так называемые миски на кольцевом поддоне. До раскопок Института археологии РАН на Подболотьевском могильнике их было известно порядка десяти: большая их часть происходила из Малышевского могильника, еще две – из Чулковского, и еще несколько, не фигурировавших в публикациях, из раскопок В. А. Городцова на Подболотьевском могильнике.

В. В. Гришаков, основываясь на материалах Малышевского и Чулковского могильников, определил время появления традиции изготовления сосудов с кольцевым поддоном 2-й половиной X в. Согласно его интерпретации, эти изделия являются попыткой местных гончаров подражать посуде более развитой гончарной традиции Волжской Булгарии. О местном происхождении этих сосудов свидетельствуют, по мнению В. В. Гришакова, состав формовочных масс и пропорциональность форм (Гришаков,

1993. С. 123). В таком виде интерпретация этих сосудов фигурирует также в обобщающих работах Г. Н. Белорыбкина (2003. С. 92, 104) и В. В. Бейлекчи (2005).

Раскопки экспедиции Института археологии РАН под руководством О. В. Зеленцовой на Подболотьевском могильнике в два раза увеличили количество известных на муромских памятниках сосудов на поддонах. Кроме того, большая часть новых находок происходит из датированных погребальных комплексов. Таким образом, сегодня среди древностей муромы автору данной статьи известны 22 сосуда на более или менее выраженном кольцевом поддоне: 15 происходят из Подболотьевского могильника, 5 из Малышевского и 2 из Чулковского (рис. 1)². В статье излагаются предварительные итоги анализа форм подобных сосудов из муромских могильников и приводятся имеющиеся сейчас даты комплексов, где они были обнаружены. Кроме того, найденные аналогии позволяют более конкретно ставить вопрос о происхождении и путях распространения данной традиции.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-90001.

² Автор выражает благодарность А. М. Красниковой (ГИМ) и А. А. Сердитову (ИГИКМ) за помощь в работе с коллекциями Подболотьевского и Малышевского могильников, а также О. В. Зеленцовой и С. И. Милованову за помощь в работе с материалами своих раскопок и консультации по установлению датировок комплексов.

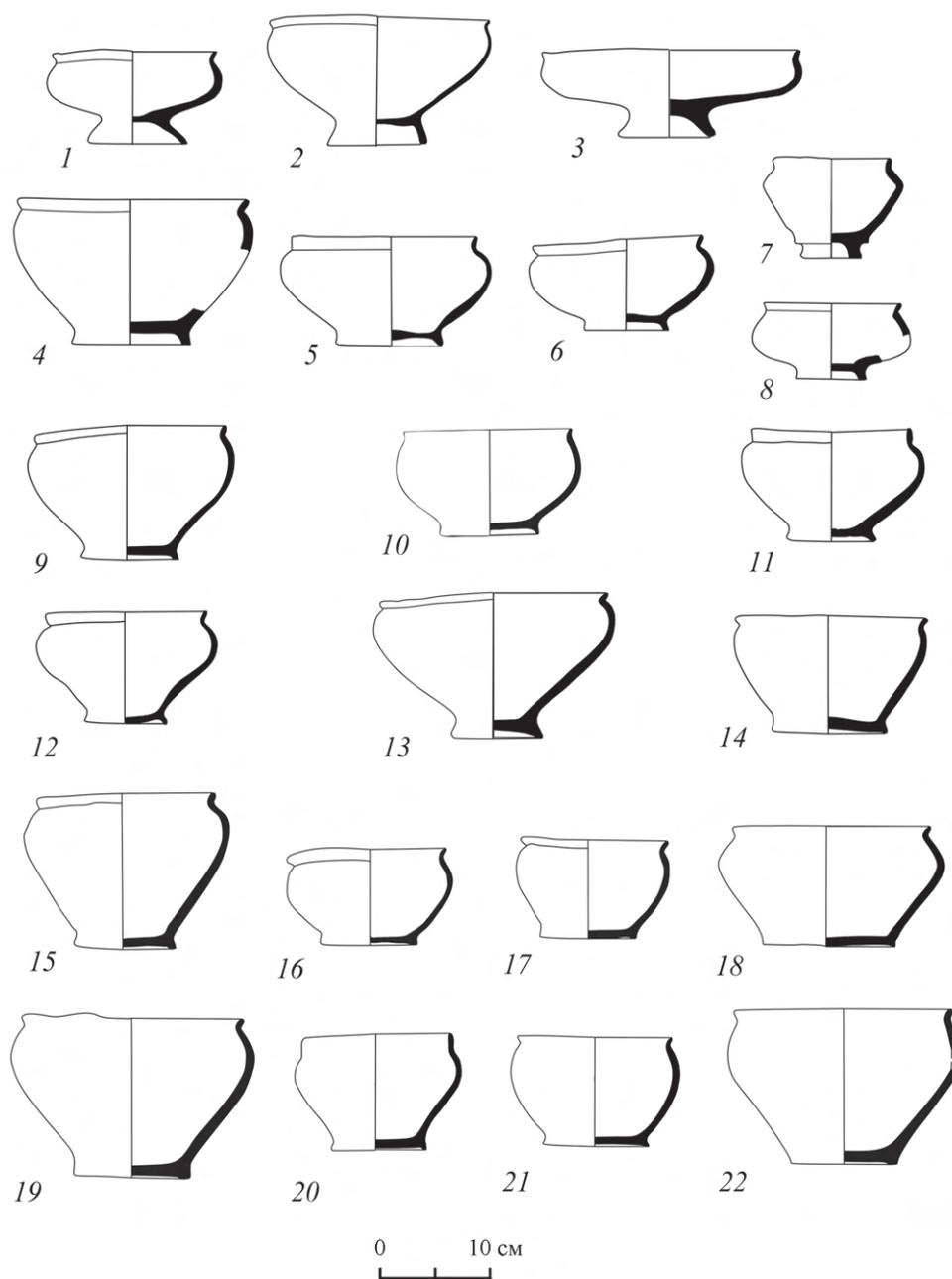

Рис. 1. Сосуды на кольцевом поддоне из муромских могильников

1–3, 5–7, 11–19 – Подболотьевский м-к; 4, 8–9, 20–21 – Малышевский м-к; 10, 22 – Чулковский м-к.
 Группы по глубине поддона: 1–3 – больше 2 см; 4–8 – 1–2 см; 9–14 – 0,4–1,0 см; 15–22 – менее 0,4 см

Несмотря на общий признак – наличие кольцевого поддона, данные сосуды отличаются значительным разнообразием форм. Среди них присутствуют сосуды разных категорий по общей пропорциональности, существенно различаются и параметры функциональных частей, из которых они состоят. Необходимо отметить, однако, что все формы относятся к пятичастным конструкциям – самым сложным из представленных

в гончарстве муромы, но и наиболее массовым (Цетлин, Холошин, 2017; Холошин, 2019а).

Опора в виде кольцевого поддона является основанием тулова в суперсформированном состоянии (Цетлин, 2018. С. 165) и представлена на этих сосудах с разной степенью выраженности. Обобщенно эту характеристику можно представить через глубину поддона. Исходя из этого, сосуды были разделены на четыре группы следующим образом:

с глубиной поддона больше 2 см, глубиной 1–2 см, глубиной 0,4–1 см, глубиной меньше 0,4 см. При этом более массово представлены сосуды с менее выраженным поддоном.

Отдельного пояснения требует правомерность отнесения некоторых сосудов с едва намеченным поддоном к рассматриваемой категории. Может сложиться впечатление, что мы имеем дело не со специально оформленными поддонами, а с непреднамеренным результатом обработки бокового придонного участка сосуда, или с результатом применения круглой подставки меньшего диаметра, чем дно. На самом деле при осмотре этих сосудов были обнаружены следы намеренного выделения бортика заглаживанием или выдавливанием пальцами. Поэтому их также можно считать вариантом исполнения кольцевого поддона.

Таким образом, на основании приведенных выше фактов можно заключить, что сосуды с кольцевым поддоном из муромских могильников, скорее всего, не представляют единой и устойчивой гончарной традиции данного населения. Отсюда возникает вопрос о том, как связаны эти сосуды с местными гончарными традициями, которые также не являются монолитными. Для ответа на него были привлечены 340 сосудов, происходящих из Подболотьевского могильника (раскопки В. А. Городцова 1910 г. и О. В. Зеленцовой 2012–2014 гг.).

Чтобы определить, насколько изготовление поддонов было распространено в среде местных гончаров, мы попытались выяснить, как часто среди сосудов без поддонов встречаются формы, близкие формам сосудов с поддоном. При отборе близких форм мы опирались на два самых устойчивых параметра, характеризующих посуду одного мастера и определенных на этнографическом и экспериментальном материале: общую пропорциональность всей формы и угол наклона боковой стенки тулова. Кроме того, как показывает изучение этнографических форм-подражаний, необходимость изменения именно этих параметров формы вызывает у гончаров наибольшую трудность (Бобринский, 1999. С. 53–56; Цетлин, 2016; Холошин, 2019б). Исходя из имеющихся сведений о величине случайных колебаний параметров формы, в рамках наших задач для об-

щей пропорциональности был взят диапазон $\pm 9\%$, для угла наклона тулова $\pm 3^\circ$.

Рассмотрим по отдельности группы сосудов с разной глубиной поддона. Для 8 сосудов с глубиной поддона меньше 0,4 см (рис. 1: 15–22) было зафиксировано в общей сложности 30 очень близких форм без поддонов, попадающих в диапазон случайных колебаний по выбранным параметрам для каждого сосуда. Поскольку эти формы достаточно распространены, можно предполагать, что большинство сосудов этой группы могли быть изготовлены мастерами, принадлежащими к наиболее массовым муромским традициям. Исключение составляет только сосуд из погребения 109 (рис. 1: 15), форма которого ближе к сосудам пришлого древнерусского населения.

К следующей группе с более выраженным поддоном, глубиной до 1 см, принадлежат 6 сосудов (рис. 1: 9–14). Для них в общей сложности подобрано уже только 15 близких форм среди сосудов без поддонов. Формы этой группы также вполне могли быть привычными для местных гончаров, за исключением одного сосуда из Чулковского могильника (рис. 1: 10).

К группе с еще более выраженными поддонами глубиной 1–2 см относятся 5 сосудов. Один сосуд из этой группы, происходящий из раскопок В. А. Городцова, имеет поддон более узкий, чем дно, – аналогий такому варианту исполнения поддона пока не найдено (рис. 1: 7). Для этих форм было обнаружено лишь 9 близких сосудов без поддонов, общая пропорциональность которых и угол наклона тулова находятся в указанных выше диапазонах. Как минимум три формы этой группы не находят близких соответствий среди муромской посуды (рис. 1: 5, 6, 8). Можно заключить, что такие формы сосудов не были привычными для местного населения.

Наконец, перейдем к сосудам с самыми выраженными поддонами, глубиной больше 2 см. Таких сосудов всего три, из них две миски с очень пологим туловом, и один низкий горшок (рис. 1: 1–3). Из этих форм только горшок имеет две близкие аналогии по общей пропорциональности и углу наклона тулова среди сосудов Подболотьевского могильника. Что касается низких по общей пропорциональности мисок, то их форма вообще является очень сложной для воспроизведения и,

Таблица 1. Результаты поиска среди материалов Подболотьевского могильника форм, близких формам сосудов на поддоне из муромских могильников.

Глубина поддона, см	> 2	1–2	0,4–1	< 0,4
Количество сосудов с поддоном	3	5	6	8
Ближних форм без поддона	2	9	15	30

вероятно, требует особых навыков (возможно, использования форм-моделей), какими местные гончары, судя по всему, не обладали.

Обобщив результаты поиска близких форм, мы видим, что чем меньше выделен поддон на сосуде, тем больше соответствий он находит среди сосудов без поддонов (см. табл. 1). Видимо, сосуды с высоким поддоном можно рассматривать как сделанные гончарами, чья посуда больше на памятнике не представлена – то есть, скорее всего, как импортные, инокультурные сосуды.

Рассмотрим, как сосуды на поддоне распределяются в соответствии с относительной и абсолютной хронологией погребений, полученной на основании вещевого инвентаря и погребального обряда. В рамках данной статьи были использованы даты комплексов Подболотьевского могильника, предложенные О. В. Зеленцовой и С. И. Миловановым. Всего из датированных погребений происходят 11 интересующих нас сосудов (3, 73, 87, 95, 104, 106, 109, 123, 145, 155, 172). Десять из них, включая сосуды на высоких поддонах, обнаружены преимущественно в погребениях 2-й половины – конца X в. и встречаются до середины XI в., что вполне соответствует принятым взглядам на их хронологию. Однако погребение 73 датируется более ранним временем и не выходит за рамки IX в. (рис. 1: 11).

Кроме того, еще два сосуда на кольцевом поддоне происходят из датированных комплексов Чулковского могильника (погр. 72 и 91; рис. 1: 22, 10). В. В. Гришаков относит их к ранней фазе могильника и датирует VIII – нач. IX в. (Гришаков, Седышев, Сомкина, 2016. С. 38).

В связи с этими тремя случаями ранней датировки погребений с сосудами на поддонах обращает на себя, с одной стороны, хронологический разрыв со временем массового появления подобных форм (комплексов 1-й пол. X в. с такими сосудами пока не обнаружено), а с другой стороны, сходство этих

ранних сосудов с некоторыми сосудами из более поздних комплексов.

Поскольку выше было показано, что производство сосудов на поддонах вряд ли возникло непосредственно в муромском гончарстве, рассмотрим, где и в какое время можно искать корни данной традиции за пределами муромской земли. Нужно отметить, что для соседних финских племен глиняная посуда с поддонами совершенно не характерна. Этот элемент формы с большей вероятностью мог иметь место в среде с более развитыми традициями гончарного производства. Поиски в южном направлении – на территории Волжской Булгарии и салтово-маяцкой культуры – дали очень скромные результаты. Одна миска на поддоне происходит из Верхне-Салтовского городища и признается В. С. Флёровым уникальной для хазар (Флёров, 2001. С. 165. Рис. 7: 39). Однако, ее форма довольно далека от муромских сосудов.

Еще один сосуд с поддоном (рис. 2: 14) обнаружен в кургане 26 Белогорского 2-го могильника боршевской культуры, который датируется концом 1 тыс. (Винников, 1984. С. 86, 140–41; Рис. 26: 1). Автор раскопок видел аналогии этой находки в подражаниях византийским светильникам, которые были обнаружены в Саркеле (Плетнева, 1959. С. 224–225; Шелковников, 1959. Рис. 11. С. 289. Рис. 8). Р. Л. Розенфельд также полагал, что изящные очертания этого сосуда напоминают восточные или византийские изделия (Древняя Русь... 1997. С. 23). Однако такая параллель не кажется убедительной. В самом деле, среди поливной византийской керамики были распространены своего рода пиалы на кольцевых поддонах, однако их формы отличаются более простой структурой – зачастую трех- и четырехчастной. Находка же из Белогорского могильника по своей форме гораздо ближе муромским мисковидным сосудам на поддонах.

Поиски в северо-западном направлении дают больше результатов. Сосуд

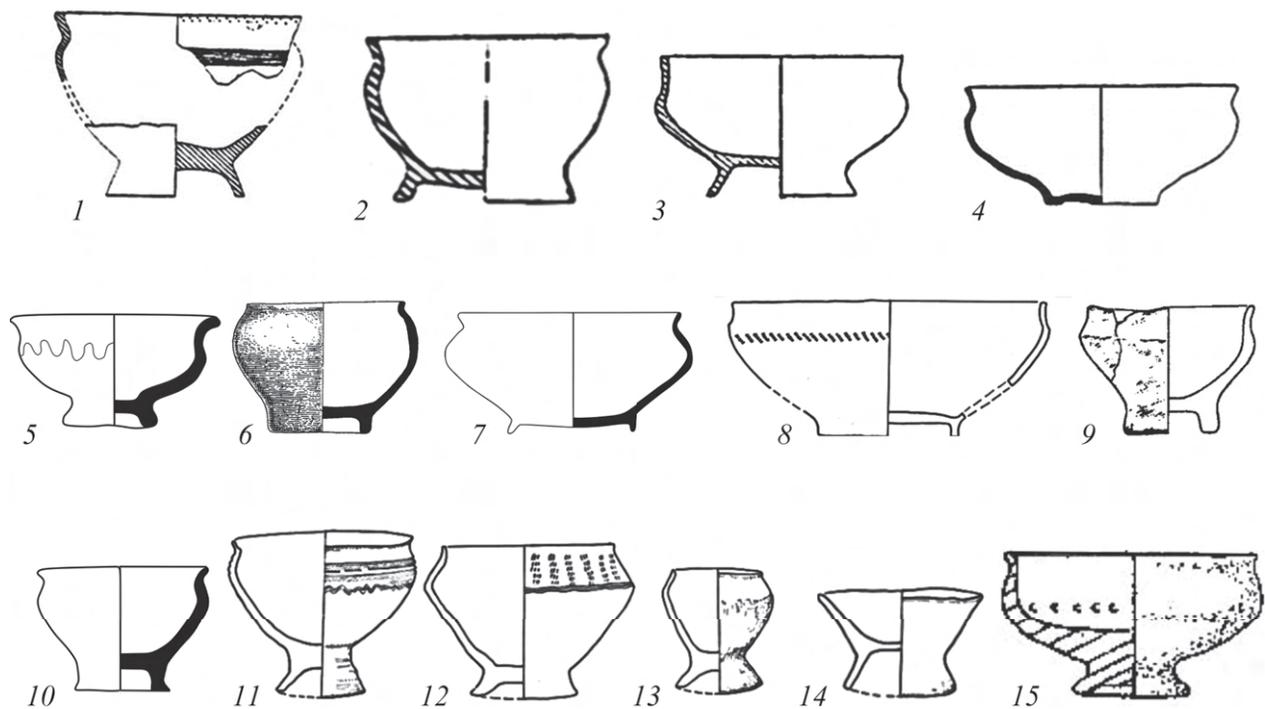

Рис. 2. Глиняные сосуды с кольцевым поддоном с территории Восточной Европы IX–XI вв.

1–4 – Плешково; 5 – Сарское городище; 6 – Тимерёвский могильник; 7 – Тимерёвское поселение; 8 – Золотое Колено; 9 – Васильевское; 10 – Гнёздово; 11–14 – Гросс-Раден; 15 – 2-й Белогорский м-к

на кольцевом поддоне обнаружен на Сарском городище (рис. 2: 5) (Леонтьев, 1996. С. 183. Рис. 78: 1), Тимерёвском могильнике (рис. 2: 6) (Голубева, 1987. Табл. XXXII: 7) и поселении (рис. 2: 7) (Седых, 1982. С. 195), в кургане № 8 у села Ратницкое из группы Владимирских курганов (Уваров, 1871. С. 813), четыре сосуда – в мерянском могильнике Плешково в Тверском Поволжье (рис. 2: 1–4) (Комаров, 2002. С. 164. Рис. 11, 19, 21). В качестве аналогии сосудам из Подболотьевского могильника О. В. Зеленцова и С. И. Милованов приводят также находки из курганного могильника Арефино на Смоленщине (Зеленцова, Милованов, 2015. С. 124; Шмидт, 2005. С. 84, 89). Все приведенные комплексы относятся к концу X – XI в. Следует заметить, что поддоны трех сосудов из Плешково по своей глубине соответствуют наиболее выраженным поддонам среди муромских материалов.

Сосуды на поддонах эпохи раннего средневековья с территории Северо-Западной Руси собрала В. М. Горюнова (2009; 2018). В ее сводку вошли находки в Приильменье (Васильевское – X в., Холопий городок – IX в.) (рис. 2: 9), у с. Золотое Колено (2-я

пол. X в.) (рис. 2: 8), из горизонта Е Старой Ладogi (IX в.), на Гнёздовском городище (1-я пол. X в.) (рис. 2: 10) (Носов, Горюнова, Плохов, 2005. С. 327, 351; Носов, Плохов, 1991. С. 139; Станкевич, 1950. С. 194–195; Авдусин, Пушкина, 1986. С. 127). Четыре подобных сосуда известны на западнославянском поселении Гросс-Раден, где они датируются X в. (рис. 2: 11–14) (Shuldt, 1976. Abb. 38; 1981. Taff. 66, a, b, c, d). По мнению В. М. Горюновой, эта традиция имеет корни в западнобалтийской культуре, особенно в олштынском ее варианте, где она прослеживается с V по VIII в. и берет свое начало в пшеворской культуре (см. также Szymański, 2009). На территории же Северо-Западной Руси сосуда на полых поддонах следует рассматривать, по ее мнению, как реликтовое проявление «западноевропейских элементов культуры» (Горюнова, 2018. С. 73). Однако для последних веков I тыс. н.э. несколько странно выглядит чрезвычайная редкость подобных сосудов как в целом в западнославянских землях, так и конкретно в Северной Польше, куда В. М. Горюнова помещает истоки этой традиции (Lüdtke, Schietzel, 2001. S. 228).

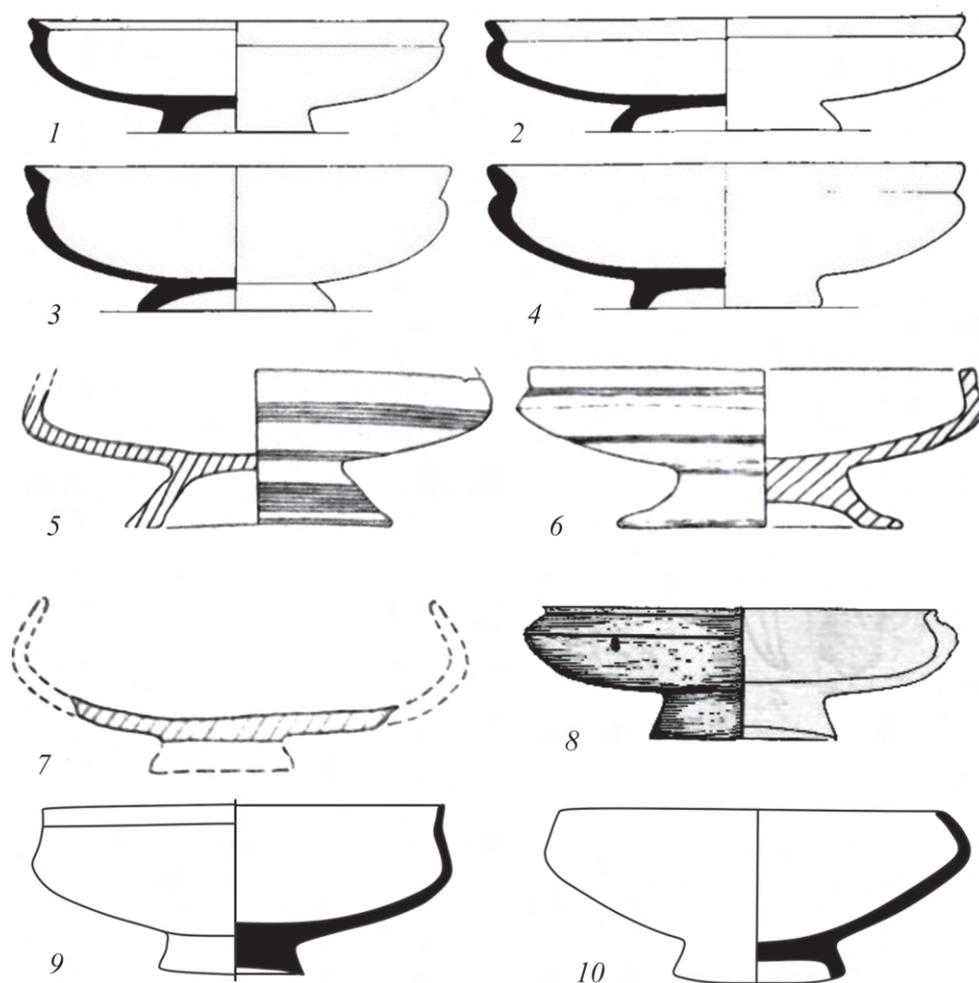

Рис. 3. Деревянные сосуды на поддонах с территории Восточной Европы IX–XI вв.

1–4 – Новгород; 5–7 – Островок-в-Ополе; 8 – Слоним; 9 – Усть-Шексна; 10 – Ростов

Таким образом, мы видим, что наиболее ранние находки сосудов на кольцевых поддонах тяготеют к территории Северо-Западной Руси (IX–X вв.), а в Поволжье и на более южных территориях подобные сосуды появляются чуть позднее (2-я пол. X – XI в.). Представляется вполне вероятным распространение данной традиции в середине X в. вплоть до территории муромы. В пользу общего корня этих изделий говорит сложная 5-частная конструкция большинства форм и глубокие, выраженные поддоны.

Вернемся к сосудам с самыми глубокими поддонами, найденными на муромских могильниках, которые, скорее всего, не были продукцией местных гончаров. Сосуд из погребения 172 Подболотьевского могильника хорошо вписывается в данную гипотезу – он имеет горшковидную форму и среднюю/низкую общую пропорциональность (рис. 1: 2).

Однако две миски на высоких поддонах связать с этой традицией затруднительно. Они имеют гораздо более низкое и пологое тулово, расположенное на сильно отогнутом поддоне (рис. 1: 1, 3).

Нужно сказать, что данная форма в принципе не характерна для глиняной посуды. Поэтому поиски прототипов для таких сосудов были направлены на изделия из других материалов. Металлические сосуды на полых поддонах для этого времени и региона найти не удалось. Они появляются на юге, но уже слишком поздно – в XII в., и связаны с западноевропейским художественным ремеслом: примерами могут служить чаши из киевского клада 1876 г. и из кургана Таганча в Поросье (Даркевич, 1966. С. 57. Табл. 17). Среди металлических сосудов восточного происхождения, циркулировавших в среде фин-

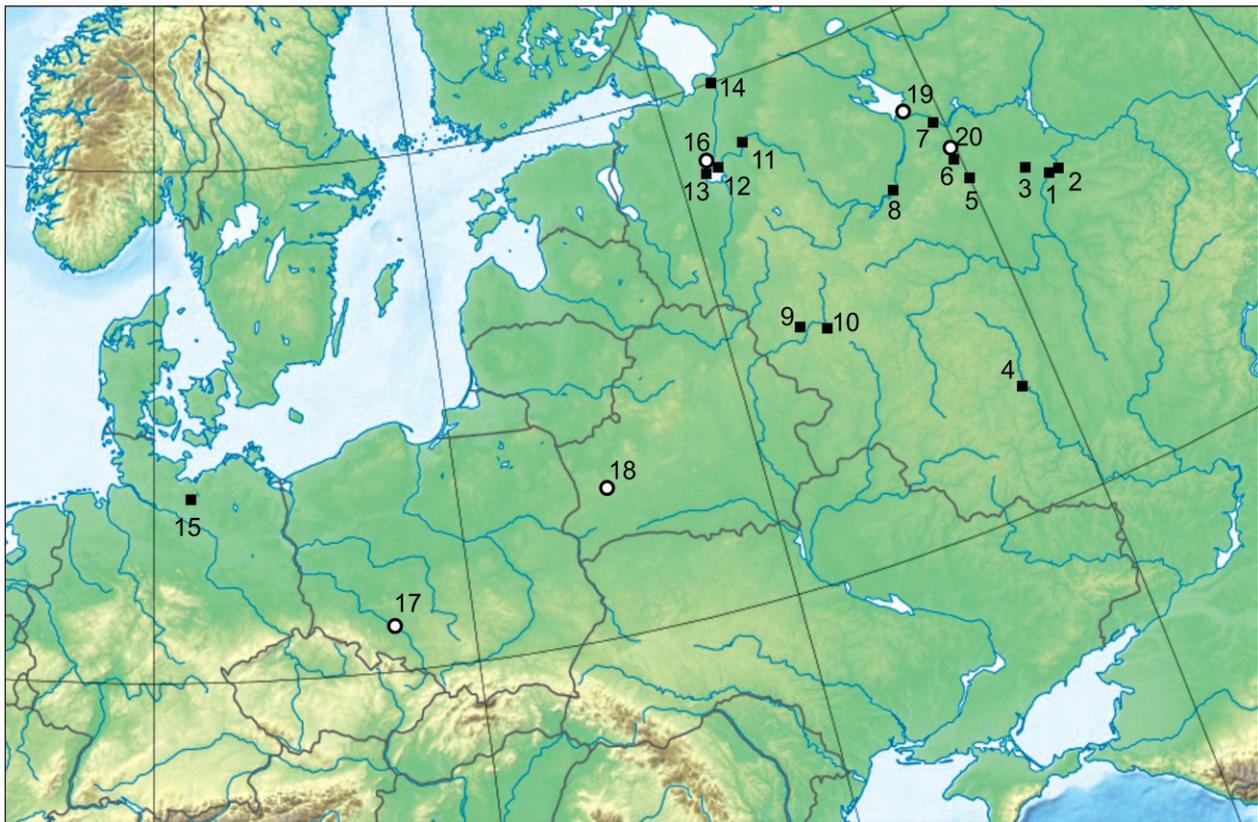

Рис. 4. Распространение сосудов на кольцевых поддонах в Восточной Европе в IX–XI вв.

1 – Подболотьевский м-к; 2 – Чулковский м-к; 3 – Мальшевский м-к; 4 – 2-й Белогорский м-к; 5 – м-к Ратницкое; 6 – Сарское городище; 7 – Тимерёво; 8 – м-к Плешково; 9 – Гнёздово; 10 – м-к Арефино; 11 – Золотое Колено; 12 – Васильевское; 13 – Холопий городок; 14 – Старая Ладога; 15 – Гросс-Раден; 16 – Новгород; 17 – Островок-в-Ополе; 18 – Слоним; 19 – Усть-Шексна; 20 – Ростов.
1–15 – глина; 16–20 – дерево

но-угорского населения с конца I тыс., чаш на поддонах не встречается.

Однако среди деревянной посуды городских центров Северо-Запада можно найти значительное разнообразие сосудов на ножках – в том числе на полых поддонах. Точные мисы конца X – XI в. в значительном количестве известны в Новгороде (рис. 3: 1–4) (мисы первого типа по: *Колчин*, 1968. С. 42. Рис. 25, 113: 1–4). Серия подобных сосудов происходит из ранних слоев (E_{II} – D) средневекового Остовка-в-Ополе в Южной Польше (рис. 3: 5–7) (*Bukowska-Gedigova, Gediga*, 1986. Rys. 30–31, 59, 72). Еще один подобный сосуд обнаружен в белорусском Слониме (рис. 3: 8) (*Зверуго*, 1989. Рис. 39: 10). Наибо-

лее географически близкие к муроме находки таких сосудов происходят из слоев XI в. Усть-Шексны³ и Ростова⁴ (рис. 3: 9, 10) (*Рыкунов, Рыкунова, Иванов*, 2011. С. 94; *Самойлович*, 2007. Рис. 13: 4).

При этом точеные деревянные сосуды из Ополя и Усть-Шексны отличаются большим сходством с подболотьевскими чашами по высоте поддона, наклону тулова, высоте и сформированности предплечья (по сравнению с новгородскими). Связь муромских чаш с подобными деревянными прототипами представляется вполне вероятной. К этим формам также близки упомянутые выше глиняные сосуды из Белогорского могильника и Сарского городища.

³ Благодарю А. Н. и И. И. Рыкуновых за предоставленные фотографии деревянной миски из их раскопок.

⁴ Благодарю сотрудника ФГУК ГМЗ «Ростовский кремль» И. В. Купцова за помощь в работе с коллекцией и консультации.

В заключение вернемся еще раз к некоторым положениям, которые следуют из приведенных выше аргументов. Во-первых, сосуды на кольцевых поддонах в муромских могильниках очень разнообразны по своей форме. Поэтому говорить о какой-либо устойчивой местной традиции их изготовления сложно, особенно учитывая довольно короткое, по-видимому, время их бытования. Во-вторых, среди них имеются сосуды, форма которых близка к привычной для местных гончаров. Широкое распространение такого элемента формы как поддоны более вероятно объяснять изготовлением местными гончарами сосудов-подражаний малознакомым им инокультурным прототипам. Последними могли быть сосуды с более высокими поддонами, которые, видимо, попали на территорию муромы в середине X в. В-третьих, источником происхождения этих прототипов вряд ли могли быть Волжская Булгария, Византия или Хазарский каганат. Широкий ареал находок глиняных сосудов на кольцевых поддонах охватывает в целом территорию к северо-западу от Нижнего Поочья вплоть до западославянских земель (рис. 4). Имеющиеся датировки позволяют предположить направление распространения данного явления: с Северо-Запада в Верхнее Поволжье. Однако в контексте этих находок по-прежнему сложно объяснить появление

у муромы нескольких чаш с очень пологими стенками тулова, стоящих на высоких поддонах. Представляется вполне вероятным, что эти формы заимствованы гончарами от деревянных прототипов: точеные мисы на поддонах были, по всей видимости, довольно широко распространены в городской культуре Северной Руси и Польши.

Ряд вопросов, однако, остаются не решенными. Во-первых, откуда происходили гончары, изготовившие широко раскрытые миски с пологими стенками – наиболее сложные с точки зрения их производства? Аналогов подобным изделиям в глине практически не найдено – исключение составляет сосуд из Белогорского могильника боршевской культуры, очень близкий одной из чаш из Подболотья. Вероятно, технологический анализ этих изделий даст новые аргументы для решения этой проблемы.

Во-вторых, три сосуда на поддоне из муромских могильников относятся к комплексам, датирующимся VIII–IX вв. Эти даты трудно объяснить в рамках предлагаемой здесь гипотезы. Если для X в. контекст появления таких сосудов представляется вполне реальным, то вероятные источники возникновения у муромы сосудов с кольцевыми поддонами в VIII в. пока обнаружить не удалось. Таким образом, вопрос о раннем появлении этой традиции у муромы пока остается нерешенным.

Литература

- Авдусин Д. А., Пушкина Т. А., 1986. Отчет Смоленской археологической экспедиции МГУ за 1985 год / Архив ИА РАН. Р-1. № 10927.
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности Нижнего Поочья (погребальный обряд и поселения летописной муромы). М.: Изд-во МПСИ. 278 с.
- Белорыбкин Г. Н., 2003. Западное Поволжье в средние века. Пенза: Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та. 199 с.
- Бобринский А. А., 1999. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 5–109.
- Винников А. З., 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 192 с.
- Голубева Л. А., 1987. Меря // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР / Отв. ред.: В. В. Седов. М.: Наука. С. 67–80.
- Горюнова В. М., 2009. Чаша на поддоне из Золотого Колена. К вопросу о западной традиции в культуре сопок // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 1. СПб – М.: ИИМК РАН. С. 220–229.
- Горюнова В. М., 2018. Реликтовая чаша из Гнэздова // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М.: Изд-во Моск. ун-та. С. 72–73.
- Гришаков В. В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т. 196 с.

- Гришаков В. В., Седьшиев О. В., Сомкина А. Н., 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н. э.: (Чулковский могильник). Саранск. 177 с.
- Даркевич В. П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X–XIV вв.) (САИ. Вып. Е1-57). М.: Наука. 148 с.
- Древняя Русь. Быт и культура / Ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1997. 368 с.
- Зверуго Я. Г., 1989. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск: Навука і тэхніка. 208 с.
- Зеленцова О. В., Милованов С. И., 2015. Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 122–134.
- Колчин Б. А., 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия (САИ. Вып. Е1-55). М.: Наука. 184 с.
- Комаров К. И., 2002. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сб. участников Великой Отечественной войны. Тула. С. 141–189.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с.
- Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В., 2005. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья: Новые материалы и исследования. СПб: Дмитрий Буланин. 408 с.
- Носов Е. Н., Плохов А. В., 1991. Поселение Золотое Колено на Средней Мсте // Материалы по археологии Новгородской Земли. 1990. М. С. 117–149.
- Плетнева С. А., 1959. Керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. (МИА. № 75). С. 212–272.
- Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И., Иванов Л. М., 2011. Рыбинск: путешествие сквозь века: археология земли Рыбинской. Рыбинск: Медиарост. 160 с.
- Самойлович Н. Г., 2007. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: материалы охранных археологических исследований. Том 9. М.: Таус. 88 с.
- Седьх В. Н., 1982. Керамика Тимеревского поселения // Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья / И. В. Дубов. Л. С. 192–197.
- Станкевич Я. В., 1950. Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги. По материалам раскопок 1947 г. // СА. XIV. М.; Л. С. 187–216.
- Уваров А. С., 1871. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды Первого археологического съезда в Москве. Т. 2. М. С. 633–847.
- Флёров В. С., 2001. Лощеные миски, блюда, чаши, кубышки Хазарского каганата // Боспорские исследования. Вып. 1. Симферополь. С. 159–184.
- Холошин П. Р., 2019а. Планиграфический и хронологический анализ форм глиняных сосудов Подболотьевского могильника // РА. № 1. С. 60–72.
- Холошин П. Р., 2019б. Опыт изучения величины случайных колебаний функциональных частей сосудов // Новые материалы и методы археологического исследования: от критики источника к общению и интерпретации данных / Материалы V Международной конференции молодых ученых. М. С. 204–206.
- Цетлин Ю. Б., 2016. О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // КСИА. Вып. 245. Ч. II. С. 265–274.
- Цетлин Ю. Б., 2018. Об общем подходе и методике системного изучения форм сосудов // Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход / Отв. ред.: Ю. Б. Цетлин. М.: ИА РАН. С. 125–179.
- Цетлин Ю. Б., Холошин П. Р., 2017. Анализ форм сосудов Подболотьевского могильника во Владимирской области с позиций историко-культурного подхода // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. С. 225–228.
- Шелковников Б. А., 1959. Поливная керамика Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. (МИА. № 75). С. 273–306.
- Шмидт Е. А., 2005. Курганный могильник у с. Арефино // Смоленские древности. Вып. 4. Смоленск. С. 54–100.
- Bukowska-Gedigova J., Gediga B., 1986. Wczesnośredniowiecznygródna Ostrówku w Opolu. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdansk, Łódź. 368 s.
- Lüdtkе H., Schietzel K., 2001. Handbuch zur mittelalterlichen Keramik in Nordeuropa. B. 3. Neumünster: Karl Wachholtz Verlag, 1986. 550 s.
- Szymański P., 2009. Misy na nóżkach – nowoodkryty typ naczyń z kultury bogaczewskiej // Ceramika bałtyjska. Tradycje i wpływ. Materiały z konferencji, Białystok 21–23 września 2005 roku. Białystok. S. 57–69.

P. R. Holoshin

Round Footed Vessels from the Muroma Burial Grounds

Summary. The article summarizes the data on the currently known earthenware round footed vessels found in the Muroma burial grounds. The first results of the analysis of these vessels' shapes are presented, they allow to presume that this tradition has a foreign culture origin. Eastern or southern background seems highly unlikely, whereas north-western origin is backed up by a wide range of sites with similar finds. It seems feasible that some forms of earthenware vessels on round feet were borrowed from the sphere of wooden vessels. The chronological scope when this tradition existed on the Muroma territory is limited to the 2nd half of the 10th – early 11th c., however some sporadic dates happen to be earlier.

Keywords: the Muroma, cultural contacts, pottery traditions, analysis of shapes of earthenware vessels.

List of figures and table

Table 1. Search results for forms similar to round footed vessels from the Muroma burial grounds among the Podbolotyevsky burial ground's artefacts

Fig. 1. Vessels on round feet from Muroma burial grounds

1–3, 5–7, 11–19 – Podbolotyevsky burial ground; 4, 8–9, 20–21 – Malyshevsky burial ground; 10, 22 – Chulkovsky burial ground

Groups based on foot height: 1–3 – over 2 sm; 4–8 – 1–2 sm; 9–14 – 0,4–1,0 sm; 15–22 – less than 0,4 sm

Fig. 2. Earthenware vessels with round feet from the territories of Eastern Europe in the 9th – 11th cc.

1–4 – Pleshkovo; 5 – Sarskoe settlement; 6 – the Timeryovsky burial ground; 7 – Timeryovsky settlement; 8 – Zolotoye Koleno; 9 – Vasiliyevskoe; 10 – Gnyozdovo; 11–14 – Gross-Raden; 15 – the 2nd Belogorsky burial ground

Fig. 3. Wooden vessels on feet from the territories of Eastern Europe in the 9th – 11th cc.

1–4 – Novgorod; 5–7 – Ostrovok-v-Opole; 8 – Slonim; 9 – Ust-Sheksna; 10 – Rostov

Fig. 4. The distribution of vessels on round feet in Eastern Europe in the 9th – 11th cc.

1 – Podbolotyevsky burial ground; 2 – Chulkovsky burial ground; 3 – Malyshevsky burial ground; 4 – the 2nd Belogorsky burial ground; 5 – Ratnitskoye burial ground; 6 – Sarskoye settlement; 7 – Timeryovo; 8 – Pleshkovo burial ground; 9 – Gnyozdovo; 10 – Arefino burial ground; 11 – Zolotoye Koleno; 12 – Vasiliyevskoye; 13 – Kholopy gorodok; 14 – Staraya Ladoga; 15 – Gross-Raden; 16 – Novgorod; 17 – Ostrovok-v-Opole; 18 – Slonim; 19 – Ust-Sheksna; 20 – Rostov. 1–15 – clay; 16–20 – wood

А. В. Михеев

Хронология марийских городищ V–XI веков н.э.

Резюме. Статья посвящена проблемам хронологии марийских городищ эпохи средневековья (V–XI вв. н. э.). На основании широкого круга аналогий индивидуальным находкам выделяются два хронологических периода: V–VII–VIII вв., VIII–XI вв. Определяются предметы, которые существуют относительно короткий и длинный период времени и имеющие узкий и широкий ареал бытования. Указываются общие проблемы при датировании марийских поселенческих памятников эпохи средневековья и недостаточное внимание к наиболее массовому материалу – керамике.

Ключевые слова: Эпоха средневековья, марийские племена, городища, хронология, Среднее Поволжье.

Городища составляют подавляющее большинство среди памятников археологии раннего средневековья на территории Марийского Поволжья и Ветлужско-Вятского междуречья, и на данный момент времени их известно 52. При этом почти на трети из них проводились стационарные исследования. Обширная, казалось бы, база источников позволяет рассматривать различные аспекты. Однако исследования отличаются крайней неравномерностью: городища исследовались разными площадями, где-то отдельными траншеями; исследовалась только площадка или жилая зона городища без разреза вала и рва или их частичного разреза. Материалы исследований XIX – 1-й пол. XX в. в значительной степени утеряны, а существующие публикации не дают полной картины проведенных полевых работ. Сложилась парадоксальная ситуация: раскопок проведено немало, получен огромный по объему фактический материал, но проблемы, связанные с интерпретацией памятников этого типа и с датировкой, остаются не решенными.

В прошлом веке датировка марийских городищ и отнесение их ко второй половине I – началу II тыс. н. э. производилась,

в основном, по керамическому материалу (Смирнов, 1952. С. 161; Архипов, 1962. С. 211). Следует отметить, что наиболее ранние находки круговой посуды обнаружены на Васильсурском V городище XI–XIII вв. (Никитина, 2002. С. 123). Анализ керамического материала свидетельствует об однородности технологии изготовления керамической посуды¹. Использовалась донная или донно-емкостная программа конструирования начинка, полое тело изготовлено спирально-жгутовым налепом. На стадии составления формовочной массы отмечены следующие рецепты: глина+шамот, глина+шамот+органический раствор. Шамот не калибровался. При исследовании следов механической обработки поверхности сосудов установлено, что она заглаживалась мягким материалом, травой, руками гончара. Обжиг костровой, сосуды в изломе трех- или двухслойные. Орнамент на большинстве сосудов отсутствует, иногда встречается орнамент в виде насечек по шейке или срезу венчика.

Несмотря на исследования, до сих пор четкие критерии, по которым можно было бы отличить лепную керамику V–VIII вв. от лепной керамики IX–XI вв., отсутствуют. Это обстоятельство во многом препятствует

¹ Анализ керамики методом бинокулярной микроскопии произведен к. и. н. А. И. Михеевой.

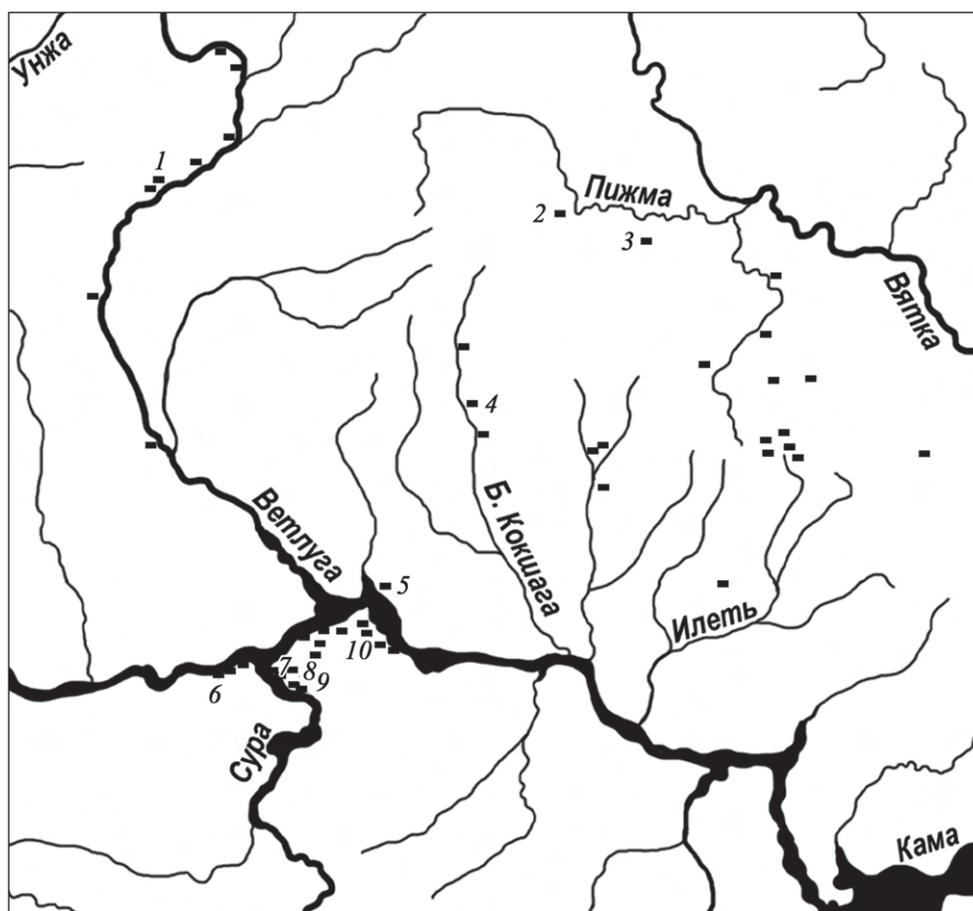

Рис. 1. Карта-схема расположения марийских городищ в V–XI вв. н.э.

Цифрами обозначены памятники упоминаемые в статье

- 1 – Федоровское (Чортово); 2 – Ижевское; 3 – Еманаевское; 4 – Кубашевское;
5 – Ардинское; 6 – Сомовское I; 7 – Васильсурское II; 8 – Красноселищенское I;
9 – Красноселищенское II; 10 – Иванова гора

датировке большинства памятников, в том числе рассматриваемого типа.

Вещевой инвентарь (предметы быта, украшения, оружие), который дает более точное время существования изучаемого объекта, является довольно редкой находкой на городищах и найден только на памятниках, исследованных большой площадью.

Обратимся к городищам, хронологическая позиция которых хоть и вызывает определенные сомнения, но, тем не менее, в какой-то степени обеспечена индивидуальными находками (рис. 1).

Ардинское городище расположено в 300 м к юго-востоку от д. Сенюшкино Килемарского района Республики Марий Эл в устье правого берега р. Арды на мысу подтреугольной формы высотой от уровня реки 17,7 м. Общая исследованная площадь составляет 536,6 кв. м.

Вещевой материал Г.А. Архипов датировал I тыс. н. э. «по аналогии с керамикой из древнемарийских городищ» (Архипов, Патрушев, 1982. С. 61–62). Т.Б. Никитина предложила датировать его временем не ранее середины I тыс. н. э. (Никитина, 2002. С. 183). При исследованиях городища в 2013 г. получен материал, позволяющий получить более определенные даты (Михеев, 2018).

Лапчатая привеска из цветного металла, один конец которой расплюсчен (рис. 2: 1). Подобного типа привески известны в древностях азелинского круга (Тат-Боярский, Шорунжинский могильники) и рассматриваются в качестве привесок к поясным накладкам (Бугров, 2015. С. 17–18). Считается, что они отливались по восковой модели. Датируются V в. н. э., но в том же качестве они доживают вплоть до VII в. (Лецинская, 1994. С. 111. Рис. 11: 3.

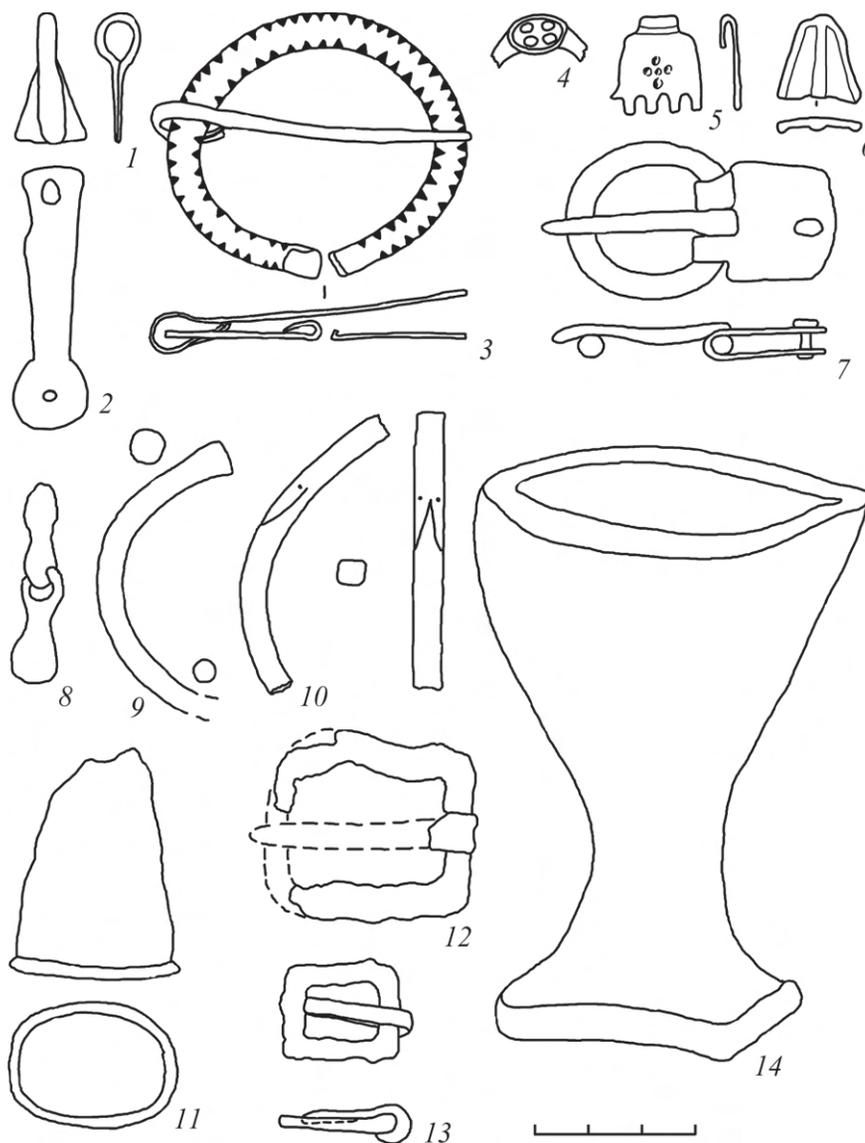

Рис. 2. Вещевой инвентарь марийских городищ

1–3 – Ардинское; 4, 5 – Васильсурское II; 6 – Иванова Гора; 7–14 – Кубашевское

С. 117. Рис. 17: 1). Почти аналогичная привеска была найдена в Староузюмском погребении (Бугров, 2015. С. 19. Рис. 4: 14).

Железная пластина подтрапещевидной формы с округлым окончанием скорее всего является обувной подвеской (рис. 2: 2). Подобные подвески известны в Кораблино и в рязано-окских могильниках характерны для стадии 2с, которая датируется III–IV вв. (Ахмедов, 2007. Рис. 9: 29; 15: 17, 19. С. 143).

Бронзовая сьолгама плоская в сечении, концы загнуты (один обломан) и не выходят за ширину кольца. Орнаментирована короткими треугольными насечками по внутреннему и внешнему краям кольца (рис. 2: 3).

Соответствует типу 1Б1е по материалам мордовских могильников и датируется IV–VI вв. н. э. (Вихляев и др., 2008. С. 49).

Таким образом, изложенное выше, позволяет утверждать, что Ардинское городище в качестве укрепленного поселения функционировало в период первой половины I тыс. н. э. (табл. 1).

Васильсурское II городище расположено в 600 м к ВЮВ от пос. Васильсурска Ворытнецкого района Нижегородской области на мысу коренной террасы правого берега р. Суры (прав. приток р. Волги). Общая исследованная площадь составляет 836 кв. м.

Анализируя материалы городища, А. Х. Халиков определил дату его существо-

Таблица 1. Ардинское городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Привеска								
Обувная подвеска								
Сюлгاما								

Таблица 2. Васильсурское II городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Перстень								
Накладка								

вания в пределах IV–VI вв. н. э. (Халиков, 1962. С. 157–158). Т. Б. Никитина, апеллируя к тому, что украшения с выемчатой эмалью, в результате вторичного использования встречаются в более позднее время, предложила ограничить дату существования городища VI в. (Никитина, 2002. С. 182–183).

Бронзовый перстень с овальным щитком, который украшен четырьмя круглыми выемками, залитыми красной эмалью (рис. 2: 4). Появление украшений с выемчатой эмалью на основной территории их распространения (зарубинецкая и киевская культуры) относится ко второй половине II в. н. э., а единичные экземпляры доживают до гуннского времени, т. е. второй половины IV – начала V в. н. э. (Обломский, Тертиловский, 2007. С. 120–124). Ближайшие аналогии можно найти в комплексах погребений 2-й пол. I тыс. н. э. Танкеевского (Бугров, 1994. С. 35) и Муромского (Корзухина, 1978. С. 56) могильников.

Накладка из тонкой листовой меди, имеет подтрапециевидную форму, один край загнут, второй имеет 4 арочные выемки. Орнаментирована пятью, расположенными квадратом, выпуклинами (рис. 2: 5). Накладки с выпуклинами характерны для украшений V–VII вв. н. э., где являлись элементом декора головных уборов, поясных накладок и встречаются на довольно обширной территории. В качестве примеров можно привести материалы Безводнинского (Краснов, 1980, С. 199. Рис. 22: 1, 2. С. 209. Рис. 39) и Мл. Ахмыловского (Никитина, 1999. С. 101. Рис. 19Б: 6) могильников.

Судя по всему, время существования городища можно ограничить V–VII вв. н. э.

Вполне возможно опустить верхнюю границу до VI в. н. э., учитывая то обстоятельство, что для VII в. характерными поясными украшениями становятся накладки геральдического типа (табл. 2).

Городище «Иванова гора» расположено в 1247 м к ССВ от восточной окраины д. Саратеево, 1604 м к северо-востоку от восточной окраины д. Сарамбаево, 1870 м к западу от южной окраины д. Четнаево Горномарийского района РМЭ на мысу коренной террасы р. Волги в устье левого берега р. Волны. Памятники находится на высоте 46–67 м от уровня поймы р. Волги (112–132 м по балтийской системе высот). Исследованная площадь составляет около 324 кв. м.

Датировано предшественниками по аналогиям с керамикой серединой и началом второй половины I тыс. н. э. (Архипов, 1962. С. 211).

На памятнике обнаружена 14-гранная стеклянная бусина, которая по материалам могильников неволинской культуры датируется концом IV–V в. н. э., что соответствует бродовской стадии (Голдина, Водолаго, 1990. С. 91).

Глиняная бочонкообразной формы бусина находит широкие аналогии в древностях лесной зоны Восточной Европы. В частности, по материалам селища Новая Беденьга I датируется в рамках конца IV–VI вв. н. э. (Вязов, Салугина, Семькин, 2014. С. 400).

Обломок медной лапчатой подвески (рис. 2: 6). Судя по сохранившемуся в прописовках фрагменту, аналогии можно найти в азелинских материалах IV в. н. э. (Лещинская, 1994. С. 108. Рис. 8: 27, 22). Однако наиболее похожими можно считать лапчатые

Таблица 3. Городище «Иванова гора». Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Бусина стекло								
Бусина глина								
Подвеска								

привески X в. и в целом IX–XI вв. н. э., но в этот период они могут содержать ложновитой орнамент по краям и в центре (*Лещинская*, 1994. С. 120. Рис. 20: 15. С. 123: 24, 25, 43).

Что-то более определенное о датировке городища «Иванова гора» сказать трудно. Имеющиеся индивидуальные находки указывают на IV–V вв. н. э. Отсутствие круговой посуды, посуды с орнаментацией и примесей в виде раковины в формовочной массе, которая характерна для более позднего времени, позволяют говорить о датировке городища, в целом, не позднее X в. (табл. 3)

Кубашевское городище расположено в 1500 м к востоку от д. Русское Кубашево Санчурского района Кировской области на мысу коренной террасы правого берега р. Мамокши и левого берега р. Большой Кокшаги. Общая исследованная площадь составляет 1184 кв. м.

Датировка городища определяется исследователями по-разному: Г.А. Архипов считал, что оно существовало в IV–VI вв. н. э., Т.Б. Никитина предлагает значительно омолодить дату, ограничив ее VII–VIII вв. н. э. (*Архипов*, 1962. С. 224; *Никитина*, 2002. С. 184).

Хорошей датирующей вещью является бронзовая пряжка с округлой рамкой и хоботовидным нависающим язычком, щитком из согнутой пластины почти квадратной формы (рис. 2: 7). По И.Г. Розенфельдт, относятся к типу II и датируются второй половиной VI–VII вв. (*Розенфельдт*, 1982. С. 100). В этот же период подобные пряжки встречаются в Безводнинском, мордовских, мерянских и рязанско-окских могильниках (*Краснов*, 1980. С. 63, 209). В материалах Старо-Кадомского могильника комплекс погребения 53 с подобной пряжкой И.Р. Ахмедов предлагает датировать концом VI – первой половиной VII в. (*Ахмедов*, 2010. С. 10). В могильниках неволинской культуры они представлены весьма широким спектром щитков и датируются бродовской стадией IV–V вв. н. э. (*Голдина*, *Водолаго*, 1990. С. 91).

Обломки двух бронзовых браслетов: один из толстой круглой в сечении проволоки с расширенным концом (рис. 2: 9), второй – четырехгранный в сечении с резным орнаментом по двум граням в виде угла с двумя точками в вершине (рис. 2: 10). Расширенные концы у круглодротовых браслетов были распространены на территории от Прибалтики до Сев. Кавказа и Крыма. В качестве ближайшей аналогии можно указать Безводнинский могильник, где они встречены в комплексах конца V–VII вв. н. э. (*Краснов*, 1980. С. 56, 57). Четырехгранный в сечении браслет с насечками имеется в материалах Мл. Ахмыловского могильника (погр. 102), который в целом датируется VI–VII вв. (*Никитина*, 1999. С. 26, 37).

Фрагмент медной подвески в виде колокольчика с небольшим бортиком по краю основания (возможно, подвеска-уточка) (рис. 2: 11), по Л.А. Голубевой, относится к типу I варианту II и датируется концом VII – началом VIII в. н. э. (*Голубева*, 1979. С. 10).

Бронзовая привеска плоская в сечении восьмерковидной формы (рис. 2: 8). Подобные привески имеются в материалах вятских могильников, где датируются VI–VII вв. (*Лещинская*, 1994. С. 117. Рис. 17, 22).

Кроме того, имеются две прямоугольные железные пряжки с короткой слегка провислой иглой (рис. 2: 12, 13) и медный четырехгранный прут с одним приостренным концом (возможно, обломок гривны), но их датировка в силу сохранности затруднительна.

Весьма интересной категорией находок являются тигли рюмкообразной формы (рис. 2: 14): во-первых, они встречаются на достаточно ограниченной территории, во-вторых, существуют непродолжительное время. В массовом количестве подобного типа тигли встречаются на поселениях ванвиздинской культуры, датируемой в целом VI–X вв. н. э. (*Королев*, 1997. С. 83; *Мурьгин*, 2001. С. 44, 48). Характерно, что тигли

Таблица 4. Кубашевское городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Пряжка бр.								
Пряжка бр.								
Браслет								
Браслет								
Подвеска								
Привеска								
Тигель								

рюмкообразной формы найдены на памятниках раннего этапа данной культуры, которые датируются в пределах VI–VII вв. н. э. (Королев, 1997. С. 102–105). Единичные находки зафиксированы в Прикамье на Чеганда I (Генинг, 1970. Табл. XXVII: 2), Буйском и Вершинятском (Лецинская, 1994. Рис. 11: 9, 10; 24: 6) городищах и в материалах именниковской культуры IV–VII вв. (Матвеева, 2004. С. 154. Рис. 31: 5).

Основной материал городища указывает на время функционирования его в VI–VII вв. н. э. Медная подвеска уточняет его существование рубежом VII–VIII вв. н. э. Я склоняюсь к тому, что данный предмет мог появиться в обиходе марийских племен значительно раньше, и датировать городище в целом VII в. н. э. (табл. 4).

Ижевское городище расположено на мысу, образованном террасой правого берега р. Иж и оврагом, между бывшими деревнями Городище и Степинская, в 2600 м к ВСВ от д. Емельяново Пижанского района Кировской области. Общая исследованная площадь составляет 542 кв. м.

При его исследовании получена значительная коллекция индивидуальных находок. В.Ф. Генинг считал возможным установить наличие двух комплексов вещей, относящихся к разным периодам: IV–VI вв. н. э. и IX–XI вв. н. э. (Генинг, 1957), Г.А. Архипов датировал памятник VIII–X вв. н. э. (Архипов, 1962а. С. 149–155), Т.Б. Никитина полагает, что время существования городища можно ограничить VIII–IX вв. н. э. (Никитина, 2002. С. 188).

Эполетообразные застёжки, насколько можно судить по фото из статьи Г.А. Архипова (1962а. С. 156. Рис. 10: 1), очень похожи по описанию на тип 7, по Т.А. Лаптевой, и датируются в пределах IV–VII вв. н. э. (Лаптева, 1994. С. 130, 133).

Спиральный перстень (рис. 3: 1) имеет широкое распространение. Датируется по аналогиям в Мл. Ахмыловском, Уржумкинском могильниках IV–VII вв. (Никитина, 1999. С. 26, 115. Рис. 33А: 1. С. 139. Рис. 57: 8), в пределах VI–VII вв. по комплексу вещей в погребениях 11 и 15 Желтухинского могильника (Уткин, Черников, 1994. С. 60, 64). При этом широкое распространение они получают с начала X в. у муромы (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 29) и встречаются в комплексах погребений марийских могильников IX–X вв. (Никитина, 1990. С. 108. Рис. 6: 11).

Точной аналогии перстню со щитком виде S-образных завитков (рис. 3: 4) нет, но похожие по мотиву и конструкции перстни есть в материалах азелинской культуры, где датируются в пределах IV–V вв. (Лецинская, 1994. С. 112).

Поясные накладки с изображением головок коней (рис. 3: 8) широко представлены в материалах могильников Прикамья, где датируются концом VIII – началом IX в. (Голдина и др., 2012. С. 189).

Рамчатые пряжки (рис. 3: 9) аналогичны изделиям из погребения 75 Варнинского могильника и вообще представлены достаточно широким спектром на мыдланьшайской стадии поморской культуры во второй половине VIII – IX в. (Семенов, 1980. С. 62; Голдина, 1994. С. 26. Рис. 6) и в ветлужско-вятских могильниках IX–XI вв. (Никитина, 1990. С. 90).

Петельная обувная подвеска без привесок, где дужка соединена с основанием под прямым углом (рис. 3: 2), имеет аналогии в погребении 75 каравалесского этапа Варнинского могильника IX–X вв. (Семенов, 1980. С. 62. Табл. VI: 22), в погребениях X в. на Верхней Каме (Голдина, Кананин, 2012. С. 444. Табл. 6: 14).

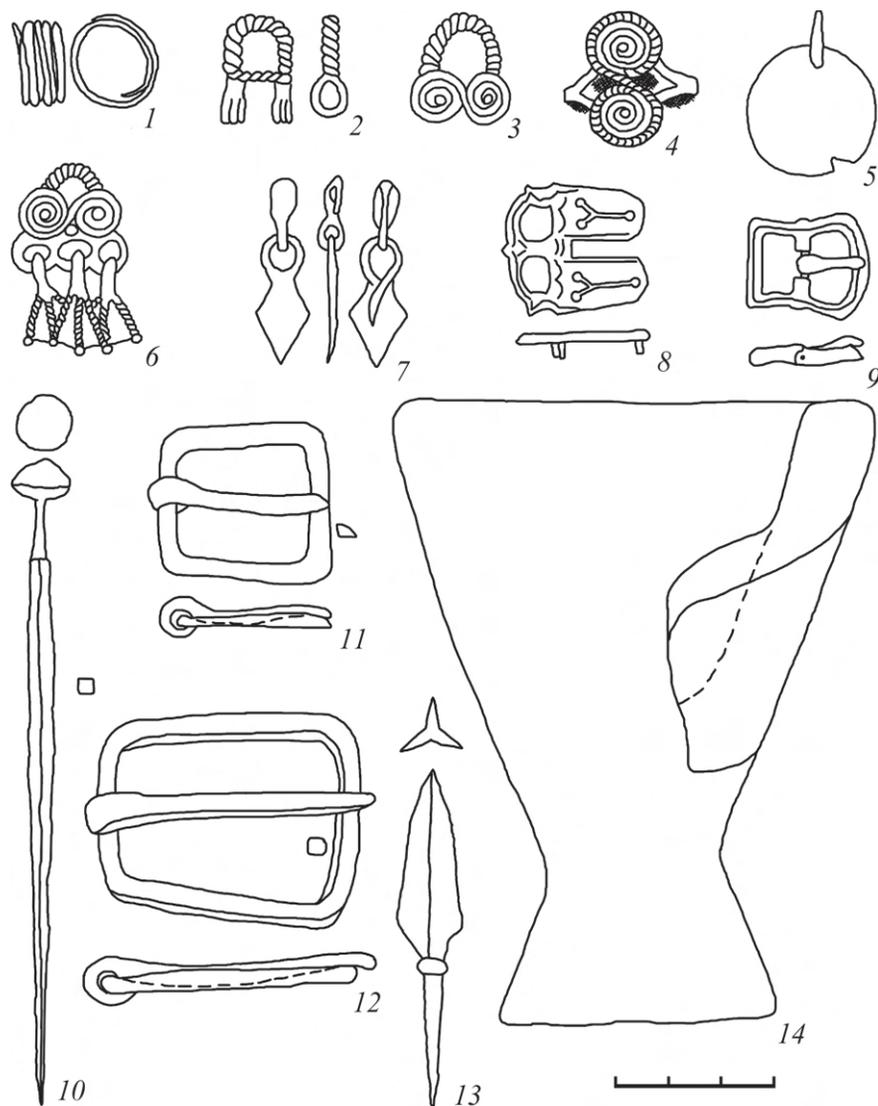

Рис. 3. Вещевой комплекс Ижевского городища

Петельная обувная подвеска в виде парных спиралевидных кружков, соединенных сверху дужкой (рис. 3: 6), имеет многочисленные аналогии в марийских могильниках IX–XI вв. (Никитина, 1990. С. 90).

Трехперый наконечник стрелы с узелком (рис. 3: 13) аналогичен изделиям из погребения 206 Варнинского могильника (Семенов, 1980. Табл. XXII: 5, 6) и из погребения 276 – с драхмой Хосрова II и обломком сасанидского дирхема не ранее середины VII в. (Семенов, 1980. С. 64).

Железный штырь с округлой головкой (рис. 3: 10) в погребениях 47, 64-а, 199 Варнинского могильника совместно с височными кольцами и серьгами с гроздевидной привеской, браслетами с отогнутыми концами, которые датируются VII–IX вв. н. э. (Семенов,

1980. С. 70, 76, 132. Табл. XXVII: 1–6). Больше сходство они имеют с железными стержнями из Безводнинского (Краснов, 1980. С. 73, 214. Рис. 48: 10) и погребения 152 Мл. Ахмыловского (Никитина, 1999. С. 91. Рис. 9: 3), где они датируются временем не позднее VII – первой половины VIII в. н. э.

Монетовидные подвески (рис. 3: 5) по материалам марийских могильников, в основном, датируются X–XI вв. (Никитина, 1990. С. 84, 94. Рис. 5: 4). В Прикамье они появляются не ранее конца VIII в. (Голдина, 1994. С. 26. Рис. 6: 96; Голдина, 2012. С. 270. Табл. 32: 11), по всей видимости, заменяя подвески-белки.

К датирующим вещам можно отнести и уже упоминавшийся рюмкообразный тигель (рис. 3: 14), который дает дату V–VII вв. н. э., возможно, с заходом в VIII в.

Таблица 5. Ижевское городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Эполетка								
Эполетка								
Перстень								
Перстень								
Накладка								
Пряжка								
Пряжка								
Подвеска								
Нак. стрелы								
Ж. штырь								
Монет. подвеска								
Тигель								

Вероятней всего, городище функционировало в течение двух хронологических периодов, между которыми имела лагуна. Наличие эполетообразных застежек и перстня со щитком в виде S-образных завитков можно рассматривать либо как рудимент постазелинского времени, либо как существование на площадке городища поселения в IV–VI вв. н. э., может быть до начала VII в. Второй период связан с VIII–IX вв. н. э., более широко со второй половиной VII – X в. н. э. (табл. 5).

Еманаевское городище расположено на коренной террасе правого берега р. Пижмы (прав. приток р. Вятки) в 1 км к СВ от д. Паново. Общая исследованная площадь составляет около 1220 кв. м.

Публикуя материалы городища, Н. А. Лецинская определила время его существования концом VII – X в. н. э. (Лецинская, 1988. С. 104).

Бронзовый спиральный перстень (рис. 4: 1), аналогичный найденному на Ижевском городище, имеет очень широкие даты.

Петельная подвеска (рис. 4: 16) аналогична найденной на Кубашевском городище, датировка которого выше определена VI–VII вв. н. э.

Усатая сюлгана, прямоугольная в сечении с завернутыми в трубочку концами (рис. 4: 20). Длина усов составляет от 1/3 диаметра кольца. Относится к типу 1Б3а (Вихляев и др., 2008. С. 53), который датируется концом VII – первой половиной VIII в.

Вторая усатая сюлгана (рис. 4: 21) аналогична типу 1Б3в и отличается от первой наличием косых нарезок у концов кольца.

Серьга с гроздевидной привеской (рис. 4: 17). Большое распространение такие серьги получили в Прикамье, где датируются VII–IX вв. (Семенов, 1980. С. 70), хотя встречаются и в комплексах X в. (Голдина, Кананин, 2012. С. 443. Табл. 5: 4. С. 444. Табл. 6: 1–3, 5, 6). В погребении 4 Веселовского могильника она находилась в комплексе с гривной глазовского типа и усеченно-конической привеской (Нижитина, 2012. С. 120. Рис. 14). Кроме того, на площадке городища найдена форма для отливки таких изделий.

Проволочные серьги треугольные с несомкнутыми концами (рис. 4: 18, 19) встречаются в погребениях марийских могильников рубежа I–II тыс.: погребение 2 Юмского, погребение 3 Нижняя Стрелка, погребение 3, 58 Дубовского (Нижитина, 2012). Датировка комплексов с подобными серьгами, в основном, определяется в пределах IX–X вв.

Лапчатые привески (рис. 4: 9, 10) датируются X в. и в целом IX–XI вв. н. э., они декорированы ложновитым орнаментом или насечками по краям и в центре (Лецинская, 1994. С. 120. Рис. 20: 15; С. 123, 23, 24, 43).

Усеченно-конические привески с различным оформлением (жгутами по верху, основанию, концентрическими кольцами и т. д.) (рис. 4: 12, 14) в Прикамье получают распространение с VI–VII вв. (Голдина, Кананин, 2012. С. 439. Табл. 1: 15; С. 441. Табл. 3: 54, 55. С. 442. Табл. 4: 20; Голдина, 2012. С. 255. Табл. 15: 23, 34).

Железные стержни с округлой головкой (рис. 4: 23–25), как выше уже писалось, датируются, в целом, VII–IX вв., и имеют большее сходство с «железными стержнями»

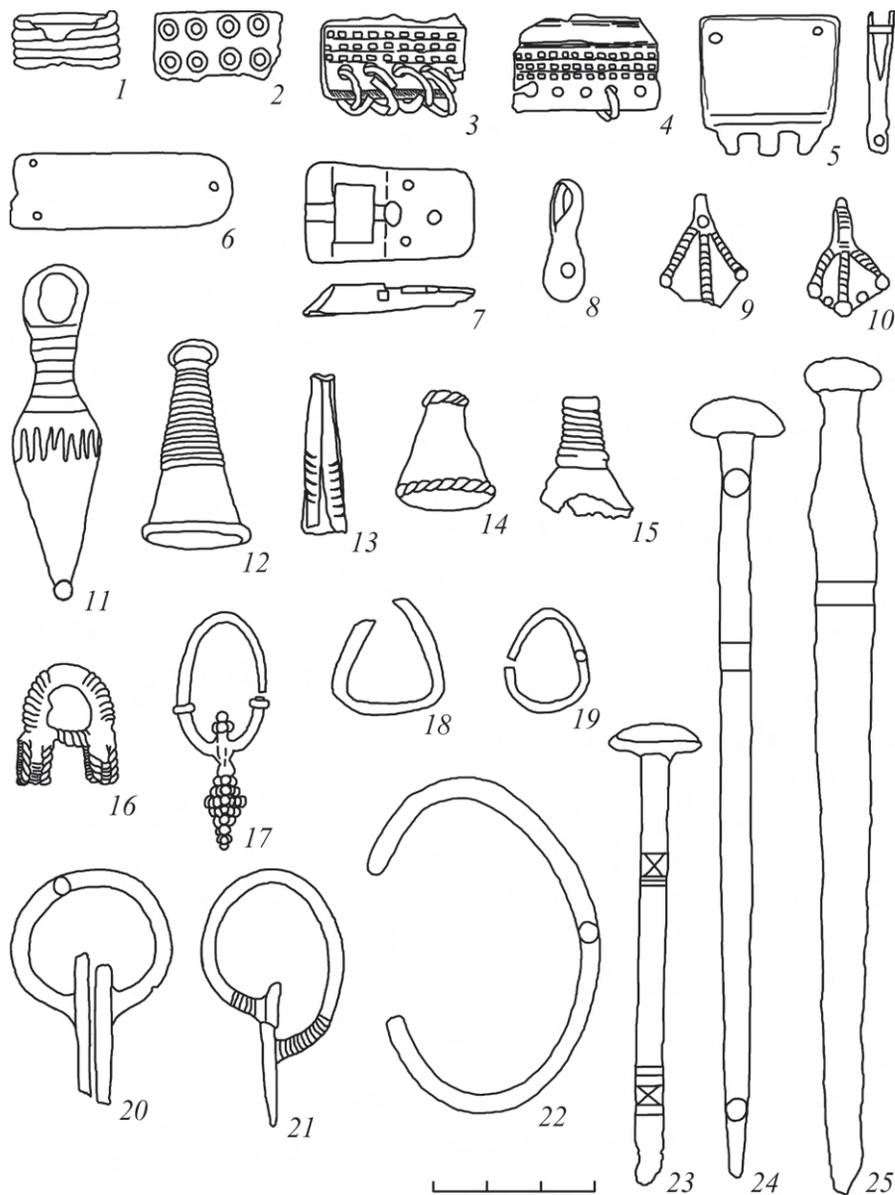

Рис. 4. Вещевой комплекс Еманаевского городища

из Безводнинского и Мл. Ахмыловского могильников, где их датировка определяется в пределах VII – первой половины VIII в. н. э.

Различные варианты поясных накладок и наконечник ремня (рис. 4: 2, 5, 6) были основным типом поясных наборов в середине I тыс. н. э. и повсеместно распространяются со второй половины VI в. (Богачев, 1992. С. 36. Рис. 3; Голдина, 2012. С. 245. Табл. 5).

Два круглодротовых браслета с обычными (обрубленными) концами без орнаментации (рис. 4: 22) являются достаточно редкой находкой. Единичные экземпляры зафиксированы в погребении 16 Мл. Ах-

мыловского могильника (Никитина, 1999. С. 89. Рис. 7А: 12) и Верх-Саинского могильника в комплексах VI–VII и последней четверти VIII – первой четверти IX в. (Голдина, Перевозчикова, 2012. С. 355. Табл. 12: 9. С. 361. Табл. 18: 12).

Здесь же имеется фрагмент дна рюмкообразного тигля (Лещинская, 1988. Рис. 7: 15).

На мой взгляд, следует обратить внимание на разделение материала городища по 2 хронологическим периодам: VI – первая половина VIII в. н. э. и IX–XI вв. н. э. Если это не так, то надо признать использование части вещей либо в более ранний период, либо значительно позднее (табл. 6).

Таблица 6. Еманаевское городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Перстень								
Подвеска								
Сюлгама								
Сюлгама								
Серьга грозд.								
Серьга пров.								
Лап. привеска								
У-к. привеска								
Жел. стержень								
Тигель								

Сомовское городище расположено на правом берегу р. Волги в 4,7 км к юго-западу от д. Сомовка и в 1–1,5 км к северо-западу от д. Белогорка Воротынского района Горьковской области на мысу коренной террасы, образованный береговым склоном Волги и оврагом. Общая исследованная площадь составляет 574 кв. м.

По мнению Т.Б. Никитиной, временем существования городища является вторая половина I тыс. н.э., с наиболее вероятной датой – VII в. н.э. (Никитина, 2002. С. 182).

Сюлгама бронзовая, подпрямоугольная в сечении, концы завернуты в трубочку и слегка выступают (размеры 2,2×2,6 см). По внутреннему и внешнему краям кольца нанесены короткие насечки. Язычок круглый в сечении (рис. 5: 4). Подобные сюлгамы были весьма широко распространены на марийских памятниках, в частности, они имеются в материалах Младшего Ахмыловского могильника и Ардинского городища. Соответствует типу 1Б1е по материалам мордовских могильников и датируется IV–VI вв. н.э. (Вихляев и др., 2008. С. 49).

Сюлгама бронзовая из круглой проволоки с расплюснутыми и завернутыми в трубочку концами, слегка выступающими за контуры дрота (рис. 5: 5). В.И. Вихляев, относит подобные сюлгамы к армиевскому и селиксенскому типу (АПА1), которые бытовали со II по VII вв. н.э. (Вихляев, 1977. С. 16), позднее датировка получила более узкие рамки в типе 1А2а в рамках VI–VII вв. н.э. (Вихляев и др., 2008. С. 44).

Сюлгама бронзовая из круглой проволоки с расплюснутыми концами, завернутыми в трубочку и слегка выступающими за преде-

лы основного дрота (рис. 5: 6). Поверхность украшена зонами из параллельных поперечных нарезных линий. В.И. Вихляев относит ее к типу А2А5, который датируется периодом V–VIII вв. н.э. (Вихляев, 1977. С. 14–19).

Пластинчатая усатая сюлгама, с закрученными в трубочки концами. Длина усов больше трети диаметра сюлгамы, поверхность украшена насечками и квадратами (рис. 5: 7). Т.Б. Никитина считает, что данная сюлгама близка, «но не является полной аналогией типу АПБ1 по типологии В.И. Вихляева и приблизительно датируется VII–XI вв.» (Никитина, 2002. С. 181). Более правильным будет отнести ее к типу 1Б3б, который бытует с конца VII до середины VIII в. н.э. и относится к стадии 9 общей хронологии могильников западной части Среднего Поволжья (Вихляев и др., 2008. С. 53; Рис. 4).

Бронзовый спиральный перстень (рис. 5: 3), имеет широкие аналогии в древностях Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Датируются они в целом IV–VII вв., хотя, как выше уже говорилось, они встречаются в комплексах погребений вплоть до X в. и вряд ли могут являться хронологическим маркером.

В культурном слое раскопа I обнаружена каменная черно-белая таблетковидная бусина с инкрустацией (рис. 5: 1). В.Б. Деопик отмечает, что подобные бусы встречаются в могильниках юго-восточной Европы в VI–IX вв. (Деопик, 1961. Рис. 3: 2, 7).

Дополнительную информацию по времени существования городища могут дать литейные формы. Их датировку вполне убедительно обосновала Т.Б. Никитина, указав, что они являются частой находкой в погребениях

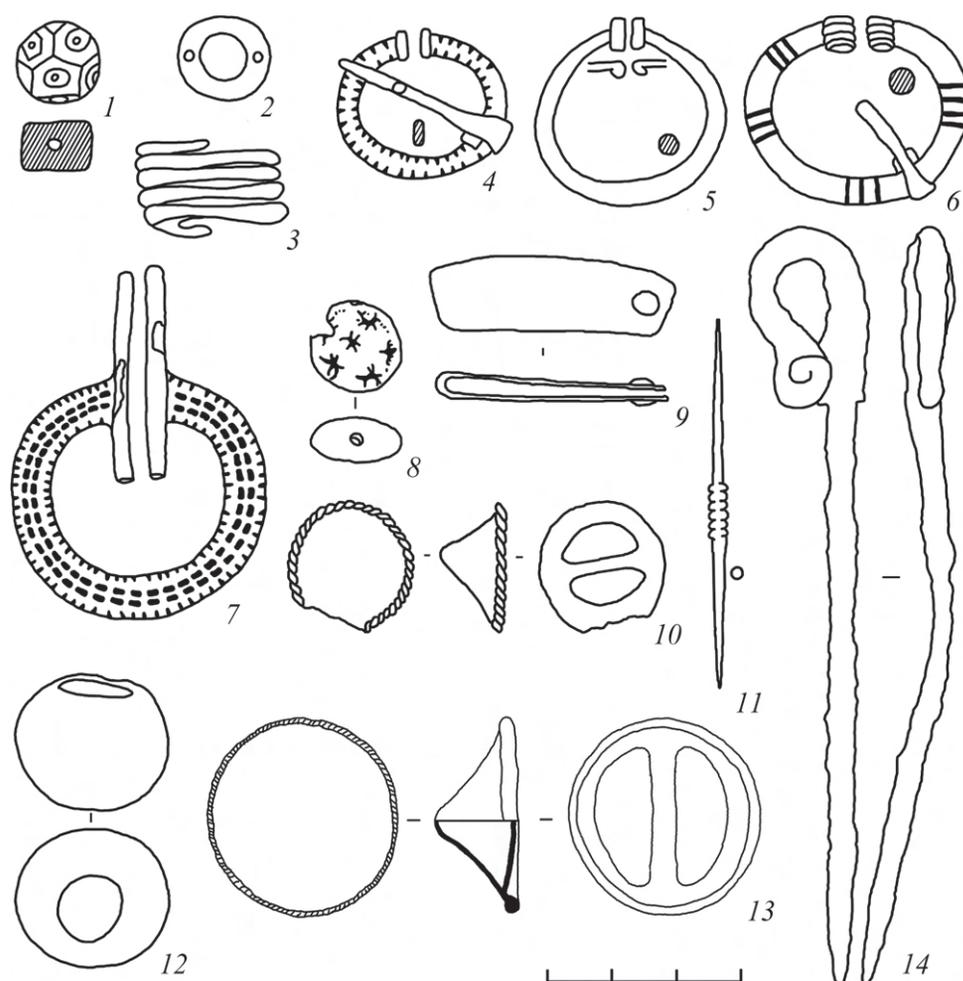

Рис. 5. Вещевой инвентарь марийских городищ

1–7 – Сомовское II; 8–11 – Федоровское (Чортово); 12, 14 – Красноселищенское II;
13 – Красноселищенское I

волжских финнов V–XI вв.: мери, муромы, мордвы, мари (Никитина, 2002. С. 181).

С учетом того, что многие находки существовали в более ранний период, и того, что городище, все-таки, не является единовременным закрытым комплексом, имеет смысл датировать его в целом VI–VII вв. н. э. (табл. 7).

«Чортово городище» расположено на правом берегу р. Ветлуги в 500 м к северу от д. Федоровское и в 6500 м от г. Ветлуги Нижегородской области. Общая исследованная площадь составляет 253 кв. м.

К датировке этого городища, в силу особенностей памятника – наличие на его площадке могильника, обращались неоднократно многие исследователи. А.Х. Халиков и Е.А. Безухова, на основании своих раскопок, предлагали дату в пределах III–V вв. с пе-

реходом в начало VI в. (Халиков, Безухова, 1960. С. 16–17). Анализировавший известные материалы О.Н. Бадер полагал, что городище существовало в течение VII–VIII вв. н. э. (Бадер, 1951. С. 32). Дополнительный и весьма значительный материал был получен при исследовании памятника в 2009 г. Д.Ю. Ефремовой, но он, к сожалению, пока недоступен.

Бронзовая умбоновидная бляшка со жгутовой каймой по внешнему краю окружности и поперечной планкой для крепления с внутренней стороны (рис. 5: 10) имеет довольно широкий ареал распространения. Она имеет аналогии в могильниках Среднего Поволжья и памятниках пьяноборско-азелинского круга на Вятке первая половина I тысячелетия (Халиков, Безухова, 1960. С. 16; Степанов, 1980. С. 67. Табл. 20: 7. С. 81. Табл. 34: 1; Лещинская, 2014. С. 197. Табл. 100: 8; Шитов,

Таблица 7. Сомовское городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Сюлгама								
Сюлгама								
Сюлгама								
Сюлгама								
Перстень								
Бусина								

Таблица 8. Чортово городище. Датирующие находки.

Предмет	Хронологический отрезок (век)							
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Бляшка								
Бусина								
Нак. ремня								

1988. С. 33. Табл. III: 3). В Мл. Ахмыловском могильнике они зафиксированы в погребении 738 (Никитина, 1999. Рис. 39: 5), которое можно датировать V в. н. э.

Сердоликовая таблетковидная бусина с инкрустацией из белой пасты (рис. 5: 8), в Верхнем Прикамье найдены в VII в. (Голдина, Кананин, 1989. С. 73) в Удмуртии в погребениях VI–VII вв. Петропавловского могильника (Семенов, 1976. С. 3, 10).

Медный пластинчатый наконечник ремня (рис. 5: 9) имеет аналогии в рязано-окских могильниках. И. Г. Розенфельдт по древностям Оки относит сходные изделия к типу II (Розенфельдт, 1982. С. 106. Рис. 24: 5) и датирует VI – началом VII в. н. э. Аналогичные наконечники в Бродовском могильнике Прикамья датируются V в. н. э. (Голдина Р. Д. 2012. С. 241. Табл. 1: 15–17; С. 244. Табл. 4; С. 245. Табл. 5).

Вероятно, следует согласиться с Т. Б. Никитиной, определившей время существования данного памятника в качестве городища VI – началом VII в. н. э. (Никитина, 2002. С. 179) (табл. 8).

Отдельные датирующие вещи имеются в материалах городищ I и II, расположенных в Горномарийском районе Марий Эл у д. Красное Селище на мысах коренной террасы правого берега р. Суры в 680 м к В и в 1940 м к ВЮВ от восточной окраины деревни, соответственно. Стационарно исследовалось Красноселищенское I городище, где вскрыта площадь около 116 кв. м.

На Красноселищенском I городище найдена умбоновидная бронзовая бляшка со жгутовой окантовкой по краю (рис. 5: 13). По своему внешнему виду она схожа с бляшкой, найденной на «Чортовом городище». На Красноселищенском II городище найдена булава железная – длиной 115 мм, верхний конец загнут фигурной петлей, низ изделия приострен (рис. 5: 14). Аналогии известны в материалах нижнего и верхнего горизонтов Изборского городища VII–XIII вв. (Седов, 2007. С. 288–289). Более узкая дата использования аналогичного изделия зафиксирована на Попадьянском селище VI–VII вв. в Поволжье (Леонтьев, 1996. Рис. 103: 1). Массовой данная находка является в материалах именьковской культуры IV–VII вв., где она получила название «посоховидная булава» (Матвеева, 2004. С. 49).

Таким образом, проанализированные материалы свидетельствуют, что часть городищ функционируют в середине – третьей четверти I тыс. н. э., что соотносится со временем существования могильников безводнинско-ахмыловского круга и, вероятно, именно с этим населением можно связывать всплеск активности в регионе. Следующий этап – рубеж I–II тысячелетий н. э., время функционирования Ижевского и Еманаевского городищ, когда происходило сложение этнокультурной территории марийского населения. Необходимо отметить, что данные выводы будут уточняться по мере анализа всего комплекса материалов марийских городищ.

Литература

- Архитов Г. А., 1962. Городища первой половины I тыс. н. э. в Марийской АССР // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. С. 206–231. (Тр. МАЭ. Вып. II.)
- Архитов Г. А., 1962а. Ижевское городище (результаты раскопок 1961 года) // Вопросы истории и археологии Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во. С. 141–160. (Тр. МарНИИЯЛИ. Вып. XVII.)
- Архитов Г. А., Патрушев В. С., 1982. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. С. 51–82. (АЭМК. Вып. 6.)
- Ахмедов И. Р. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. Раннеславянский мир. Вып. 9. М. С. 137–186.
- Ахмедов И. Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Раннеславянский мир. Вып. 13. М. С. 7–34.
- Бадеф О. Н., 1951. Городища Ветлуги и Унжи // МИА. Вып. 22. М. С. 110–158.
- Богачев А. В., 1992. К хронологии погребальных комплексов Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья IV–VIII вв. // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ, С. 25–36. (АЭМК. Вып. 21.)
- Бугров Д. Г., 2015. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. № 4 (14). С. 7–34.
- Вихляев В. И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: Мордов. гос. ун-т. 97 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. в западной части Среднего Поволжья. Саранск. 352 с.
- Вязов Л. А., Салугина Н. П., Семькин Ю. А., 2014. Городище и селище Новая Беденьга I (Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 15) // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 369–446.
- Генинг В. Ф., 1958. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции за 1957 год. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Пижмы, правого притока р. Вятки, произведенных Марийской археологической экспедицией в 1957 году // НРФ МарНИИ. Оп. 1. Д. 84.
- Генинг В. Ф., 1970. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура. Свердловск-Ижевск. 224 с. (ВАУ. Вып. 10.)
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев р. Камы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та. 214 с.
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье / Науч. ред. В. Е. Майер. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 174 с.
- Голдина Р. Д., 1994. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сборник науч. тр. / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Изд. Удм. ун-та. С. 16–29.
- Голдина Р. Д., 2012. О датировке и хронологии неволинской культуры // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет. С. 203–285.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 2012. Хронология верхокамских древностей VI–XIV вв. // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет. С. 427–446.
- Голдина Р. Д., Пастушенко И. Ю., Перевозчикова С. А., Черных Е. М., Голдина Е. В., Перевозчиков С. Е., 2012. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья: Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 23. Ижевск. 264 с.
- Голдина Р. Д., Перевозчикова С. А., 2012. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во Удмуртский университет. С. 321–375.
- Голдина Р. Д., Ютина Т. К., 2012. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоново-го II могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. – XV в. н.э.): хронологическая атрибуция. Сборник статей. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во: Удмуртский университет. С. 447–472.
- Голубева Л. А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров (САИ. Вып. Е1-59). М.: Наука. 111 с.
- Гришаков В. В., Зеленева Ю. А., 1990. Муромы VII–XI вв. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.

- Деоппик В. Б., 1961. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. № 3. С. 202–232.
- Корзухина Г. Ф., 1978. Предметы убора с выемчатыми эмальями V – первой половины VI в. н. э. в Среднем Поднепровье. Л.: Наука. 124 с. (Археология СССР; вып. Е1-43.)
- Королев К. С., 1997. Население Средней Вычегды в древности и средневековье. Екатеринбург: УрО РАН. 195 с.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 220 с.
- Лаптева Т. А., 1994. Эполетообразные застёжки Прикамья // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сборник науч. тр. / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Изд. Удм. ун-та. С. 128–155.
- Ледяйкин В. И., 1974. К вопросу о происхождении городецкой культуры // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск. С. 33–41. (Тр. МНИИЯЛИЭ. Вып. 45.)
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 340 с.
- Лещинская Н. А., 1988. Исследования Еманаевского городища // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск. С. 79–107.
- Лещинская Н. А., 1994. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвуз. сборник науч. тр. / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Изд. Удм. ун-та. С. 88–128.
- Лещинская Н. А., 2014. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск. 472 с.
- Матвеева Г. И., 2004. Среднее Поволжье в IV–VIII вв.: именьковская культура. Самара: Изд-во Самарский университет. 168 с.
- Михеев А. В., 2018. Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследований 2013 года) // Поволжская археология. № 1 (23). С. 241–252.
- Мурыгин А. М., 2001. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна Мезени. Екатеринбург: УрО РАН. 151 с.
- Никитина Т. Б., 1990. Инвентарь могильника «Нижняя стрелка» // Древности Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИ. С. 81–118. (АЭМК; вып. 17.)
- Никитина Т. Б., 1999. История населения Марийского края в I тыс. н. э. (по материалам могильников). Йошкар-Ола. 160 с. (Тр. МАЭ. Вып. V.)
- Никитина Т. Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ. 432 с.
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань. 408 с. (Археология евразийских степей; вып. 14.)
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Горюховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н. э.). М. С. 113–141. (Ранне-славянский мир; вып. 10.)
- Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М.: Наука. 177 с.
- Седов В. В., 2007. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука. 413 с.
- Семенов В. А., 1976. Петропавловский могильник // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск. С. 3–50.
- Семенов В. А., 1980. Варнинский могильник // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С. 5–135.
- Смирнов А. П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА. Вып. 28. М. 276 с.
- Уткин А. Ф., Черников В. Ф., 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола: МарНИИ. С. 41–66. (АЭМК; вып. 23.)
- Халиков А. Х., Безухова Е. А., 1960. Материалы к древней истории Поволжья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году). Горький. 60 с.
- Халиков А. Х., 1962. Очерки истории населения марийского края в эпоху железа. Второе Васильсурское городище // Железный век Марийского края. Тр. МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола. С. 138–158.
- Шитов В. Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 году) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск. С. 4–43. (Тр. Морд НИИ ЯЛИЭ; вып. 93.)

A. V. Mikheev

The Chronology of the 5th – 11th centuries Mari Settlements

Abstract. The article tackles the issues of the medieval Mari settlements chronology (5–11 cc. A.D.). Based on a wide range of findings analogous to individual findings, two chronological periods can be distinguished: the 5th – 7th – 8th cc. and the 8th – 11th cc. A set of objects is defined that exist during a relatively long or short period of time and that are widely or locally used. We singled out and described common problems for dating Mari settlements of the Middle Ages and insufficient consideration of the most wide-spread material – ceramics.

Key words: the Middle Ages, the Mari tribes, settlements, chronology, the Middle Volga.

List of figures

Fig. 1. Base-map of the 5th – 11th cc. Mari settlements location. Numbers indicate settlements mentioned in the article

1 – Fedorovskoye (Chortovo); 2 – Izhevskoye; 3 – Yemanaevskoye; 4 – Kubashevskoye; 5 – Ardinskoye; 6 – Somovskoye I; 7 – Vasilsurskoye II; 8 – Krasnoselishchenskoye I; 9 – Krasnoselishchenskoye II; 10 – Ivanova Gora

Fig. 2. Artefact inventory of the Mari settlements

1–3 – Ardinskoye; 4, 5 – Vasilsurskoye II; 6 – Ivanova Gora; 7–14 – Kubashevskoye

Fig. 3. Artefacts assemblage of Izhevskoye settlement

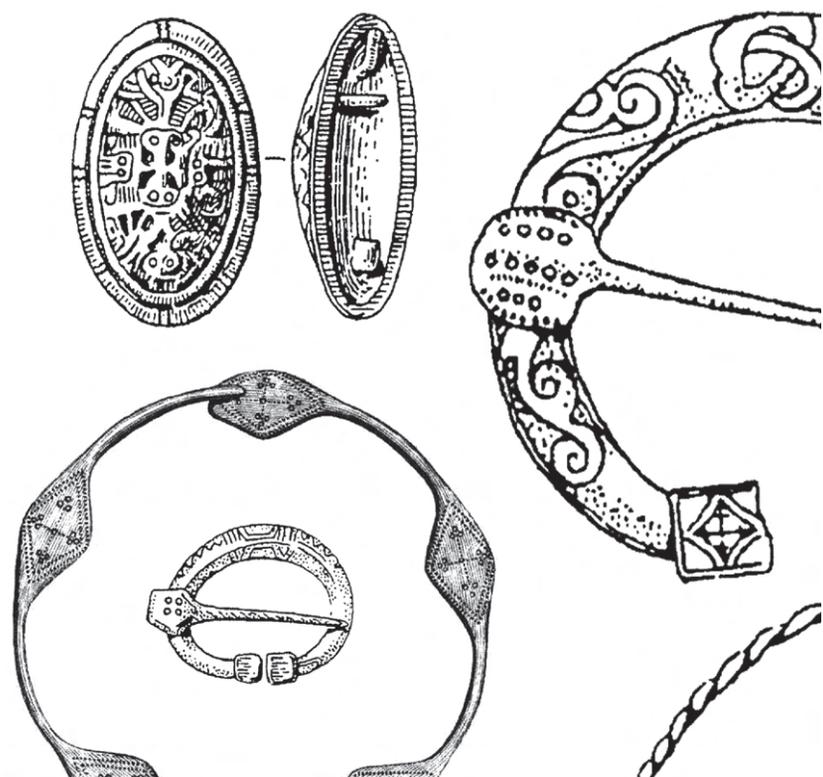
Fig. 4. Artefacts assemblage of Yemanaevskoye settlement

Fig. 5. Artefact inventory of the Mari settlements

1–7 – Somovskoye II; 8–11 – Chortovo (Fedorovskoye); 12, 14 – Krasnoselishchenskoye II; 13 – Krasnoselishchenskoye I

**СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ ФИННЫ:
ИСТОРИОГРАФИЯ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ**

**NORTHWESTERN FINNS: HISTORIOGRAPHY
AND ARCHAEOLOGICAL REALITIES**

Е. Р. Михайлова

Из истории изучения славяно-финских отношений в Ингерманландии и в Водской земле

Я прошу читателя поверить мне на слово, что я прочитал те книги, которые собираюсь критиковать...

Э. Эванс-Притчард

Там, где археологические и историографические интерпретации совпадают друг с другом, там можно называть имена. Там, где этого нет, лучше промолчать.

Х. Вольфрам

Резюме. Статья посвящена истории археологического изучения контактов и взаимоотношений финно-язычных народов Северо-Запада России с русским (славянским) населением тех же территорий на протяжении эпох средневековья и Нового времени. По мнению автора, сложившиеся в историографии концепции в своей основе восходят к идеям XIX в. и нуждаются в существенной корректировке с учетом накопленных к настоящему времени материалов и идей. Нуждаются в ревизии взгляды на возможность и методы археологического изучения этнокультурного развития и межэтнических взаимоотношений. Необходимо также отказаться от привычного прямолинейного отождествления древнерусской культуры (культуры раннего государственного образования) со славянской.

Ключевые слова: Ингрия, Водская земля, водь, ижора, корела, этничность, древнерусская культура, курганные погребения.

В российской археологии традиционно широко употребляются термины, связанные с этничностью и этнической историей: *этническая принадлежность, этнокультурные взаимоотношения, этноопределяющие находки* и т.п. При этом само содержание понятия «этническое» в работах коллег остается неопределенным и, как правило, подразумевает соотнесение носителей определенной культурной традиции с крупной группой языков (критику такого подхода с точки зрения лингвиста см., напр., *Напольских*, 2015. С. 234–235). Между тем само существование «этничности» применительно к древним эпохам, как и содержание понятия «этнос» в древних источниках, активно дискутируется. Так, в последнее время среди исследователей, занимающихся периодом раннего средневековья, вновь оживился интерес к разработкам так называемой Венской и Торонтской школ (*Шпирт*,

2013; *Кибинь*, 2014. С. 9–12; *Стефанович*, 2018). Примечательно, что обращаются к этой проблеме преимущественно историки, занимающиеся текстами, – именно тексты содержат упоминания народов и племен и позволяют реконструировать репрезентацию и саморепрезентацию древних общностей. В археологической российской литературе содержание понятия «этничность» анализируется редко. Примечательным исключением является разве что сборник «Этничность в археологии или археология этничности?» (Этничность... 2013). Но, например, недавно изданный Л. С. Клейном сборник его работ разных лет, специально посвященных этногенезу (*Клейн*, 2013, 2013а), демонстрирует нам взгляд автора не столько на проблемы этничности и происхождения этносов, сколько на различные аспекты культурологии древности, в полном соответствии с пониманием автором

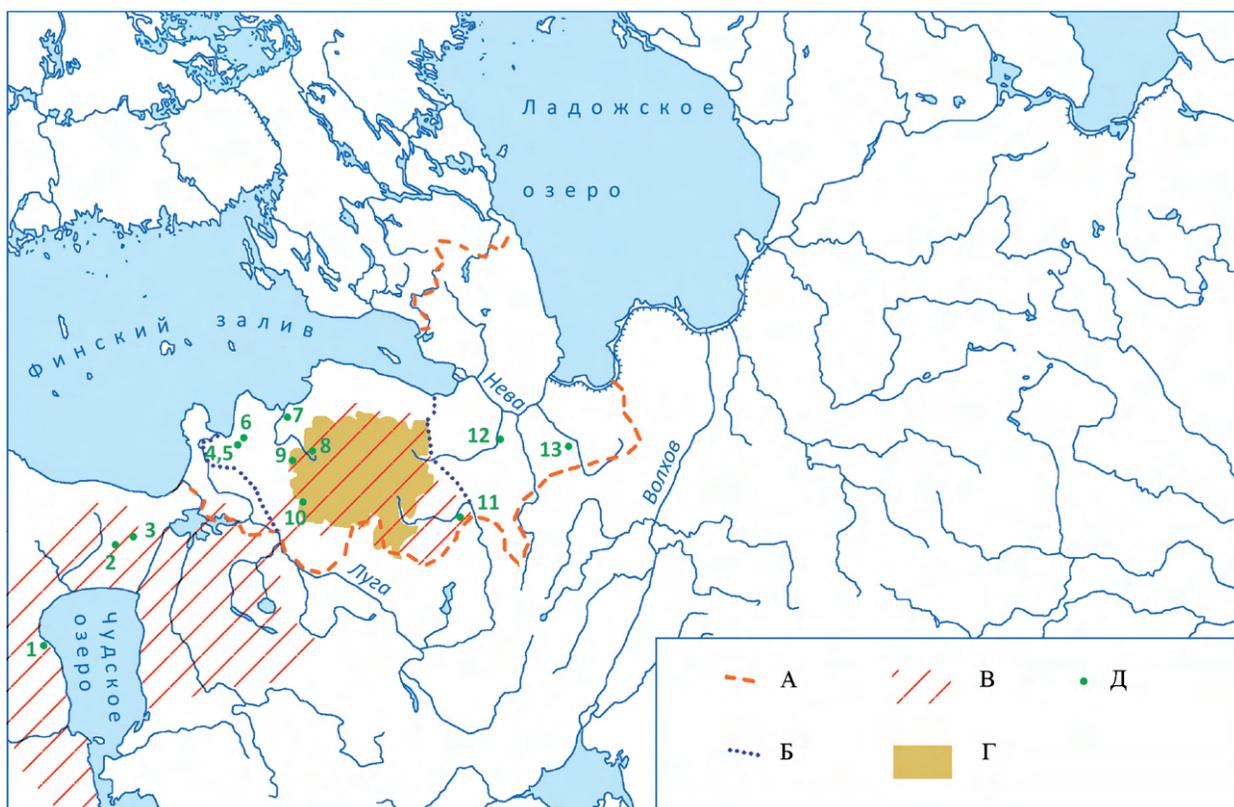

Рис. 1. Схематическая карта территории современной Ленинградской области

A – граница Ингерманландии; Б – западная и восточная границы Водской земли (по: *Рябинин*, 1997. Рис. 3); В – примерная территория ингерманландской зоны древнерусской культуры; Г – территория Ижорского плато; Д – памятники, упомянутые в тексте статьи. 1 – Раатвере; 2 – Йыуга; 3 – Пюхтица (Куремяэ); 4 – Валговицы; 5 – Великино; 6 – Вердия; 7 – Урмизно; 8 – Ратчино; 9 – Войносолово; 10 – Мануйлово; 11 – Вырица; 12 – Войскорово; 13 – Кирсино

археологии как преимущественно культурологической дисциплины.

Настоящая статья не ставит целью исчерпывающий анализ проблемы этнического в средневековье, ее тема гораздо уже – рассмотреть сложение историографической традиции изучения славяно-финских отношений на территории сравнительно небольшого региона, оглянуться назад и посмотреть, как формировались сегодняшние подходы, насколько применим и эффективен существующий инструментарий. В название статьи вынесены два региона, частично совпадающих топографически, – Ингерманландия и Водская земля, т. к. речь пойдет о двух разных этапах в истории славяно-финских отношений. Под термином «финские» здесь понимаются все прибалтийско-финские народы/языки, а не только финны Финляндии.

Ингерманландия (Ингрия) как культурная область окончательно оформилась в период шведского владычества и в основном

совпадает с территорией расселения ижор, занимая прибрежные территории у Финского залива и земли вдоль Невы, нижнее течение р. Луги, Ижорскую возвышенность и большую часть Карельского перешейка. С севера с Ингерманландией граничила Выборгская губерния (так называемая Старая Финляндия); с востока и юга – окружала территория, в средние века составлявшая Новгородскую землю, куда территория Ингерманландии долгое время входила, и граница между ними довольно условна – по линии русско-шведской границы XVII в. (рис. 1).

Водская земля занимала только часть Ингерманландии и малую часть средневековой Новгородской земли. Практически каждый исследователь, занимавшийся исторической географией земель Великого Новгорода, по-своему очерчивал границы Водской земли, но все сходились в том, что ее основная территория – это Ижорское плато (подробнее см.: *Рябинин*, 2001. С. 10–18).

Россия вернула себе земли Ингерманландского лена в результате Северной войны. Ингерманландия в 1-й пол. XVIII в. – это территория, разоренная войной и заново устраиваемая, с обращением земель в удельные и помещичьи, заселяемая в том числе многочисленными переведенцами. Вновь вошедшие земли требовалось описать и осмыслить – усилия авторов XVIII–XIX вв. (не столько историков, сколько статистиков, географов и бытописателей) позволяют нам представить всю сложность этнических взаимоотношений в этом небольшом регионе. Авторы того времени могли непосредственно наблюдать картину сложных межэтнических взаимодействий, а отчасти и конструировать ее.

Первая половина XIX в. в России – время, когда русский образованный класс, открыв для себя летописи, создавал образ национальной истории. Для территории Ингерманландии такую работу выполнил Андреас Йохан Шегрен. Его книга «О происхождении финского населения С.-Петербургской губернии и о происхождении названия Ингерманландии» (*Sjögren*, 1833) сформировала набор этнографических понятий и стереотипов и во многом предопределила направления историко-этнографических исследований на Северо-Западе. А. И. Шегрен описал основные группы финского населения, соотнес ижору и воть с данными русских летописей и западноевропейских хроник. Еще одно важное имя – Петр Кеппен. Помимо известных этнографических карт Европейской России и Санкт-Петербургской губернии, П. И. Кеппен составил «Хронологический указатель для истории инородцев европейской России» (*Кеппен*, 1861), где в хронологическом порядке расположил выписки из исторических документов. «Указатель...» Кеппена очертил тот основной круг письменных источников, которым пользуются и современные исследователи.

Таким образом, в середине XIX в. сформировалась та парадигма в изучении истории славяно-финских отношений на территории Ингрии/Петербургской губернии, которой мы следуем до сих пор. В ней присутствуют три небольших финских народа (воть, ижора и корела), с древности занимающие каждый свою отдельную землю,

имеющие каждый свой особый этнографический облик (тоже с древности) и отдельную историю вассальных отношений с Новгородом. Расселившиеся здесь же в XVII в. ингерманландские финны и в XVIII–XIX вв. эстонцы выводятся за скобки как позднее явление. Картина в целом получается довольно статичная, не включающая в себя древние миграции, собственное культурное развитие, взаимоотношения финских народов, локальные катастрофы и разрывы местных культурных традиций и многое другое, что и составляет предмет этнической истории как таковой. Современным народам подобраны соответствия в средневековых письменных источниках и предложена более или менее славная непрерывная история для каждого народа отдельно.

Между тем непосредственные наблюдения земских деятелей и этнографов конца XIX – нач. XX в. рисовали гораздо более сложную картину. Воть, ижора, карелы, ингерманландские финны, эстонцы не составляли монолитных общностей (например, у ижор так и не возникло единого самоназвания). Основными водоразделами в среде крестьянского населения Петербургской губернии были языковой (между русскими и финноязычными) и конфессиональный (в губернии жили православные, староверы, лютеране-латыши, сектанты). При этом – множество смешанных браков, двуязычие в пределах многих деревень и даже больших крестьянских семей. Реальная картина межэтнического взаимодействия – это картина контактов, сотрудничества и конфликтов в первую очередь между соседними общинами, волостями или их частями либо – между крестьянами и властями; этнографические особенности придавали ситуации определенный локальный колорит.

Археология второй половины XIX в. только накапливала фактический материал. Стремясь найти в археологических данных непосредственное отражение летописных сведений, археологи в своих интерпретациях шли за историками. Наиболее аккуратен в своем анализе оказался И. Р. Аспелин, который выделил в финно-угорских древностях позднего железного века отдельную ингерманландскую группу, характеризующуюся курганным обрядом захоронения, и связал этот обряд с контактами

со славянским миром (*Aspelin*, 1875. С. 318–327; 1878. Р. 224). Однако было понятно, что «ингерманландская зона» в эпоху средневековья была неоднородна: об этом совершенно ясно свидетельствовали письменные источники. Еще Кеппен в своем «Хронологическом указателе» привел сообщения Первой Новгородской летописи о событиях 1240-х гг., упоминающих рядом «Водь и Чудь». Здесь это явно не синонимичные понятия, в отличие, кстати, от позднейшего времени (см., напр. *Кеппен*, 1851. С. 43).

В 1896 г., публикуя материалы раскопок Л. К. Ивановского, А. А. Спицын отметил, что где-то среди раскопанных тем курганов должны быть древности води. Он, из общих соображений, предположил, что они должны находиться в стороне от общего массива древнерусских курганов и иметь сходство с древностями западных соседей: эстов и еми. Этим условиям отвечали два могильника у западного края Ижорского плато: Мануйлово и Войносолово, а также Пюхтицкий могильник на левобережье Нарвы (*Спицын*, 1896. С. 48–52). П. А. Висковатов, раскопавший курганы в Пюхтице, напротив, был склонен считать их новгородскими или связанными с каким-то другим пришлым населением (*Висковатов*, 1894). Отсюда берут начало две традиции истолкования комплексов «северо-западно-новгородского облика»: на территории Эстонии они воспринимаются как сильно обрусевшая водь, возможно, переселившаяся с более восточных территорий (*Лиги*, 1986; *Ligi*, 1993; *Ligi, Valk*, 1993 и др. работы), российские исследователи, напротив, обращают внимание в первую очередь на «финские»/«эстонские» элементы (см. ниже).

Подробное археологическое изучение средневековой Водской земли началось после Второй мировой войны. Любопытно, что для Ленинградской области ситуация 1950-х годов отчасти повторяла ситуацию начала XVIII в.: шло активное научное изучение запустевшей в результате войны и депортаций территории с прерванной живой традицией – исследователи вновь должны были полагаться в первую очередь на традицию ученую (преимущественно сочинения XIX в.) и дедуктивный подход.

Этапная работа того времени – большая статья В. В. Седова «Этнический состав на-

селения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.)» (*Седов*, 1953). Естественными границами северо-западных новгородских земель в работе приняты р. Нева, южный берег Финского залива, р. Нарва и Чудское озеро; сухопутные границы определены с некоторой долей условности: южная – линией от юго-восточного угла Чудского озера до Новгорода, восточная – линией от Новгорода почти точно на север к истоку Невы из Ладожского озера. Исследователь разделил массив изученных здесь захоронений (большую их часть составили материалы Ижорского плато) на две группы, различающиеся своим географическим расположением и набором женских украшений. Первую из них, занимавшую южные и центральные районы выбранной территории, по наличию височных колец В. В. Седов уверенно связал со славянами. Далее он попытался разделить «славянские» погребения на кривичские (с браслетообразными височными кольцами) и словенские (с ромбоштитковыми), но отметил, что разделить эти два типа височных колец на два ареала невозможно. Группу погребений с многобусинными кольцами, встречаемыми почти исключительно в северных районах, В. В. Седов связал с «финским населением северо-запада», а именно водью, упоминаемой письменными источниками. Разделить «водские» и «славянские» курганные захоронения по деталям обряда не удалось, а грунтовые могильники вдоль южного побережья Финского залива и рек Невы и Ижоры были отнесены к ижорским на основании общих соображений – там, согласно А. И. Шегрену и П. И. Кеппену, должна была жить ижора, а «отсутствие курганов – признак неславянского населения». Предложенное разделение погребальных древностей подтверждалось данными физической антропологии и ономастикой писцовых книг.

Хотя в настоящее время выделенные В. В. Седовым группы рассматриваются, скорее, как хронологически различные, отражающие последовательные этапы развития региональной культуры (см., напр., о многобусинных височных кольцах – *Рябинин*, 2001. С. 55–56; *Лесман, Рябцева*, 2013), эта работа (как и развивающие ее – см., напр., *Седов*, 1984) стала образцом комплексного подхода,

на которую ориентировались и позднейшие исследователи.

В 1970-х на территории Ижорской возвышенности и южного берега Финского залива начинают активно работать два исследователя, много сделавшие для изучения финского населения и на рубеже двух веков опубликовавшие важные обобщающие труды.

О. И. Конькова обратилась к изучению средневековой культуры, двигаясь от этнографических данных. Она вновь проанализировала массив погребальных комплексов Ижорского плато и во многом согласилась с выводами В. В. Седова – в частности, с признанием многокомпонентности характера местной культуры и сложности антропологического состава населения, а также о связи, прямой или опосредованной, распространения курганного обряда с древнерусским освоением региона. Некоторые положения она предложила скорректировать, в первую очередь, благодаря уточнению датировок типов металлических украшений: выделенные В. В. Седовым в качестве «водских» индикаторов предметы характерны для конца XII – XIV в. и относятся к более позднему хронологическому периоду, чем «славянские». Вместе с тем О. И. Конькова отметила, что в культуре населения плато в конце XII – XIII в. действительно происходят важные изменения, которые нельзя объяснить просто хронологической сменой вещевого комплекса. Возможная причина этих изменений, по мнению исследовательницы, – переход в течение XIII в. автохтонного населения Ижорского плато, жившего чересполосно со славянским, к древнерусской погребальной обрядности, вследствие чего черты культуры и антропологического облика автохтонов проявились в общем массиве курганных захоронений (Конькова, 2007).

В ходе собственных полевых исследований О. И. Конькова обследовала более 20 грунтовых могильников XI–XVIII вв. на южном побережье Финского залива – в зоне, где расселение ижоры зафиксировано историческими и этнографическими источниками. Материалы 111-ти раскопанных в ижорских могильниках погребений позволяют реконструировать развитие погребального обряда от практи-

чески поверхностных ингумаций (сразу под дерном или в мелких грунтовых ямах, без поверхностных каменных конструкций) до жальничных погребений (в гробах в глубоких, до 1 м, овальных могилах, отмеченных на поверхности каменными обкладками). Ориентация погребенных за несколько веков изменилась с северной на юго-западную (Конькова, 2008. С. 11–21). Несколько позже аналогичные могильники были исследованы близ д. Кирсино в бассейне притока Невы р. Мги (Сорокин, 2008. С. 91–113; Сорокин, Певнева, 2014). Самое раннее из всех изученных захоронений в ижорских могильниках датируется XI – нач. XII в. и было раскопано в могильнике Урмизно – детская ингумация, обнаруженная практически под дерном; соседнее погребение, также детское, представляло собой частичную кремацию (Конькова, 2008. С. 14–15).

Памятников, более ранних, чем XI в., которые можно было бы уверенно считать предшественниками ижорских грунтовых кладбищ, пока не выявлено. По мнению О. И. Коньковой, предшествующие памятники следовало бы искать среди поверхностных могильников с рассыпными кремациями, распространенных в финском мире (Конькова, 2008. С. 20), однако здесь есть свои трудности. В последние годы поверхностные рассыпные кремации все чаще выявляются в лесной зоне Восточной Европы, и не всегда они связаны с финскими культурами (см., напр., Михайлова, 2014). Изучение погребальных памятников этого типа, представляющих, без сомнения, одну из основных и самых древних погребальных традиций огромной территории, только начинается. Выделить среди своеобразных, очень трудных для изучения могильников отдельную группу и надежно связать ее с конкретной поздней культурой будет нелегко.

Погребальные памятники средневекового водского населения – также грунтовые могильники – выделил Е. А. Рябинин. Его работы продолжают и развивают традицию, заложенную В. В. Седовым: выделить в археологическом материале этноопределяющие вещи, определить тесно связанные с ними памятники и, после сопоставления с широким комплексом историко-этнографических и документальных источников,

дать им возможно более узкое этническое определение (Рябинин, 1997). Памятники средневековой води Е.А.Рябинин искал на территории средневекового Толдожского погоста «в Чюди», расположенного на западных скатах Ижорской возвышенности и ниже, вокруг системы озер, соединенных речкой Хаболовкой, – т.е. на территории, вплоть до недавнего времени заселенной водью. Он обследовал здесь группу могильников, расположенных на низких песчаных всхолмлениях и отмеченных на поверхности валунными оградками вокруг могил, очень близких обычным древнерусским жальникам. Три могильника (Валговицы, Великино и Вердия) были раскопаны целиком; изученные в них погребения датируются XII–XVI вв., некоторые – еще более поздним временем. На общем фоне жальничных погребений средневековой Новгородской земли могильники Толдожского погоста выделяются незначительной глубиной ранних могил, наличием орудий труда (серпов в женских захоронениях и кос-горбуш – в мужских) и устойчивым комплексом женской одежды. Характерные черты одежного комплекса – отсутствие браслетов и фибул, наличие булавок и нагрудных цепочек, применение мелких металлических бляшек и спиралек для декорирования ткани (Рябинин, 1997. С. 32–42).

Показательно, что ближайшие параллели описанному им «чудскому» костюму Е.А.Рябинин находит не в этнографическом водском костюме, а в костюме хэваских ижор и латвийских кривингов; отдельные же элементы известны на всей территории Восточной Балтики. Сходство с водской одеждой, известной по этнографическим собраниям, проявляется в археологических памятниках не ранее XVI–XVII вв.; кроме упомянутых могильников, следует назвать и так называемый клад Кригера (по фамилии находчика) – медный котел с несколькими богато украшенными предметами одежды XVII в. (Хвоцинская, 2009) (рис. 2).

Нижняя дата водских могильников Толдожского погоста определяется в пределах XII–XIII вв. и, скорее всего, – не ранее второй четверти XIII в. (Рябинин, 1997. С. 41). Как и в случае с ижорскими могильниками, памятники непосредственно предшествующего времени не выявлены. Каменные

могильники римского времени, исследованные на территории жальничных могильников Валговицы и Великино, скорее всего, связаны с ними только топографически.

Результаты планомерных полевых исследований конца XX – нач. XXI в., выявившие новые группы и типы памятников, в первую очередь погребальных, дали принципиально новый фактический материал для изучения славяно-финских отношений в эпоху развитого средневековья и нового времени, но не сумели разрешить проблем в археологическом изучении тех же процессов более ранних эпох. Важнейшими из них являются проблематичность самой возможности изучения этнических процессов методами археологии и определение характера и механизма распространения древнерусской культуры.

Определение конкретных типов вещей как этнокультурных индикаторов, даже если и возможно, безусловно, должно сопровождаться массой оговорок, хотя бы потому, что любые предметы могли стать предметом торговли, дара или подражания в иной среде. Во множестве комплексов находок с территории Ингрии, в особенности сравнительно ранних, сочетаются различные этноопределяющие вещи.

Наиболее показательна находка из с. Войскорова на р. Ижоре, которая с момента публикации ее А.М.Тальгреном традиционно рассматривается как один из ранних ижорских могильников (см., напр.: Рябинин, 1997. С. 68–69). Могильник был открыт в 1908 г. при земляных работах на ровном, без признаков курганных насыпей, участке речного берега – несколько вскрытых грунтовых могил составляли только часть средневекового кладбища. Здесь были собраны овальная «карельская» фибула, две подковообразные фибулы с широкой двускатной орнаментированной дугой, фрагменты ромбошитковых височных колец, витая гривна (?), дисковидная брошь, обломок широкопластинчатого браслета, стеклянная или пастовая бусина, копьё и топор (Tallgren, 1928. S. 20; 1928a. P. 163–164) (рис. 3). В находке из Войскорова сочетаются металлические украшения, связанные с несколькими регионами. Ромбошитковые височные кольца характерны для всей средневековой Новгородской земли и обычно связываются с ее

Рис. 2. Расшитый передник из так называемого клада Кригера.
Фото К. В. Шмелева

славянским населением; подковообразные фибулы с характерным асимметричным растительным узором входят в обычный набор женских украшений средневековой Корельской земли (их находки сосредоточены в центральной части Карельского перешейка и в области Саво в Восточной Финляндии) (Кочкуркина, 2017. С. 54), овальная фибула относится к типу С1 по Ю. Айлио, представленному в основном в Восточной Финляндии и Приладожской Карелии (Линтури, 1984. Рис. 2).

Отнести столь явную «разноадресность» находок только на счет возможной смешанности случайно открытого комплекса вряд ли возможно. Схожий набор вещей представлен и в недавно изученной женской ингумации под курганом 4 в могильнике Ратчино-1 в западной части Ижорского плато. При похороненной здесь пожилой женщине были найдены парные фибулы типа С1 по Ю. Айлио, фрагменты нагрудной цепи с Ф-образными цепедержателями, головная цепочка и две булавки с двуспираль-

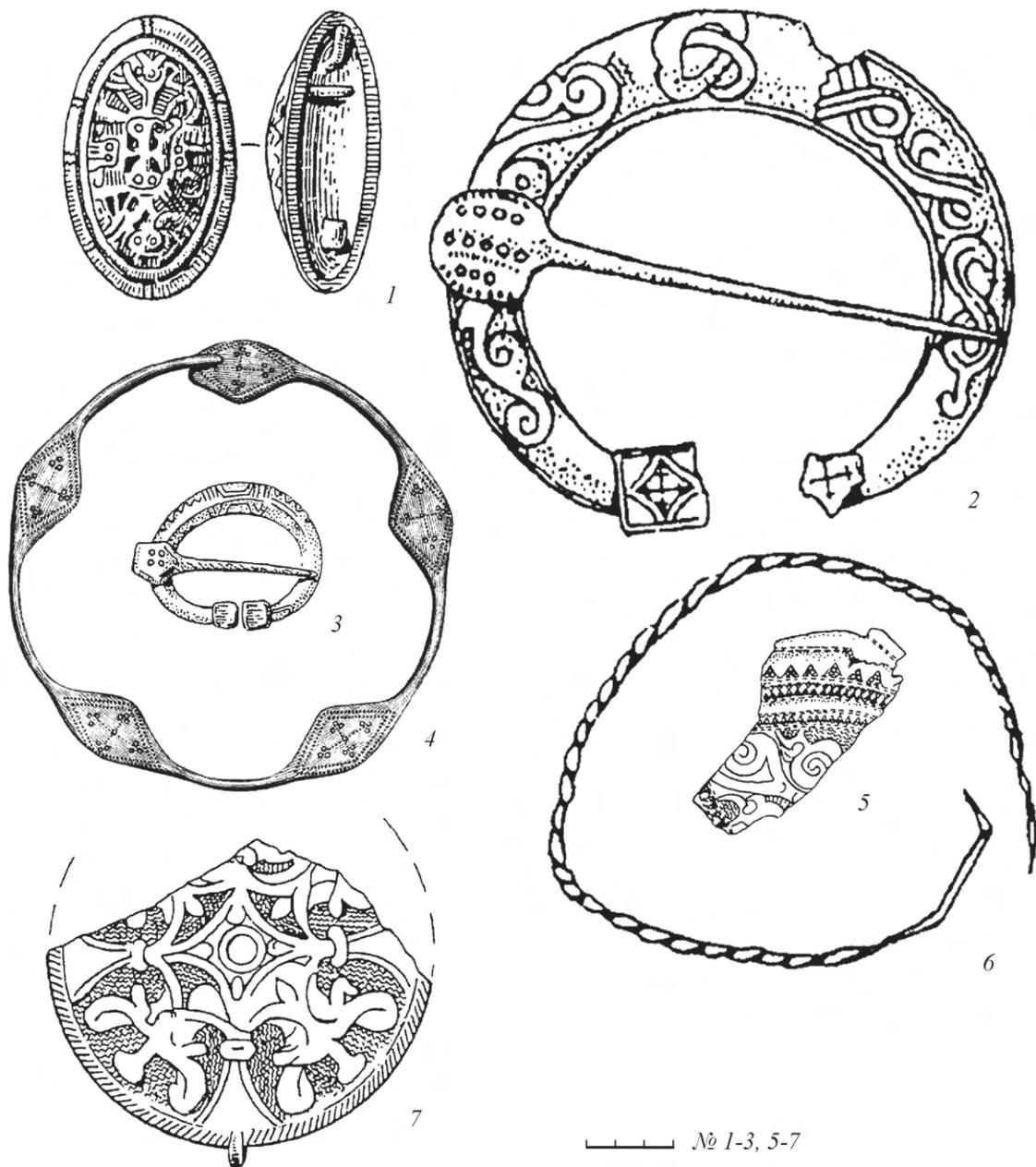

Рис. 3. Войсковово. Металлические украшения

1-3, 5-7 – в прорисовке Е. А. Рябинина (1997. Рис. 19); 4 – по: Tallgren 1928. Fig. 14 (б/м)

ными головками (с многочисленными аналогиями на территории Эстонии), а также обычные для северо-западных новгородских земель предметы: плоская привеска-конек, широкосрединный перстень, витые браслеты с обрубленными концами (Стасюк, 2012. С. 78-80. Рис. 13, 14).

Находки овальных фибул типа С1 по Ю. Айлио, происходящие с территории Ингрии, имеют свою специфику. Фибулы этого типа возникли как подражание более

ранним овальным фибулам с зооморфной орнаментацией в стиле Борре (конкретнее – типу 48В по Я. Петерсену) (Ailio, 1922. S. 18-19). Фибулы типов С и D по Ю. Айлио были вновь подробно проанализированы Э. Линтури, дополнительно подразделившей каждый тип на несколько групп (1984). Согласно ее наблюдениям, фибулы типа С1 представлены следующими сериями находок: изготовленная серийно (возможно, в одной мастерской) группа фибул С1/1а;

изготовленные индивидуально (вслед за группой C1/1a?) фибулы группы C1/1b; группа C1/2, представленная одной серией находок с одним и тем же изъяном в орнаменте. Фибулы типа C1 в целом производились в первой половине – середине XI в., при этом группа C1/1b могла быть изготовлена позже или бытовать дольше, чем другие фибулы этого типа, но также в пределах XI в. (*Линтури*, 1984. С. 148–150, 154). Все находки с территории Ингрии происходят из более поздних памятников: находки из Войсковорова следует датировать концом XII – XIII в. (*Рябинин*, 1997. С. 69), погребение из Ратчино, перекрытое мужскими ингумациями XII в., датировано автором раскопок рубежом XI–XII вв. (*Стасюк*, 2012. С. 79), хотя, с учетом набора вещей в целом, это погребение следует отнести скорее к нач. XII в.

Охарактеризованные выше фибулы представляют собой серии изделий, произведенных всего в нескольких мастерских. Нет необходимости придавать им значение этнических индикаторов: распространенные в безусловно финских культурах застежки имитируют популярные и качественные образцы, выработанные на германском Севере. Логичнее видеть в их распространении локальную традицию – деятельность группы мастерских, совместно или преемственно изготавливавших украшения востребованных форм. В таком случае максимальная концентрация точек на карте демонстрирует нам не область расселения этнической группы, а зону сбыта мастерских или локальные различия во вкусах потребителей.

Столь же разномастны вещи, встреченные в других средневековых погребениях могильника Ратчино-1: наряду с предметами, распространенными по всей Восточной Балтике или – уже – Северо-Западной Руси, в его погребениях встречены металлические предметы, имеющие более узкие аналогии на территории Готланда, Финляндии, Северной Латвии и др. Лепная керамика могильника Ратчино аналогична бытовавшей на территории Северной Эстонии (*Стасюк*, 2012. С. 73–82).

Сходную картину демонстрируют материалы синхронного Вырицкого могильника на р. Оредеж. Материалы погребений, раскопанных в 1907 г. слушателями Санкт-

Петербургского археологического института, проанализировал Ю. М. Лесман (2008). Часть находок носит следы сильного огня, что позволяет предполагать наличие кремаций. Вырицкий могильник демонстрирует все основные направления связей Ижорского плато разом. Мы видим здесь сочетание предметов, распространенных в равной степени в лесной зоне Восточной Европы, Прибалтике и Скандинавии, с более локальными типами, выработанными преимущественно в Юго-Восточном Приладожье. Особенно интересно на этом фоне наличие в Вырице браслетов, основное типологическое развитие которых связано сразу с двумя регионами – Юго-Восточным Приладожьем и Эстонией. Это ладьевидный браслет, орнаментированный поперечными зигзагами, и два ленточных (плоских с расширенными концами) браслета с продольной врезной линией по оси (рис. 4).

Дальнейшие вещеведческие и технологические исследования, без сомнения, позволят выделить центры производства и цепочки передачи ремесленных навыков для многих других артефактов, как например, это делается для территории Юго-Восточного Приладожья (*Енисоова*, 2017).

Изложенные выше наблюдения хорошо согласуются с представлениями о сложении древнерусской культуры как сплава многих составляющих, оформившегося в результате в качественно новое явление. В лесной зоне Восточной Европы древнерусская культура формируется в X–XI вв. как один из вариантов культуры эпохи викингов (подробнее см.: *Лесман*, 2014, – там же обширная библиография), очень быстро оказывается связана с вновь возникшей политической структурой и плотной вуалью накрывает Восточную Европу, впитывая и усваивая, наравне с североевропейскими/балтийскими, также центральноевропейские, балканские, степные и многие локальные элементы.

Для Северо-Запада Восточной Европы основным квалифицирующим признаком древнерусской культуры позднего X – XI в. оказывается характерная круговая керамика и – с определенными оговорками – курганные кладбища с ингумациями. Оба эти явления быстро распространяются на территории Северной Руси, проникая в том

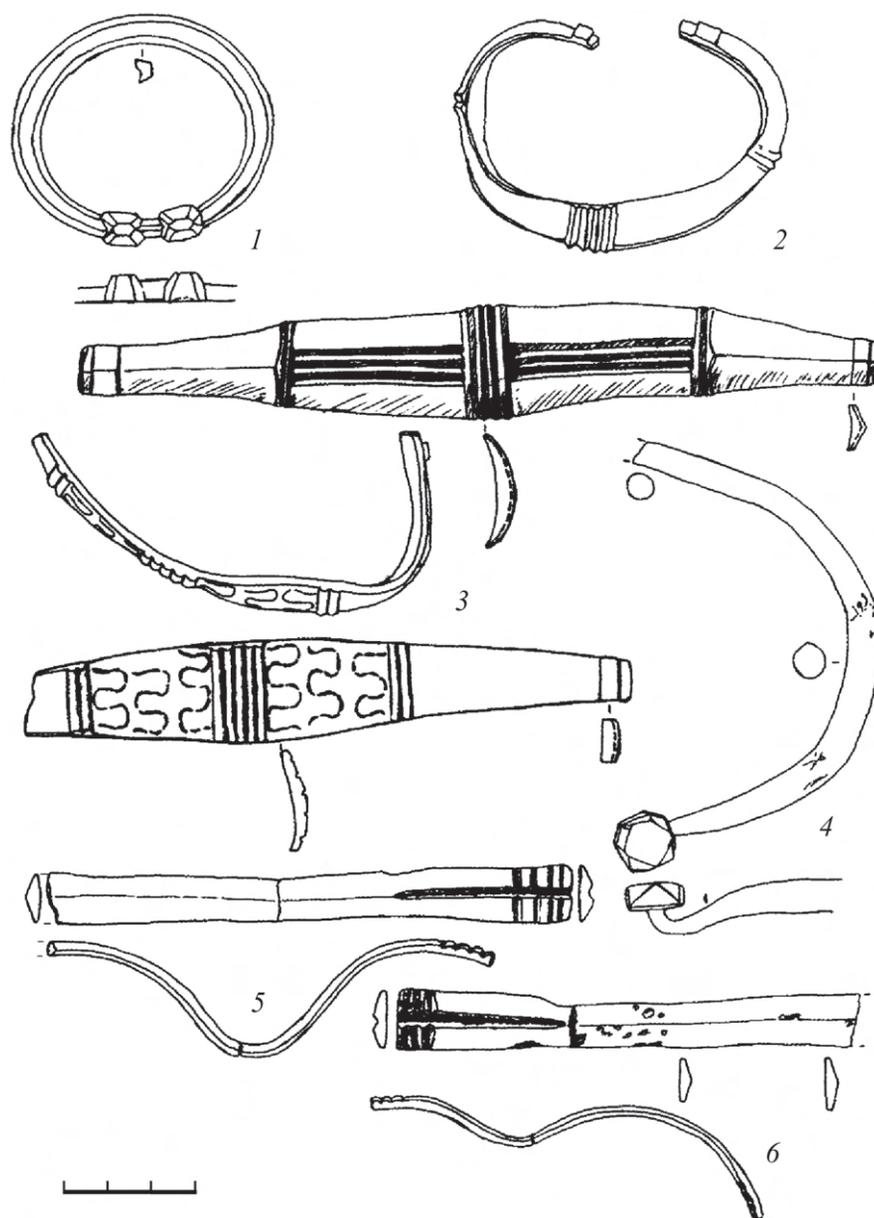

Рис. 4. Вырица. Фибула, браслеты и фрагмент гривны (?).
Бронза (по: Лесман, 2008. Рис. 1)

числе и на запад от Чудского озера и р. Нарвы. Здесь можно упомянуть курганные и курганно-жальничные могильники в Северо-Западном и Западном Причудье (Ligi, 1993. Lk 24–35; Ligi, Valk, 1993. Jn. 1), находки древнерусской круговой керамики в могильниках Йыуга, Куремяэ, Раатвере и др. (Ligi, 1993. Lk 42; Lavi, 1999. Jn. 10, 13, 14). В этой ситуации вряд ли нужно искать отражение прямого влияния или притязаний Древнерусского государства, это нормальная для эпохи средневековья нечеткость культурных границ и наличие значительных

переходных зон, каждую из которых, в свою очередь, можно рассматривать как отдельное явление. Культурную зону, сформировавшуюся на северо-западном краю Руси, можно, вслед за И.Р. Аспелином, назвать ингерманландской, не вкладывая в этот термин иного смысла, кроме географического (см. рис. 1).

На смешанный, переходный характер культуры значительных территорий Северной Руси неоднократно обращали внимание исследователи. В советской и последующей российской историографии оказалась наибо-

лее распространена точка зрения, объясняющая возникновение такого рода контактных зон результатами этнических взаимодействий, при этом «древнерусское» практически отождествляется со «славянским». Применительно к Ижорскому плато этот взгляд наиболее последовательно сформулировал Е. А. Рябинин в целой серии своих работ, в том числе монографических (1997, 2001).

Иное объяснение предложил Ю. М. Лесман (2014), изучивший большую группу артефактов, распространенных преимущественно вдоль северо-западных, северных, отчасти северо-восточных и восточных границ Руси (в Латгалии, восточной Эстонии, южной Финляндии, Приладожье, на территории мордвы и муромы). Он предложил интерпретировать эти артефакты как «связанные с группами местного нерусского населения, которые несли пограничную службу в Древнерусском государстве в XI, отчасти XII и, возможно, конце X в.» и, возможно, упомянуты письменными источниками как колбяги. Мне думается, такой подход одновременно и схематизирует реальность, и рисует ее гораздо более организованной, чем это было в действительности. Культурные явления, как и языковые, обладают определенной автономией, и конкретных механизмов их передачи может быть множество. Очерченная Ю. М. Лесманом обширная зона – это прежде всего пространство интенсивных культурных контактов внутри восточнобалтийского мира, важнейшей составной частью которого, начиная с X в., становится древнерусская культура. Взаимодействие этого мира с юго-восточными соседями вплоть до Костромы и Муромы, шло по трассам путей, сложившихся в предшествующие эпохи и лишь со временем обернулось распространением новгородского влияния (Михайлова, 2016. С. 23).

Что же касается возможностей изучения археологическими методами этнической истории, вывод будет скорее скептическим. Прежде всего, следует сказать, что наше современное систематическое понимание «этнического» очень далеко от реалий древности, поскольку оформилось во второй половине XIX в., в условиях массовой пись-

менной культуры и при поддержке таких явлений нового времени, как деятельность государственной бюрократии, наличие периодической печати на «не-сакральных», «народных» языках, государственные программы школьного образования и др. (см., например: Геллер, 1991; Андерсон, 2001). Повседневный опыт советского человека, с рождения приписанного к определенной национальности (своего рода квази-сословию), особенно провоцирует стремление обязательно определить этническую принадлежность древних культур.

Понимание «этнического» в древности, судя по всему, принципиально отличалось от современного. Прежде всего, оно не было столь же однозначно определенным и неизменным, конкурировало со многими другими идентичностями (локальными, культовыми, клановыми, потестарными, профессиональными и т. п.), а в каких-то случаях просто отсутствовало. Язык, одежда, оружие, внешний облик и многие другие черты не столько являлись жесткими этническими маркерами, сколько служили «неоднозначными и неотчетливыми» приметами различий, значение которых можно определить только с учетом конкретного контекста, известного современникам (ср.: Pohl, 1988).

Археологи, имея дело с фрагментами материальной культуры, комбинируют памятники и комплексы с позиций внешнего наблюдателя. Безусловно, выявленные культурные традиции удастся так или иначе увязать с принадлежностью древнего населения к той или иной языковой семье, однако проследить историю возникновения и развития *этносов*, появления и смены значений этнонимов, восстановить те конкретные культурные границы, которыми определяла себя именно *этническая*, а не локальная, религиозная, политическая или иная общность, археологическими средствами вряд ли возможно. Не стоит отказываться от принятых в археологической литературе обозначений – «чудь», «мурома», «славяне» или «германцы», но следует отдавать себе отчет в том, что это скорее удобные и понятные ярлыки, чем точное определение.

Литература

- Андерсон Б., 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 288 с.
- Висковатов П. А., 1894. Пюхтицкое древнее кладбище Эстляндской губернии. (К X Археологическому Съезду в г. Риге) // *Временник Эстляндской губернии*. Кн. 1, 1893 год / Под ред. Ал. Харузина. Ревель: Тип. наследников Линдфорса. С. 237–244.
- Геллер Э., 1991. Нации и национализм: Пер. с англ. / Ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс. 320 с.
- Енисова Н. В., 2017. Техника изготовления и химический состав металла украшений из памятников Юго-Восточного Приладожья и бассейна Онежского озера // Кочуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНИИЦ РАН. С. 117–138.
- Кеппен П. И., 1851. Водь и Водская пяттина. Отрывок из пояснительного текста к Этнографической карте Санкт-Петербургской губернии Петра Кеппена // *Журнал Министерства народного просвещения*. № 5. С. 41–67.
- Кеппен П. И., 1861. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб.: типография Имп. Академии наук. 510 с.
- Кибинь А. С., 2014. От Ятвязи до Литвы: Русское пограничье с ятвягами и литвой в X–XIII вв. М.: Квадрига. 272 с.
- Клейн Л. С., 2013. Этногенез и археология. Т. 1. СПб.: Евразия. 528 с.
- Клейн Л. С., 2013а. Этногенез и археология. Т. 2. СПб.: Евразия. 528 с.
- Конькова О. И., 2007. Этнический состав средневекового населения Ижорского плато (постановка проблемы) // *Вестник СПбГУ*. С. 226–240. (История. Вып. 1)
- Конькова О. И., 2008. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга*. Вып. 2. Древности Ижорской земли / Ред. и сост. П. Е. Сорокин. СПб.: б/и. С. 9–33.
- Лесман Ю. М., 2008. Вырицкий курганный могильник // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга*. Вып. 2. Древности Ижорской земли / Ред. и сост. П. Е. Сорокин. СПб.: б/и. С. 33–74.
- Лесман Ю. М., Рябцева С. С., 2013. О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе // *Stratum plus*. № 5. С. 309–335.
- Лесман Ю. М., 2014. Скандинавский компонент древнерусской культуры // *Stratum Plus*. № 5. С. 45–87.
- Лиги П., 1986. О води на территории Эстонии // *ИАН ЭССР. ОН*. Т. 35. № 2. С. 156–166.
- Линтури Э., 1984. Зооморфные овально-выпуклые фибулы Финляндии и Приладожской Карелии эпохи крестовых походов // *Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11–15 мая 1981 г.* / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука. С. 148–155.
- Михайлова Е. Р., 2014. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // *Русь в IX–X вв.: Общество, государство, культура*. М.; Вологда: Древности Севера. С. 317–335.
- Михайлова Е. Р., 2016. Древности второй половины I тыс. вокруг Финского залива: к предыстории Пути из Варяг в Греки // *НИС*. № 16 (26). Вел. Новгород. С. 4–32.
- Напольских ВВ., 2015. Очерки по этнической истории. Казань: Институт археологии им. А. Х. Халикова. 646 с.
- Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских культурных связей (Историко-археологические очерки). СПб.: Изд-во СПбГУ. 260 с.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (Результаты археологических исследований 1971–1991 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин. 261 с.
- Седов В. В., 1953. Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // *СА*. Т. XVIII. С. 191–229.
- Седов В. В., 1984. Водь // *Новое в археологии СССР и Финляндии. Доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии 11–15 мая 1981 г.* / Под ред. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука. С. 155–161.
- Сорокин П. Е., 2008. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные по археологии ижоры // *Археологическое наследие Санкт-Петербурга*. Вып. 2. Древности Ижорской земли / Ред. и сост. П. Е. Сорокин. СПб.: б/и. С. 88–127.

- Сорокин П. Е., Певнева М. В., 2014. Изучение ижорского могильника Кирсино 2 // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Д. А. Мачинского. СПб.: Нестор-История. С. 305–317.
- Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского (МАР. № 20). СПб. 124 с.
- Стасюк И. В., 2012. Население Ижорской возвышенности в I – начале II тыс. н. э. // *Stratum plus*. 2012. № 5. С. 65–88.
- Стефанович П. С., 2018. Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из «древнерусской перспективы» // Историческая память и российская идентичность / Под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН. С. 467–486.
- Хвоцинская Н. В., 2009. Уникальная находка деталей водского костюма XVII в. // ННЗИА. Вып. 24. Вел. Новгород. С. 96–101.
- Шпирт А. М., 2013. Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего Средневековья // Альманах по истории средних веков и раннего нового времени. 2012–2013. Вып. 3–4 / Под ред. А. Н. Маслова, А. А. Кузнецова. Нижний Новгород. С. 42–52.
- Этничность в археологии или археология этничности? Материалы Круглого стола. Челябинск: ЦИКР «Рифей», 2013. 136 с.
- Aspelin J. R., 1878. Antiquités Nord Finno-Ougrien. III. L'Age du fer. Antiquités Morduines, Mériennes et Tschoudes. Helsingfors: G. W. Ecclun. 242 p.
- Lavi A., 1999. Rõhja-Tartumaa rauatõöst muinas- ja varakeskajal // *Journal of Estonian Archaeology*. Vol. 3, 1. Lk. 35–61.
- Ligi P., 1993. Vadjäpärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajand) // *Vadjäpärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajandil)*. (Muinasaja teadus, 2). Tallinn. S. 7–152.
- Ligi P., Valk H., 1993. Vadjäpärased kalmistud Tartumaal (13.–15. sajand) // *Vadjäpärased kalmed Kirde-Eestis (9.–16. sajandil)*. (Muinasaja teadus, 2). Tallinn. S. 176–211.
- Pohl, Walter, 1988. Telling the difference. Signs of ethnic identity // *Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800* / Ed. Pohl, Walter, Reimitz, Helmut (The transformation of the Roman world. Vol. 2). Leiden: Brill Publ. P. 17–69.
- Sjögren A. J., 1833. Ueber die Finnische Bevölkerung des St. Peterburgischen Gouvernements und ueber den Ursprung des Namens Ingermanland. St. Petersburg. 121 S.
- Tallgren A. M., 1928. Les provinces culturelles finnoises de l'âge récent de fer dans la Russie du Nord // *ESA*. Vol. III. Helsinki. P. 3–24.
- Tallgren A. M., 1928a. Die russischen und asaitischen archäologischen Sammlungen im Nationalmuseum Finlands // *ESA*. Vol. III. Helsinki. S. 141–164.

E. R. Mikhaylova

From the History of Studies of the Slavic-Finnish Relations in Ingermanland and the Vod Land

Abstract. The article is devoted to the history of archaeological study of contacts and relations of the Finno-speaking peoples of the North-West of Russia with Russian (Slavic) population sharing the same territories during the Middle Ages and the early modern period. According to the author, by and large the concepts that developed in historiography trace back the ideas of the 19th century and need to be significantly adjusted taking into account the materials and ideas accumulated to date. The views on the possibility and methods of archaeological study of ethnocultural development and interethnic relations need to be revised. It is also necessary to abandon the usual straightforward identification of the culture of medieval Rus (the culture of early statehood) with the Slavic one.

Key words: Ingria, the Vod land, the Vod, the Izhora, the Korela, ethnicity, medieval Russian culture, burial mounds.

List of figures

Fig. 1. Sketch map of modern Leningrad region territory

A – Ingermanland boarder; Б – western and eastern boarders of the Vod land (after: *Ryabinin*, 1997. Fig. 3); В – the approximate territory of the Ingria zone of medieval Rus culture; Г – Izhora Upland territory; Д – sites mentioned in the article. 1 – Raatvere; 2 – Jouga; 3 – P htitsa (Kurem e); 4 – Valgovitsy; 5 – Velikino; 6 – Verdia; 7 – Urmizno; 8 – Ratchino; 9 – Voinosolovo; 10 – Manuilovo; 11 – Vyritsa; 12 – Voiskorovo; 13 – Kirsino

Fig. 2. Embroidered apron from the so-called Krieger hoard. Photo by K.V. Shmelev

Fig. 3. Voiskorovo. Metal jewelry

1–3, 5–7 – trace drawing by E.A. Riabinin (1997. Fig. 19); 4 – after: *Tallgren* 1928. Fig. 14 (no scale)

Fig. 4. Vyritsa. Fibula, bracelets and a torque fragment (?). Bronze (after: *Lesman*, 2008. Fig. 1)

В. Ю. Соболев

Финны западной части средневековой Новгородской земли. Исторические сведения и археологические реалии

Резюме. История западной части Новгородской земли неразрывно связана с историей населявших ее малых финно-угорских народов – ижоры и води (а позднее также ингерманландских финнов) – и их взаимодействием с русским населением, появление которого датируется XI в. Различными исследователями предпринимались попытки вычленения водских погребений из общей массы исследованных на Ижорском плато захоронений. Критериями выделения служили определенные типы женских украшений, не характерные для восточнославянского мира, и детали погребального обряда, однако большинство предлагавшихся маркеров является не этническими, а хронологическими.

В целом, средневековые водь и ижора предстают как небольшие этнические общности с весьма компактными зонами проживания, расширение которых связано с изменениями политической ситуации и культурно-демографическими процессами XVI–XVII вв.

Ключевые слова: Новгородская земля, водь, ижора, средневековье, археология, этнические определения, погребальный обряд.

Формирование древнерусского населения запада Новгородской земли происходило в условиях синтеза нескольких культурных традиций на территории, по мнению ряда исследователей ранее заселенной двумя крупными этноязыковыми массивами (финно-угорским и балтским) (Седов, 1966, Седов, 1979, Седов, 1984; Рябинин, 1997, Рябинин, 2001), ареалы расселения которых выявляются по материалам гидронимии (Седов, 1979. С. 74).

Упоминания води, ижоры и менее определенной «чюди»¹ содержатся уже в наиболее ранних древнерусских письменных источниках. Вся дальнейшая история западной части Новгородской земли оказалась неразрывно связана с историей населявших ее малых финно-угорских народов – ижоры и води (а позднее также ингерманландских финнов), на протяжении многих веков соседствовавших и взаимо-

действовавших здесь с русским населением и Русским государством. Водь впервые упоминается в русских летописях в 1069 г. в связи с участием вожан в военном конфликте между новгородцами и полоцким князем Всеславом (НПЛ... 1950. С. 17). Позднее «водь» и «вожане»² неоднократно появляются на страницах летописей – в связи с событиями 1149 г., 1215 г., 1240–1241 гг., 1270 г., 1316 г. Водь («язычники вотландцы») упоминается также в западноевропейских источниках, в частности, в папских буллах второй половины XII – первой половины XIII в. (Кеппен, 1861. С. 81–82).

Однако вопрос о территории расселения ранне- и средневековой води не разрешен: имеющиеся письменные источники не содержат географических сведений, все исследователи вынуждены оперировать данными поземельных описаний, формирование которых началось не ранее

¹ Этот этнонимом большинство современных исследователей считает собирательным названием для финоязычного населения.

² Возможно, под вожанами, по крайней мере в некоторых случаях, имеются в виду жители Водской земли вообще или даже конкретно ее русское население, на что намекает совместное летописное упоминание «вожан и чюды» в окрестностях Копорья при описании событий 1241 г.

конца XV – начала XVI в., и отразившими географические реалии уже московской эпохи.

Предполагалось, что основной ареал средневекового расселения води – к западу от Копорья, в междуречье Сумы и нижней Луги, где Писцовые книги отмечают наличие двух погостов «в Чюди» – Опольского и Толдожского. В этих же местах фиксируют водь этнографы и представители местной администрации, начиная с конца XVII в. (*Рябинин*, 1997. С. 42–43, *Рябинин*, 2001. С. 12). Таким образом, основу Водской земли составляла западная часть территории Ижорской возвышенности и примыкающая к ней с севера часть побережья Финского залива (*Насонов*, 1951. С. 120–121; *Куза*, 1975. С. 180; *Шаскольский*, 1979. С. 46; *Рябинин*, 1997. С. 20)³.

Первое летописное упоминание ижор относится к 1228 г. (НПЛ..., 1950. С. 65). В течение XIII в. они многократно упоминаются как в русских (летописи, житие Александра Невского), так и в латинских источниках (папские буллы, Хроника Генриха Латыша) (*Кеппен*, 1861. С. 81–82; *Генрих Латвийский*, 1938. С. 222; *Гадзяцкий*, 1940. С. 129–130), последние называют ижор инграми. Сведения средневековых источников о территории проживания ижоры также весьма скудны. Из них можно реконструировать расселение ижор XIII–XIV вв. Они как минимум занимали часть течения Невы и бассейн Ижоры (*Tallgren*, 1938. С. 102; *Насонов*, 1951. С. 121; *Моора*, *Моора*, 1965. С. 69; *Рябинин*, 1997. С. 62–64). С течением времени эта территория расширялась и уже к концу XV в. ижоры достаточно плотно заселили все южное побережье Финского залива вплоть до нижнего течения Луги. Поземельные описания конца XV – начала XVI в. упоминают иже-рян в приморских селениях Каргальского погоста. В последующие столетия ижоры продолжали расселяться к югу от Финского залива и в бассейне Невы (в том числе к северу от нее) (*Рябинин*, 1997. С. 64–65).

Обратимся к материалам археологических исследований. Традиционно предполагается, что истории заселения того или иного региона, расселения в его пределах

отдельных, отличных друг от друга этнических и/или конфессиональных групп находят прямое отражение в материалах погребальных комплексов.

История изучения средневековых древностей Северо-Запада насчитывает более 150 лет (*Спицын*, 1896; *Спицын*, 1903; *Рябинин*, 1997. С. 11–20; *Рябинин*, 2001. С. 19, 23 и далее; *Соболев*, 2016). Памятники раннего времени, относящиеся к первым векам н.э. (усл. римскому времени) и, вероятно, эпохе Великого переселения народов, открыты у дд. Великоино, Валговицы, Керстово, Удосолово (*Рябинин*, 2001. С. 15; *Сорокин*, *Шаров*, 2008). Они представляют собой каменные вымостки и каменные могильники (так называемые таранды) – с погребениями останков по обряду кремации на стороне. Погребальный обряд и инвентарь находят явные параллели в Эстонии и на юге Финляндии. Их связь с памятниками более позднего времени не вполне ясна; существует предположение о господстве в VI–X вв. трудноуловимого погребального обряда с размещением остатков кремации на поверхности земли без каменных конструкций (*Рябинин*, 2001. С. 15 и ссылки).

Могильники с захоронениями по обряду кремации, датируемые второй половиной X в., открытые в регионе в последние годы, весьма не многочисленны (курганские группы у д. Ополье и Ратчино). Важно отметить наличие курганов с кремациями в группах, основная часть захоронений в которых относится древнерусскому времени (напр., кург. группы у дер. Дятлицы, пос. Сиверская).

Общее число исследованных захоронений на западе Новгородской земли, датируемых древнерусским временем (XI – серединой XV в.), превышает 8000 комплексов, т.е. источниковая база достаточна для всестороннего и статистически достоверного анализа. Исследования показали, что русская крестьянская колонизация территории Ижорской возвышенности началась от юго-западной и юго-восточной окраин плато и далее шла к его центру и далее к побережью Финского залива (*Лесман*, 1982; *Лесман*, 2008. С. 65–70). Удалось проследить потоки

³ Проблема появления в научной литературе сведений о так называемой южной води подробно рассмотрена Н. В. Хвоцинской, уверенно доказавшей вымышленность этого народа (*Хвоцинская*, 2009).

переселенцев как из центральных районов Новгородской земли, так и со стороны Пскова (Рябинин, 1997. С. 27; Очерки... 2001. С. 200–205).

Попытки вычленения водских погребений из общей массы исследованных на Ижорском плато захоронений неоднократно предпринимались исследователями. Критериями выделения служили вещи, в первую очередь определенные типы женских украшений, «нехарактерные для восточнославянского мира» (Финно-угры и... 1987. С. 35), и детали погребального обряда, фиксируемые в курганах Ижорского плато.

По мнению В. В. Седова, этнически определяемые как водские находки, «это многобусинные височные кольца, ожерелья, целиком состоящие из раковин каури или включающие таковые, полые привески-уточка, различные шумящие привески, а также найденные в небольшом количестве нагрудные цепочки и фигурные цепедержатели, сходные с ливскими» (Финно-угры и... 1987. С. 35). Наиболее надежным вещевым водским этноопределяющим маркером исследователь считал многобусинные височные кольца (Седов, 1984. С. 156–160).

Данная точка зрения не нашла поддержки (Кольчатов, 1984. С. 170–173), а дальнейшие исследования доказали, что многобусинные височные кольца являются не этноопределяющим типом, а скорее хронологическим индикатором, украшением, популярным у населения Новгородской земли и довольно широко распространенным на Древнерусской территории и за ее пределами (Лесман, 1990. С. 70; Лесман, Рябцева, 2013).

Другая интерпретированная В. В. Седовым как, несомненно, водская, деталь убора – цепедержатели, которые использовались для привешивания различных амулетов (зооморфных, круглых, в виде миниатюрных предметов быта и оружия). По мнению Е. А. Рябинина, цепедержатели изготавливались русскими ремесленниками

и использовались преимущественно в славянской среде (Рябинин, 1988. С. 62). Такие находки в Поплюсье, Верхнем и Среднем Полужье, Приильменье и т. д. подтверждают данную точку зрения.

Предложенные критерии позволили интерпретировать как водские значительную группу погребений и очертить широкий ареал расселения.

Идея принадлежности зооморфных украшений в целом финно-угорскому населению Северо-Запада имеет глубокие историографические корни (Aspelin, 1876) и связана с традициями «исторической археологии», и по мнению ее приверженцев, непосредственно отражающей и скрупулезно точно иллюстрирующей исторические (письменные) источники. Картирование зооморфных привесок, показывая их преимущественное распространение в окраинных и пограничных регионах лесной зоны Восточной Европы (Седов, 1966; Рябинин, 1981. С. 5–6. Рис. 1), на мой взгляд четко демонстрирует лишь степень изученности отдельных регионов. И если для восточной части ареала связь «уточек», «коньков» и др. зооморфных подвесок с местным додревнерусским населением возможна, то для западной части она, на мой взгляд, по меньшей не доказана⁴.

В целом, материалы женских погребений Северо-Запада, в которых найдены зооморфные подвески, бронзовые цепочки, цепедержатели, и не содержащие их, весьма схожи по составу встречающихся украшений, распространены на всей территории, не коррелируют с каким-либо определенным субрегионом, и демонстрируют не этнические общности, а хронологические срезы.

Ни одна из особенностей погребального обряда – помещение в могилу орудий труда и сельскохозяйственных инструментов, отличная от западной ориентация погребения, помещение тела в захоронение в сидячем положении⁵ – не могут служить этническим индикатором именно в силу

⁴ Стоит отметить, что доказательством принадлежности зооморфных подвесок, найденных в самом Новгороде и на территории всего Северо-Запада, нерусскому – финскому или балтскому – населению служат не археологические материалы, а реконструируемое семантическое значение изображений тех или иных птиц и животных, при всей условности опознания их видов и «пород», и упоминание эти животных и птиц в фольклоре.

⁵ Е. Р. Михайлова предположила, что часть погребений, описанных раскопщиками XIX – первой половины XX в. как «сидячие», могла представлять собой уже однажды вскрытые захоронения (например, грабителями) с перемещенными/сложенными кучкой костями верхней части скелета, перекоп которых не был прослежен. Хочется присоединиться к этому мнению.

своей немногочисленности при условии широкого территориального распространения. Все перечисленные особенности спорадически встречаются в пределах территории Древнерусского государства, подчас на значительном удалении друг от друга, в то же время не являясь нигде, в том числе и на западе Новгородской земли, господствующей формой обряда. Стоит акцентировать внимание на мнении Е. А. Рябинина, предположившего связь сидячего способа помещения тела в погребение с появлением на Ижорском плато нового (не русского и не прибалтийско-финского) населения (Рябинин, 2001. С. 109–110).

Сам Е. А. Рябинин выделял иной набор этноопределяющих украшений среди находок из погребальных памятников Водской земли и «чуждских» погостов (Рябинин, 1997. С. 29–31). Исследователь включил в него преимущественно вещи, характерные для западнофинского населения в целом – булавки, двуспиральные железные перстни, арочные и прорезные «цепедержатели», ткани с вплетенными металлическими спиральками⁶, обложенные бронзовым чеканным листом ножны ножей. Предложенный набор предметов сузил число водских средневековых кладбищ, ограничив ареал водского расселения районом Котлов и Копорья, – т. е. местностью, где этнографически зафиксировано проживание води (Рябинин, 1997. С. 32–41).

Очень важное исследование «водской проблемы» проведено Н. В. Хвоцинской (2009). Ею прослежена история сложения научного мифа о существовании южной води и доказана его несостоятельность, очерчена весьма компактная зона проживания средневековой води, вытянувшейся узкой полосой вдоль южного берега Финского залива от Наровы до Копорья.

Критерием выделения погребальных памятников, оставленных ижорой, кроме

схожего с карельским вещевым материалом, стал погребальный обряд: в противопоставление русским курганным ижорскими оказались назначены средневековые грунтовые могильники Приневья, Ижорского плато и Нижней и Средней Луги (Конькова, 2008. С. 12–19). Наиболее полно и емко критерии отбора и аргументацию причисления к ижорским того или иного могильника отражает объяснение включения в выборку могильника в Гатчине, раскопанного В. И. Равдоникасом: «Скелеты находились на глубине 0,7–1,2 м и имели западную ориентировку. В нескольких могилах найдены вещи древнерусского облика. Это браслеты витые 2×4, пластинчатый браслет, перстень с насечками, имитирующими витые, и пластинчатый перстень. Вещевой инвентарь не вызывает сомнений в ижорской принадлежности могильника, хотя конкретных данных для этнической атрибуции, погребенных в нем не было обнаружено» (Финоугры и... 1987. С. 42)⁷.

Исследованные П. Е. Сорокиным в Южном Приневье и на территории Санкт-Петербурга погребальные памятники атрибутированы как ижорские на основании вещевых находок и деталей погребального обряда (Сорокин, 2008). Средневековые кладбища XII–XIII вв., изученные вне древнерусского курганного ареала Новгородской земли, демонстрируют ряд существенных отличий от синхронных памятников соседних микрорегионов и, вероятно, могли быть оставлены иноэтничными коллективами (напр., могильники Кирсино, Порицы, Покровская). Некрополи этого времени не велики по размерам и весьма компактны хронологически, какая-либо связь с кладбищами более позднего времени пока не прослежена.

Могильники, относящиеся к Позднему Средневековью и Новому времени, представляют собой христианские кладбища

⁶ Для финноязычного населения характерны именно бронзовые и латунные проволочные спиральки, надеваемые на нити в процессе производства ткани, и небольшие обрезки тонкого листового металла, согнуты вдвое и применявшиеся для оформления края изделия. Пронизки же, изготовленные из свинцово-оловянистого сплава, аналогичные найденным в Бегуницах (Рябинин, 1997. Рис. 16: 1), распространены на значительно более широкой территории и, на мой взгляд, не несут никакой этнической нагрузки, отражая лишь степень сохранности свинцово-оловянистых изделий в том или ином грунте и тщательность полевой фиксации.

⁷ Могильник в Красногвардейске (Гатчине) был интерпретирован как ижорский автором раскопок В. И. Равдоникасом, несмотря на общедревнерусский облик материальной культуры и наличие перекрывавших могилы курганных насыпей (Равдоникас, 1932), этноопределение было принято большинством исследователей, занимавшихся этнической историей региона, лишь Е. А. Рябинин придерживался иной точки зрения (Рябинин, 1997. С. 71).

и атрибутированы ижорскому населению на основании письменных данных о расселении в Приневье в XVII–XVIII вв., хотя автор раскопок допускает их использование «древнерусскими и финскими колонистами» (Сорокин, 2008. С. 123).

Подводя итоги, приходится констатировать отсутствие надежных критериев выделения финских (инокультурных, не (древне)русских⁸) погребений из общей массы средневековых захоронений, исследованных за западе Новгородской земли. Предлагаемые в качестве этномаркеров типы вещей и детали погребального обряда не удовлетворяют необходимым требованиям: и те, и другие не встречаются исключительно на Ижорском плато, Приневье, Восточном Причудье и/или более компактном микрорегионе, не позволяют очертить доменный ареал той или иной этнической или культурно-исторической общности⁹. Более того, полностью отсутствуют эталонные памятники, где тот или иной тип украшения или деталь погребального обряда доминировала на протяжении функционирования кладбища или на определенном хронологическом этапе. Обращает на себя внимание и отсутствие корреляции предложенных этномаркеров друг с другом (уровней вещь – вещь или вещь – признак), существование у средневековой этнической общности лишь какого-то одного маркера идентичности представляется маловероятным. В то же время многие из предложенных этномаркеров (как вещевых, так и обрядовых – кроме перечисленных выше это и ориентация погребений, «сидячие» погребения, покрытие насыпи кургана глиняным сводом или мелкими камушками и пр.) единично, по одному-два погребения,

встречаются на весьма широкой территории и в широких хронологических рамках. Это, на мой взгляд, дополнительно ставит под сомнение их связь с определенной этнической группой¹⁰.

Широкое дисперсное распространение в погребальной культуре региона того или иного признака, на мой взгляд, скорее говорит о существовании в новгородском христианском социуме общих представлений (суеверий) о связи личностных характеристик покойного (возраста, семейного или социального положения, роли или репутации в локальном сообществе, обстоятельств смерти и т.п.) и необходимых ритуальных действий фиксируемых археологами в деталях погребального обряда¹¹.

Показательно, что выделенная И. В. Стасюком группа памятников, связанных с «чудским» – эстским – расселением в Восточном Причудье и Принаровье и на Ижорском плато и датируемых X–XI вв., не сохраняет самобытности (Стасюк, 2017а. С. 125–126¹²; Стасюк, 2017б. С. 149). С рубежа XI–XII столетий все перечисленные памятники, за исключением, пожалуй, лишь могильника Залахтовье, представляют собой обычные древнерусские кладбища.

В целом средневековые вольды и ижора предстают как небольшие этнические общности с весьма компактными зонами проживания (узкой полосой вдоль южного берега Финского залива от Наровы до Копорья и по южному берегу Невы и ее притокам Ижоре, Тосне (?), Мге соответственно), расширение которых, по всей вероятности, связано с изменениями политической ситуации и культурно-демографическими процессами, происходившими на Северо-Западе в XVI–XVII вв.

⁸ В данном случае древнерусский – определение не хронологическое или культурно-историческое, но этническое.

⁹ Возможно, критерию компактности ареала (ижоры?) удовлетворяет группа погребений, исследованных в Южном Приневье, где были раскопаны бескурганые ингумации с оружием, вещами и деталями костюма общедревнерусского облика, в то же время деталями погребального обряда отличающиеся от основной массы синхронных захоронений (Шифобок, Сорокин, 2015; Стасюк, 2016).

¹⁰ Если признать широкое распространение на западе Новгородской земли в XII–XIII вв. смешанного славяно-водского населения (Финно-угры и... 1987. С. 35), то остается неясным, откуда в XVI в. появляется этнически чистая, фиксируемая в описаниях, вольда.

¹¹ Нелишним будет подчеркнуть, что погребальные одежды, устройство могилы и надгробного сооружения, фиксируемые нами следы погребального обряда и пр., – все это зависит от семьи, родственников, друзей, попа и/или жителей деревни, т.е. отражает представления не самого покойного, но его окружения.

¹² Выделенную группу памятников, вероятно, необходимо дополнить могильником у дер. Калихновщина, также находящимся в Восточном Причудье.

Литература

- Гадзяцкий С. С., 1940. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. Т. 6. М.: АН СССР. С. 100–148.
- Кеппен П. И., 1861. Хронологический указатель для истории инородцев Европейской России. СПб.: Типография Имп. Акад. наук. 510 с.
- Кольчатов В. А., 1984. Височные кольца Водской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л. С. 167–176.
- Конькова О. И., 2008. Археологические находки на западе Ленинградской области и проблема происхождения ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Древности Ижорской земли / ИИМК РАН, СЗИ Наследия. СПб. С. 9–31.
- Куза А. В., 1975. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука. С. 144–201.
- Латвийский Г., 1938. Хроника Ливонии. М.; Л.: АН СССР. 618 с.
- Лесман Ю. М., 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л. С. 65–74.
- Лесман Ю. М., 1990. Многобусинные височные кольца // ННЗИА. Вып. 3. С. 99–101.
- Лесман Ю. М., 2008. Вырицкий курганный могильник // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Древности Ижорской земли / ИИМК РАН. Вып. 2. СЗИ Наследия. СПб. 215 с.
- Лесман Ю. М., Рябцева С. С., 2013. О многобусинных кольцах, европейской моде и этнографическом уборе // Stratum plus. № 5. 2013. С. 309–336.
- Моора Х. А., Моора А. Х., 1965. Из этнической истории води и ижоры // Slaavi-l nemeresoome suhete ajaloost. Из истории славяно-прибалтийско-финских отношений. Тл.: Ээсти раамат. С. 63–85.
- Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 412 с.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. 1950. М.-Л., 642 с.
- Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны / Под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. 2001. СПб., 500 с.
- Равдоникас В. И., 1932. Ижорский могильник в г. Красногвардейске (б. Гатчина) // СГАИМК. № 11–12. С. 24–31.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. (САИ Е1-60). Л.: Наука. 124 с.
- Рябинин Е. А., 1988. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 55–62.
- Рябинин Е. А., 1997. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: к истории славяно-финских этнокультурных связей. (Историко-археологические очерки). СПб. 260 с.
- Рябинин Е. А., 2001. Водская земля Великого Новгорода (рез-ты арх. исслед. 1971–1991 гг.). СПб. 260 с.
- Седов В. В., 1966. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М.: Наука. С. 246–251.
- Седов В. В., 1979. Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15–17 ноября 1976 г. Л.: Наука. С. 74–80.
- Седов В. В., 1984. Водь // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, С. 155–161.
- Соболев В. Ю., 2016. История изучения археологических памятников Поплюсья во второй половине XIX – начале XX столетия // Археологические вести. Вып. 22 (2016). СПб.: «ДБ». С. 238–245.
- Сорокин П. Е., 2008. Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье. Новые данные об археологии ижоры // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Древности Ижорской земли / ИИМК РАН, СЗИ Наследия. СПб. Вып. 2. С. 88–127.
- Сорокин П. Е., Шаров О. В., 2008. О новых находках римской эпохи на Северо-Западе // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Древности Ижорской земли / ИИМК РАН. Вып. 2. СЗИ Наследия. СПб. С. 167–201.
- Спицын А. А., 1896. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского (Мат. по арх. России. № 20). СПб. 189 с.
- Спицын А. А., 1903. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова (Мат. по арх. России. № 29). СПб. 124 с.
- Стасюк И. В., 2016. Могильник в д. Покровская – новый памятник средневековой ижоры в долине р. Славянки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 31. М., Псков, СПб. С. 276–285.
- Стасюк И. В., 2017а. Культурная специфика русско-эстонского пограничья в X–XI вв. // Новые материалы и методы археологического исследования. От археологических данных к историческим реконструкциям. Мат. IV конф. мол. ученых. Москва, 28–30 марта 2017 г. М.: ИА РАН. С. 124–127.

- Стасюк И. В., 2017б. Раннесредневековые трупосожжения могильника Ратчино 1 // Археология и история Пскова и Псковской земли. Мат. 62-го засед. (2016). Вып. 32. М., Псков. С. 135–152.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Археология СССР. М.: Наука, 1987. 510 с.
- Хвоцинская Н. В., 2009. Племя водь и его культура в составе новгородской земли // Великий Новгород и Средневековая Русь. М.: Памятники исторической мысли. С. 300–312.
- Шаскольский И. П., 1979. Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племен Юго-Восточной Прибалтики в свете данных современной науки // Финно-угры и славяне. Доклады первого советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 15–17 ноября 1976 г. Л.: Наука. С. 41–48.
- Широбоков И. Г., Сорокин П. Е., 2015. К антропологии средневековой Ижоры (по мат. могильника Порицы 1) // Радловский сборник: Науч. исслед. и муз. проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб. С. 456–469.
- Aspelin I., 1876. Etudes archa ologique sur le Nord Finno-Ougrien // Congr international d'archeologie pr historiques Stockholm. Stockholm.
- Tallgren A. M., 1938. The Prehistory of Ingria // ESA. XII. P.78–108.

V. Y. Sobolev

The Finns of the Western Part of the Medieval Novgorod Land. Historical Data and Archaeological Realities

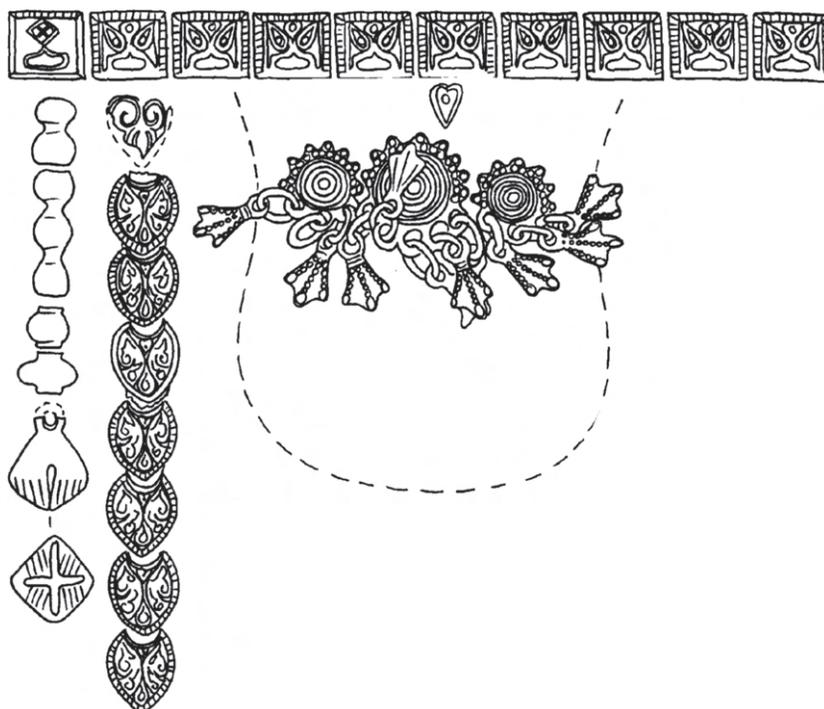
Summary. The history of the western part of Novgorod land goes hand (is inseparable from) in hand with the history of the small Finno-Ugric peoples who inhabited it – the Izhora and the Vod (as well as the Ingria Finns later) and their interaction with the Russian population, whose appearance dates back to the 9th c. Various researchers attempted to isolate the Vod burials from the total number of burials studied on Izhora Upland. The criteria for identification were certain types of women's jewelry, unrepresentative for the East Slavic world and burial rite details. However most of the proposed markers are not ethnic, but merely chronological.

Generally, the medieval Vod and Izhora appear as small ethnic communities with rather compact areas of settlement, the expansion of which is associated with changes in the political situation and cultural and demographic processes in the 16th–17th cc.

Keywords: Novgorod land, the Vod, the Izhora, the Middle Ages, archaeology, ethnic definitions, burial rite.

ФИННО-УГРЫ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ: УКРАШЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

FINNO-UGRIANS OF THE PERMIAN KAMA REGION:
DECORATIONS AND TECHNOLOGIES

Н. Б. Крыласова

Хронологические особенности поясной гарнитуры X–XI веков по материалам Рождественского могильника в Пермском крае¹

Резюме. Материалы Рождественского могильника X–XI вв. в Пермском крае, где больше половины погребений содержат металлические элементы оформления поясных ремней, включая полные наборные пояса, дают уникальную возможность проследить тенденции развития поясной гарнитуры в указанный хронологический период. В результате исследования выделены основные черты, характерные для поясных наборов X и XI в. Прослежен последовательный переход к новым поясам, когда в состав стандартных поясных наборов, существовавших на протяжении X в., включались отдельные новые элементы, а впоследствии, когда переход к новым поясам практически завершился, случайно утерянные накладки нередко заменяли архаичными из старых семейных запасов. В результате для поясной гарнитуры, в целом характерной для X в., сохранилась общая датировка X–XI или X – первая половина XI в. А поясная гарнитура, характерная преимущественно для XI в., может служить надежным репером для датировки как погребальных, так и поселенческих комплексов.

Ключевые слова: эпоха средневековья, Пермский край, погребальный инвентарь, поясная гарнитура, хронология.

Анализ публикаций показывает, что вещи X–XI вв., включая и элементы поясной гарнитуры, редко дифференцируются по векам. Между тем, в течение этого периода материальная культура, безусловно, развивалась. Это было время усиления культурных и экономических контактов, зарождения городов и выработки новой городской культуры, становления и бурного развития ремесел. При сохранении территориального своеобразия, материальная культура на обширном пространстве лесной и лесостепной полосы Восточной Европы приобретает схожие черты, и выводы, полученные при анализе хронологических особенностей прикамской материальной культуры X–XI вв., в определенной степени могут быть применимы и для других территорий.

Одним из наиболее изученных могильников в Пермском крае является Рожде-

ственский, в языческой части которого исследовано 363 погребения. В 205 погребениях (56,5 %) встречены элементы поясной гарнитуры – от единичных предметов до полных поясных наборов, пригодных для реконструкции.

Комплексы погребального инвентаря Рождественского могильника достаточно представительны для относительной датировки, основанной на корреляции. Для абсолютного датирования имеются монеты и отдельные радиоуглеродные даты.

Для первичной датировки отдельных типов вещей ориентиром послужили вещевая хронология средневекового Новгорода, созданная на основе дендрошкалы (Колчин, 1982; Лесман, 1982; 1984; 1990; 2012; Седова, 1981), аналогии из синхронных финно-угорских культур (Архипов, 1973, 1984, 1986; Генинг, 1962; Голубева, Кочжуркина, 1991;

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания, номер государственной регистрации темы АААА-А19-119032590066-2, при поддержке Министерства образования и науки Пермского края, соглашение № С-26/1192 от 19.12.2019 г.

Захаров, 2004; Иванов А. Г., 1998; Иванов В. А., 1993; Карачаров, 1993; Кочкуркина, 1989; Мажитов, 1981; 1993; Никитина, 2002; Савельева, 1987; Сунгатов, 1993), Волжской Болгарии (Казаков, 1991; 1992), датировки отдельных периодов, памятников и вещей из Пермского Предуралья (Голдина, 1985; Голдина, Кананин, 1989; Крыласова, 2007; Оборин, 1970).

На основании полученных дат для комплексов, включавших более трех датированных предметов, были составлены корреляционные таблицы, позволившие получить относительную хронологию погребений, на базе которой намечена периодизация могильника в целом. Результаты, полученные эмпирическим путем, были проверены методами математической статистики (корреляция Пирсона, кластерный анализ, дискриминантный анализ). Всего выделено около двух десятков хронологических групп погребений, датирующихся в пределах от одной четвертой до полустолетия. Полученные группы взаимоперекрываются, что отражает закономерный процесс смены вещевых комплексов, когда новые типы вещей сосуществуют со старыми (Крыласова, 2013).

Элементы поясной гарнитуры, распределенные по хронологическим группам, демонстрируют тенденции их развития, отражают периоды наибольшей популярности отдельных элементов поясов, но лишь в отдельных случаях позволяют определить реальные границы их бытования.

Прежде, чем перейти к характеристике поясной гарнитуры Рождественского могильника, необходимо уточнить состав наборного пояса в Пермском Предуралье. Один конец основного ремня, охватывающего туловище и покрытого накладками, завершался пряжкой, которая застегивалась на дополнительный ремешок, прикрепленный с изнанки наборного пояса. Противоположный конец основного ремня (хвостовик), свисавший почти до колен, тоже был полностью покрыт накладками и завершался наконечником, который не помещался в рамку пряжки. Обычно накладки основной части пояса и хвостовика различаются по форме, но выполнены в едином стиле. К поясу крепились дополнительные привески-ремешки с наборами накладок, которые иногда стилистически связаны с основным поясным набором, но чаще включают лю-

бые из синхронно существовавших типов миниатюрных накладок.

В целом ранняя группа погребений Рождественского могильника датируется первой половиной X в. Два погребения, на наш взгляд, относятся к более раннему времени. В погребении 25 находился поясной набор с накладками (рис. 1: 2), характерными для салтовских памятников конца VIII – IX в. и памятников, связанных с ними по времени, в том числе, ломоватовских (Голдина, 1985. Рис. 16: 119). Накладки этого пояса имеют аналогии на Танкеевском могильнике в Татарстане (Казаков, 1992. С. 168. Рис. 60: 13, 17, 23, 32). Там же имеются прямые аналогии бляхе для соединения ремней уздечки, орнаментированной тройными выпуклинами на окончании спиц-лучей, и найденным в комплекте с ней накладкам, оформленным в том же стиле (Казаков, 1992. Рис. 58: 13, 60: 117). Такие соединительные бляхи на территории Башкирии и Закамской Татарии появились в IX в. и продолжали бытовать в X в. (Казаков, 1992. С. 156). Второе погребение 36 содержит набор накладок в виде круглых и фигурных серебряных пластин с отверстиями для штифтов (рис. 1: 3), который имеет прямые аналогии в материалах могильника Мыдлань-Шай VIII–IX вв. (Генинг, 1962. С. 60–62. Табл. X: 2, 4).

Самым массовым и устойчивым на Рождественском могильнике являлся поясной набор, в котором основной ремень покрывали квадратные накладки с прорезью внизу, а хвостовик – крупные сердцевидные накладки. Среди них наиболее простыми и хронологически устойчивыми были гладкие неорнаментированные накладки. Они появились еще в IX в., так в курганах Южного Урала IX–X вв. имеются похожие квадратные и сердцевидные накладки с прорезью (Мажитов, 1981. Рис. 15: 6, 18: 1, 11; 20: 19; 26: 16; 30: 5, 7; 32; 34: 13; 38 и т.д.). Ранние квадратные накладки подобного типа снабжались прямоугольной прорезью. Такая накладка, найденная на могильнике в единственном экземпляре (рис. 1: 1), позволяет отнести погребение 21 к рубежу IX–X вв. Более распространенными были квадратные накладки с сердцевидной прорезью (рис. 2: а). При статистическом анализе они выделились в группу второй половины X – первой половины XI в., что отражает пик их популярности (Крыласова, 2013,

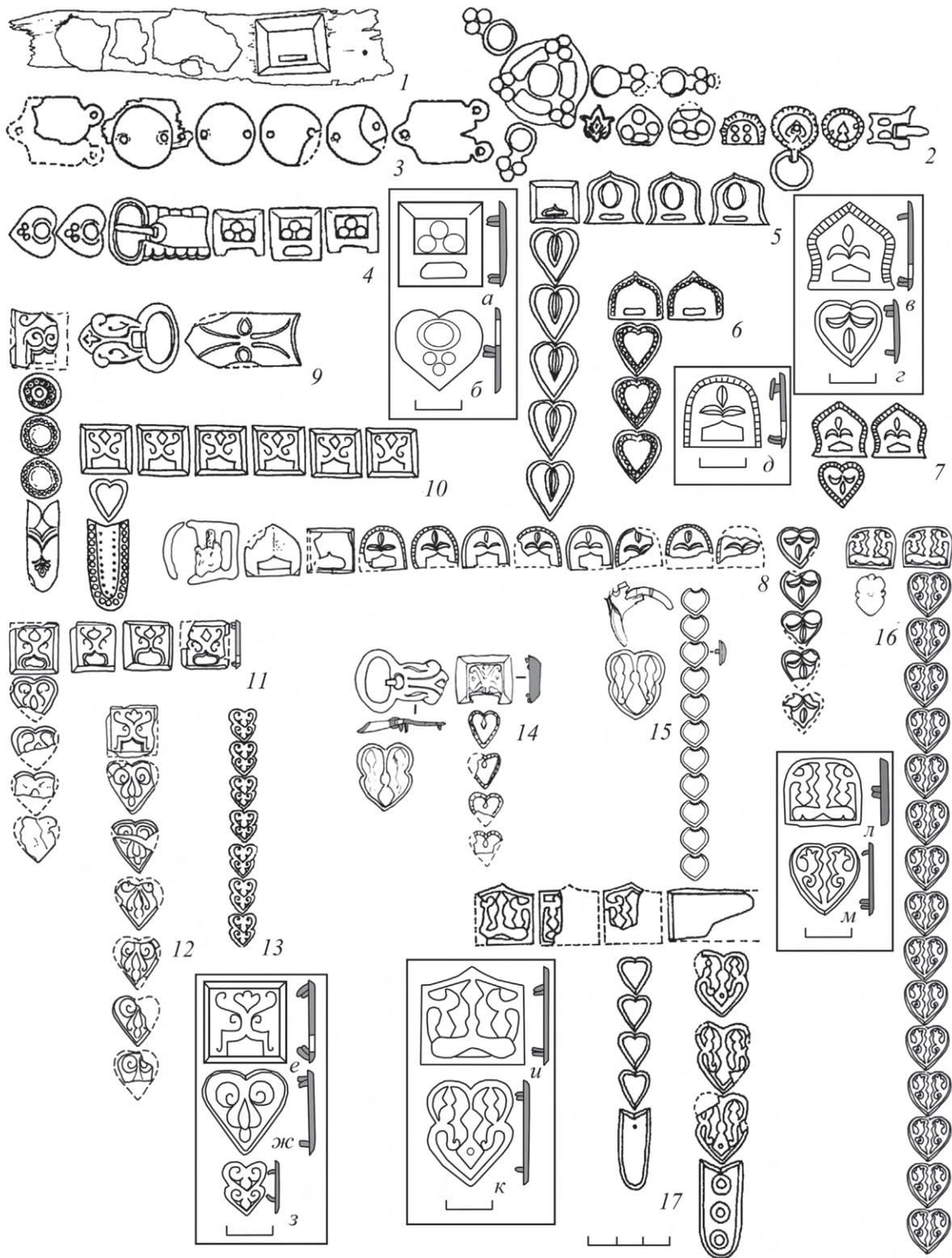

Рис. 1. Поясные наборы конца IX – начала X в. (1–3) и поясные наборы, характерные преимущественно для X в. (4–17)

1 – погр. 21; 2 – погр. 25; 3 – погр. 36; 4 – погр. 22; 5 – погр. 75; 6 – погр. 88; 7 – погр. 70;
 8 – погр. 182; 9 – погр. 67; 10 – погр. 83; 11 – погр. 199; 12 – погр. 202; 13 – погр. 85;
 14 – погр. 348; 15 – погр. 344; 16 – погр. 154; 17 – погр. 55

рис. 1а: 10б). Но, без сомнения, такие накладки существовали и в первой половине X в. Наиболее типичные комплекты, включающие такие накладки, весьма стандартны, все основные элементы в них гладкие, без орнамента. Квадратные накладки на основной части ремня (рис. 2: а) дополняли крупные сердцевидные накладки с округлой или каплевидной прорезью на хвостовике (рис. 2: б), который завершался наконечником с фигурно вырезанным верхним краем и округлой прорезью (рис. 2: в). Пояс дополняли привески-ремешки, а на женских поясах – сумочки, в оформлении которых использовались миниатюрные гладкие сердцевидные накладки с округлой прорезью (рис. 2: в), накладки в виде бантика (рис. 2: г) и наконечники (рис. 2: д).

С данными поясными наборами сочетались преимущественно щитковые пряжки (рис. 2: 2, 3, 6, 8, 10, 11), реже – характерные для Прикамья пряжки, занимающие промежуточное положение между щитковыми и восьмеркообразными, которые имеют площадку с отверстием для крепления язычка между приемником для ремня и рамкой (рис. 2: 9). Щитки пряжек, характерных для этих наборов, обычно выполнены в общей стилистике – гладкие, с прямым завершением или вырезом в виде ласточкиного хвоста. На территории Волжской Болгарии такие пряжки датируются IX–X вв. (Казаков, 1991. С. 129. Рис. 43: 11; Казаков, 1992. С. 99. Рис. 33; Семькин, 1996. Рис. 66: 14–15). Известны подобные пряжки и в венгерских могильниках (The ancient Hungarians, 1996. С. 81. Рис. 9). Нередко встречаются и щитковые пряжки с растительной орнаментацией в виде трилистника, которые имеют тот же круг аналогий. (Семькин, 1996. Рис. 66: 18; The ancient Hungarians, 1996. P. 88). Судя по пряжкам, классические поясные наборы с гладкими накладками характерны преимущественно для X в., но отдельные их элементы в сочетании с другими видами накладок продолжали сохраняться в первой половине XI в. (рис. 4: 10; 5: 2; 6: 2, 3; 7: 2, 8–9, 11, 13; 8: 4, 11; 9: 2; 10: 1). Подтверждением этого являются находки таких накладок, в том числе бракованных, в литейной мастерской первой половины XI в. на Родановом городище (Крыласова, Подосенова, Сафарулов, 2019. С. 58. Рис. 1).

Нередко одинаковые по форме накладки имеют различную орнаментацию, что является хронологическим признаком. В группе погребений первой половины X в. представлен набор (рис. 1: 4) с квадратными и сердцевидными накладками, украшенными тремя полушариями, расположенными треугольником (рис. 1: а–б).

Характерной чертой квадратных и сердцевидных накладок X в. является растительный декор из волют, завитков и овалов, нанесенный тонкими прочерченными линиями (рис. 1: в, ж, з). Такие накладки пользовались большой популярностью у тюрков и через них попали в Восточную Европу, где они тиражировались болгарскими ремесленниками и распространялись на обширных территориях. Аналогичные накладки представлены в Вотчинском могильнике X–XI вв. в бассейне Вычегды (Истомина, 1999. Рис. 10: 18–19), в Русенихинском и других могильниках X–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья, в материалах мордовской и чепецкой культур (Ситдииков, Никитина, Казаков, 2015. С. 26–29), в древнерусских могильниках Шекшово, Минино, Тимерево X – рубежа X–XI вв. (Зайцева, 2018. С. 269, 272–273. Рис. 5: 7; 6: 8).

Параллельно существовали накладки в форме двух наложенных друг на друга сердечек с маленькими полушариями в уголках (рис. 3: 1–8). Они встречаются в двух пропорциях – широкие для основного пояса, и вытянутые – для хвостовика или привесок. Есть варианты гладкие (рис. 3: а–б), есть – с орнаментом (рис. 3: в–е). Такие накладки получили распространение в Восточной Европе с конца IX в. (Зайцева, 2018. С. 270) и, несмотря на то что отдельные экземпляры продолжали использоваться в первой половине XI в., их следует считать характерными преимущественно для X в. В частности, набор из таких гладких накладок, в сочетании с аналогичными прикамским гладкими сердцевидными накладками и наконечниками ремней с округлой прорезью, представлен в погребении 45 Дубовского могильника в Ветлужско-Вятском междуречье, датированном серединой – второй половиной X в. (Никитина, 2012. С. 71. Рис. 250: 1–8).

Выделяются серии накладок разных форм с орнаментом в виде ромбов, соединенных стилизованными ростками (рис. 1: и–м),

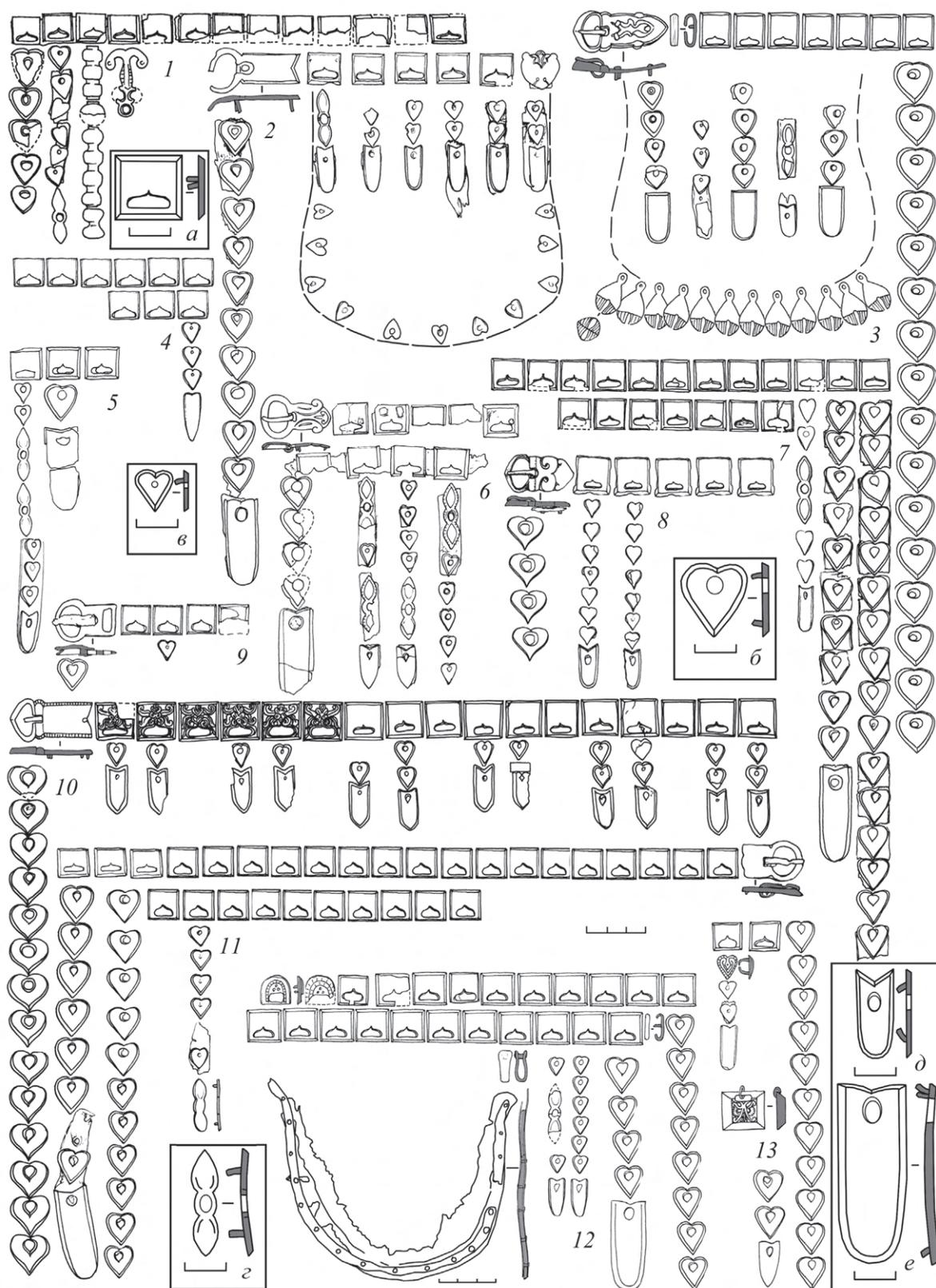

Рис. 2. Поясные наборы X – 1-й пол. XI в.

1 – погр. 118; 2 – погр. 129; 3 – погр. 167; 4 – погр. 222; 5 – погр. 240; 6 – погр. 259; 7 – погр. 133;
8 – погр. 160; 9 – погр. 335; 10 – погр. 181; 11 – погр. 233; 12 – погр. 263; 13 – погр. 252

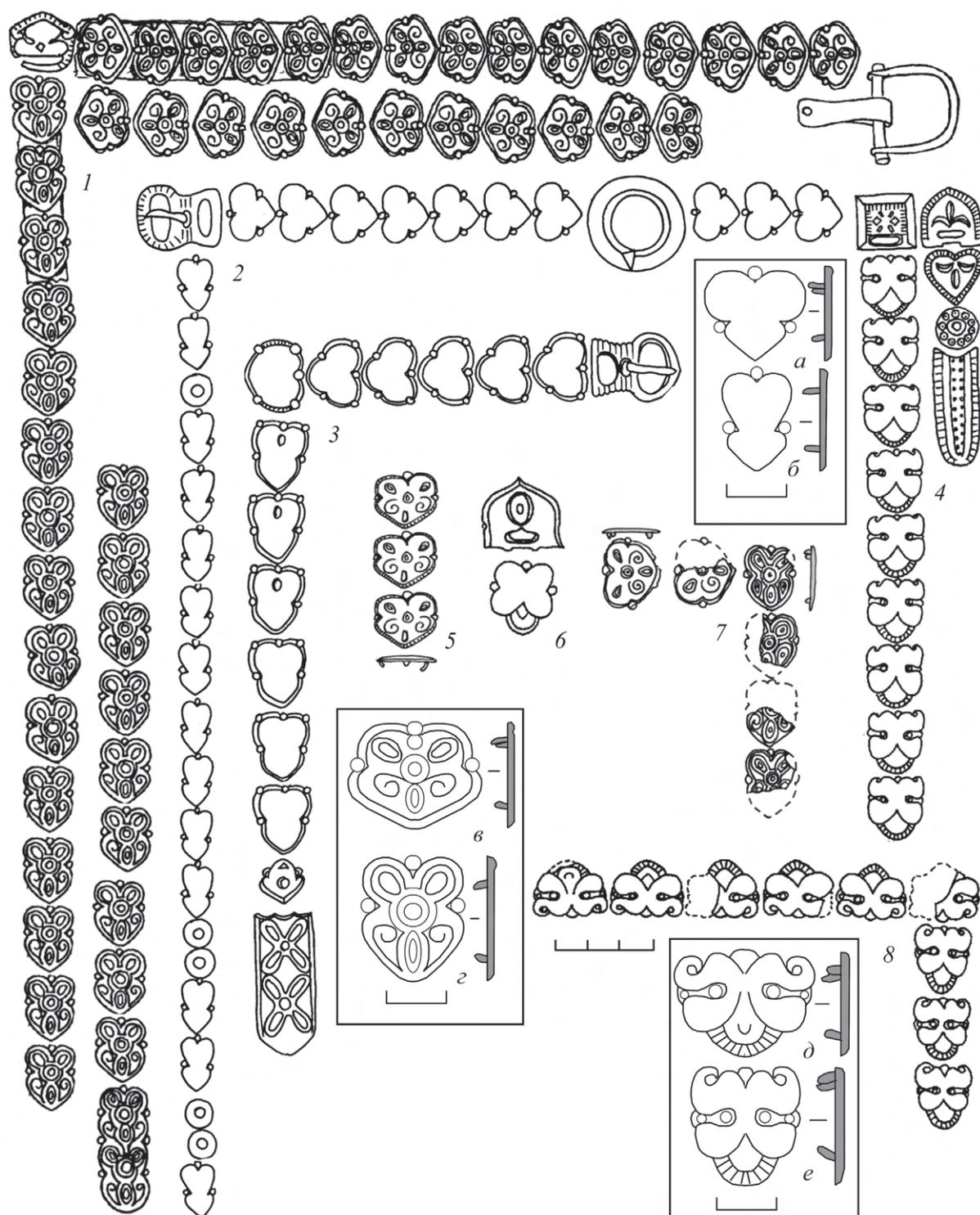

Рис. 3. Поясные наборы, характерные преимущественно для X в.

1 – погр. 114; 2 – погр. 92; 3 – погр. 100; 4 – погр. 71; 5 – погр. 155; 6 – погр. 44; 7 – погр. 189; 8 – погр. 64

которые характерны для второй половины X в. (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 213, 216). Единичные экземпляры таких накладок сохраняются в поясных наборах первой половины XI в. (рис. 1: 14). Накладки с аналогичной орнаментацией представлены в материалах

Русенихинского могильника X–XI вв. (Ситди-ков, Никитина, Казаков, 2015. Рис. 1: 16).

Серия накладок в форме французского геральдического щита – гладких, с трехлепестковым цветком или овалом в центре (рис. 1: 5–7) и сердцевидные накладки, аналогично

оформленные (рис. 1: 5, рис. 1: в-г), выделились в хронологическую группу второй половины X в. (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 207–208, 210–211). Подобные накладки входили в состав инвентаря погребения 5 Веселовского могильника, датированного началом X в. (Никитина, 2012. С. 69–70. Рис. 257: 28–29) и погребения 52 Дубовского могильника первой половины X в. (Никитина, 2012. С. 69–70. Рис. 257: 28–29).

В целом наблюдения показывают, что накладки, характерные для X в., обычно тонкие, хрупкие, зачастую сильно фрагментированные. Детальный анализ поясной гарнитуры пока не проводился, но даже на основании внешних признаков можно утверждать, что по металлу и технологии изготовления ранние типы накладок отличаются от тех, которые распространяются в конце X – XI в. В частности, шпеньки элементов поясной гарнитуры X в. обычно отливались вместе с самим изделием, а впоследствии возобладало присоединение шпеньков в технике прилива (Крыласова, Подосенова, Сапарулов, 2019. С. 69–70).

Ближе к концу X в. появился новый вариант местного поясного набора, который доминирует на протяжении всего XI в. Детали этого поясного набора могут служить реперами для определения хронологии иных вариантов поясных наборов, в составе которых они нередко встречались. Надо отметить, что похожие наборы, но плохого качества, продолжали бытовать на протяжении XII–XIII вв., когда в Пермское Предуралье перестали проникать новые импульсы моды на поясную гарнитуру из цветных металлов.

В этом наборе основной ремень украшался выпуклыми щитовидными накладками полуовальной формы (в виде испанского геральдического щита) (рис. 4: а-б), а хвостовик – подобными накладками под сердцевидной формы (в виде варяжского геральдического щита) (рис. 4: в) (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 257–258). Накладки имели стандартный растительный орнамент, напоминающий бабочку с распахнутыми крыльями (бабочковидный орнамент). Такой пояс дополняли довольно стандартные поясные привески с миниатюрными сердцевидными накладками с орнаментом в виде трилистника (рис. 4: д), имевшими широкое распространение в Восточной Европе, розетковид-

ными (рис. 4: г) и другими типами накладок (рис. 4: е-ж) и наконечниками с геометрическим или растительным орнаментом. В частности, в составе поясных привесок нередко присутствуют небольшие четырехугольные накладки с полукруглыми или треугольными выемками с одной или с двух противоположных сторон (рис. 4: е-ж). Они обычно крепились по одному экземпляру в основании привески (рис. 4: 6, 12; 8: 3, 11; 9: 1, 5), поэтому в целом являются не настолько массовыми, как, к примеру, сердцевидные.

В классическом варианте этот набор дополнялся щитковой пряжкой (рис. 4: 1, 11, 12) и массивным наконечником (рис. 4: 1, 11, 12, 17; рис. 7: 12) с пышным растительным орнаментом. Но подобные поясные наборы могли сопровождаться также восьмеркообразными пряжками с лировидной рамкой (рис. 4: 2), которые появились уже в IX в., но наиболее характерны для XI–XII вв., и восьмеркообразными пряжками с прямоугольной рамкой, орнаментированной выпуклым узором в виде завитка (рис. 4: 3), которые по новгородским аналогиям датируются первой четвертью XI в., известны во владимирских и радимических курганах X–XI вв. (Седова, 1981. С. 144. Рис. 56: 3).

Такие поясные наборы являлись продукцией местного ремесленного производства, их элементы широко распространены на памятниках Пермского Предуралья. В литейной мастерской, изученной на Родановом городище, представлены серии незавершенных изделий, включающие характерные для рассматриваемых наборов накладки с бабочковидным орнаментом, миниатюрные сердцевидные накладки с орнаментом в виде трилистника, розетковидные, подквадратные с полукруглыми выемками с двух сторон, а также бракованные отливки наконечников ремней (Крыласова, Подосенова, Сапарулов, 2019. С. 60–63, 67–68. Рис. 9, 11, 13, 15, 22). Аналогии наиболее характерным накладкам с бабочковидным орнаментом известны в вымских древностях конца X – XI в. (Савельева, 1987. С. 136. Рис. 36: 1, 3, 5–6; 37: 19, 21), в могильнике Барсов городок в Приобье (Арне, 2005. Рис. 65, 218), единичные накладки встречаются в Волжской Болгарии, например, в Биляре, на Мурзихинском селище (Казаков, 1991. Рис. 44: 54; Руденко, 2002. Рис. 58: 36), в Кузьминском могильнике Удмуртии (Иванов А. Г.,

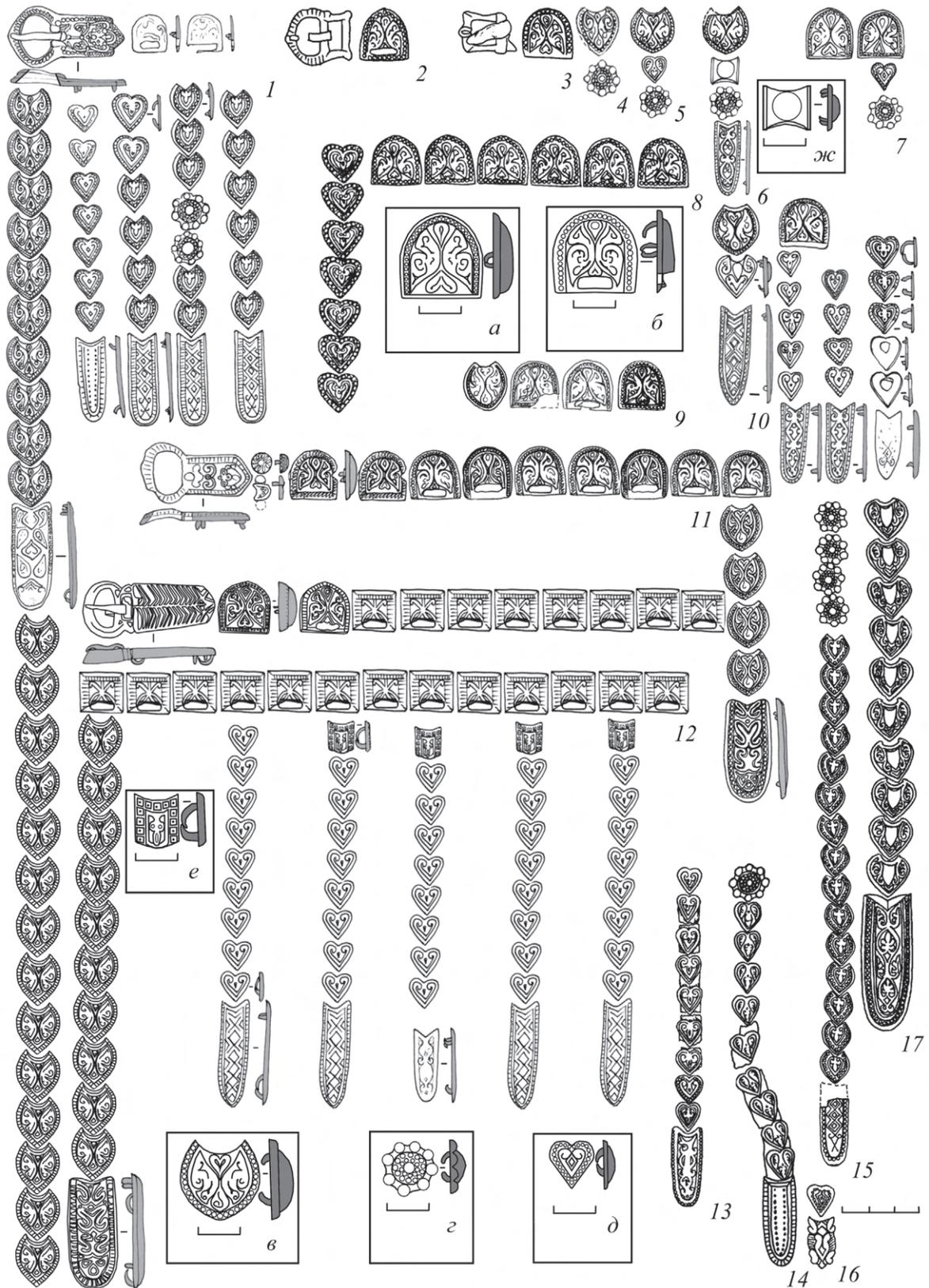

Рис. 4. Поясные наборы, характерные для кон. X – XI в.

1 – погр. 226а; 2 – погр. 43; 3 – погр. 115; 4 – погр. 142; 5 – погр. 213; 6 – погр. 215;
 7 – погр. 220; 8 – погр. 78; 9 – погр. 131; 10 – погр. 246; 11 – погр. 242; 12 – погр. 316;
 13 – погр. 20; 14 – погр. 40; 15 – ж/к 3; 16 – погр. 63; 17 – погр. 76

1998. Рис. 51: 31), на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 96: 59). Очевидно, эти находки отражают направления культурно-экономических контактов прикамского населения.

Параллельно с появлением указанных наборов распространяются новые варианты орнаментированных квадратных накладок. Среди них выделяются накладки с орнаментом в виде трилистника (рис. 5: а-б; б: д), которые имеют аналогии на соседних финно-угорских территориях, в частности, на Качкашурском могильнике в Удмуртии (Иванов А. Г., 1990. Рис. 9: 37), в венгерских могильниках (The ancient Hungarians, 1996. С. 85. Рис. 6). Такая накладка имеется в погребении 15 могильника Черемисское кладбище, датированном XI в. (Никитина, 2012. С. 66. Рис. 109: 15). Поясных наборов с такими накладками на Рождественском могильнике сравнительно немного (рис. 5: 1-6; б: 4). И относятся они преимущественно к первой половине XI в. (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 64-65). Отметим, что такой тип накладок устойчиво сочетается с плоскими кольцевидными накладками, оформлявшими поясные привески (рис. 5: 5-6).

Во второй половине X – первой половине XI в. массово представлены квадратные наклейки с растительным орнаментом, напоминающим букву «Ж» (рис. 6: а-г), (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 104-105). Наиболее ранние из них имели более декоративную орнаментацию (рис. 6: г), которая со временем несколько упростилась. Параллельно с ними появились сердцевидные наклейки с аналогичной орнаментацией (рис. 6: е), которые не получили широкого распространения. Пояса, украшенные квадратными накладками с Ж-образным орнаментом, обычно дополнялись хвостовиками с набором накладок с бабочковидным орнаментом (рис. 7: 1, 3, 7, 12) или с набором популярных в это время подсердцевидных накладок с выпуклым каплевидным выступом в центре, обрамленным растительными завитками (рис. 6: 3). Подобное сочетание является свидетельством того, что пик распространения таких накладок приходится на XI в. В наборе из квадратных и сердцевидных накладок с Ж-образным орнаментом преимущественно использовались восьмеркообразные пряжки (рис. 6: 1, 10; 7: 7, 13), в том числе, с рамкой в виде широкой гладкой пластины

(рис. 6: 7), которые считаются характерными для славянских древностей XI–XII вв. (Седова, 1981. С. 114. Рис. 56). Хорошо известны подобные пряжки в Волжской Болгарии (Казаков, 1991. Рис. 43: 9; Руденко, 2002. Рис. 58: 11) и в Ветлужско-Вятском междуречье (Архипов, 1986. Рис. 31: 14-15). Также в этих наборах встречаются пряжки с лировидной рамкой, имевшей лилиевидное завершение (рис. 7: 12), которые по новгородским аналогиям и по материалам курганов Приладожья и Прионежья датируются первой четвертью XI – последней четвертью XII в. (Седова, 1981. С. 144. Рис. 56: 1-2; Кочуркина, 1989. С. 282), пряжки с овальной, заостренной на конце рамкой, непосредственно переходящей в прямоугольное основание (рис. 6: 4), которые в курганах Новгородской земли датируются XI в., в Волжской Болгарии, Прикамье, Саркеле – X–XI вв. (Седова, 1981. С. 144. Рис. 56: 5) по новгородским аналогиям датируются концом XI – XII в. (по уточненной датировке Ю. М. Лесмана – 1006–1197 гг. (Лесман, 1990. С. 79)).

Единичные квадратные наклейки с орнаментом в виде трилистника и с Ж-образным орнаментом присутствуют в составе классических поясных наборов X – первой половины XI в., состоявших в основном из гладких элементов (рис. 2: 10; 5: 2; 6: 2), причем они обычно помещались на переднюю часть пояса или использовались в оформлении поясных сумок. А. М. Белавин в шутку назвал это «синдромом Портоса», который выражается в стремлении разместить новые модные и, вероятно, более дорогие украшения на самом видном месте. Показательным в этом плане является инвентарь погребения 252, где обнаружен пояс с гладкими накладками, за исключением одной орнаментированной сердцевидной наклейки в составе поясной привески, но в составе ожерелья из бус имелась подвеска из квадратной наклейки с Ж-образным орнаментом (рис. 2: 13). Это, на наш взгляд, наглядно демонстрирует особое отношение к новым украшениям.

Во второй половине X в. получили распространение полуовальные наклейки с прорезью (рис. 8: б). Экземпляры, имеющие орнамент в виде трехлепесткового цветка (рис. 1: д), встречаются в сочетании с аналогично орнаментированными

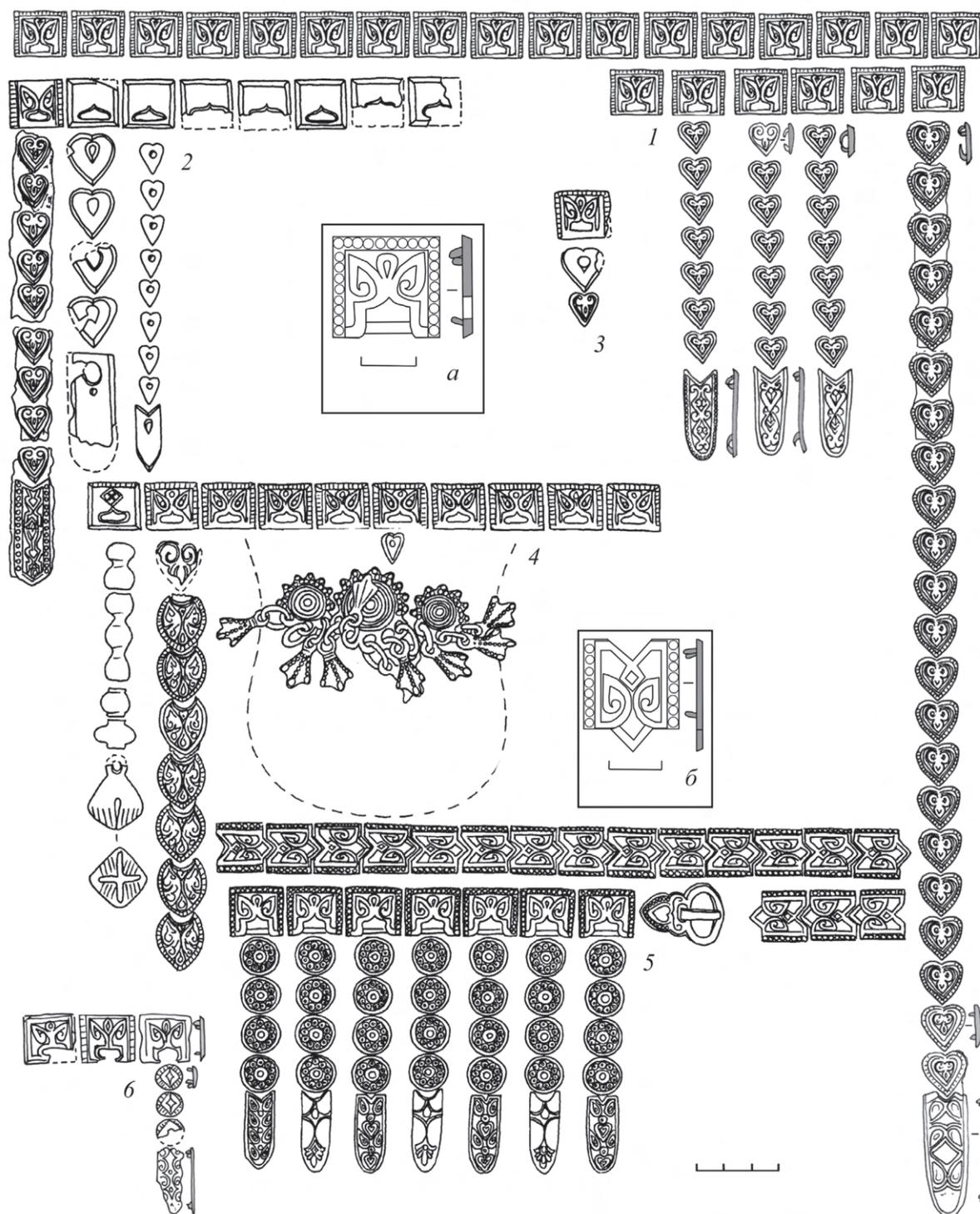

Рис. 5. Поясные наборы, характерные преимущественно для 1-й пол. XI в.

1 – погр. 214; 2 – погр. 102; 3 – погр. 103; 4 – погр. 111; 5 – погр. 86; 6 – погр. 187

сердцевидными накладками (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 208). Такие накладки встречаются в синхронных финно-угорских материалах, на болгарских селищах (Казаков, 1991. С. 133, тип А1114), в Вотчинском могильнике X–XI вв. на Вычегде (Истомина, 1999. Рис. 10:

21). В древнерусском могильнике Шекшово 9 в Суздальском Ополе поясной набор с подобными накладками обнаружен в погребении первой половины XI в. (Зайцева, 2018. С. 269. Рис. 2). Несколько позднее на основе этих накладок складывается другой

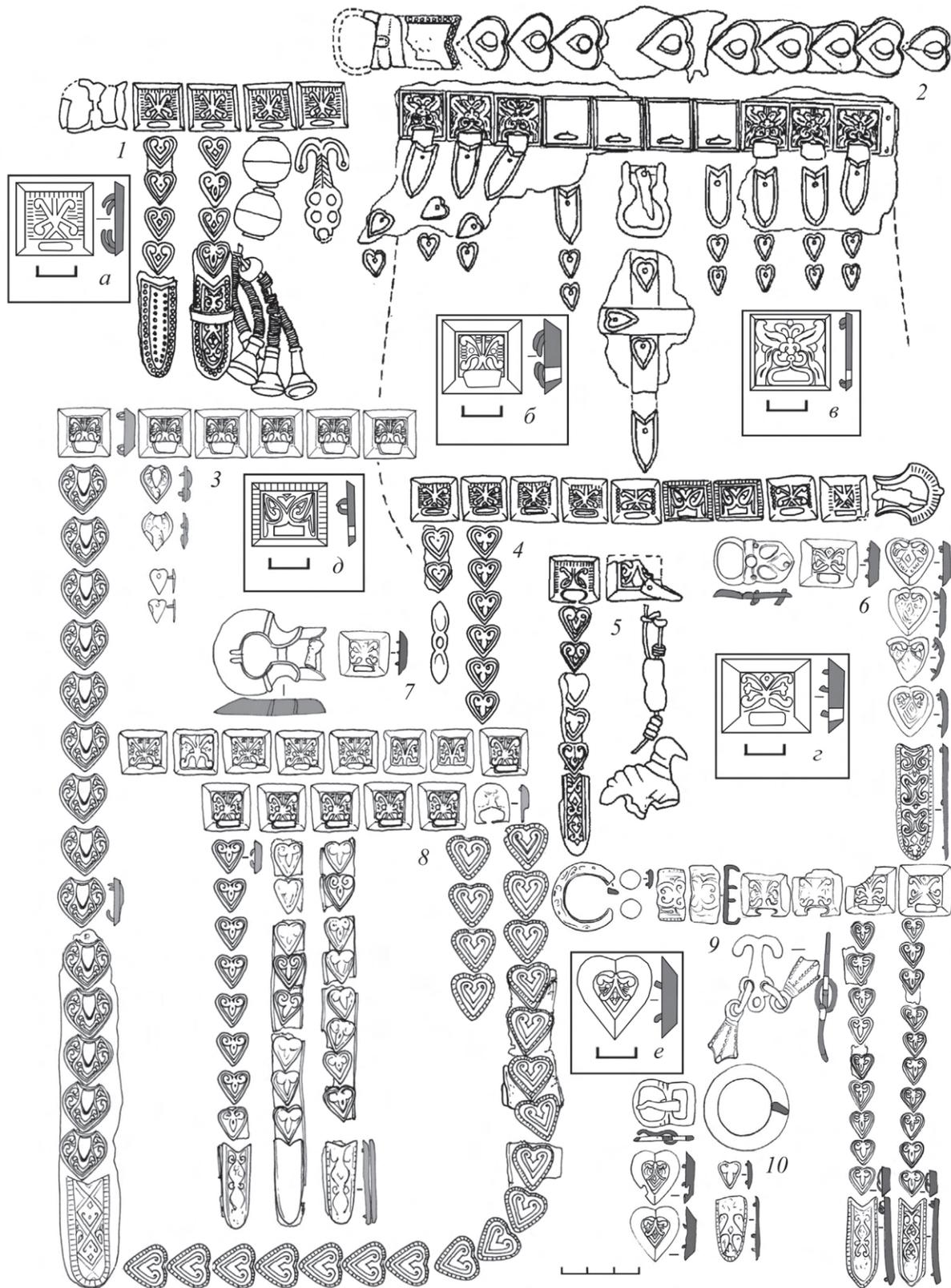

Рис. 6. Поясные наборы, характерные преимущественно для кон. X – 1-й пол. XI в.

1 – погр. 126; 2 – погр. 48; 3 – погр. 254; 4 – погр. 99; 5 – погр. 62; 6 – погр. 375;
7 – погр. 359; 8 – погр. 332; 9 – погр. 376; 10 – погр. 377

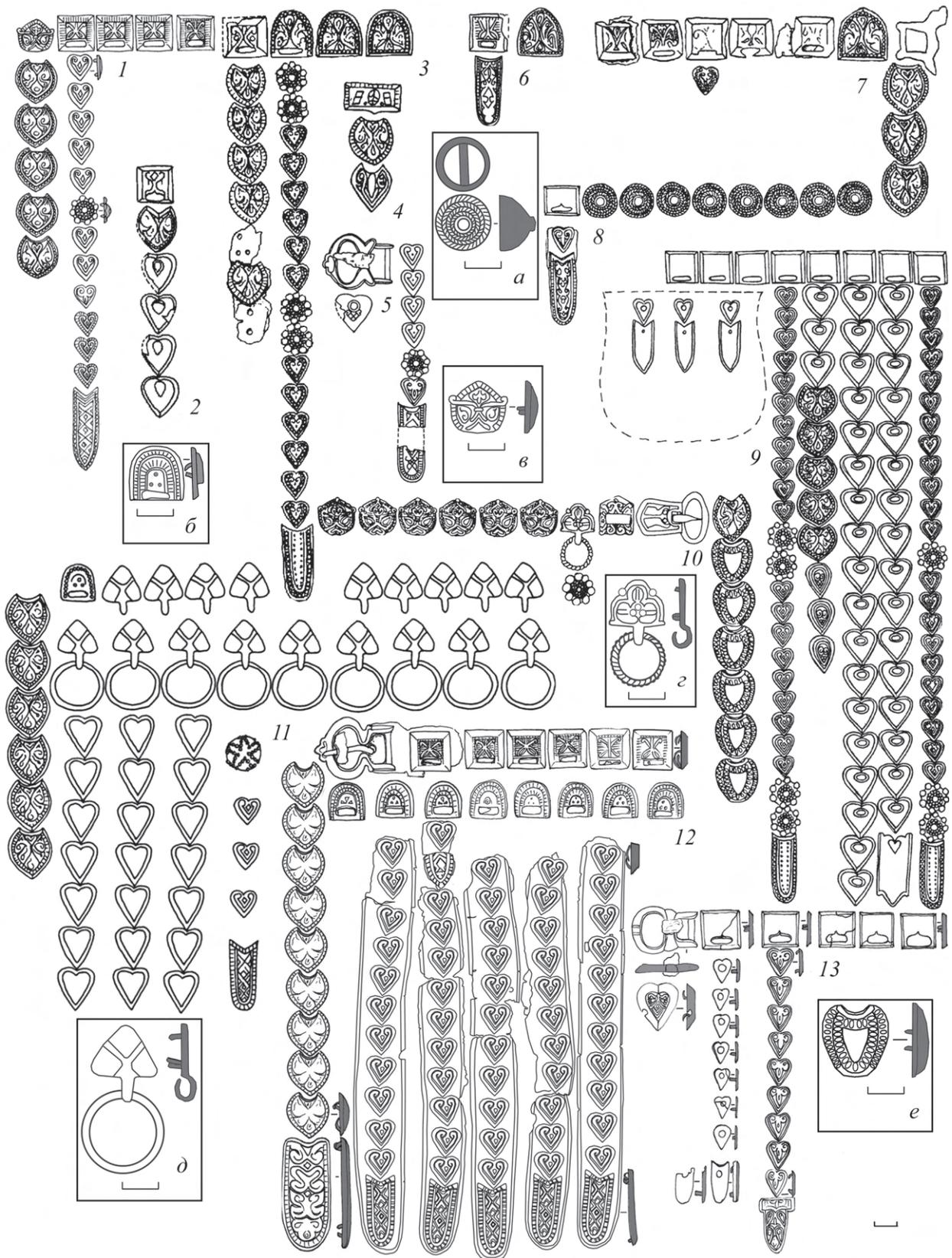

Рис. 7. Поясные наборы, характерные преимущественно для кон. X – 1-й пол. XI в.

1 – погр. 209; 2 – погр. 50; 3 – погр. 49; 4 – погр. 59; 5 – погр. 125; 6 – погр. 107; 7 – погр. 47;
8 – погр. 112; 9 – погр. 90; 10 – погр. 79; 11 – погр. 81; 12 – погр. 363; 13 – погр. 373

тип – полуовальные, обрамленные бордюром из насечек, с тремя кружками или ромбиками в центре щитка (рис. 7: б). Это накладки местного типа. Они наиболее интенсивно использовались в первой половине XI в., зачастую в сочетании с квадратными или щитовидными накладками основного ремня и с привесками, характерными для поясных наборов XI в. (рис. 7: 11–12; 8: 10–16).

Аналогично, но менее массово, использовались пятиугольные накладки с изображением трилистника (рис. 8: а), которые, судя по находкам в мастерской литейщика на Родановом городище, могли являться продукцией местных ремесленников (Крыласова, Подосенова, Сафанулов, 2019. С. 58–59. Рис. 3).

Период конца X – первой половины XI в. отличается наибольшим разнообразием элементов поясной гарнитуры. Кроме накладок, характерных для стандартных наборов, в это время в составе поясных привесок использовались миниатюрные накладки в виде стилизованной мордочки животного (рис. 8: 1–2, 7–9). Они имели широкий ареал распространения. Аналогичные накладки представлены на Измерском селище в Волжской Болгарии, там же найдена литейная формочка для их отливки и бракованное изделие (Казаков, 1991. С. 137. Рис. 19: 2). В сочетании с этими накладками встречаются фигурные наконечники ремней с растительной орнаментацией (рис. 8: 1, 7), характерные для первой половины XI в., что наглядно прослеживается по материалам Огурдинского могильника (Белавин, Крыласова, 2012. С. 217–218). Устойчивое сочетание зооморфных накладок с фигурными наконечниками ремня наблюдается и в комплексах погребений 4 и 40 могильника Нижняя стрелка в Ветлужско-Вятском междуречье, где они датированы XI в. (Никитина, 2012. С. 68. Рис. 138: 8; 194: 12).

В этот же период наблюдается возрождение накладок с колечками, которые были популярны в период существования салтовской культуры. На Рождественском могильнике такие накладки найдены в составе двух поясных наборов (рис. 7: 10–11). Одна из них (рис. 7: г) по форме и орнаменту с мотивом трилистника сопоставима с накладками поясных наборов из погребений 29, 30 могильника Нижняя стрелка и 58 Дубовского могильника в Ветлужско-Вятском

междуречье, датируемых концом X – XI в. (Никитина, Сапрыкина, Митоян, 2011. С. 116–119. Рис. 3: 4; 4). В поясном наборе из погребения 81 Рождественского могильника (рис. 7: 11) присутствовало 18 накладок подтреугольной формы, которые имели петли для крепления колечек (рис. 7: д). Подобные накладки известны в материалах второй половины X – XI в. I Измерского селища в Волжской Болгарии (Казаков, 1991. С. 133. Рис. 44: 21).

В составе поясных наборов конца X – XI в. нередко встречаются прямоугольные ажурные накладки с парой выступающих цветов лотоса (рис. 9: д), которые в отдельных случаях образуют полные наборы с накладками в виде полумесяца (рис. 9: в–г). Е. П. Казаков относит накладки в виде полумесяца к X–XI вв. (Казаков, 1991. С. 27. Рис. 8: 15) Представленные на Рождественском могильнике типы таких накладок с орнаментированной сердцевинкой (рис. 9: 3–4) и в виде сдвоенных полумесяцев (рис. 8: 10; 9: 1–2, 5–6), судя по сопутствующим элементам поясного набора, относятся ко второй половине X – XI в. (Крыласова, 2013. Рис. 1: 64). Прямоугольные накладки с выступами в виде цветков лотоса в Волжской Болгарии датируются второй половиной X – XI в. (Казаков, 1991. С. 27–28. Рис. 8: 16), на Рождественском могильнике они имеют более позднюю позицию – принадлежат к хронологической группе конца X – XI в. (Крыласова, 2013. Рис. 1а: 263).

Полные наборы представлены и подпрямоугольными накладками с округлым выступом с одной стороны и такой же выемкой с другой (рис. 10: а–б), датируемые концом X – XI в. (Крыласова, 2013. Рис. 1: 65). Эти наборы отличаются лаконичностью, в их составе обычно отсутствуют дополнительные ремешки, но довольно устойчиво присутствуют поясные кошельки (рис. 10). Не исключено, что эти поясные наборы имеют не местное происхождение. Ранее предполагалось, что, не взирая на отдельные находки таких накладок в Волжской Болгарии на Болгарском городище, Семеновском и Измерском селищах, они имели более западный ареал распространения (Казаков, 2007. Рис. 56: 82–83). Такие накладки обнаружены в древнемарийских Русенинском могильнике и Нижняя Стрелка,

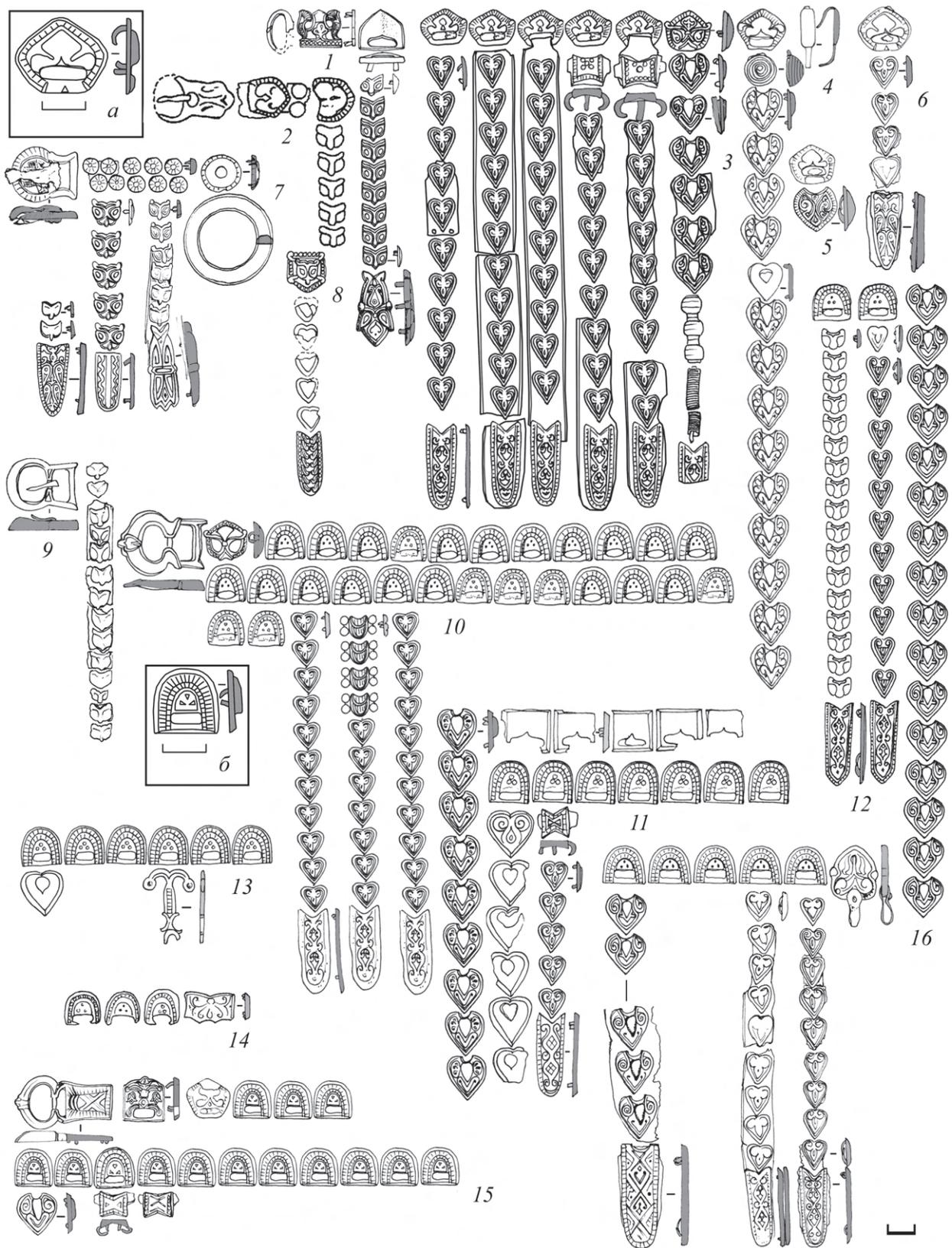

Рис. 8. Поясные наборы, характерные преимущественно для кон. X – 1-й пол. XI в.

1 – погр. 173; 2 – погр. 23; 3 – погр. 210а; 4 – погр. 239; 5 – погр. 328; 6 – погр. 323;
 7 – погр. 334; 8 – погр. 143; 9 – погр. 362; 10 – погр. 248; 11 – погр. 280; 12 – погр. 238;
 13 – погр. 276; 14 – погр. 341; 15 – погр. 322; 16 – погр. 332

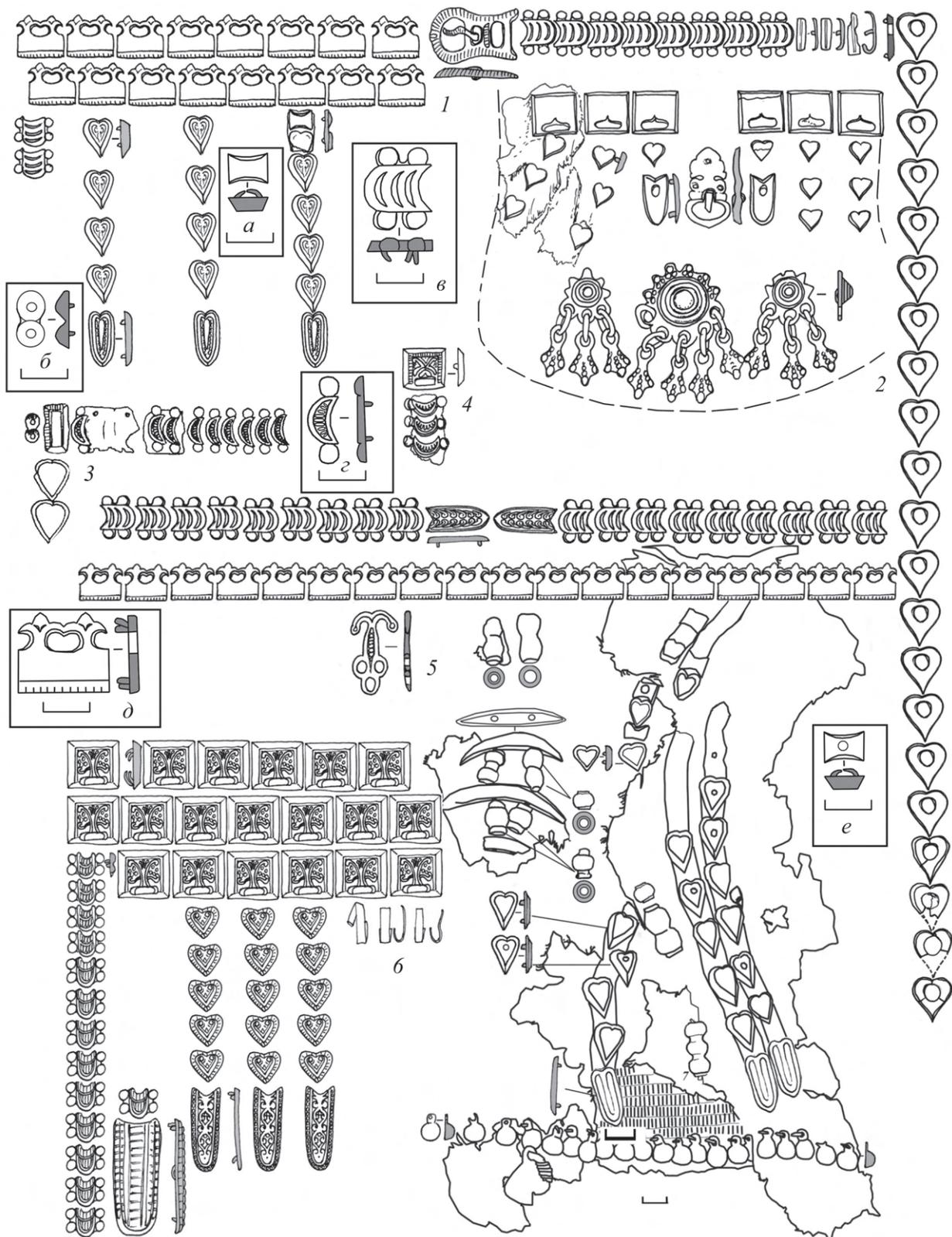

Рис. 9. Поясные наборы, характерные преимущественно для конца X – XI в.
 1 – погр. 205; 2 – погр. 179; 3 – погр. 56; 4 – погр. 162; 5 – погр. 216; 6 – погр. 247

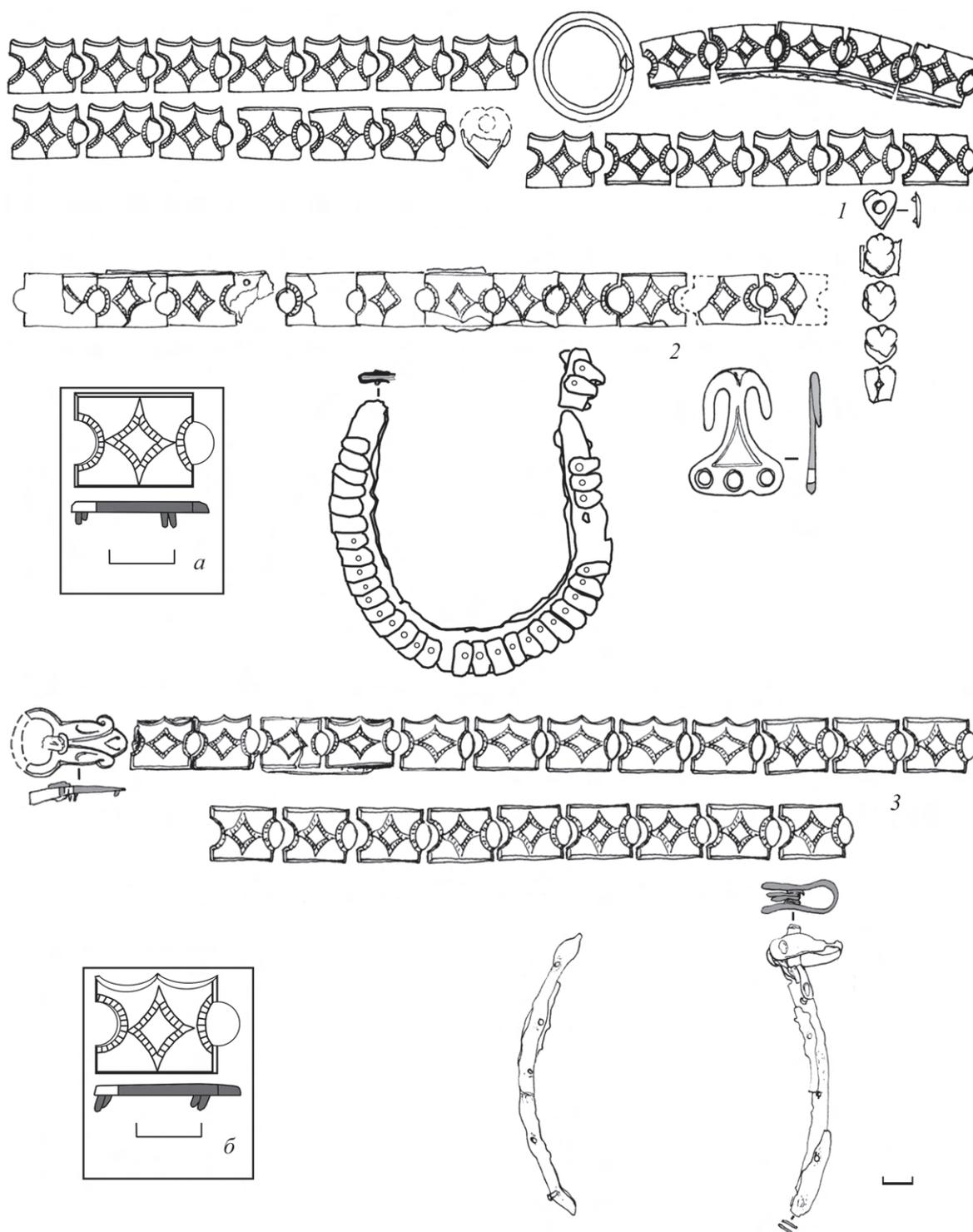

Рис. 10. Поясные наборы, характерные преимущественно для конца X – XI в.

1 – погр. 152; 2 – погр. 264б; 3 – погр. 343

у мордвы, на побережьях Белого и Кубенского озер и вплоть до Бирки. Известны они в древностях Болгарии и Венгрии (Ситдииков, Никитина, Казаков, 2015). Считалось, что в Прикамье, Южном Урале и на более

восточных территориях они не известны. Находки на Рождественском могильнике меняют эти сложившиеся представления.

Характерными элементами поясов конца X – XI в. были миниатюрные накладки

заклепки в виде гладкого или орнаментированного полушария (рис. 4: 11; 6: 9; 8: 2; 7; 9: 3) и накладки-обоймы в виде узкой прямоугольной пластины, загнутой вокруг ремня, дополнительно снабженной штифтами для крепления к ремню (рис. 6: 9; 8: 4; 9: 2, 6). И те и другие обычно крепились к основному ремню возле пряжки, в погребении 334 накладками-заклепками, размещенными в два ряда, была покрыта часть ремня (рис. 8: 7). Подобные накладки широко представлены в материалах Огурдинского могильника, датирующегося в пределах рубежа X–XI – второй половины XI в. (Белавин, Крыласова, 2012. С. 217–218). Аналогичные накладки-заклепки присутствовали в составе поясных наборов из погребений 4, 11, 15, 16, 40 могильника Нижняя стрелка, датированных XI в. (Никитина, 2012. С. 68. Рис. 138: 13–14; 152: 12–13; 157: 11; 160: 13; 194: 14, 17).

По поводу большинства упомянутых выше элементов поясной гарнитуры сложно с уверенностью утверждать, какие из них были импортными, а какие производились в местных мастерских. Исключения составляют несколько эксклюзивных наборов XI в., абсолютно не характерных для местной культуры: это наборы из оловянистой бронзы с черневым орнаментом (Крыласова, Подосенова, 2015), набор из квадратных серебряных накладок (Крыласова, Белавин, Подосенова, 2017) и набор бронзовых полированных щитовидных накладок. Импортным (за исключением пары местных накладок) можно считать поясной набор из погребения 79 (рис. 7: 10), где в оформлении хвостовика присутствовали щитовидные накладки, оформленные поясками псевдозерни (рис. 7: е). Форма для отливки таких накладок имеется в коллекции Биляра (Культура Биляра, 1985. Табл. XXXVI: 1). В наборе основного пояса кроме упомянутой ранее редкой накладки с колечком (рис. 7: з) использованы пятиугольные накладки с бордюром из ложной зерни и пышным растительным орнаментом с мотивом перевязанного букета (рис. 7: в). Последние единично встречались в составе других поясных наборов, где размещались обычно спереди (рис. 7: 1; 8: 3; 10). Аналогичные накладки известны на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 96: 52–53), по новгородским аналогиям они датируются 70–80-ми годами

X века (Седова, 1981. С. 149. Рис. 58: 5). Иногда стандартные наборы дополнялись единичными экземплярами щитовидных накладок с орнаментом в виде перевязанного букета с парой поникающих бутонов (рис. 8: 1, 15), аналогий которым пока обнаружить не удалось. Они также размещались на передней части пояса, что подчеркивает особое отношение к этим эксклюзивным украшениям.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно утверждать, что поясная гарнитура X–XI вв. не была однородной. Для X в. характерны элементы поясной гарнитуры без орнамента или с лаконичной тонкой орнаментацией и сами по себе они были тонкими и хрупкими. Ближе к концу X в. орнаментация усложняется, меняется технология производства. Накладки и наконечники ремней становятся более выпуклыми, толстыми, обычно они покрыты благородной патиной и до наших дней сохраняют блеск. В это время вырабатываются стандартные местные поясные наборы, которые дополнялись разнообразными привнесенными элементами либо импортного происхождения, либо растиражированными местными ремесленниками. Наибольшее разнообразие в поясной гарнитуре прослеживается в первой половине XI в.

Но следует отметить, что в случае использования результатов данного исследования для датировки поселенческих памятников, поясная гарнитура, характерная преимущественно для X в., по-прежнему будет давать дату X–XI или X – первая половина XI в. Представленные материалы Рождественского могильника наглядно демонстрируют, что смена поясной гарнитуры происходила очень медленно: сначала новые элементы как единичные вкрапления включались в состав традиционных поясных наборов, впоследствии, когда в наборах детали нового облика преобладают, в их составе нередко сохраняются отдельные архаичные накладки. Создается впечатление, что накладками из старых семейных запасов возмещали случайно утерянные элементы.

Поясная гарнитура, характерная для XI в., может служить основанием для более узкой датировки. В частности, при датировке погребальных комплексов она может служить надежным репером.

Литература

- Арне Т. Й., 2005. Барсов городок. Западносибирский могильник железного века. Екатеринбург-Сургут: Уральский рабочий. 184 с.
- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–XI вв. Й.-Ола: Мар. кн. из-во. 197 с.
- Архипов Г. А., 1984. Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. АЭМК. Вып. 8. Й.-Ола: МарНИИ. С. 113–159.
- Архипов Г. А., 1986. Марийцы XII–XIII вв. (К этнокультурной истории Поветлужья). Й.-Ола: Мар. кн. из-во. 140 с.
- Генинг В. Ф., 1962. Мыдлань-Шай – удмуртский могильник VIII–IX вв. // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай. Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Свердловск: УрГУ. С. 7–111.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Иркутский университет. 280 с.
- Голдина Р. Д., Кананин В. А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: УрГУ. 215 с.
- Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск: КарНЦ АН СССР. 198 с.
- Зайцева И. Е., 2018. Древнерусские пояса с накладками: социальный статус или традиция? // *Stratum plus*. № 5. С. 267–280.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Иванов А. Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая полов. XIII в.). Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН. 309 с.
- Иванов В. А., 1993. Хронологические комплексы X–XI вв. на Южном Урале и в Приуралье // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН. С. 141–150.
- Истомина Т. В., 1999. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН. С. 76–102. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 16)
- Казаков Е. П., 1991. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы. Казань: Тат. кн. из-во. 176 с.
- Казаков Е. П., 1992. Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука. 335 с.
- Казаков Е. П., 2007. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань. 208 с.
- Карачаров К. Г., 1993. Хронология раннесредневековых могильников Сургутского Приобья // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН. С. 110–119.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.
- Кочкуркина С. И., 1989. Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск: Карелия. 348 с.
- Крыласова Н. Б., 2007. Хронология кресал Пермского Предуралья // Известия ЧНЦ УрО РАН. № 1. С. 123–126.
- Крыласова Н. Б., 2013. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета (История). № 1 (21). С. 104–115.
- Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А., 2015. Поясной набор с чернью из Рождественского могильника X–XI вв. // Вестник Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. № 5. С. 21–27.
- Крыласова Н. Б., Белавин А. М., Подосенова Ю. А., 2017. Новый «венгерский комплекс» из раскопок Рождественского могильника // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. № 4. С. 91–99.
- Крыласова Н. Б., Подосенова Ю. А., Саратулов А. Н., 2019. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданова городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета (История). № 1 (44). С. 56–72.
- Культура Биляра. Болгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 215 с.
- Лесман Ю. М., 1982. Хронологическая периодизация курганов Ижорского плато // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л.: ЛГУ. С. 65–74.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. М.: Новгор. археол. экспедиция. С. 29–98.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 164 с.
- Мажитов Н. А., 1993. Материалы к хронологии средневековых древностей Южного Урала (VII–XI вв.) // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН. С. 119–141.
- Никитина Т. Б., 2002. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Й.-Ола: МарНИИ. 430 с.

- Никитина Т. Б., Сапрыкина И. А., Митоян Р. А., 2011. Об одном типе накладок из древнемарийского могильника Нижняя стрелка (IX–XII вв.) // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей (7–11 декабря 2009 г., Казань) Казань: ООО «Фолиант»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. С. 115–126. (Археология евразийских степей. Вып. 13)
- Никитина Т. Б., 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань: АН РТ. 408 с. (Археология Евразийских степей. Вып. 14.)
- Оборин В. А., 1970. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Вып. 9. Свердловск: УрГУ. С. 3–29.
- Руденко К. А., 2002. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Казань: Школа. 2008 с.
- Савельева Э. А., 1987. Вымские могильники XI–XIV вв. Л.: ЛГУ. 200 с.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 196 с.
- Семькин Ю. А., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: АНТ. С. 154–268.
- Ситдииков А. Г., Никитина Т. Б., Казаков Е. П., 2015. Поясные накладки по материалам марийского Русенинско-го могильника X–XI вв. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 3. С. 26–29.
- Сунгатов Ф. А., 1993. К вопросу о датировке Варнинского и Тольенского могильников // Хронология памятников Южного Урала. Уфа: УНЦ РАН. С. 93–102.
- The Ancient Hungarians. Budapest: Hungarian National Museum. 1996. 477 p.

N. B. Krylasova

Chronological Peculiarities of the 10th – 11th Centuries Belt Fitting Based on the Rozhdestvensky Burial Ground in Perm Krai

Abstract. The materials of the Rozhdestvensky burial ground of the 10th – 11th cc. in Perm Krai, where more than half of the burials contain metal elements of belts decoration, including complete belts decorated with plates, provide a unique opportunity to trace the trends of belt fitting development during the denoted chronological period. As a result of the research there were singled out the main features of the 10th and 11th cc. belt sets. We traced a consistent transition to new belts, when the existent during the 10th century standard belt sets started to include individual new elements, and later, when the transition to new belts was almost over, accidentally lost plates were often replaced with archaic ones from family's old stocks. As a result, the belt fittings generally characteristic for the 10th century retained common dating of the 10th – 11th or the 10th – 1st half of the 11th c. While the belt fittings characteristic predominantly for the 11th c. can serve a reliable reference benchmark for dating both funeral and settlement complexes.

Key words: the Middle Ages, Perm krai, funerary equipment, belt fitting, chronology.

List of figures

- Fig. 1.** Belt sets late 9th – early 10th c. (1–3) and belt sets characteristic predominantly for the 10th c.
- Fig. 2.** Belt sets 10th – 1st half of the 11th c.
- Fig. 3.** Belt sets characteristic predominantly for the 10th c.
- Fig. 4.** Belt sets, characteristic for late 10th – 11th c.
- Fig. 5.** Belt sets, characteristic predominantly for the 1st half of the 11th c.
- Fig. 6.** Belt sets, characteristic predominantly for late 10th – 1st half of the 11th c.
- Fig. 7.** Belt sets, characteristic predominantly for the late 10th – 1st half of the 11th c.
- Fig. 8.** Belt sets, characteristic predominantly for the late 10th – 1st half of the 11th c.
- Fig. 9.** Belt sets, characteristic predominantly for the late 10th – the 11th c.
- Fig. 10.** Belt sets, characteristic predominantly for the late 10th – the 11th c.

Ю. А. Подосёнова

Технология изготовления элементов поясной гарнитуры на территории Пермского Предуралья в эпоху Средневековья (конец X – начало XIII века)

Резюме. Публикация посвящена результатам исследования технологии изготовления поясных накладок, распространенных на территории Пермского Предуралья в период конца X – начала XIII в. В результате исследования были выявлены способы их изготовления и, возможно, хронологические особенности их производства. В конце X–XI в. изделия отливались сериями в двучастной двусторонней форме с восковым посредником. Шпеньки воспроизводились двумя способами – с помощью одновременной отливки со всей накладкой или с помощью прилива отлитого заранее шпенька. В XII–XIII вв. параллельно с выходом деталей поясных наборов из употребления, происходит постепенное упрощение технологии их изготовления – они отливаются в двучастной односторонней форме без воскового посредника, их шпеньки изготавливаются способом прилива двух проволочек или проволочки, загнутой к щитку накладки. Исследование химического состава металла показало, что изделия были отлиты из многокомпонентной латуни и оловянно-свинцовой бронзы.

Ключевые слова: Пермское Предуралье, эпоха средневековья, ломоватовская археологическая культура, родановская археологическая культура, поясные накладки, технология изготовления, химический состав металла.

Среди предметов из цветных металлов, обнаруженных на средневековых археологических памятниках Пермского Предуралья (ломоватовская и родановская археологические культуры), одной из самых многочисленных групп являются детали поясной гарнитуры: пряжки, накладки и наконечники. Специальных работ, посвященных комплексному исследованию прикамской поясной гарнитуры, как и поясов в целом, не проводилось. Исследователи останавливались лишь на отдельных аспектах изучения этой категории материала. Р. Д. Голдиной была разработана классификация элементов поясной гарнитуры ломоватовской археологической культуры (*Голдина, 1985*). Н. Б. Крыласовой рассмотрена роль и значение поясных наборов в прикамском costume эпохи средневековья (*Крыласова, 2001*). Н. Б. Крыласовой, А. М. Белавиным и А. В. Даничем введены в научный оборот отдельные типы пряжек, накладок и наконечников ремней ряда средневеко-

вых могильников (*Белавин, Крыласова, 2008; Белавин, Крыласова, 2012; Данич, 2013*).

В последние годы одним из главных направлений исследований коллектива Камской археолого-этнографической экспедиции под руководством А. М. Белавина и Н. Б. Крыласовой является изучение литейного и ювелирного дела средневекового населения Пермского Предуралья. В рамках этого исследования стало проводиться и изучение элементов поясной гарнитуры. При этом основное внимание уделяется не только систематизации и хронологии, но и технологии изготовления изделий.

Предлагаемая вниманию публикация посвящена технологии изготовления таких деталей поясных наборов, как накладки.

Исследованная серия изделий включает накладки, происходящие из разновременных поселенческих и погребальных памятников: могильника Телячий Брод (VII–VIII, XII–XIV вв., изделия из погребений XII–XIII вв.), Рождественского язы-

ческого могильника (X–XI вв., изделия из погребений конца X – XI в.), могильника Степаново Плотбище (X–XI вв.), Огурдинского могильника (конец X – XI в.), Антыбарского могильника (XI–XIII вв., изделия из погребений XII–XIII вв.), могильника и городища Кылосово (Анюшкар, X – начало XV в.), Саламатовского городища (X–XIII вв.), Роданова городища (X–XII вв., изделия из мастерской первой половины XI в.) и селища Телячий Брод (XII–XIV вв.). (Крыласова, 2016. С. 66–78; Крыласова, 2013. С. 104–115; Данич, 2013. С. 181–196; Белавин, Крыласова, 2012; Ленц, 1988; Абдулова, 2016. С. 10–36; Крыласова, Подосёнова, Сарапулов, 2019. С. 56–72).

Достаточно много информации, связанной с технологией изготовления элементов поясной гарнитуры, было почерпнуто при исследовании материалов из литейной мастерской, обнаруженной в результате полевых археологических изысканий под руководством А. Н. Сарапулова на Родановом городище в августе 2018 г. В мастерской, функционировавшей предположительно в первой половине XI в. и направленной в основном на изготовление элементов поясной гарнитуры, были обнаружены серии «полуфабрикатов» поясных накладок (в том числе и рассматриваемых нами типов). Это накладки не удаленные с литейного канала, накладки с необработанным срезом литейного канала, накладки, не прошедшие окончательную обработку с помощью абразивных инструментов, а также наконечники ремней с огромным заливом металла между створок формы и т. д. (Крыласова, Подосёнова, Сарапулов, 2019. С. 56–72).

В данную публикацию вошли только наиболее массовые и распространенные на территории Пермского Предуралья типы накладок – подсердцевидные в форме варяжского геральдического щита, щитовидные с бабочковидным орнаментом, миниатюрные сердцевидные с растительным орнаментом и миниатюрные розетковидные. Такие накладки являлись элементами одного стандартного поясного набора, сформировавшегося в конце X в. и просуществовавшего до XIII в. Сам пояс был украшен щитовидными накладками с бабочковидным орнаментом, часть из которых имела прорезь внизу, через которую

продевались ремешки поясных привесок, унизанные мелкими сердцевидными накладками, перемежающимися группами из 3–4 розетковидных накладок. Подобные поясные наборы известны и в погребениях конца X – XI в. Рождественского могильника (публикация Н. Б. Крыласовой в данном сборнике) и в погребениях XII–XIII вв. могильников Телячий Брод и Антыбарский (Крыласова, 2016. С. 66–78; Ленц, 1988).

Общая характеристика накладок основана на имеющейся классификации в опубликованных коллекциях средневековых памятников Пермского Предуралья (Белавин, Крыласова, 2008; Белавин, Крыласова, 2012; Данич, 2013. С. 181–196). Деление на типы в публикации приведено условно:

Тип I. Накладки подсердцевидные. Это накладки в виде варяжского геральдического щита с каплевидным выступом в центре растительной орнаментальной композиции (рис. 1). При исследовании изделий были зафиксированы следующие технологические особенности:

- изделия имеют вогнутую изнаночную сторону и индивидуальные особенности без следов дополнительной механической обработки, рельеф изнаночной стороны не повторяет орнамент лицевой стороны накладок (рис. 1: 1–11);

- отдельные изделия не срезаны с литейного канала (рис. 1: 9–11);

- места обрубки литейного канала не до конца обработаны (рис. 1: 5–7);

- при удалении литейного канала нарушена общая форма изделия (рис. 1: 3, 5);

- сквозной литейный канал проходил по вертикали, диагонали и горизонтали относительно щитка накладки (рис. 1: 9–11);

- литейные швы, облой металла на краях литейных каналов и щитков, свидетельствует об использовании двустворчатых форм (рис. 1: 9, 10, 12д);

- шпеньки могли быть воспроизведены двумя способами: отливкой вместе со щитком или приливом приготовленных заранее заготовок для шпеньков – проволочек (рис. 1: 13 – а, б);

- фиксируются следы снятия излишков металла (затеков) и шлифовки боковых сторон изделий (рис. 1: 12 – а, б, в, г, ж, е);

- выделяются серии накладок, отлитые по оттиску одной модели, совпадают разме-

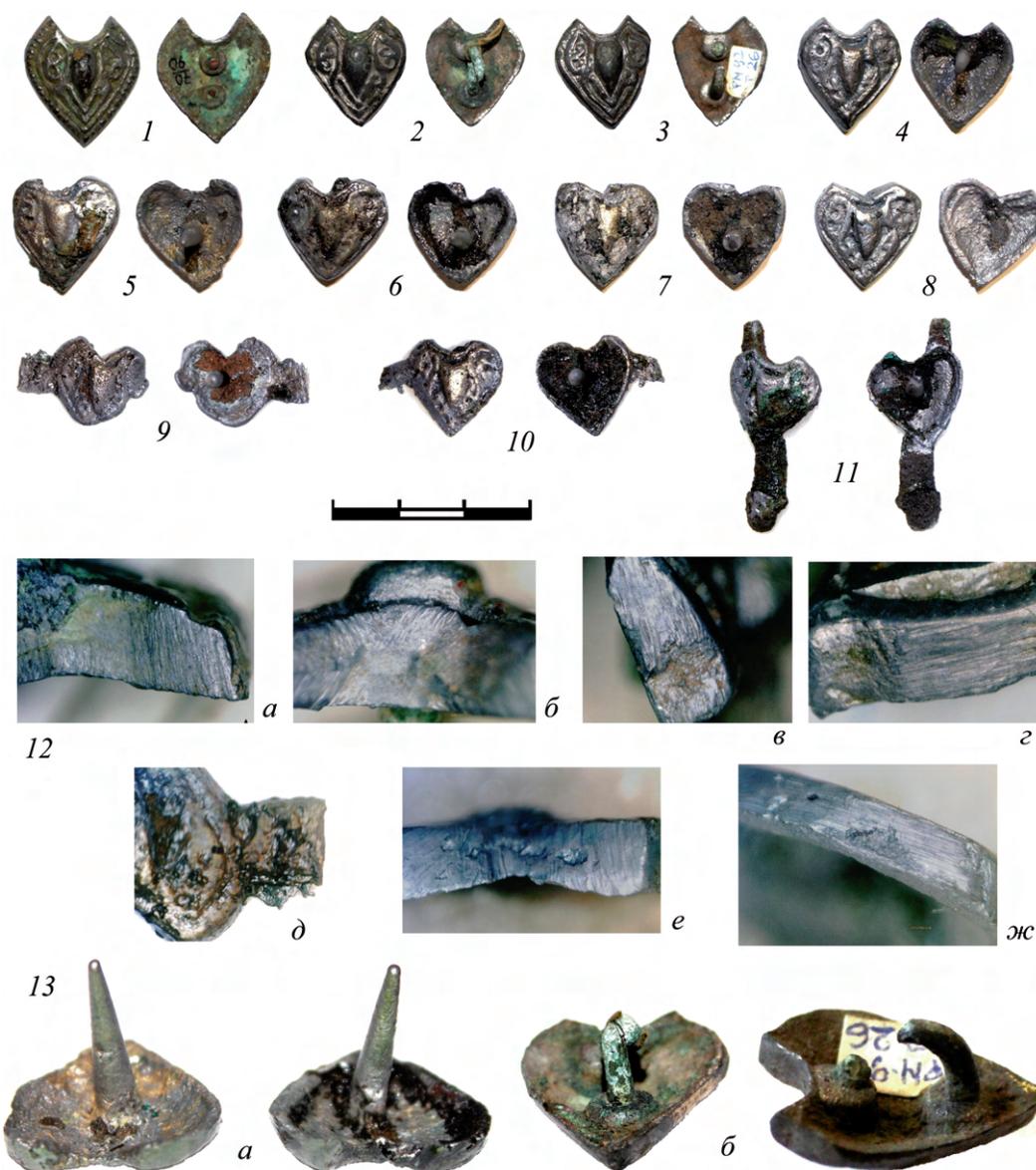

Рис. 1. Накладки подсердцевидного типа (тип I)

1 – могильник Степаново Плотбище; 2–3 – Рождественский могильник; 4–10 – городище Роданово (9–11 – изделия, не полностью снятые с литейного канала); 12 – особенности технологии изготовления накладок: следы шлифовки боковых сторон и места литника (а–г, е, ж), облой металла на краю литникового канала (д); 13 – устройство шпеньков на изделиях: монолитный (а) и приливной (б)

ры и орнамент, в котором повторяется дефект первоначальной модели (рис. 1: 2, 3).

Тип II. Накладки щитовидные выпуклые с растительным орнаментом, напоминающим бабочку с распахнутыми крыльями (бабочковидным) (рис. 2), обрамлены гладким бордюром или бордюром, имитирующим зернь. Подразделяются на два подтипа по форме щитка:

– полуовальные (в виде испанского геральдического щита), имеют варианты

с подпрямоугольной прорезью и без прорези (рис. 2: 1–12);

– подсердцевидные (в виде варяжского геральдического щита) (рис. 2: 13–20).

При исследовании изделий были зафиксированы следующие технологические особенности:

– изделия имеют полую изнаночную сторону и индивидуальные особенности – у каждой из них определенная толщина и рельеф без следов дополнительной

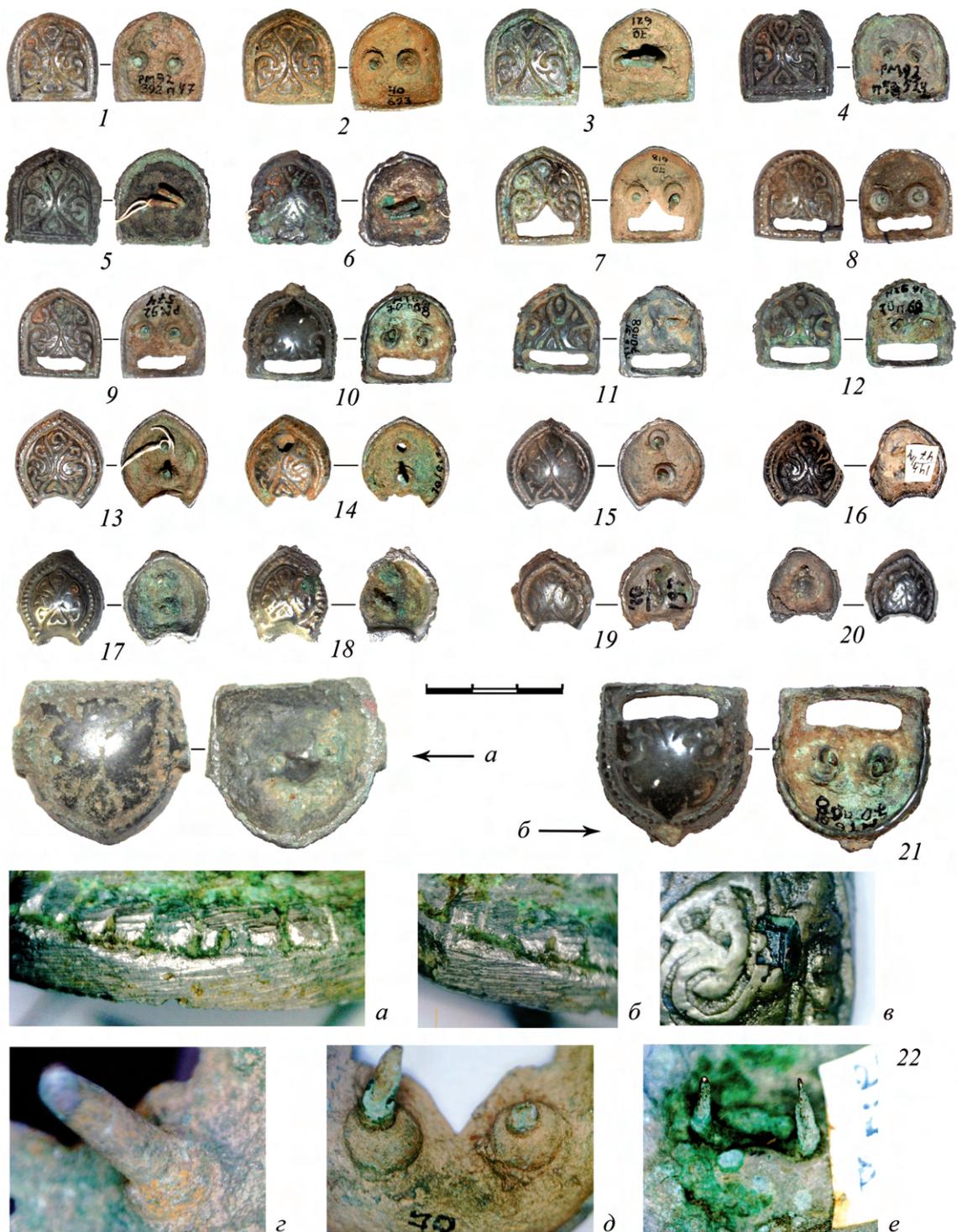

Рис. 2. Накладки щитовидные с бабочковидным орнаментом (тип II)

1, 4, 8, 9 – Рождественский м-к; 2, 3, 7, 14 – м-к Степаново Плотбище; 5, 6, 13, 15, 16, 19, 20 – Антыбарский м-к; 10–12 – м-к Телячий Брод; 17, 18 – Саламатовское городище; 21 – остатки литейных каналов: с двух сторон (а) и с одной стороны (б); 22 – особенности технологии изготовления накладок: следы шлифовки боковых сторон изделий (а, б), выход основания приливного шпенька на лицевую сторону изделия (в), монолитный шпенок (з), шпенок с приливными проволочками (д), шпенок с приливной изогнутой проволочкой (е)

механической обработки, рельеф изнаночной стороны не повторяет орнамент лицевой стороны накладок (рис. 2: 1–21);

- на изделиях часто фиксируются недообработанные следы литейных каналов с одной или двух сторон щитка накладки (рис. 2: 5, 10, 11, 17–20);

- на остатках литейных каналов фиксируются недообработанные литейные швы, облой металла (рис. 2: 4–6, 10–12, 17–20);

- сквозной литейный канал проходил по горизонтали относительно щитка накладки (рис. 2: 12, 19–21);

- шпеньки на изделиях производились несколькими способами: в одном случае они отливались вместе со щитком накладки, в других случаях крепились путем прилива подготовленных заранее шпеньков (из проволоки или отлитых) или проволочки, изогнутой к телу накладки (рис. 2: 22в–е);

- имеющуюся прорезь внизу накладки могли производить на восковой модели, путем вырезания по воску (она нарушала часть орнамента) или имеющаяся прорезь получалась путем оттиска от первоначальной модели;

- на изделиях конца X – XI в. на боковых сторонах часто фиксируются следы снятия затеков металла и шлифовки (изделия из Рождественского, Степаново Плотбище, Огурдинского могильников) (рис. 2: 22 а, б);

- на изделиях XII–XIII вв. следы снятия затеков металла и шлифовки чаще всего отсутствуют (изделия из Антыбарского и Телячий Брод могильников) (рис. 2: 5, 6, 10–12, 19, 20).

Тип III. Накладки миниатюрные сердцевидные с растительным орнаментом в виде трилистника (рис. 3).

При исследовании изделий были зафиксированы следующие технологические особенности:

- изделия конца X – XI в. имеют вогнутую изнаночную сторону без следов дополнительной механической обработки, рельеф изнаночной стороны не повторяет орнамент лицевой стороны накладок (изделия из Рождественского, Степаново Плотбище, Огурдинского могильников, Роданово городища) (рис. 3: 1–10, 17–20);

- на изделиях XII–XIII вв. изнаночная сторона плоская, не полая (изделия из Антыбарского и Телячий Брод могильников) (рис. 3: 11–16);

- отдельные изделия не срезаны с литейного канала (рис. 3: 18–20);

- места обрубки литейного канала не до конца обработаны (рис. 3: 11–17);

- при удалении литейного канала нарушена общая форма изделия;

- сквозной литейный канал проходил по вертикали, диагонали и горизонтали относительно щитка (рис. 3: 11–20);

- фиксируются литейные швы, облой металла на остатках литейных каналов и щитков (рис. 3: 11–20);

- шпеньки могли быть воспроизведены несколькими способами: отливкой вместе со щитком или приливом приготовленных заранее заготовок для шпеньков – проволок или изогнутой проволочки (рис. 3: 21 а–д);

- на изделиях конца X – XI в. на боковых сторонах часто фиксируются следы снятия затеков металла и шлифовки (изделия из Рождественского, Степаново Плотбище, Огурдинского могильников) (рис. 3: 21е);

- на изделиях XII–XIII вв. следы снятия затеков металла и шлифовки чаще всего отсутствуют (изделия из Антыбарского и Телячий Брод могильников) (рис. 3: 11–16).

Тип IV. Накладки миниатюрные розетковидные – в центре выпуклое полушарие, завершающееся шаровидным выступом, обрамленным двумя рядами ложной зерни; по контуру накладки – ряд полушарных выступов (рис. 4).

При исследовании изделий были зафиксированы следующие технологические особенности:

- изделия конца X – XI в. имеют вогнутую изнаночную сторону без следов дополнительной механической обработки, рельеф изнаночной стороны не повторяет орнамент лицевой стороны накладок (изделия из Рождественского, Степаново Плотбище, Огурдинского могильников, Роданово городища) (рис. 4: 9–16, 19–21);

- на изделиях XII–XIII вв. изнаночная сторона плоская, не полая (изделия из Антыбарского и Телячий Брод могильников) (рис. 4: 1–8, 17);

- отдельные изделия не срезаны с литейного канала (рис. 4: 21);

- места обрубки литейного канала не до конца обработаны (рис. 4: 1–8, 17);

- при удалении литейного канала нарушена общая форма изделия;

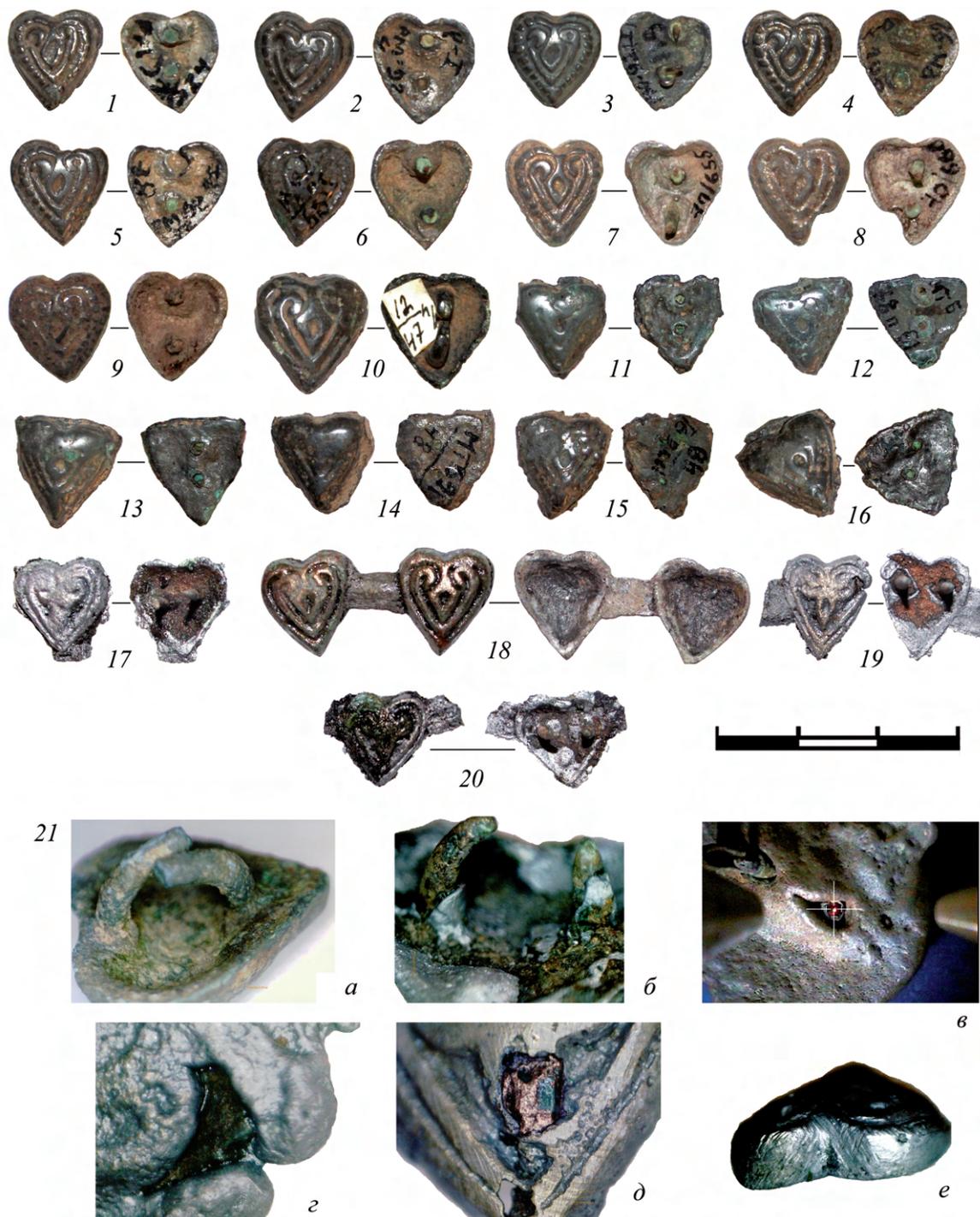

Рис. 3. Накладки миниатюрные сердцевидные с растительным орнаментом (тип III)
 1–6 – Рождественский м-к; 7–9 – могильник Степаново Плотбище; 10 – городище Анюшкар;
 11–16 – м-к Телячий Брод; 17–20 – Роданово городище; 21 – особенности изготовления накладок:
 монолитный шпенец (а), накладка с приливными шпеньками (б), шпенец из приливной изогнутой
 проволоки (в), непролитый металл на месте соединения приливного шпенька с щитком
 накладки (г), выход основания шпенька на лицевую сторону накладки (д), следы обработки
 боковых сторон изделия (е)

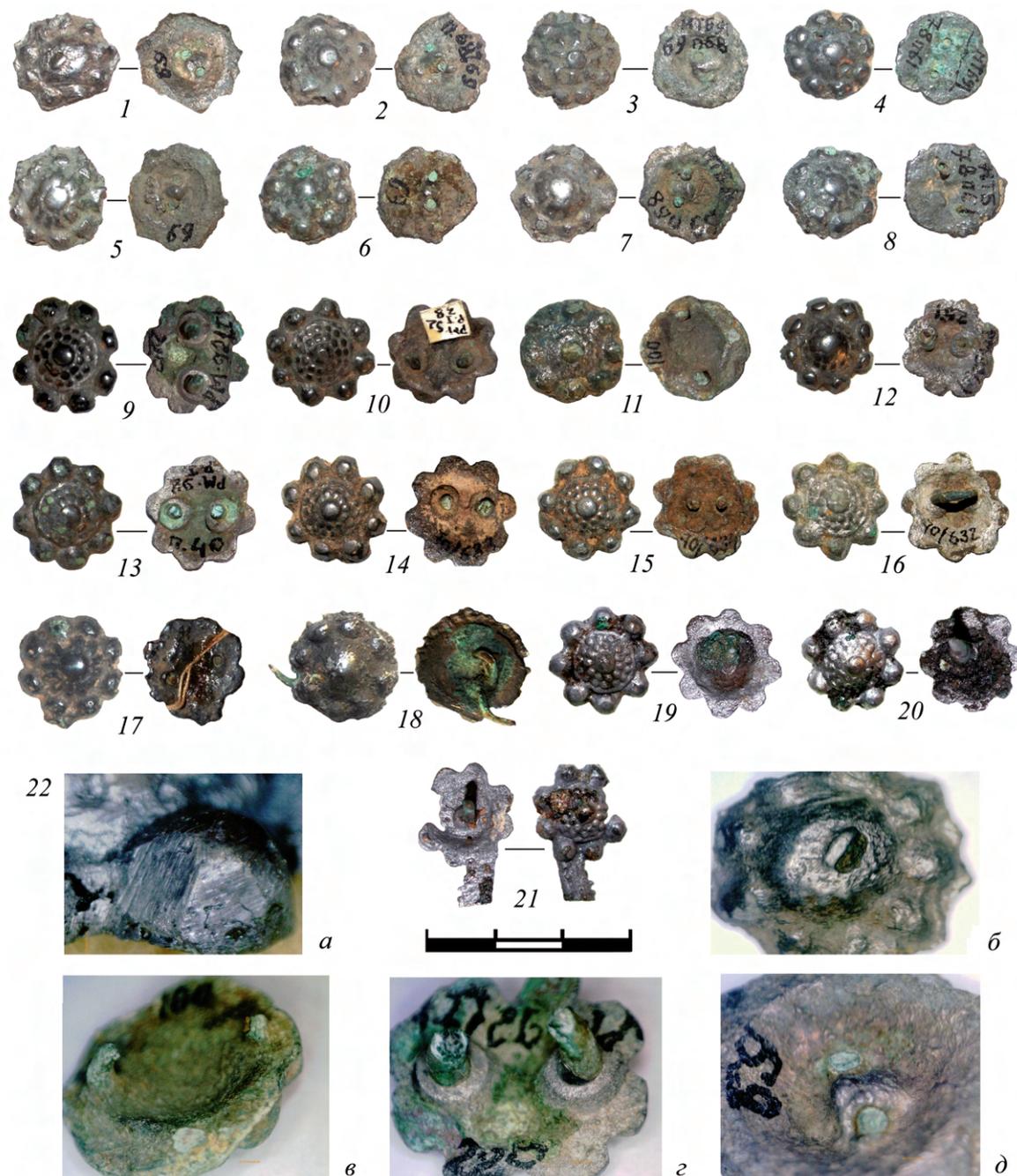

Рис. 4. Накладки миниатюрные розетковидные (тип IV)

1-8 – селище, м-к Телячий Брод; 9-13 – Рождественский м-к; 14-16 – м-к Степаново Плотбище; 17 – Антыбарский м-к; 18 – Саламатовское городище; 19-21 – Роданово городище; 22 – особенности изготовления накладок: следы шлифовки боковых сторон изделий (а), выход изогнутой проволочки шпенька на лицевую сторону изделия (б), монолитные шпеньки (в), приливные шпеньки из двух проволочек (г), шпенек из приливной изогнутой проволочки (д)

– чаще всего фиксируется сквозной литейный канал;

– литейные швы, облой металла на остатках литейных каналов литейных каналов и щитков (рис. 4: 1–8; 17–21);

– шпеньки могли быть воспроизведены несколькими способами: отливкой вместе со щитком накладки или приливом приготовленных заранее заготовок для шпеньков – проволочек или изогнутой проволочки (рис. 4: 22б–д);

– на изделиях конца X – XI в. на боковых сторонах часто фиксируются следы снятия затеков металла и шлифовки (изделия из Рождественского, Степаново Плотбище, Огурдинского могильников) (рис. 4: 22а);

– на изделиях XII–XIII вв. следы снятия затеков металла и шлифовки чаще всего отсутствуют (изделия из Антыбарского и Телячий Брод могильников) (рис. 4: 1–8, 17).

Поверхностный осмотр изделий позволил восстановить процесс изготовления поясных накладок, включавший следующие последовательные операции: отбор моделей для воспроизводства и изготовление литейной формы, плавка металла и его заливка в форму, доработка отливки. Для ряда изделий выполнялась еще одна операция – это отдельное изготовление шпеньков разными способами. Остановимся подробнее.

Все поясные накладки отливались в одноразовой двучастной двусторонней или двучастной односторонней литейной форме, о чем свидетельствуют не до конца обработанные или в целом не обработанные литейные швы, проходящие по краям изделий на остатках литейных каналов. Мягкость контуров орнамента, наблюдаемая на лицевой стороне накладок, свидетельствует об использовании пластичных форм – глиняных или земляных. Это может подтверждаться и полным отсутствием находок литейных форм в материалах средневековых памятников Пермского Предуралья.

Серийность изделий, дублирование одних и тех же дефектов орнамента в группе однотипных изделий, неровный литейный шов по отношению к телу накладки указывают на то, что в качестве модели могли использоваться готовые изделия.

При создании литейной формы изделие-модель из твердого материала несколько раз оттискивалась в заготовке нижней

створки формы из пластичной формовочной массы.

Чаще всего, оборотные стороны накладок имеют выпукло-вогнутую форму и индивидуальные особенности – у каждой из них определенная толщина и рельеф без следов дополнительной механической обработки, их рельеф не повторяет и орнамент лицевой стороны накладок. В отдельных случаях оборотные стороны накладок не имеют выпукло-вогнутую форму и представляют собой немного углубленную плоскость (изделия из погребений Антыбарского могильника и поздних погребений могильника Телячий Брод, селища Телячий Брод).

В первом случае особенности оборотных сторон могут свидетельствовать об участии в изготовлении изделий восковых моделей-посредников, когда в полученные оттиски заливали воск способом литья «навыплеск», при котором излишки расплавленного воска сливались до момента окончательного застывания. Застывший на стенках формы слой воска образовывал вогнутую модель, толщина которой зависела от продолжительности нахождения расплавленного воска в форме. Во втором случае особенности оборотных сторон свидетельствуют об отсутствии воскового посредника.

К полученным оттискам с имеющимися в гнездах восковыми отливками (или без них) подводились литниковые каналы путем вырезания в пластичной форме. На получившуюся конструкцию постепенно накладывали пластичную формовочную массу – получалась верхняя створка формы с негативными оттисками восковых копий-посредников или слегка намеченными контурами оттисков без воскового посредника. На данной створке формы дорабатывались литейные каналы и производилось устройство шпеньков для крепления накладок к ремню.

В рассматриваемых изделиях фиксируется три вида устройства шпеньков, выполненных разными способами.

В первом случае под прямым углом к поверхности негативных оттисков острым предметом делали от одного до трех проколов. При литье эти проколы заполнялись металлическим сплавом, получались шпеньки, отлитые вместе со щитком накладки в один прием. В месте соединения таких шпеньков

со щитком накладки отсутствуют швы, металл шпеньков и щитка накладки однороден (рис. 1: 13а; 2: 22г; 3: 21а; 4: 22в).

Во втором случае в гнезда верхней створки формы вставлялись заранее отлитые конические шпеньки-заготовки или заостренные проволочки, присоединявшиеся путем прилива (рис. 1: 13б; 2: 22д; 3: 21б; 4: 22з). На накладках фиксируется наличие сварного шва у основания шпенька. Сварной шов возникал из-за разницы температур готового шпенька и расплавленного металла; она приводила к образованию в месте стыка пленки поверхностного натяжения металла, из-за чего у основания шпенька возникал небольшой выступ. Другой причиной возникновения этого выступа было то, что у вставленного в гнездо шпенька делали кольцевую выемку, которую при литье заполнял расплавленный металл и еще больше прихватывал шпенец к щитку.

Отлитые отдельно шпеньки чаще всего имели в основании небольшую плоскую платформу. В изделиях, где шпеньки выполнялись данным способом, основание шпенька часто выступало на лицевой стороне изделий (рис. 2: 22в; 3: 21д). Также в изделиях может фиксироваться «непролитая» поверхность на месте соединения шпенька со щитком (рис. 3: 21г).

В третьем случае шпеньки производили также с помощью прилива. Тонкую проволочку сгибали петлей, и изгиб с помощью воска крепили к изнаночной стороне восковой модели (рис. 2: 22е; 3: 21в; 4: 22д). Концы проволочки выводили в верхнюю створку формы. Если восковой посредник отсутствовал, то в гнезда верхней створки или в намеченные оттиски расположения накладок просто вставлялись концы загнутой тонкой проволочки. При таком способе крепления шпеньков также фиксируется наличие сварного шва в месте присоединения изгиба проволочки к телу привески. В изделиях, где шпеньки выполнялись данным способом, петлеобразный изгиб проволочки часто выступал на лицевой стороне изделий (рис. 4: 22б).

В изделиях, где шпеньки были выполнены способом прилива, между получившимися шпеньками и основным металлом накладки фиксируется разный состав металла, наблюдаемый как визуально, так и под-

твержденный анализами его химического состава. Для проволочных шпеньков брали проволоку медную или бронзовую, где фиксируется большое содержание меди (табл. 1, № 9; табл. 2).

В материалах мастерской Роданова городища были обнаружены «полуфабрикаты» шпеньков, которые присоединялись к накладкам с помощью способа прилива. Они представлены литыми пластинами с одинаковыми вытянутыми коническими выступами, расположенными рядами, некоторые из которых уже были срезаны (Крыласова, Подосёнова, Сафатулов, 2019. Рис. 24).

На изделиях достаточно часто и отчетливо удастся проследить места примыкания литейного канала, имеющего прямоугольное сечение. В одних изделиях литник фиксируется с одной стороны, в других – с двух противоположных сторон (рис. 1: 9–11; 2: 21; 3: 17–20; 4: 21). Данная фиксация остатков литейных каналов может свидетельствовать о двух способах подвода их к литейным гнездам. При первом способе вырезался сквозной литейный канал, проходивший через щитки изделий (получалось, что изделия являлись его частью). Второй способ, возможно, предполагал устройство литейных каналов для литья «в елочку»: каналы подводились к изделиям только в одном месте, скорее всего, индивидуальные литники расходились от общего, большего по объему, литейного канала, поскольку изготовление для каждого изделия отдельной формы было бы излишне трудоемким при производстве таких массовых украшений.

При обоих способах устройства литейных каналов для создания нужного давления расплавленного металла один из концов литника завершался литейной чашей, объем которой определялся количеством выплавляемых в форме изделий. Полости чаш прорезались в пластичных створках форм.

После формирования системы литейных каналов створки формы собирали (восковые модели вытапливали или убирали) и заливали в нее металл. Отливки снимали с литников и производили доработку изделий абразивными инструментами (шлифовали боковые стороны и следы литейных каналов, реже – поверхность изделий, но не прорабатывали орнамент). Готовое изделие пускали в употребление.

Таблица 1. Результаты исследования химического состава металла поясных накладок, проведенного в Лаборатории археологической трасологии, антропологии и экспериментальной археологии ПГГПУ (г. Пермь) при помощи портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker S1 Sorter.

№*	Шифр предмета**	Тип изд.	Тип сплава	Cu (%)	Sn (%)	Pb (%)	Zn (%)	Другие (менее 1 %)
1	ПоГ18/270	I	Cu-Zn-Pb	87,7	0	4,07	7,93	Co, Sb
2	ПоГ18/108	I	Cu-Sn-Pb-Zn	63,5	23,8	7,89	4,29	Fe
3	ПоГ18/602 (1)	I	Cu-Sn-Zn-Pb	69,3	17,2	6	6,99	Fe
4	ПоГ18/602 (2)	I	Cu-Sn-Zn-Pb	70,1	15,9	6,81	6,86	Fe
5	ПоГ18/602 (3)	I	Cu-Sn-Zn-Pb	71,8	15,7	5,1	6,77	Fe
6	ПоГ18/388 (4)	I	Cu-Sn-Pb-Zn	68,1	17,6	7	6,22	Fe, Ni
7	PM92/26	I	Cu-Sn-Pb-Zn	54,2	34	9,9	1,3	Fe, As
8	PM92/214	I	Cu-Sn-Pb-Zn	50,5	38,6	8,79	1,31	Fe,As,Ni
9	ПоГ18/341 (щиток)	II	Cu-Zn-Sn-Pb	75	9,5	3,1	12,2	Fe
	ПоГ18/341 (шпенёк)	II	Cu-Sn-Pb-Zn	83,6	6,4	5,2	3,8	Fe, Ni
10	ПоГ18/497	II	Cu-Sn-Pb-Zn	90	4,3	2,7	2,9	Fe
11	ПоГ18/338	II	Cu-Sn-Pb-Zn	71,3	15,3	7,7	5,1	Fe, As
12	ПоГ18/169	II	Cu-Pb-Sn-Zn	91,2	2,2	4,8	1	Fe, Sb
13	PM92/299	II	Cu-Sn-Pb-Zn	61,3	30,3	5,27	2,63	Fe
14	PM08/159/13	II	Cu-Sn-Pb-Zn	50,3	38	10,2	1,34	Fe
15	PM92/392 п.47	II	Cu-Sn-Pb-Zn	55,2	33,3	9,14	1,77	Fe
16	PM92/574	II	Cu-Sn-Pb-Zn	55,8	33,3	8	2,35	Fe
17	PM92/524 п.58	II	Cu-Sn-Pb-Zn	50,1	37,3	10,6	1,13	Fe
18	MTБ91/70 п.68	II	Cu-Sn-Pb	54,6	41,8	3,21	0	Fe
19	MTБ91/70 п.68	II	Cu-Sn-Pb	56,2	41,7	1,5	0	Fe
20	MTБ91/70 п.68	II	Cu-Sn-Pb	52,2	43,8	3,35	0	Fe
21	AM40/197	II	Cu-Sn-Pb	61,8	36,2	1,03	0	Fe,As
22	AM/пм	II	Cu-Sn-Pb	55,8	42,9	1,05	0	Fe,As
23	AM/40/75 п.124 б	II	Cu-Sn-Pb	51,7	46,2	1,81	0	Fe
24*	AM/п.126	II	Cu-Sn-Pb	71,1	25,8	2,49	0	Fe,Ni
25	KM93/144/47	II	Cu-Sn-Pb	62,8	32,2	4,26	0	Fe
26*	KM91/шурф V	II	Cu-Sn-Pb-Zn	50,1	36,3	9,9	3	Fe,Co
27	KM93/38/33	II	Cu-Sn-Pb-Zn	46	38,8	12,2	1,58	Fe,As,Ni
28	ПоГ18/571	III	Cu-Sn-Pb-Zn	61,9	19	9,3	8,8	Fe, Sb
29	ПоГ18/584	III	Cu-Pb-Sn-Zn	64,8	8,3	19	7,4	Ni,Fe,Sb
30	ПоГ18/585	III	Cu-Sn-Pb-Zn	67,5	15,8	7,1	9,3	Fe
31	ПоГ18/518	III	Cu-Sn-Pb-Zn	61,4	24,3	8,1	5,8	Fe
32	ПоГ18/536	III	Cu-Pb-Sn-Zn	82	4,9	11,5	1,2	Fe
33	PM92/78	III	Cu-Sn-Pb-Zn	55,5	32,2	10,4	1,81	Fe
34	PM92/бн	III	Cu-Sn-Pb-Zn	54,9	37,5	6,36	1,23	Fe,Ni
35	PM92/106	III	Cu-Sn-Pb-Zn	50	35,5	11,2	2,48	Fe
36	PM92/524	III	Cu-Sn-Pb-Zn	61,1	32,2	5,68	1	Fe
37	PM92/4	III	Cu-Sn-Pb	53,8	42,9	2,23	0	Fe
38	МСПл/бн	III	Cu-Sn-Pb-Zn	49,5	32,9	14,1	2,55	Fe,As
39	МСПл/70/99	III	Cu-Sn-Pb-Zn	54,7	31,4	11	2,04	Fe,As
40	МСПл/бн	III	Cu-Sn-Pb-Zn	63,7	26,1	7,24	2,09	Fe,As
41	МСПл/70/98	III	Cu-Sn-Pb-Zn	52,9	33,2	11,0	2,1	Fe,As
42	MTБ87/п.41-101 (1)	III	Cu-Sn-Pb	50,2	45,5	3,82	0	Fe
43	MTБ87/п.41-101 (2)	III	Cu-Sn-Pb	47,6	42,8	9,54	0	Fe
44	MTБ87/п.41-104	III	Cu-Sn-Pb	47,6	48,8	3	0,23	Fe
45	MTБ91/48	III	Cu-Sn-Pb	44,9	51,5	2,65	0,31	Fe,As
46	MTБ91/48	III	Cu-Sn-Pb	45,6	51,6	2,62	0	Fe
47	MTБ91/78 п.61	III	Cu-Sn-Pb	45,3	51,4	3,21	0	Fe
48	MTБ86/п.9	III	Cu-Sn-Pb	50,6	43,1	5,44	0	Fe,As
49	MTБ87/149 п.46	III	Cu-Sn-Pb	46,4	48,5	4,09	0,23	Fe,As

№*	Шифр предмета**	Тип изд.	Тип сплава	Cu (%)	Sn (%)	Pb (%)	Zn (%)	Другие (менее 1 %)
50*	КМ93/12/47	III	Cu-Sn-Pb	53,2	37,1	9,03	0	Fe
51	РоГ18/336	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	64,9	21	8,1	5,3	Fe
52	РоГ18/564	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	68,4	16,4	7,5	7,2	Fe
53	РоГ18/484	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	58,5	26,3	9,1	5,9	Fe
54	РоГ18/582	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	69,3	21,1	6,3	2,9	Fe
55	PM92/229	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	45,2	41,9	9,56	2,54	Fe, As
56	PM92/38	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	52,3	37,9	7,47	1,29	Fe
57	PM92/п.40	IV	Cu-Sn-Pb-Zn	46,57	39	12,8	1,56	Fe
58	MTБ91/69 п.68	IV	Cu-Sn-Pb	55,3	41,2	3,44	0	Fe
59	MTБ91/78 п.61	IV	Cu-Sn-Pb	53,9	41,8	3,06	0	Fe
60	MTБ91/69	IV	Cu-Sn-Pb	51,3	45,7	2,67	0	Fe
61	MTБ91/69 п.68	IV	Cu-Sn-Pb	58,9	37,5	2,71	0	Fe
62	MTБ91/69 п.68	IV	Cu-Sn-Pb	45,2	51,1	2,99	0	Fe
63	MTБ91/69 п.68	IV	Cu-Sn-Pb	59,7	37,5	2,23	0	Fe
64	MTБ91/69 п.68	IV	Cu-Sn-Pb	53,3	42,5	3,51	0	Fe
65	MTБ91/69 п.68	IV	Cu-Sn-Pb	55,4	41,5	2,98	0	Fe
66	AM/40/250 п.149	IV	Cu-Sn-Pb	41,9	56,2	1,65	0	Fe

* Химический состав изделия измерялся двумя способами и приведен в двух таблицах

** РоГ – Роданово городище, PM – Рождественский могильник, MTБ – могильник Телячий Брод, КМ – могильник Кыласово (Анюшкар), AM – Антыбарский могильник, МСПЛ – могильник Степаново Плотбище

В мастерской Роданово городища были обнаружены обрубки массивных конических литников с отходящими от них более мелкими литейными каналами, устроенными либо по сквозному способу литья, либо для литья «в елочку» (Крыласова, Подосёнова, Саранулов, 2019. Рис. 25). Аналогичные литники были обнаружены и при пересмотре неопубликованных материалов Саламатовского городища и городища Анюшкар, вошедшие в коллекционные описи как «неопределенные бронзовые изделия».

Также было проведено и исследование химического состава металла накладок. Исследование проводилось при помощи портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker S1 Sorter (табл. 1). Данный прибор предназначен для количественного неразрушающего анализа содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной спектроскопии в изделиях из металлов. В основном измерялась лицевая сторона изделий, реже – изнаночная (в виду невозможности измерения из-за выпукло-вогнутой стороны), пробы усреднялись. В представленную выборку вошли менее коррозированные образцы. В изде-

лиях, не вошедших в выборку, была сильно завышена проба легирующих элементов (Pb, Sn), а также проба загрязняющих элементов (Fe, Ni, As). Результаты исследования показали, что подавляющая часть изделий была отлита из многокомпонентной латуни, где содержание олова – от 8,5 до 41%, свинца – от 5 до 17,5%, Zn – от 1 до 9,3% (табл. 1).

Явным исключением по химическому составу металла являются изделия из Антыбарского, Кыласово (Анюшкар) и Телячий Брод могильников, которые были отлиты из оловянно-свинцовой бронзы (табл. 1, № 19–25, 42–50, 58–66), где фиксируется высокое содержание олова – от 25,8 до 51,6%, а свинца – от 1 до 9,54%.

Практически аналогичные результаты были получены при исследовании химического состава металла накладок из отдельных памятников (могильники Антыбарский, Кыласово (Анюшкар) и Телячий Брод) в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ с помощью рентгенофлуоресцентного энергодисперсионного анализа на стационарном оборудовании ArtTAX – BRUKERAXS¹ (табл. 2). Необходимо отметить, что отдельные изделия

¹ Выражаю благодарность Н.В. Ениосовой за проведенные исследования и предоставленную информацию и фотофиксацию.

Таблица 2. Результаты исследования химического состава металла поясных накладок, проведенного в Лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ с помощью рентгенофлуоресцентного анализа на стационарном оборудовании ArtTAX – BRUKER AXS.

№	Шифр предмета**	Тип изд.	Тип сплава	Cu (%)	Sn (%)	Pb (%)	Zn (%)	Другие (менее 1 %)
1	МТБ03/473, шпенек	III	Cu	100	0	0	0	-
	МТБ03/473, щиток		Cu-Sn-Pb	46,01	51,18	2,36	0	Fe, Ni
2	МТБ03/472, щиток	II	Cu-Sn-Pb	42,46	53,87	3,32	0	Fe, Ni
	МТБ03/472, шпенек		Cu-Sn-Pb	83,14	8,81	7,95	0	Fe
3	МТБ/ погр.69, щиток	IV	Cu-Sn-Pb	40,09	54,17	5,35	0	Fe, Ni
	МТБ/ погр.69, шпенек		Cu-Sn-Pb	80,88	11,33	7,04	0	Fe, Ni
4*	КМ93/12/47, щиток	III	Cu-Sn-Pb	52,21	44,32	3,04	0	Fe, Ni
5*	КМ91/шурф, щиток	II	Cu-Sn-Pb-Zn	30,04	43,33	24,86	1,29	Fe
	КМ91/шурф, шпенек		Cu-Sn-Pb	78,59	10,63	10,63	0,7	Fe
6*	АМ/погр.126, щиток, лицевая сторона	II	Cu-Sn-Pb	66,9	28,93	3,5	0	Ni
	АМ/погр.126, щиток, внутренняя часть		Cu-Sn-Pb	60,47	35,09	3,92	0	Ni
	АМ/погр.126, шпенек		Cu	99,26	0	0,74	0	-

* Химический состав изделия измерялся двумя способами и приведен в двух таблицах

** МТБ – могильник Телячий Брод, КМ – могильник Кыласово (Анюшкар), АМ – Антыбарский могильник

исследовались двумя представленными способами, и результаты исследования имеют минимальные расхождения в процентном содержании (табл. 1, № 24, 26, 50; табл. 2, № 4–6).

Практически во всех анализах фиксируется очень высокое содержание олова. Сплавы с высоким содержанием олова являются универсальными литейными сплавами. Они обладают повышенной жидкотекучестью, что влияет на качественное заполнение формы.

Шпеньки изделий, наоборот, были выполнены из медной проволоки или проволоки из оловянно-свинцовой бронзы с пониженным содержанием олова. Такие составы металлических сплавов характеризуются пластичностью, возможной частой деформацией. По всей видимости, такой состав металла шпеньков позволял более часто их сгибать и разгибать и более легко вынимать сами изделия из формы.

Следует отметить, что в настоящий момент некоторые сомнения вызывает повышенное содержание олова, зафиксированное при исследовании материалов в обоих случаях.

Суммируя результаты исследования, можно сделать следующие выводы:

– изготовление накладок наиболее распространённых типов на территории Перм-

ского Предуралья в конце X – XI в. являлось массовым серийным производством;

– в мастерских изготавливалась продукция на основе копирования изделий;

– массовому серийному производству способствовали не только способы литья (устройство форм с литейными каналами), но и знание свойств использовавшегося в изготовлении изделий материала;

– в конце X – XI в. изделия отливались сериями в двучастной двусторонней форме с восковым посредником. Шпеньки для крепления воспроизводились двумя способами – с помощью одновременной отливки со всей накладкой (монолитные) или с помощью прилива подготовленных заранее проволочных или литых шпеньков. Необходимо отметить, что оба способа могли применяться в одних и тех же типах изделий, возможно, одним и тем же мастером (судя по материалам мастерской Роданово городища);

– вероятнее всего, к XII–XIII вв. параллельно с постепенным выходом поясных наборов из цветных металлов из употребления, происходит упрощение технологии изготовления изделий – они начинают отливаться в двучастной односторонней форме без воскового посредника. Шпеньки на накладках изготавливаются только способом

прилива проволочек или загнутой проволочки к щитку накладки (чаще всего).

Несмотря на то, что комплексное исследование элементов поясной гарнитуры только началось, к настоящему времени выявлены основные приемы изготовления наиболее распространенных типов поясных

накладок на территории Пермского Предуралья в период конца X – начала XIII в. Исследование аналогичных изделий с других археологических памятников, а также изучение изделий других, не менее распространенных типов, позволит в дальнейшем скорректировать полученную информацию.

Литература

- Абдулова С. И., 2016. Противоаварийные исследования Саламатовского городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. Пермь: ПГГПУ. С. 10–36.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2008. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: ГОУ ВПО «ПГПУ». 603 с.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2012. Огурдинский могильник. Пермь: ФГБОУ ВПО «ПГПУ». 259 с.
- Голдина Р. Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета. 280 с.
- Данич А. В., 2013. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. № 1. С. 181–196.
- Крыласова Н. Б., 2001. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГГПУ. 259 с.
- Крыласова Н. Б., 2013. Хронологические особенности материальной культуры X–XI вв. (по материалам Рождественского могильника в Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (21). С. 104–115.
- Крыласова Н. Б., 2016. Исследование могильника Телячий Брод в Чусовском районе Пермского края: ритуальные рвы – отражение ритуальной практики средневекового населения // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XI. Противоаварийные исследования памятников археологии Пермского края. Пермь: ПГГПУ. С. 66–78.
- Крыласова Н. Б., Подосёнова Ю. А., Сафанулов А. Н., 2019. Производство элементов поясной гарнитуры в эпоху средневековья (по материалам раскопок Роданово городища в 2018 г.) // Вестник Пермского университета. Вып. 1 (44). С. 56–72.
- Ленц Г. Т., 1988. Отчет о полевых исследованиях Антыбарского могильника в Чусовском районе Пермской области в 1988 году / Архив МАЭ ПГГПУ.

Y. A. Podosenova

Manufacturing Technology of Belt Fitting Elements at the Perm Piedmont of the Western Urals Territory in the Medieval Period (late 10th – early 13th century)

Abstract. The publication is dedicated to the results of the study of the belt plates manufacturing technology that were widespread at the Perm piedmont of the western Urals territory during late 10th – early 13th centuries. The study resulted in identification of their manufacturing methods and probably the chronological features of their production. During late 10th – 11th cc. series of the items were cast in two-part double-sided forms with wax interlay. Pegs were manufactured in two ways – either by casting simultaneously with the entire plate, or by casting a pre-cast peg. In the 12th – 13th cc. along with details of belt sets becoming obsolete, gradual simplification of their manufacturing technologies takes place – they are cast in two-part one-sided forms without wax interlay, their pegs are made by casting two wires or the wire bent to the plate. The metal chemical composition study has shown that the items were cast from multicomponent brass and tin-lead bronze.

Key words: the Perm piedmont of the western Urals, the Middle Ages, the Lomovatov archaeological culture, the Rodanov archaeological culture, belt plates, manufacturing technology, metal chemical composition.

List of figures

Fig. 1. Subheart-shaped type plates (type I)

1 – the Stepanovo Plotbishche burial ground; 2–3 – the Rozhdestvensky burial ground; 4–10 – Rodanovo hillfort (9–11 – items, not fully cut off the gating system); 12 – features of the plates' manufacturing technology: traces of sides' and spruing grinding (a – z , e , κ), a metal dross at the gating system edge (∂); 13 – structure of pegs on items: monolithic or solid (a) and added (δ)

Fig. 2. Shield-shaped with butterfly-shaped pattern plates (type II)

1, 4, 8, 9 – the Rozhdestvensky burial ground; 2, 3, 7, 14 – the Stepanovo Plotbishche burial ground; 5, 6, 13, 15, 16, 19, 20 – the Antybarsky burial ground; 10–12 – the Telyachy Brod burial ground; 17, 18 – Salamatov hillfort; 'traces of sprues: on both sides (a) and on one side (δ); 22 – features of the plates' manufacturing technology: traces of sides' grinding (a , δ), ingress of an added peg's base to the face of the item (θ), a monolithic peg (ε), a peg with added wires (∂), a peg with a cast bent wire (e)

Fig. 3. Heart-shaped miniature plates with floral pattern (type III)

1–6 – the Rozhdestvensky burial ground; 7–9 – the Stepanovo Plotbishche burial ground; 10 – Anyushkar hillfort; 11–16 – the Telyachy Brod burial ground; 17–20 – Rodanovo hillfort; 21 – features of the plates' manufacturing: monolithic peg (a), a plate with cast pegs (δ), a peg from a cast bent wire (θ), shrinkage of metal at the place of connection of an added peg and cover of the plate (ε), ingress of the peg's bent wire to the face of the plate (∂), traces of chasing of item's sides (e)

Fig. 4. Rosette-shaped miniature plates (type IV)

1–8 – the Telyachy Brod burial ground ancient settlement; 9–13 – the Rozhdestvensky burial ground; 14–16 – the Stepanovo Plotbishche burial ground; 17 – the Antybarsky burial ground; 18 – Salamatov hillfort; 19–21 – Rodanovo hillfort; 22 – features of the plates' manufacturing technology: traces of sides' grinding (a), ingress of the peg's bent wire to the face of the item (θ), monolithic solid pegs (ε), cast pegs from two wires (ε), a peg from a cast bent wire (∂)

НОВЫЕ ПОЛЕВЫЕ ОТКРЫТИЯ

NEW FIELD DISCOVERIES

В. В. Бейлекчи, Вал. В. Бейлекчи

Новые сведения о муромском могильнике у села Борисоглеб

Резюме. Статья посвящена результатам археологических работ по исследованию разграбленного любителями металлопоиска места обнаружения погребения, относящегося к культуре муромы между с. Борисоглеб и д. Петраково Муромского района Владимирской области. В археологическом шурфе зафиксировано частично разоренное погребение женщины. Датировка сопутствующего погребального инвентаря не выходит за рамки X–XI вв.

Ключевые слова: археологические разведки, финны, культура муромы X–XI вв., грунтовый могильник, погребение, местонахождение.

В 2018 г. на территории между с. Борисоглеб и д. Петраково Муромского района Владимирской области проводились археологические научно-исследовательские разведки, причиной которых было обнаружение здесь «любителями металлопоиска» металлических украшений культуры муромы. В ходе исследований необходимо было установить контекст и определить границы территории ранее не известного памятника археологии, выявить связанные с ним археологические объекты.

По сведениям местных жителей было локализовано место памятника и были собраны выброшенные индивидуальные находки. Среди предметов, обнаруженных на поле и переданных местными жителями, были следующие изделия.

№ 1, 7 (рис. 1, 2) – две гривны, сделанные из дрота круглого сечения, с тордированными концами, цветной металл. Одна из гривен имеет уплощенную многогранную головку и частично сохранившийся крючок, другая – массивную многогранную головку. Подобные гривны были широко распространены на памятниках средневековых финнов. (Зеленцова, 2018. С. 320).

№ 2, 3, 4, 5, 25 (рис. 1) – четыре целых и один фрагмент браслета пластинчатого с расширяющимися прямыми, слегка заходящими друг за друга концами, цветной металл. Небольшая полоса на концах отогнута

наружу и крепко прижата к основанию. Два браслета орнаментированы мотивом в виде «ёлочки», сделанным «шагающим» пуансоном. Пластинчатые браслеты с отогнутыми концами использовались с IX по XI в. (Бейлекчи, 2005. С. 67).

№ 6 (рис. 2) – ажурная подвеска с лапчатыми привесками в форме округлой бляхи с круглым отверстием по середине, цветной металл. Круглый корпус бляхи состоит из шести орнаментированных зон – три гладких пояска в центре от отверстия, ложновитой поясок, гладкий зигзагообразный поясок из двух линий, двойной гладкий пояс, ложновитой одинарный поясок, последняя зона состоит из столбиков ложной зерни (по три на каждом). Верхнюю часть от центрального отверстия до края украшает вертикальная перекладина из гладких поясков с S-образным верхним окончанием и двумя зонами по шесть шариков псевдозерни. В центральном отверстии имеется кольцо с закрепленным в него подвижным стержнем-иглой из двудольного дрота. Нижняя часть украшена десятью привесками, которые крепятся к корпусу посредством колец. Шумящие привески (сохранились две, в трех кольцах сохранилась часть крепления) в виде стилизованных лапок водоплавающих птиц соединяются при помощи звена цепочки из дрота круглого сечения с петлями, расположенными в перпендикулярных плоскостях, с обмоткой посередине.

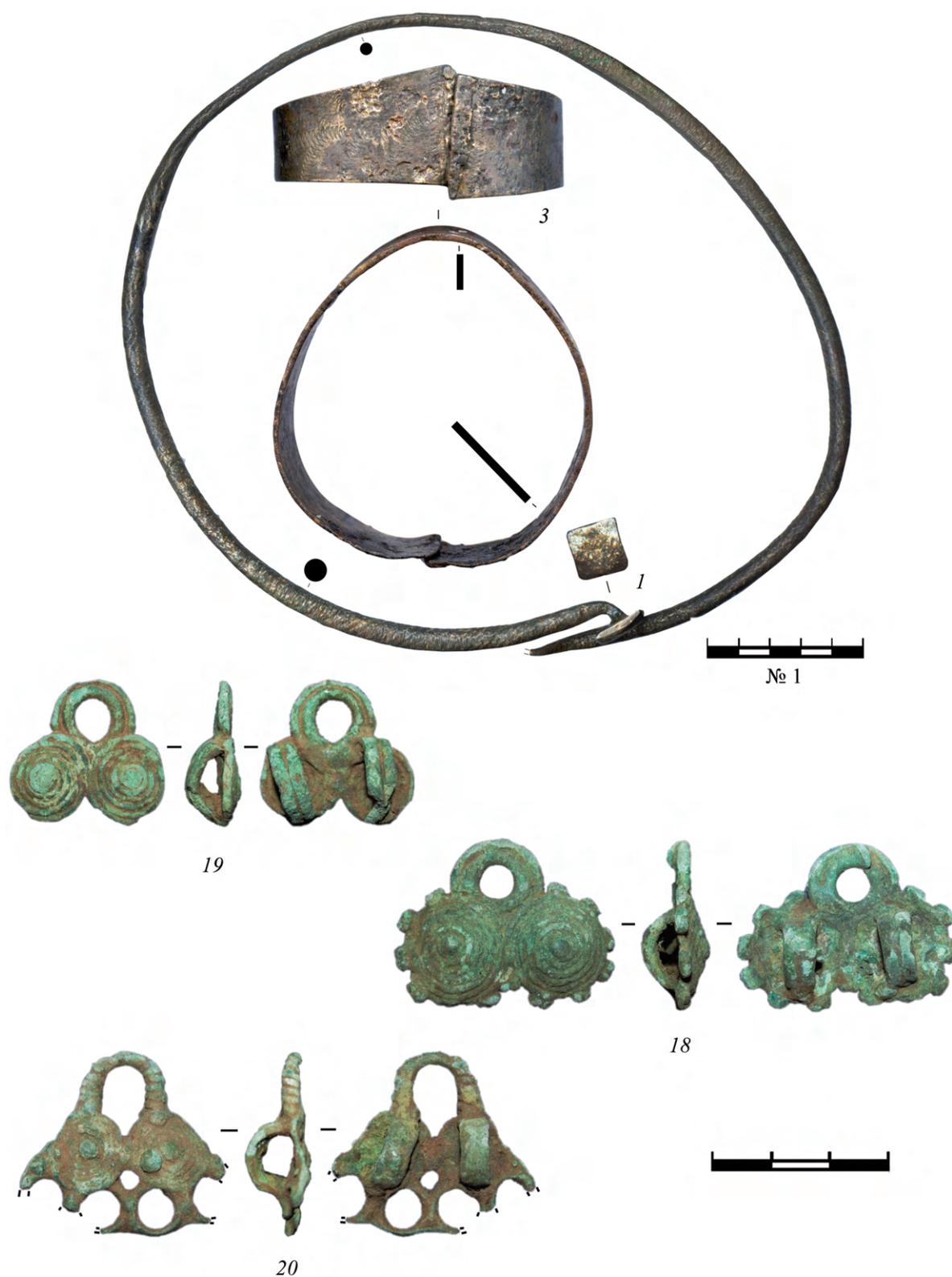

Рис. 1. Предметы из цветного металла, переданные местными жителями (1, 3) и обнаруженные на поле (18, 19, 20)

1 – дротовая гривна; 3 – браслет пластинчатый с завёрнутыми концами.
 Предметы, обнаруженные на поле: 18, 19, 20 – очковидные обувные подвески.
 Здесь и далее приведены номера находок по описи

Рис. 2. Предметы из цветного (6, 7, 23, 24) и белого металлов (12), переданные местными жителями (6, 7) и обнаруженные на поле (12, 23, 24)

6 – ажурная подвеска с лапчатыми привесками; 7 – дротовая гривна; 12 – лунничная височная подвеска; 23 – пряжка; 24 – привеска коническая

С различными трансформациями такие бляхи у муромы использовались с VII по X в., при этом отмечена их генетическая близость марийским ажурным бляхам (*Бейлекчи*, 2005. С. 40). По оформлению привесок (привески-лапки), данную бляху можно отнести к поздней модификации. Датируется IX–X вв.

№ 8 (рис. 3) – фибула подковообразная с многогранными головками, орнаментированная продольными чередующимися поясками, сделанными пуансоном «точка в кружке» и «волчий зуб», цветной металл. Поперечное сечение – шестиугольное с притупленными углами. На несомкнутых концах фибулы присутствуют 8-гранные головки в виде усеченной пирамидки со срезанными углами. На пластинчатой петле к корпусу прикреплен круглодротовая приостренная игла. Бронзовые подковообразные фибулы с гранеными головками известны в Подболотьевском могильнике (погр 43, п. м. – раскопки В. А. Городцова) (*Бейлекчи*, 2005. С. 61, 67). Датируется кон. IX – нач. XI в.

№ 9 (рис. 3) – височное круглодротовое кольцо с обрубленными, несомкнутыми концами, цветной металл. Браслетообразные височные кольца с простыми концами у муромы использовались в период с VII по X в. (*Бейлекчи*, 2005. С. 67).

№ 10, 11 (рис. 3) – фрагменты шумящих подвесок-двойчаток, цветной металл. Основание подвесок состоит из проволоочной трубочки с отходящими вниз двумя полутрубочками, от которых отходят два гладких кольца. На кольцах подвешены две пластинчатые привески вытянутой треугольной формы с округлыми ушками. Двухзвеньевые подвески наиболее характерны для муромских погребений X – первой половины XI в. Использовались в основном в составах ожерелий (*Гришаков, Зеленева*, 1990. С. 30). Датируются X – 1-й пол. XI в.

№ 12, 17 (рис. 2) – два фрагмента височных лунничных пластинчатых подвесок серповидной формы с ребром по верхнему краю, белый металл. Являются специфическим атрибутом муромского костюма, т. к. аналоги им не известны за пределами территории расселения муромы (*Тухтина*, 1997. С. 116–117). Датируются IX – 1-й пол. XI в.

№ 13, 14, 15 (рис. 3) – три перстня усатых пластинчатых широкосрединных, с ребром в виде выпуклого пояска посередине, с узкими

усиками круглого сечения, обвивающимися вокруг щитка, цветной металл. Не орнаментированы. Усатые перстни характерны для финских племен. Датируются X – 1-й пол. XI в.

№ 16 (рис. 3) – перстень спиральный из дрота полуовального сечения в 4 оборота, цветной металл. Были широко распространены среди финно-угорских и балтских племен. На памятниках муромы имеют широкую датировку – VII – 1-я пол. XI в. (*Розенфельдт*, 1982. С. 91–93).

№ 18 (рис. 1) – очковидная обувная подвеска, цветной металл. Подвеска с двумя гладкими ушками на оборотной стороне для крепления. Орнамент на внешней стороне спиралевидный, ложноплетеный, с зернью по краям. В верхней части имеется пластинчатое гладкое ушко.

№ 19 (рис. 1) – очковидная обувная подвеска с двумя двудольными ушками на оборотной стороне для крепления, цветной металл. Орнамент на внешней стороне спиралевидный, ложноплетеный. В верхней части имеется ушко с бороздкой.

№ 20 (рис. 1) – фрагмент очковидной шумящей подвески, цветной металл. Подвеска с двумя гладкими ушками на оборотной стороне для крепления. Орнамент на внешней стороне спиралевидный, ложноплетеный. В верхней части спиралевидное ушко. В нижней части, в одной плоскости с основанием, четыре кольца для подвешивания привесок.

Появление у муромы очковидных подвесок относится к VIII в., бытовали до XI в. (*Розенфельдт*, 1982. С. 91–93).

№ 21 (рис. 3) – фрагмент пластинчатого перстня, цветной металл. Сделан из узкой пластины с расширенной серединой, переходящей в овальную лопасть, орнаментированной пятью объемными горизонтальными поясками. В целом, широкосрединные перстни появились с X в. и были характерны как для финского, так и славянского населения (*Розенфельдт*, 1982. С. 49; *Недошвина*, 1967. С. 256–257) X–XI в.

№ 22, 23 (рис. 2) – два фрагмента пряжек с трапециевидным рамчатым неподвижным приемником, имеющим выступы на двух свободных углах, цветной металл. Рамка овальная с утолщением в передней части. На одном фрагменте сохранился пластинчатый прогнутый язычок. Аналогии встречены в раннебулгарских и угорских Бальшетаханском

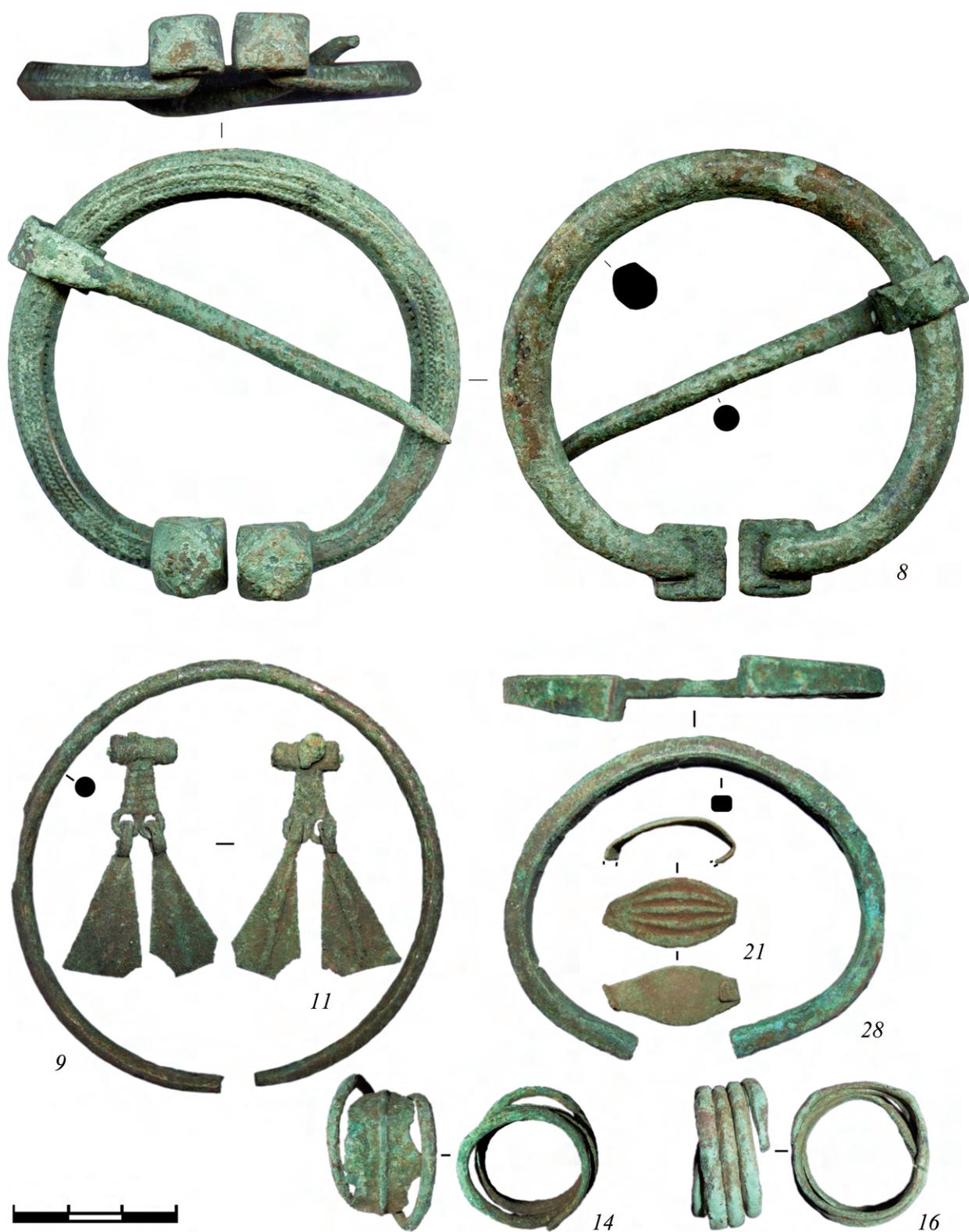

Рис. 3. Предметы из цветного металла, обнаруженные на поле

8 – подковообразная фибула с многогранными головками; 9 – браслетовидное височное кольцо с обрубленными концами; 11 – шумящая подвеска-двойчатка; 28 – браслет дротовый; 21 – фр-т пластинчатого перстня; 14 – усатый перстень; 16 – перстень спиральный

Рис. 4. Предметы из цветного металла. Подъемный материал
31 – подковообразная спиралеконечная фибула; 32 – фр-т нагрудной бляхи

и Большетиганском могильниках и др. (Геннинг, Халиков, 1964. Рис. 21: 15. Табл. XVII: 2). Датируются 2-й пол. VIII – 1-й пол. IX в.

№ 24 (рис. 2) – привеска коническая орнаментированная, колокольчатой формы, круглая в основании, полая внутри, с круглым отверстием в верхней части, цветной металл. На внешней поверхности в верхней части объемный орнамент в виде лепестков с точкой на закругленном окончании. Колокольчатые привески известны с I тыс. н.э. и были характерны для финно-угорских племен, однако схожие аналогии с орнаментом не встречены.

№ 26, 27, 28, 29, 30 (рис. 3) – четыре целых и один фрагментированный дотовый браслет с расширяющимися концами, цветной металл. Дрот прямоугольного сечения. Концы не сомкнуты, слегка расширяющиеся, прямые. Подобные браслеты известны на марийских, мордовских могильниках (Вихляев и др., 2008. С. 35; Архипов, 1973. С. 149. Рис. 36). Датируются VIII–XI вв.

На участке поля, прилегающем к северному берегу отрога оврага, на дневной поверхности было обнаружено скопление вещей, оставленное грабителями.

№ 31 (рис. 4) – застежка подковообразная спиралеконечная округлого сечения орнаментированная, цветной металл. Концы завернуты перпендикулярно плоскости кольца, не выступая за его пределы. На концах пуансоном нанесен орнамент «волчий зуб» в виде ряда из двойных развернутых относительно друг друга отпечатков, напоминающих по форме песочные часы. Игла на пластинчатой петле имеет круглое сечение и слегка выходит за пределы кольца.

Подобный тип застежек являлся наиболее распространенным на территории Древней Руси, а также в районах, занятых финскими, балтийскими и скандинавскими народами. Застежки, имеющие одинаковую толщину кольца на всем его протяжении, датируются X–XI вв. (Мальм, 1967. С. 151–153; Хвоцинская, 2004. С. 79 и др.)

№ 32 (рис. 4) – фрагмент края пластины нагрудной пластинчатой бляхи из белого металла. Имеет орнамент в виде трех рядов вдавлений округлого пуансона. Вероятно, относится к пластинчатой нагрудной бляхе с дверцей. Такие украшения на памятниках муромы датируются периодом VIII–X вв. (Бейлекчи, 2005. С. 67).

Для уточнения территории памятника было поставлено 8 шурфов и сделано 3 зачистки обнажений. В одном из шурфов, вблизи зоны максимального скопления подъемного материала, было обнаружено пятно могильной ямы, нарушенное грабительскими вкопами, в северной и южной части.

Погребение 1.

Могильная яма обнаружена на глубине от 20 до 30 см от современной дневной поверхности. Яма подпрямоугольной формы, шириной до 145 см, сохранившаяся длина 285 см. Ориентирована длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Заполнение могильной ямы состояло из однородной серой супеси с небольшими включениями материкового грунта. Вдоль ВЮВ края ямы зафиксирована полоса белесой супеси, смешанной с материковым грунтом. Ширина полосы составляла 0,2–0,35 м. Такая же полоса зафиксирована вдоль ЗСЗ края погребальной ямы, у СЗ угла. В центральной части она была нарушена грабительской ямой, в ЮЗ части усечена 3 профилем. У ЮЮЗ края погребения была расположена полоса подобного грунта, однако вместо материкового грунта в примесях присутствовала серо-коричневая супесь. Таким образом основное заполнение могильной ямы (серая супесь с небольшими включениями материкового грунта) было окаймлено со всех сторон полосой, шириной до 0,35 м, состоящей из белесой супеси, смешанной с материковым грунтом или серо-коричневой супесью (Бейлекчи, 2019. Рис. 187–191).

Расчистка на уровне дна ямы показала, что костяк не сохранился, за исключением переотложенных костей, обнаруженных в заполнении ямы.

В заполнении ямы грабительского вкопа, совершенного в границах пятна могилы, были обнаружены разрозненные фрагменты украшений, человеческих костей (в том числе

малый коренной зуб), лепных керамических сосудов. Украшения были представлены фрагментами спиральных пронизок, фрагментами пластинчатых треугольных шумящих привесок с продольным выпуклым вертикальным пояском на одной плоскости, бутылчатymi малыми шумящими привесками, а также фрагментами спиральных перстней и височных браслетообразных проволочных колец.

На дне могильной ямы зафиксирован погребальный инвентарь, который частично лежал «*in situ*». В области головы и груди предметы зелегали в хаотичном порядке, были нарушены грабительским вкопом (рис. 5, 6).

В СЗ части могильной ямы компактно располагались три предмета «*in situ*»:

№ 49 (рис. 7) – монета куфический дирхем, белый металл. Место и время чеканки монеты не определены. На одной стороне прослеживается часть кругового пояска¹.

№ 50 (рис. 7) – льячка плоскодонная с округлой полый ручкой, с остатками металла на дне, керамика. Слив не выражен (возможно, сколот).

№ 64 – двусоставная литейная глиняная форма прямоугольной формы. Вероятно, использовалась для отливки оловянного бисера (из-за плохой сохранности форму открыть не удалось). Такие формы встречаются в погребениях муромских могильников в комплексе со льячками (как и в этом случае).

В ССВ части ямы, в области предполагаемой головы зафиксированы фрагменты разрозненных человеческих костей, фрагменты лепных сосудов, фрагменты луба, а также шесть индивидуальных находок, потревоженных грабительским вкопом:

№ 51 – два фрагмента перстня спирального из дрота треугольного сечения, цветной металл.

№ 52 (рис. 7) – бутылчатая привеска с круглым основанием и слабовыраженным плечиком при переходе к «горлу», полая внутри, цветной металл.

№ 53 – четыре фрагмента височных колец из цветного металла. Височные кольца проволочные, с округлым щитком и отверстием на одном конце и крючком на другом. Диаметр колец около 11,5 см. Тип I проволочных колец по Н. В. Тухтиной, относятся

¹ При обозначении вещей в погребении была продолжена общая нумерация.

Рис. 5. Борисоглебский грунтовый могильник. Вид с юга на погребение 1

к этноопределяющему типу украшений муромы. Относятся к более поздней модификации с небольшим щитком и большим диаметром кольца (Тухтина, 1997. С. 115).

№ 54, 55 – шесть фрагментов шумящих подвесок-двойчаток, цветной металл. Основание подвески состоит из проволочной трубочки с отходящими вниз двумя полутрубочками, от которых отходят два гладких кольца. Пластинчатая вытянутая треугольная привеска с округлым ушком и вертикальным объемным пояском на оборотной стороне. Двухзвеньевые подвески наиболее характерны для муромских погребений X – 1-й пол. XI в. Использовались в основном в составах ожерелий (Гришаков, Зеленева, 1990. С. 30).

№ 57 – 10 фрагментов от разных лепных глиняных сосудов из скопления к востоку от изголовья.

В центрально-восточной части ямы, предположительно в области левой руки погребенной, располагались фрагмент человеческой кости и следующие предметы:

№ 56 – привеска пластинчатая шумящая треугольная с двудольным округлым ушком, цветной металл. Петельчатые пластинчатые привески в составе шумящих украшений у окских финнов были известны уже в 1-й пол. I тысячелетия. Подобные привески бытовали и на Безводнинском могильнике (Тип Б1 по Ю.А. Краснову) на стадии 1 (Краснов, 1980. С. 46, 97. Табл. 13). На муромских могильниках используются и в позднем периоде X – 1-й пол. XI в. (например, в составе подвесок-двойчаток).

№ 58 – 24 фрагмента от разных лепных глиняных сосудов.

№ 59 (рис. 8) – лепной глиняный сосуд из красножгущейся глины с видимыми примесями шамота. Тулово усеченно-сфероконической формы с выпуклым округлым плечиком плавно переходящее в блоковидное горло. Цвет светло-коричневый, обжиг неравномерный, поверхность заглажена.

В области ног залежали три обувные очковидные подвески и кости животного:

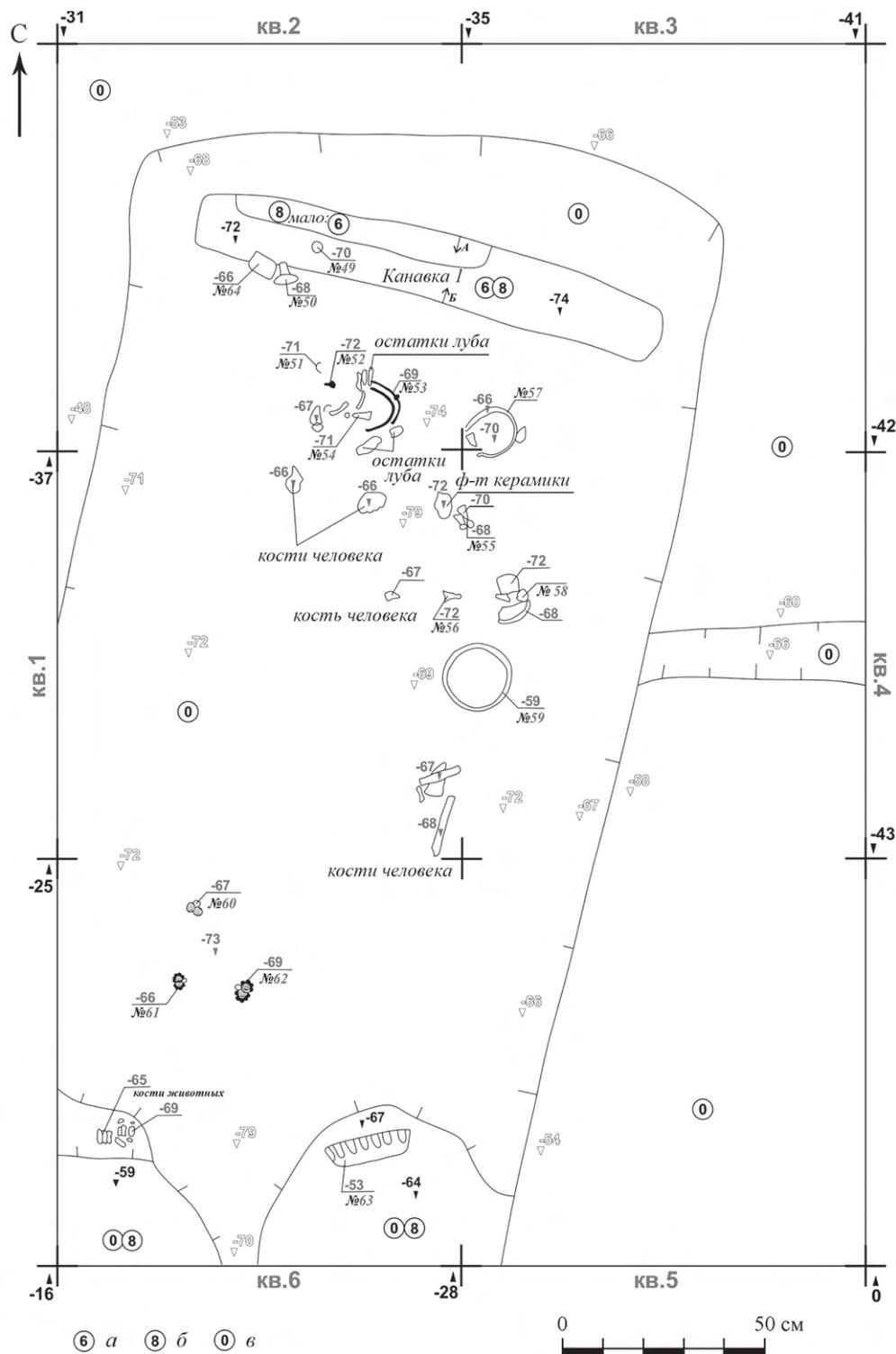

Рис. 6. Борисоглебский грунтовый могильник. План погребения 1

а – серая супесь; б – белесая супесь; в – материк (охристая суглинистая супесь с примесью белесой).
 49 – монета дирхем; 50 – льячка; 51 – два фр-та спирального перстня; 52 – привеска бутылочная;
 53 – фр-ты височных браслетовидных колец; 54 – фр-т шумящей подвески с треугольной привеской;
 55 – фрагменты двух шумящих подвесок с треугольными привесками; 56 – фр-т треугольной
 привески; 57 – фр-ты лепных сосудов; 58 – фр-ты лепных сосудов; 59 – лепной сосуд; 60–62 –
 очковидные обувные подвески; 63 – чаша; 64 – литейная форма. 50, 57–59, 64 – керамика; 51–56,
 60–62 – цветной металл; 49, 63 – белый металл

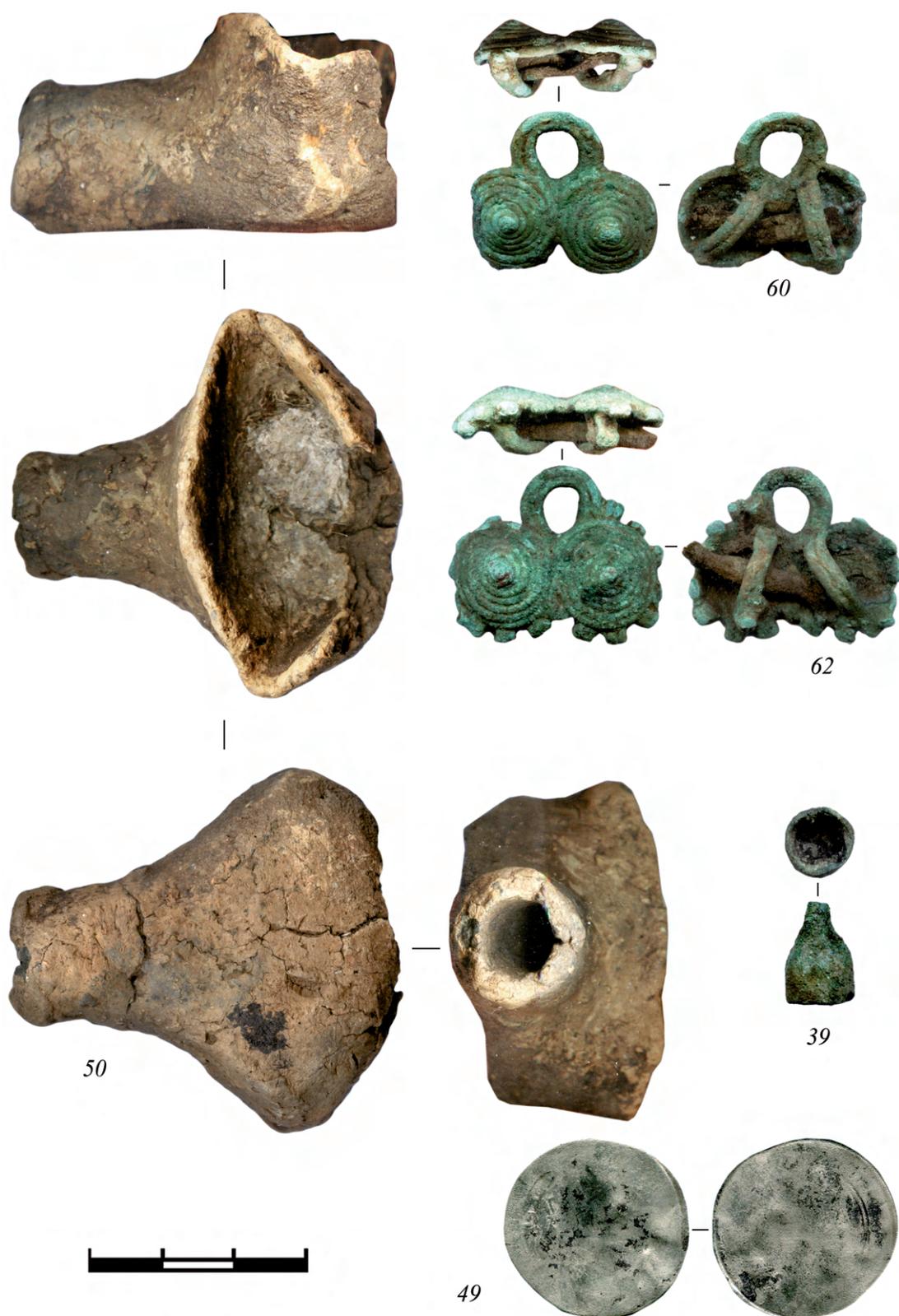

Рис. 7. Борисоглебский грунтовый могильник. Погребение 1

49 – монета дирхем; 50 – льячка с остатками металла, керамика;
39 – бутылчатая малая привеска, цв. мет.; 60, 62 – очковидные обувные подвески, цв. мет., кожа

Рис. 8. Борисоглебский грунтовый могильник. Погребение 1. Лепной керамический сосуд (59)

№ 60, 61, 62 (рис. 7) – очковидные обувные подвески из цветного металла. Имеют два двудольных ушка для крепления на оборотной стороне с остатками кожаных ремешков. Орнамент на внешней стороне спиралевидный, ложноплетеный. В верхней части ушко с бороздкой. Появление у муромы очковидных подвесок относится к VIII в., употреблялись до XI в. (Бейлекчи, 2005. С. 67).

В ЮЗ углу погребальной ямы залегали фрагменты челюсти и зубов крупного животного. В ЮВ углу погребальной ямы расположена фрагментированная чаша из белого

Рис. 9. Борисоглебский грунтовый могильник. Погребение 1. Орнаментированная чаша из белого металла. Вид с востока

металла. Кости животного предположительно были смещены, чаша залегала на боку и была смещена к югу² (сохранился темный отпечаток в заполнении могилы на месте ее первоначального залегания):

№ 63 (рис. 9) – чаша из белого металла усеченно-конической формы тулова, открытого типа, без венчика. Имеет вертикальные каннелюры (вдавления) по всей внешней поверхности. Подобная чаша из белого металла была обнаружена в засыпке погребения 49 при раскопках Подболотьевского могильника в 2012 г. (Зеленцова, 2012. С. 104. Рис. 572).

Дно погребальной ямы было ровным, стенки отвесными, за исключением ВЮВ стенки, которая полого опускалась к дну. Глубина ямы от уровня дневной поверхности составила 0,7–0,74 м. В изголовье и в ногах зафиксированы две канавки, поперечные оси могилы

² Причины перемещения чаши и костей животного неясное. Возможно, они сдвинуты деятельностью землеройных животных, распашкой, либо древним грабительским вкопом. На поверхности заполнения погребальной ямы в этой части не выявлены какие-либо нарушения, кроме двух современных грабительских вкопов, не касавшихся данных предметов.

(рис. 5–6)³. Ширина их составляла 0,15–0,18 м, длина – 1,2 м, глубина – до 0,06 м, заполнение – серая супесь, смешанная с белесой супесью. Дно канавок желобчатое, находки не обнаружены (Бейлекчи, 2019. Рис. 187–191).

Исследованное погребение, судя по составу инвентаря, было женским, совершено по обряду ингумации. По составу украшений погребение относится к муромской культуре. Данное погребение может быть датировано X–XI вв.

В целом интерпретация и датировка всего полученного с обследованного участка комплекса находок, включавшего характерные для женского и мужского наборов погребального инвентаря предметы, свидетельствовала о наличии здесь помимо исследованного женского захоронения, как минимум еще двух погребений муромы X–XI вв. – мужского и женского.

Таким образом, в ходе разведок 2018 г. были установлены местоположение и границы ранее не известного грунтового могильника, названного по близлежащему селу «Борисоглебский», принадлежащего культуре муромы и датированного X–XI вв. Известные на данный момент памятники, синхронные по времени выявленному Борисоглебскому могильнику, расположены на одинаковом

удалении от него – в среднем около 2 км. К ЮВ и ЮЮВ расположены находящиеся на берегах рек Барышевка и Морозимо (правый приток р. Ушна) селище Савково, датирующееся VIII–X, XI–XIII вв., селище Старые Котлицы 1, X–XIII вв., селище Старые Котлицы 2. Михайловское, X–XIII вв., селище Лесниково. Максимовское, IX–XI, XIV–XVII вв. и грунтовой могильник Максимовский. Лесниково, IX–XI вв. (Археологическая карта... 1995. С. 196, 203). К СЗ и ССЗ на правом коренном берегу р. Ушны расположено селище Талызино, X–XIII, XIV–XVII вв. (Археологическая карта... 1995. С. 203)⁴. Поиск селища, связанного с новым могильником, остается актуальным, и наиболее перспективным местом расположения селища, на наш взгляд, может быть территория современного села Борисоглеб.

В свете этих разведок хотелось еще раз подчеркнуть, что вопрос сохранения муромских могильников от разграбления остается очень актуальным. Богатые цветным металлом муромские погребения становятся легкой добычей любителей металлопоиска, и при таком активном разграблении могильников за несколько лет древности летописного народа могут исчезнуть для науки.

Литература

- Археологическая карта России: Владимирская область, 1995 / Сост. М. П. Зимина, Ю. А. Краснов, А. Е. Леонтьев, Л. А. Михайлова, Н. Г. Самойлович, М. В. Седова. М.: ИА РАН. 384 с.
- Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–X вв. К вопросу происхождения народа. Йошкар-Ола. 198 с.
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности летописной муромы (Погребальный обряд и поселения). Муром. 152 с.
- Бейлекчи В. В., 2019. Отчет о проведении археологических разведок в д. Крутец Александровского района и на территории оврага между с. Борисоглеб и д. Петраково Муромского района Владимирской области, в районе с. Саваслейка ГО Кулебаки Нижегородской области в 2018 г. / Архив ИА РАН.
- Вихляев В. И., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., Беговаткин А. А., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части среднего Поволжья. Саранск. 352 с.
- Гришаков В. В., Зеленева Ю. А., 1990. Муром VII–XI вв. Йошкар-Ола: МарГУ. 77 с.
- Зеленцова О. В., 2012. Отчет о проведенных научных охранных археологических исследованиях Вербовского (Подболотьевского) могильника в Муромском районе Владимирской области в зоне строительства мостового перехода через р. Ока с обходом г. Муром в 5-х томах. М.
- Зеленцова О. В., 2018. О ранней дате и месте гривен глазовского типа в древностях поволжских финнов // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А. Е. Леонтьева. М.: ИА РАН. С. 314–322.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник. М. 223 с.
- Малым В. А., 1967. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 149–190 (Тр. ГИМ. Вып. 43).

³ Поперечная канавка 2, расположенная в южной части погребения, проявилась после снятия металлической чаши, очковидных подвесок и костей животных, поэтому не указана на рис. 6 (Бейлекчи, 2019. Рис. 220–225).

⁴ Курганный могильник Борисоглеб 2 в левобережье Ушны не берется во внимание, т.к. сведения о нем не уточнены, публикации отсутствуют и место хранения коллекции из раскопок не известно (Археологическая карта... 1995. С. 186–187).

- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 253–274 (Тр. ГИМ. Вып. 43).
- Розенфельдт И. Г., 1982. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI–IX вв. М. 177 с.
- Розенфельдт Р. Л., 1978. Муромский могильник в с. Молотицы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М. С. 180–184.
- Тухтина Н. В., 1997. Женский головной убор (по материалам Подболотьевского могильника) // АС Погребальный обряд. С. 109–121 (Тр. ГИМ. Вып. 93).
- Хвоцинская Н. В., 2004. Финны на западе Новгородской земли (По материалам могильника в Залахто-вье). СПб. 407 с.

V. V. Beilekchi, Val. V. Beilekchi

New Data on the Muroma Burial Grounds near Borisogleb and Molotitsy Villages

Abstract. The article covers the results of the archaeological work on the survey of the site looted by amateur metal detectorists. The site is burial ground that belongs to the Muroma culture and is located between the villages Borisogleb and Petrakovo of the Murom district of the Vladimir region. A partially ruined grave of a woman was found in an archaeological pit. The dating of the accompanying burial equipment does not exceed the 10th – 11th cc. The location of the 8th – 10th cc. site of archaeological heritage “The Molotitsy Burial Ground” was specified.

Key words: archaeological explorations, the Finns, the Muroma culture of the 10th – 11th cc., flat burial ground, grave, location.

List of figures

Fig. 1. The Borisogleb flat burial ground. Artifacts, provided by local citizens (1, 3) and excavated in the field (18, 19, 20). Non-ferrous metal

1 – a rod torque with a faceted flattened terminal; 3 – platy ornamented band with flared twisted terminals; 18, 19, 20 – double-spiral shoe pendants

Hereinafter the numbers of findings are given as per inventory list

Fig. 2. The Borisogleb flat burial ground. Artifacts, provided by local citizens (6, 7) and excavated in the field. Non-ferrous metal and white metal (12)

6 – an openwork pendant with web-toe-shaped additions; 7 – a rod torque with a faceted terminal; 12 – a fragment of a temple platy lunula; 23 – a fragment of a buckle with trapezoid fixed frame; 24 – ornamented conical bell-shaped pendant.

Fig. 3. The Borisogleb flat burial ground. Artifacts excavated in the field. Non-ferrous metal

8 – a U-shaped ornamented fibula with faceted terminals; 9 – a penannular temple rod ring, circular cross-section, with cut terminals; 11 – a two-part noise-making pendant; 28 – a rod arm-ring with expanding terminals; 21 – a fragment of a platy band finger-ring; 14 – platy whiskered coiled finger-ring with expanded central portion; 16 – spiral-shaped finger ring

Fig. 4. The Borisogleb flat burial ground. Excavated artifacts

31 – U-shaped buckle with coiled terminals ornamented with two rows of interlocking triangles, non-ferrous metal; 32 – a fragment of a chest platy buckle, white metal

Fig. 5. The Borisogleb flat burial ground. View from the South at grave 1

Fig. 6. The Borisogleb flat burial ground. Plan of the burial 1

Fig. 7. The Borisogleb flat burial ground. Grave 1

49 – a dirhem coin, white metal; 50 – a ladle with vestiges of metal, ceramics; 39 – bottle-shaped small pendant, non-ferrous metal; 60, 62 – double-spiral shoe pendants, non-ferrous metal, leather

Fig. 8. The Borisogleb flat burial ground. Grave 1. A moulded ceramic vessel (59)

Fig. 9. The Borisogleb flat burial ground. Grave 1. An ornamented white metal bowl. View from the East

Ф. А. Поляков

Новый рязано-окский могильник в правобережье реки Мокши

Резюме. Статья вводит в научный оборот материалы нового грунтового могильника рязано-окского круга, который обнаружен в бассейне р. Мокши в 6,5 км к северу от известного Кошибеевского могильника. Выявленное погребение по погребальному обряду и инвентарю свидетельствует о синхронности нового могильника Кошибеевскому и в совокупности с подъемным материалом датируется второй половиной IV – первой половиной V в.

Ключевые слова: грунтовые могильники, рязано-окские племена, погребальный обряд, финно-угорские памятники.

Археологические памятники на территории Сасовского района Рязанской области известны в основном по рекам Цна и Мокша, а малые притоки изучены слабо. В основном все археологические работы в районе проводились на протяжении XX в. с незначительными работами в последние годы. Первые работы связаны с раскопками А. А. Спицыным и В. Н. Глазовым в конце XIX – начале XX вв. знаменитого Кошибеевского грунтового могильника, который в настоящее время уверенно связывается с древностями рязано-окских могильников (*Спицын*, 1901. С. 10–24; *Шитов*, 1988. С. 4–43; *Белоцерковская И. В.*, *Ахмедов И. Р.*, 1996. С. 198–199).

В данной статье нами вводятся в научный оборот сведения о новом грунтовом могильнике, который был исследован в ходе археологических разведок 2019 г. у с. Мыс Доброй Надежды (*Поляков*, 2021. С. 80).

Памятник был обнаружен местным жителем С. А. Прониным во второй половине 2018 г. При распашке близ села он нашел несколько археологических предметов, о чем он сообщил археологам и передал собранную коллекцию предметов из медных сплавов:

– бутылковидная подвеска с широкой юбкой и выделенным переходом к сужающемуся верху (рис. 2: 1). Аналогичные подвески были обнаружены в погребении 59 мыса

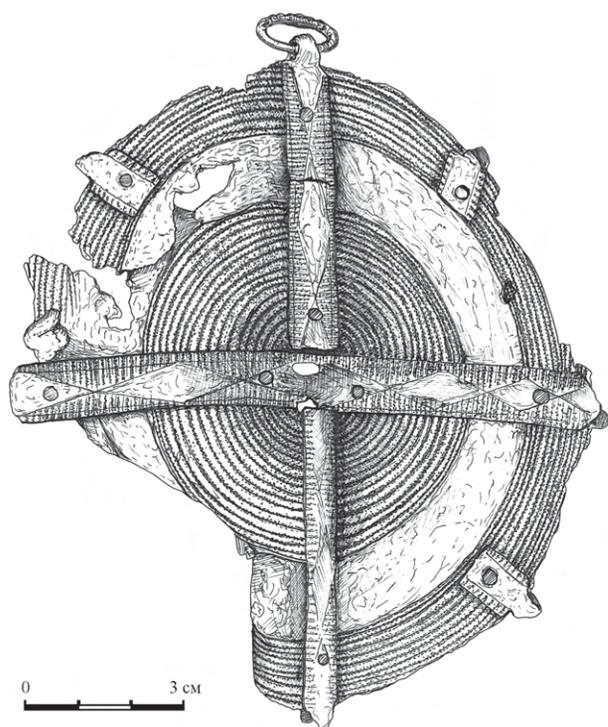
1 могильника Кораблино (*Ахмедов*, 2007. Рис. 14: 2)

– сюлгама овальная с закрученными и отогнутыми наружу усами и остатками дужки от железного язычка (рис. 2: 2);

– пластинчатый браслет с тонким ободком и орнаментацией по краю и центру в виде линий точечных вдавлений (рис. 2: 3);

– пластинчатая бляха диаметром 12 см (рис. 1). Лицевая сторона бляхи покрыта серией окружностей, разделяемых полосой шириной 1,3 см. Обратная сторона без орнамента. К диску заклепками прикреплены четыре планки с нанесенным на них орнаментом в виде чередующихся ромбов и прочерченных параллельных линий вокруг них, образующих крест. Оконечности планок имеют дужки для крепления колец, из которых сохранилось только одно. Помимо планок к краю диска приклепаны 7 петель, по краям которых имеется орнамент в виде серии прочерченных коротких линий. В центре бляхи два овальных отверстия.

По типологии В. И. Вихляева, данная бляха принадлежит к группе III отдела А тип ША1 и имеет определенную аналогию с бляхой из погребения 67 Кошибеевского могильника (*Вихляев*, 1977). По его мнению, подобные бляхи датируются концом IV – второй половиной V в. (*Вихляев и др.*, 2008. С. 135–137). В. В. Гришаков сужает время бытования этого украшения и считает, что,

**Рис. 1. Нагрудная бляха.
Случайная находка**

бляхи с крестовидными накладками получают распространение во второй половине IV в. (Гришаков, 2008. С. 101–102, 109–110);

- обломок дна лепного горшка коричневого цвета, из красножгущейся глины с примесью крупного шамота и органики;

- дротовая гривна круглого сечения, без замка на концах, диаметром 17,5 см (рис. 2: 4);

- дротовый браслет подквадратного сечения с приостренными концами;

- стеклянные бусы (177 экз.), разделяющиеся на несколько групп:

- бусы округлые, с небольшим гранием, одночастные, красно-коричневого цвета, непрозрачные, монохромные, изготовленные из дутой трубочки методом навивки (6 экз.). Высота бус варьируется от 10 до 14 мм, диаметр 12–14 мм;

- бусы округлые, одночастные, красно-коричневого цвета, непрозрачные, монохромные, изготовлены из тянутых трубочек (8 экз.). Высота 5–6 мм, диаметр 7–8 мм;

- бусы округлые, одночастные, красно-коричневого цвета, непрозрачные, монохромные, изготовлены из тянутых трубочек (35 экз.). Высота 2–4 мм, диаметр 3–4 мм;

- бусы округлые, двухчастные, красно-коричневого цвета, непрозрачные, монохромные, изготовлены из тянутых трубочек (11 экз.). Высота 7–8 мм, диаметр 5–6 мм;

- бусина округлая, трехчастная, красно-коричневого цвета, непрозрачная, монохромная, изготовлена из тянутой трубочки (1 экз.). Высота 12 мм, диаметр 4 мм;

- бисер округлый, одночастный, плоский, красно-коричневого цвета, непрозрачный, монохромный (3 экз.);

- бисер округлый, золотистого цвета, средней прозрачности, монохромный, изготовлен из тянутой трубочки. Разделяется на одночастные (38 экз.), двухчастные (46 экз.), трехчастные (22 экз.), четырехчастные (2 экз.), пятичастные (3 экз.), шестичастные (2 экз.).

Также был передан антропологический материал¹ – человеческий зуб, принадлежащий индивиду возрастом 12–15 лет.

Все перечисленные предметы, указывают на то, что в процессе распашки было разрушено грунтовое погребение, залегавшее на глубине примерно 0,3–0,4 м.

По архивным материалам, место обнаружения всех этих предметов располагается на территории уже известного памятника «Мыс Доброй Надежды V стоянка», выявленного В.П. Челябиным в 1986 г. (Челяпов, 1986. Л. 4. Рис. 1, 20–23). Им были обнаружены материалы, относившиеся к неолиту, эпохе бронзы и золотоордынскому времени.

Площадка памятника была обследована в 2019 г., и установлено, что памятник занимает первую надпойменную террасу правого берега р. Истока (правый приток р. Мокши). Территория в настоящее время активно распахивается, и здесь же были зафиксированы следы деятельности любителей металлопоиска. Судя по распространению подъемного материала, площадь памятника примерно 10 000 кв. м.

Археологические шурфы показали, что культурный слой, подвергавшийся многолетней распашке, представляет собой пахотный горизонт темно-серой супеси мощностью 0,45–0,5 м, залегающий над материком, представленным светло-коричневой супесью.

¹ Автор выражает благодарность антропологу ИА РАН Свиркиной Н. Г. за проведенные определения.

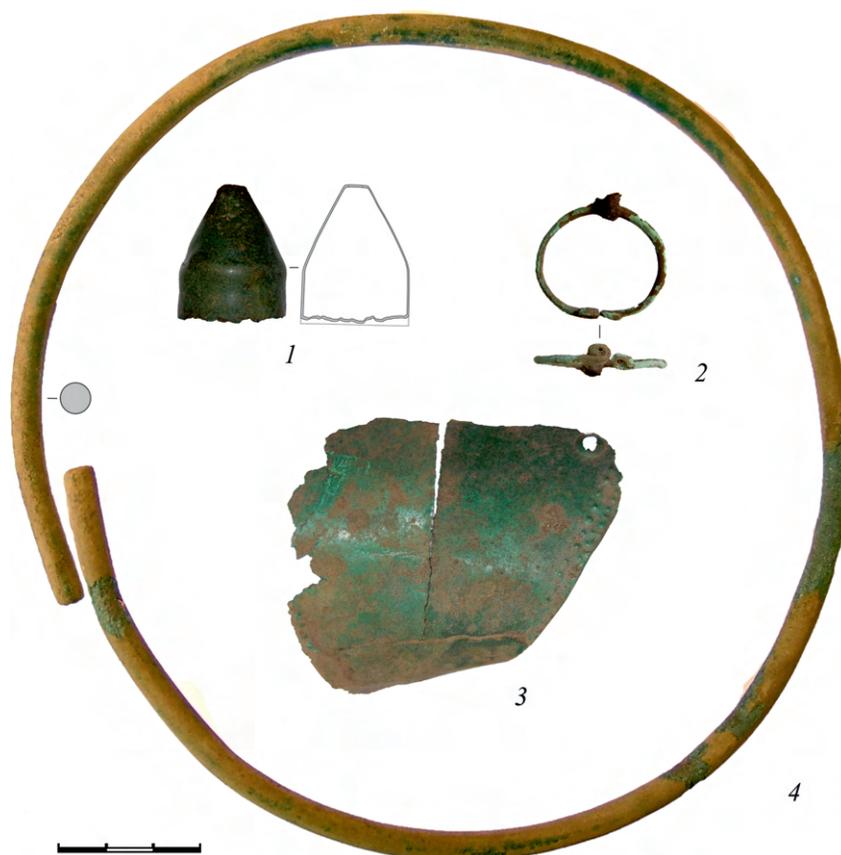

Рис. 2. Случайные находки с территории памятника

1 – бутылковидная подвеска; 2 – сьюльгама; 3 – фр-т браслета; 4 – гривна

Материал, полученный при исследовании, свидетельствует, что эта территория была заселена на протяжении нескольких эпох и памятник является многослойным:

- эпоха бронзы представлена керамикой (27 фр.), изготовленной из глины с примесью песка, толченой ракушки, либо мелкой дресвы. Керамика орнаментирована оттиском и расчесами, выполненными гребенчатым штампом. К эпохе бронзы, вероятно, относятся два кремневых скребка и заготовка кремневого орудия;

- к раннему железному веку относилась лепная рогожная керамика городецкой культуры (7 фр.). Формовочная масса достаточно плотная, с примесью песка и мелкого толченого шамота;

- с ранним средневековьем можно связывать лепную керамику (34 фр.) из относительно плотной формовочной массы с примесью песка, которая предположительно относится к финно-угорскому населению;

- к XII–XIV вв. можно отнести несколько фрагментов стенок (9 фр.) круговой посуды

с орнаментом в виде горизонтальных и волнистых линий.

В одном из шурфов было обнаружено грунтовое погребение (рис. 3: 1). Контуры могильной ямы трапециевидной в плане формы обнаружены на глубине 0,25–0,3 м. Яма вытянута по линии СЗ–ЮВ, ее размеры 0,55–0,75×1,4 м, углублена в материк на 0,28–0,31 м. Заполнение состояло из однородной темно-серой супеси, в которой был обнаружен фрагмент керамики с большим содержанием органики. Костяк не сохранился, только в центре юго-восточной половины погребения найден один человеческий зуб – первый нижний моляр (рис. 3: 1а). Возраст погребенного варьирует в пределах от 3 до 6 лет. Отсутствие остальных частей скелета погребенного объясняется особенностями местной почвы, в которой органический материал довольно плохо сохраняется, а также юным возрастом самого погребенного.

В северо-западной части погребения обнаружен развал слабопрофилированного невысокого сосуда, лежавший на боку,

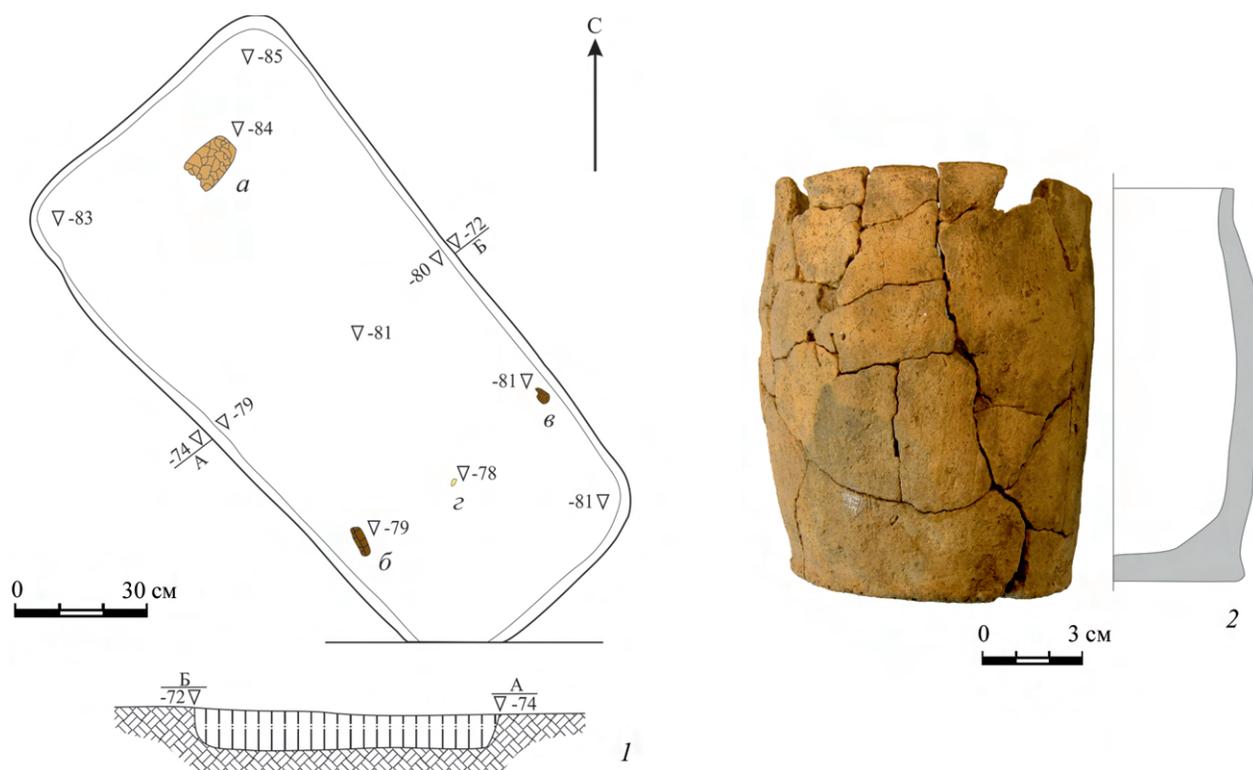

Рис. 3. План и находки из погребения 1

1 – чертеж погребения, 2 – сосуд из погребения; а – лепной сосуд; б – кремневый скребок № 1; в – кремневый скребок № 2; з – человеческий зуб (первый нижний моляр)

венчиком к юго-западу (рис. 3: 1а, 2). Высота сосуда 10,5–11 см, диаметр по венчику – 8,5 см, диаметр по тулову 9 см, диаметр по днищу – 8 см. Донце имеет небольшую закраину. Орнаментация отсутствует. Формовочная масса сосуда относительно плотная, изготовленная из красножгущейся глины с примесью песка и мелкотолченого шамота. Обжиг неровный, костровой. Судя по тому, что в южной половине ямы находился зуб, можно предположить, что сосуд был поставлен в ногах погребенного. По типологии О. С. Румянцевой, данный горшок относится к группе 1, подгруппе А, отделу 1, серии 1 – слабопрофилированный горшок, с прямым вертикальным венчиком (Румянцева, 2007. С. 246, 247). Сосуды данной группы встречаются как в женских, так и в мужских погребениях и датируются III – 3-й четвертью IV в. (Румянцева, 2007. С. 248, 249).

Помимо этого в погребении было найдено два кремневых скребка. Первый скребок с прямой спинкой и хорошо оформленным при помощи мелкой ретуши лезвием, найден в южной половине погребальной

ямы, у юго-западной стенки (рис. 3: 1б). Его длина 8,1 см, ширина 3,5 см, имеет подклиновидное сечение. Второй скребок находился в южной половине погребальной ямы, у северо-восточной стенки, выполнен из темно-коричневого кремня, с профилированным с помощью крупной ретуши лезвием (рис. 3: 1в). Длина 5,2 см, ширина 3,5 см. Имеет треугольное сечение. Данные кремневые орудия, как и фрагмент керамики из заполнения, вероятно, попали в могилу в процессе засыпки, не связанные с ним, а относятся к культурному слою стоянки.

Исследованное детское погребение с юго-восточной ориентировкой находит аналогии в материалах Кошибеевского могильника, который расположен в 6,5 км к югу в Рязанской области. В качестве близкой аналогии сосуда из нашего погребения можно привести очень близкий по форме сосуд из погребения 42 этого могильника (Спицын, 1901. С. 62. Табл. 12. № 15).

Ориентировка нашего погребения также находит аналогии в Кошибеевском могильнике, в котором преобладают погребения,

ориентированные на восток и юго-восток (Белоцерковская, Ахмедов, 1996. С. 196, 197).

Таким образом, на территории стоянки «Мыс Доброй Надежды V» открыт грунтовый могильник, который по керамическому материалу, индивидуальным находкам

относится к памятникам круга рязано-окских могильников. Сходство его вещевого комплекса и обрядовых признаков с древностями Кошибеевского могильника позволяет говорить об их синхронности и датировать его во 2-й пол. IV – 1-й пол. V в.

Литература

- Ахмедов И. Р., 2007. Инвентарь мужских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). Москва. С. 137–185
- Белоцерковская И. В., Ахмедов И. Р., 1996. О кошибеевской культуре // РА. № 4. С. 192–200
- Вихляев В. И., 1977. Древняя мордва Посурья и Примокшанья. Саранск: МГУ им. Н. П. Огарева, 99 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология мордовских могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та. 352 с.
- Гришаков В. В., 2008. Хронология мордовских древностей III–IV вв. Верхнего Посурья и Примокшанья // Пензенский археологический сборник. Вып. 2. Пенза: ПИРО. С. 82–137.
- Поляков Ф. А., 2021. Стоянка «Мыс Доброй Надежды V» на территории Сасовского района Рязанской области (по материалам разведок 2020 года) // АП. Материалы научного семинара. Вып. 17. М.: Институт археологии РАН. С. 80–85.
- Румянцова О. С., 2007. Керамика центральной группы могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. (Раннеславянский мир. Вып. 9). Москва. С. 246–272
- Сорокин А. Н., 1989. Отчет об исследованиях в зонах строительства автодорог и раскопках стоянки Шильцева Заводь 5 в Рязанской обл. в 1989 г. / Архив ИА РАН Р-1 № 13786
- Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. № 25. Вып. 1. СПб. 150 с.
- Ставицкий В. В., Ставицкий А. В., 2015. Нагрудные украшения Кошибеевского могильника // История и археология. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://history.snauka.ru/2015/01/1358> (дата обращения: 13.09.2020).
- Челяпов В. П., 1986. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1986 г. / Архив ИА РАН Р-1 № 11310
- Шитов В. Н., 1976. Отчет об археологической разведке в Сасовском и Кадомском р-нах Рязанской области в 1976 г. / Архив ИА РАН Р-1 № 6156
- Шитов В. Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В. Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тыс. н. э. Вып. 93. Саранск, 1988. С. 4–43.

F. A. Polyakov

New Ryazan-Oka Burial Ground on the Right Bank of the Moksha River

Abstract. The article introduces into scientific circulation the materials of the new ground burial ground of the Ryazan-Oka circle, opened in the river basin. Moksha 6.5 km north of the famous Koshibeyevsky burial ground. The discovered burial according to the rite and things is synchronous with the Koshibeyevsky burial ground and dates back to the second half of the 4th – the first half of the 5th centuries.

Key words: burial ground, Ryazan-Oka tribes, funeral rite, Finno-Ugric monuments.

List of figures

Fig. 1. Chest plate. A random find

Fig. 2. Random finds

1 – bottle-shaped pendant; 2 – sulgama; 3 – fragment of a bracelet; 4 – neck ring

Fig. 3. Burial 1

1 – burial plan, 2 – burial vessel; а – stucco vessel; б – flint scraper No. 1; в – flint scraper No. 2; г – human tooth (first lower molar)

Сведения об авторах

Бейлекчи Валентин Владимирович

ООО НИАБ «Артефакт», г. Муром

Бейлекчи Владимир Викторович

ООО НИАБ «Артефакт», г. Муром

Зайцева Ирина Евгеньевна

ИА РАН, г. Москва

Зеленцова Ольга Викторовна

ИА РАН, г. Москва

Крыласова Наталья Борисовна

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь

Кузина Инна Николаевна

ИА РАН, г. Москва

Мамонова Анна Андреевна

Государственный исторический музей (ГИМ), г. Москва

Милованов Сергей Иванович

ИА РАН, г. Москва

Михайлова Елена Робертовна

СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Михеев Алексей Викторович

ИА РАН, г. Москва

Никитина Татьяна Багисhevна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

Подосёнова Юлия Александровна

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, г. Пермь

Поляков Федор Александрович

ИА РАН, г. Москва

Сафронов Павел Игоревич

ИА РАН, г. Москва

Смирнова Людмила Сергеевна

Государственный исторический музей (ГИМ), г. Москва

Соболев Владислав Юрьевич

СПбГУ, г. Санкт-Петербург

Холошин Павел Романович

ИА РАН, г. Москва

Сокращения

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли
АО	– Археологические открытия
АП	– Археология Подмосковья
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭМК	– Археология и этнография Марийского края
ГИМ	– Государственный исторический музей
ИАН ЭССР. ОН	– Известия Академии наук Эстонской ССР. Серия «Общественные науки»
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
МАР	– Материалы по археологии России
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МПСИ	– Московский психолого-социальный институт
ННЗИА	– Новгород и Новгородская земля. История и археология
НИС	– Новгородский исторический сборник
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Археология СССР. Свод археологических источников
СГАИМК	– Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
УрО	– Уральское отделение
ESA	– Eurasia septentrionalis antiqua
SMYA	– Suomen muinaismuistoyhdistyksen aikakausikirja

Научное издание

**Финно-угорские древности
второй половины I – начала II тысячелетия н. э.
Материалы научного семинара
«Подболотьевский могильник: 100 лет исследований»**

Корректоры: Н. В. Полякова, Л. М. Бабушкина

Верстка: В. Б. Степанов

Художники: А. В. Голикова, Л. С. Новикова

Подписано в печать 09.08.2021

Формат 60×84/8

Уч.-изд. л. 25,6

Тираж 300 экз. Заказ № 4679.

Институт археологии РАН

117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный,

д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202

+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-346-6

9 785943 753466